

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛАВКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Второй выпуск серии содержит статьи, посвященные решению теоретических проблем морфологии: проблем категории рода, именного и глагольного словоизменения и словообразования, категории определенности-неопределенности, типологии инфинитива, видо-временной проблематики и др. Анализируются вопросы грамматики Балканского языкового союза.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор филол. наук С.Б. Бернштейн (председатель),
 доктор филол. наук Е.И. Демина,
 канд. филол. наук Вяч. Вс. Иванов,
 доктор филол. наук Н.И. Толстой,
 канд. филол. наук Г.П. Клепикова (отв. секретарь)

Составитель и ответственный редактор выпуска

доктор филол. наук Е.И. Демина

Сборник "Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков" представляет собой второй выпуск осуществляемого Институтом славяноведения и балканистики АН СССР серийного издания с общим названием "Славянское и балканское языкознание"*.

Он задуман как особый вид коллективного труда, в котором усилия исследователей направлены на решение ряда теоретических проблем морфологии имени и глагола современных славянских и балканских языков и диалектов и в то же время не ограничены необходимостью выработки единого решения этих проблем. Это позволяет в рамках одной книги сконцентрировать представленные в современном языкознании точки зрения по таким сложным проблемам, как проблема категории рода, одушевленности-неодушевленности и разрядов пола существительных, проблематика именного и глагольного словоизменения и словообразования, в частности, ее морфонологический аспект, проблема категории определенности - неопределенности имен существительных и прилагательных, проблема типологии инфинитива и видо-временная проблематика, проблема адаптации лексических заимствований при гетерогенном билингвизме и др. Конкретная разработка данных вопросов ведется в русле теории типологических исследований и проблематики Балканского языкового союза, а также теории интерференции языков определенного географического ареала.

Публикуемые исследования содержат ценные результаты, дающие возможность значительно углубить наши представления о процессах языковой интерференции, славяно-балканских языковых отношениях, о ряде грамматических категорий (например, о категории членных форм, о категории рода), о морфонологических чередованиях и т.п. Поставленные проблемы рассматриваются применительно к современному синхронному срезу славянских и балканских языков (болгарского, новогреческого, польского, русского, сербоболужичского, сербохорватского, чешского, отчасти - албанского, македонского, румынского) с учетом данных их говоров. Это не только позволяет ввести в научный обиход новый лингвистический материал, сопоставимый в хронологическом плане, но и создает возможность комплексного подхода к решению важнейших вопросов грамматического строя каждого из этих языков.

* См. "Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов". М., 1975.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СТРУКТУРЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА

Изучение грамматической категории рода сталкивает исследователя с двумя проблемами. С одной стороны, эта категория характеризуется рядом совершенно специфических признаков, по которым она резко противопоставлена другим грамматическим категориям. Одновременно с этим неясны ее функции в языке, в связи с чем само существование категории рода воспринимается лишь как необязательное наследие прежних времен. Л. Ельмслев отмечает, что к категории рода в индоевропейских языках в наибольшей степени применима характеристика этой категории как одной из наименее логичных и наиболее непредвиденных¹. В настоящей статье делается попытка проследить, как связаны в категории рода основные принципы ее строения, специфические характеристики и те функции, которыми она в действительности наделена и которые не позволяют считать ее простым анахронизмом, в частности, в современных славянских языках.

К числу важнейших принципов, определяющих структуру грамматической категории рода, можно отнести следующие.

1. Грамматический род есть синтаксическая категория. Известно, что признаки: принадлежность к мужскому-женскому полу, одушевленность-неодушевленность, личность-неличность могут получать выражение на разных языковых уровнях - лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Но только синтаксические признаки придают этим оппозициям те черты, без которых категория не может считаться грамматической - обязательность выражения² и наличие собственного формального показателя³ (о специфике этого формального показателя у категории рода см. ниже).

¹ Л. Е л ь м с л е в. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. "Принципы типологического анализа языков различного строя". М., 1972, стр. 123.

² Об обязательности выражения как основном критерии грамматичности см. О.С.А х м а н о в а, Е.В.П а д у ч е в а, Р.М.Ф р у м к и н а, и др. О точных методах исследования языка, гл. III. М., 1961.

³ Ср. основной признак для выделения формальных категорий слов (т. е. грамматических), использованный А.М. П е ш -

Различия в согласовании дают возможность построить формальную процедуру для выделения категории рода⁴. Применяя эту процедуру к славянским языкам, мы пользовались понятием диагностического набора⁵. Диагностический набор - это та минимальная совокупность форм, в которой представлены все согласования данной системы. При этом мы можем учитывать только те согласования, которые представлены на сегменте "именная группа" (прилагательное + существительное), или расширить этот сегмент до простого предложения (включив глагольную группу: переходный глагол + прилагательное + существительное).

В первом случае в русском, украинском, сербском и словенском языках выделяется система из трех родов - мужского, женского и среднего (диагностическая форма - им. пад. ед. числа):

русск.	тихий	тихая	тихое
	мальчик	девочка	село
сербск.	mlâđī	mlâđā	mlâđō
	ōrač	žēna	dŕvo

В чешском языке выделяются четыре рода - мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский, средний (диагностический набор - им. пад. ед. числа + им. пад. мн. числа)

мужск. одуш.:	dobrŭ chlap, dobri chlapi
мужск. неодуш.:	dobrŭ hrad, dobré hrady
женск.:	dobrá žena, dobré ženy
средн.:	dobré město, dobrá města

(каждый род характеризуется свойственной только ему парой согласований).

В польском, верхнелужицком и словацком языках на сегменте "именная группа" также выделяется четыре рода, но в отличие от чешского мужской род расщепляется по признаку личности - неличности (диагностический набор тот же, что и в чешском):

лично-мужск.:	dobry syn, dobrzy synowie
нелично-мужск.:	dobry las, koń, dobre lasy, konie
женск.:	dobra córka
средн.:	dobre вело

ковским. - А.М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, гл. II. М., 1938.

⁴ А.А.З а л и з н я к. Категории рода и одушевленности в русском языке. - ВЯ, 1964, № 4.

⁵ О.Г.К а р п и н с к а я. Типология рода в славянских языках. - ВЯ, 1964, № 6, стр. 62.

Если же включить в рассмотрение глагольную группу, то системы родов будут иными: в чешском, сербском и словенском языках на этом фрагменте функционирует система из четырех родов – мужского одушевленного, мужского неодушевленного, женского и среднего, в русском и украинском мужской, женский и средний роды расщепляются по признаку одушевленности–неодушевленности (диагностический набор – им. пад. ед. числа + вин. пад. мн. числа):

мужск.одуш.: тихий мальчик, тихих мальчиков
мужск.неодуш.: тихий дом, тихие дома
женск.одуш.: тихая девочка, тихих девочек
женск.неодуш.: тихая река, тихие реки
средн.одуш.: тихое животное, тихих животных
средн.неодуш.: тихое село, тихие села

Особенно интересна ситуация в верхнелужицком, польском и словацком языках, где только по сочетанию согласований (то есть без специфических, свойственных лишь данному роду согласовательных форм) выделяется нелично–мужской одушевленный ("животный") род. Диагностический набор состоит из двух форм: вин.пад.ед. числа + им. пад. мн. числа:

польск. лично–мужск.: *dobrego wyna, dobrzy synowie*
 нелично–мужск.одуш.: *dobrego konia, dobre konie*
 мужск.неодуш.: *dobry las, dobre lasy*
 женск.: *dobre córki, dobre córki*
 средн.: *dobre selo, dobre sela*

Разные системы родов, функционирующие на сегментах "именная группа" и "простое предложение", сосуществуют в каждом из славянских языков: первая из них используется при порождении предложений без переходного глагола, вторая включается в порождение при появлении переходного глагола.

Применяя синтаксический критерий, мы выделяем в славянских языках наряду с привычными мужским, женским и средним родом такие роды, как мужской одушевленный, мужской неодушевленный, лично–мужской, нелично–мужской, нелично–мужской одушевленный. Таким образом, вскрывается принципиальная близость собственно категории рода и категорий личности–неличности и одушевленности–неодушевленности, которые обычно рассматриваются как самостоятельные и не зависящие от категории рода в узком понимании. На синтаксическом уровне все эти три категории объединяются в одну систему (что не исключает различий между ними на других уровнях)⁶.

⁶ О структурной характеристике грамматических родов, включая личные и одушевленные, и типологической классификации славянских

2. Грамматический род есть суперкатегория. Это означает, что в отличие от таких, например, категорий, как вид, время или наклонение, категория рода связана больше чем с одной частью речи⁷. В суперкатегорию рода входят две простые категории: род существительного и род прилагательного, причем между ними имеется отношение интердепенденции. Это отношение проявляется и в плане содержания, и в плане выражения двух категорий и соответственно отражается в способе их выделения. Каждая из этих категорий, взятая по отдельности, имеет дефектный характер: род существительного передает семантические родовые оппозиции, однако мы не можем произвести выделение родов, опираясь только на морфологические показатели рода в существительном. Дефектность рода у прилагательных обратна той, которая представлена в существительном: в прилагательном легко выделяется элементный (присутствующий в словоформе) морфологический показатель, но отсутствует другое значение, кроме указания на зависимость от существительного (только при субстантивации у прилагательных возникает собственно родовое значение). Лишь взятые вместе, эти две категории образуют ту минимальную структуру, которая обладает самодостаточностью и в плане выражения, и в плане содержания.

3. Род существительного есть классифицирующая категория, то есть она относится не к словоформе, а к слову (напомним, что при выделении родовых систем в славянских языках мы рассматривали не какое-то одно согласование, а учитывали согласовательные различия по всей парадигме). С классифицирующим характером категории рода связана передача постоянных признаков объектов (пол, личность, одушевленность) – в отличие от значений словоизменительных категорий (например, падежных, временных, по которым объект или действие могут получать более чем одну характеристику). По признаку соотносительности с полом наблюдается лишь частичная противопоставленность: в классы имен мужского и женского родов, наряду с названиями существ мужского и женского пола, составляющих семантическое ядро этих двух родов, входят названия неодушевленных объектов. Этот принцип частичной противопоставленности, или партиципации, непосредственно связан с использованием характеристики имени по роду при его идентификации в последовательности предложений⁸.

языков по категории рода см.: О.Г.К а р п и н с к а я, Указ. соч.

⁷ О понятии суперкатегории см. подробнее: О.Г. Р е в з и н а. Общая теория грамматических категорий. М., 1973, стр.5–10.

⁸ О действии принципа партиципации в категории рода см. подробнее: О.Г. Р е в з и н а. Указ. соч., стр. 29–38.

Таковы важнейшие признаки, определяющие строение грамматической категории рода.

В славянских языках согласование по роду происходит, как известно, не только с прилагательными, но и с некоторыми разрядами местоимений, числительными, глаголом. Все эти части речи образуют вместе с прилагательными – класс определяющих суперкатегории рода и противопоставлены классу определяемых – имени существительному. В дальнейшем мы рассмотрим подробнее, в чем проявляется "дефектность" рода в классе определяемых (специфический морфологический показатель) и в классе определяющих (специфическое значение, и прежде всего значение рода у прилагательных) и попытаемся показать, в чем состоит назначение этой "дефектности".

* * *

По синтаксическому критерию в славянских языках выделяется единая категория, в которой признаки личности и одушевленности действуют наряду с признаком соотнесенности по полу. Однако на морфологическом уровне мужской, женский и средний роды резко противостоят личным и одушевленным⁹. В классе определяемых – имени существительном – преимущественное отражение получают первые три рода. К особенностям их морфологического выражения мы и обратимся.

Показателем мужского, женского и среднего родов в существительном выступает морфологический исход имени. Этот показатель нельзя выделить, сопоставив непосредственно слова разных родов. Его действие неавтоматично: мы не можем произвольно добавить к основе какой-то из морфологических исходов, чтобы получить слово нужного рода.

Такова специфика показателя именно классифицирующей категории, по которой противопоставлены целые слова, а не словоформы. Данные признаки резко отличают морфологический показатель рода в существительном от грамматических морфем словоизменительных категорий.

Естественно, что опираясь на показатель рода в существительном, нельзя построить формальную процедуру для разбиения имен по родам. Здесь невозможно выявить те два ряда, которые А.М.Пешковский считал необходимыми для выделения форм слов и которые легко определяются для всякой словоизменительной категории: вертикальный ряд (та же основа с другими формальными частями) и горизонтальный

⁹ О выражении личности и одушевленности на морфологическом уровне см. подробно: И. Е л ь м с л е в. Указ. соч.

(та же формальная часть с другими основами), ср. стекл-о, окн-о, весл-о – стекл-а, стекл-янный, стекл-яшка и т.д.¹⁰

Хотя морфологический исход существительного не имеет выделительной силы, различающая его сила очень велика: в современных славянских языках мы в большинстве случаев можем определить род существительного непосредственно по его окончанию, не обращаясь к согласованию (см. ниже). Возникает вопрос, какова же функция этого показателя в суперкатегории рода: идет ли речь о простом дублировании информации, содержащейся и в согласовании, и в морфологическом исходе имени, или же показатель рода в существительном имеет какие-то свои, только ему одному присущие функции, делающие его столь же обязательным элементом родовой системы, как и согласование?

Укажем прежде всего, что формирование морфологических показателей рода в существительном не есть явление позднейшего времени; оно относится к наиболее ранним стадиям функционирования индоевропейского рода. К.Бругман¹¹ дал следующее объяснение появлению у индоевропейских суффиксов -a, -ie, -i значения принадлежности к женскому полу. Для индоевропейских суффиксов было характерно, что независимо от первоначального этимологического значения, они могли принимать на себя какой-то элемент значения коренной части слова, и, становясь затем продуктивными, переносить эту приобретенную ими функцию во вновь образуемые слова. Итак, формирование особого показателя рода в существительном связывается со специфической значения этой категории. Это, как нам кажется, позволяет понять и его функцию в системе.

Для большинства грамматических категорий легко осуществить переход от значения к средству выражения и обратно, поскольку признак, присущий данному члену грамматической категории, присутствует во всем множестве слов, имеющих соответствующий показатель (например, значение прошедшего времени присутствует в принципе во всякой глагольной форме, где стоит показатель прошедшего времени, значение дательного падежа – во всех словоформах с формантом этого падежа и т.д.). Отметим, что этим же свойством наделены личные и одушевленные роды, поэтому в большинстве случаев по значению

¹⁰ А.М.П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 45.

¹¹ К. В р у г м а н н. Das Nominalgeschlecht in den indogermanischen Sprachen. "Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft", IV, 1, 1889. Обсуждение гипотезы К.Бругмана см. А.А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, тл. III. М., 1968.

можно определить согласование, а по согласованию — значение, и никакой добавочный показатель здесь, вообще говоря, не нужен. Но совершенно иначе, по принципу частичной противопоставленности, действует признак принадлежности к мужскому — женскому полу: названия неодушевленных объектов могут входить и в мужской, и в женский род, а названия одушевленных — в средний. Таким образом, оказывается разорванной связь между значением и основным средством выражения рода — согласованием: род, вообще говоря, определяется по согласованию, но чтобы правильно согласовывать (такая задача встает, например, перед изучающим язык) надо знать род имени еще до согласования. Должно быть, следовательно, еще одно звено в цепи, которое позволило бы определить с высокой степенью вероятности согласование, без обращения к критерию значения.

В этих условиях возможны два выхода: либо принадлежность к роду предстает как словарная, т.е. индивидуальная лексическая характеристика каждого имени, либо появляется еще один, добавочный показатель рода — сама звуковая форма слова сигнализирует о том, как правильно выбрать согласование. Второй путь избавляет носителя языка от огромных перегрузок памяти, и именно в этом направлении развивались индоевропейские и, в частности, славянские языки.

В истории славянских языков наблюдается отчетливое стремление повысить различающую силу морфологических показателей рода у существительного, сократив степень их неоднозначности. Это отражается в последовательно проявляющейся тенденции к объединению разбиения имен по типам склонения с родовым разбиением. П.С.Кузнецов относит к одному из важнейших изменений индоевропейского склонения в общеславянском языке "все дальше идущее подчинение подразделения по типам склонения (которое вообще, несмотря на различные преобразования, сохраняется) подразделению по родам, которое вообще восходит еще к общеиндоевропейской эпохе"¹². Конкретными проявлениями этого процесса являются вытеснение среднего и мужского родов из склонения на *-i*, среднего и женского — из склонения на *-ǐ*, противопоставление во всех склонениях в творительном падеже единственного числа мужского и среднего родов (окончание *-mь*) женскому — *-jǝ* и др.¹³ В историческое время склонение существительных начинает определяться их грамматическим родом, что явилось следствием хорошо известных преобразований: объединения существительных женского рода с основой на согласный и с основой на *-ǐ*

¹² П.С.Кузнецов. Развитие индоевропейского склонения в индоевропейском языке. М., 1958, стр. 39.

¹³ Там же, стр. 44-45.

с существительными с основой на *-i*, объединения существительных мужского и среднего родов всех основ вокруг твердого и мягкого вариантов основ на *-ǐ*¹⁴.

Указанная тенденция действует и в современных славянских языках. Мы сделали попытку произвести разбиение имен по родам, основываясь только на морфологических исходах имен существительных¹⁵. Среди этих исходов выделяются абсолютно однозначные, двузначные и трехзначные. В число однозначных входят, наряду с такими окончаниями, которые свойственны малочисленным группам имен (например, *-ę* для среднего рода в польском, *-ǎ* для того же рода в словацком), такие исходы, которые покрывают значительный объем существительных данного рода (например, исходы на твердый согласный для мужского рода в русском языке). Если морфологический исход двузначен или трехзначен, он обычно является "сильным" для какого-то одного рода, то есть в большинстве случаев присутствует в словах именно данного рода, и "слабым" для другого (или для других). Так, в сербском языке трехзначный исход на *-o* является "сильным" для среднего рода (*vělo*) и "слабым" для мужского и женского (*mlavo, rovo*). В таких двузначных исходах, как основы на *-a*, исходы на *-o*, *-e*, группа имен того рода, для которого данное окончание не является сильным, представляет в действительности семантически единую группу имен, род которых легко узнается по семантическому признаку. Так, среди имен на *-a* определенную часть составляют имена "естественного" мужского рода (ср. *слуга, староста*), которые, кстати говоря, в ряде славянских языков — чешском, словенском, словацком отмежевываются от имен на *-a* женского рода и в склонении — полностью или в ряде форм ср. чешск. *sluha* — дат. — местн. пад. ед. числа, *sluhovi*, им. множ. *sluhovè*, словацк. *hrdina, gazda* — род. ед. *hrdinu, gazdu*). Другая группа имен на *-a*, которая делает исход на *-a* неоднозначным, это имена "скрещенного" согласовательного класса, по терминологии А.А.Зализняка, или общего рода (ср. *лакомка, жапога, злюка*), род которых опять-таки легко определяется по семантическому признаку (в зависимости от соединения с конкретным денотатом). Неоднозначность исходов на *-o*, *-e*, "сильных" для среднего рода, возникает в ряде славянских языков за счет гипокристических имен (ср. польск. *wujcio*), а также благодаря присоединению к именам мужского рода некоторых суффиксов эмоциональной оценки, например, русск. *-ишко*, *-енко*, *-ище*. Одна-

¹⁴ Р.Нахтигал. Славянские языки. М., 1963, стр. 232-239.

¹⁵ О.Г.Карпинская. Методы типологического описания славянских родовых систем. "Лингвистические исследования по общей и славянской типологии". М., 1966, стр. 101-116.

ко в славянских языках род слова имеет тенденцию к сохранению не только в пределах парадигмы, но и в окрестности, поэтому при соединении суффиксов, не меняющих соотношенность с денотатом, производное имя обычно может согласовываться по тому роду, к которому относилось производящее слово, ср. русск. БОЛЬШОЙ ДОМ – БОЛЬШОЙ ДОМИЩЕ и т.д.)¹⁶.

Таким образом, высокой различающей способностью обладают не только однозначные, но и двузначные, а в отдельных случаях и трехзначные морфологические исходы. Показательны данные И.П.Мучника, исследовавшего объем существительных с двузначным согласным исходом (на мягкий согласный) в русском языке¹⁷. Отбросив те из них, которые содержат суффикс -ость как показатель женского рода и суффикс -тель как показатель мужского рода, И.П. Мучник выделил 660 слов "с действительно неопределенным с точки зрения рода морфологическим обликом, из них 400 относится к женскому роду, 260 – к мужскому ... рассматриваемая нами группа существительных с недифференцированным морфологическим обликом в номинативе составляет несколько меньше двух процентов"¹⁸.

Морфологический исход имени выступает главным формальным признаком рода при заимствованиях. В первую очередь это относится к названиям неодушевленных объектов и действий. При этом одно и то же слово может некоторое время выступать в системе с морфологическими показателями двух родов (ср. в языке начала XIX в. амальгам-амальгама, анализ-анализа, бакенбард-бакенбарда, мозаик-мозаика, ср. в современном языке компонент-компонента). Такие явления временны в системе и самой же системой изживаются. И.П.Мучник выделил по словарю Д.Н.Ушакова всего 65 слов с неустойчивой родовой формой, причем многие из них являются диалектными или устаревшими.

¹⁶ Отметим, что вообще в согласовании таких производных имен в славянских языках нет устойчивости. С.П.Обнорский (С.П.Обнорский (С.П.Обнорский) с к и й. Именное склонение в современном русском литературном языке, вып. 1. Л., 1927, стр. 29–30) отмечает, что согласование по роду производящего слова есть явление позднейшего времени и приводит рекомендацию грамматики А.Барсова (изд. 1780 г.) говорить большое столице, толстое ручище. В современном словацком языке, например, возможность двойного согласования сохраняется, ср. *velký chlapčisko-velké chlapčisko* (см. А.В.Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч.1. Братислава, 1954, стр. 84).

¹⁷ И.П.Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. М., 1963.

¹⁸ И.П.Мучник. Указ. соч., стр. 48.

Произведенное И.П.Мучником сопоставление этого списка с тем, который был составлен В.И.Чернышевым¹⁹ для начала XIX в., показало, что большинство слов из списка В.И.Чернышева (ср. авантюра-авантюра, атом-атома, бисквит-бисквита, каскад-каскада и др.) – в современных словарях даны в одной родовой форме. В тех случаях, когда имя заимствуется только в одной форме, но тот морфологический исход, который в нем представлен, является в родовой системе заимствующего языка неоднозначным, возможны колебания в роде и перемена принадлежности к роду. Например, изменили свой род по сравнению с первой половиной XIX в. слова виолончель, вуаль, госпиталь, дуэль, профиль, рояль²⁰. В современном русском языке исходы на мягкий согласный, в том числе на ль, рь, нь, также неоднозначны. Заимствования и новообразования, оканчивающиеся на эти исходы, у разных носителей языка получают несовпадающую родовую характеристику (ср. шампунь, персоль, пемоксоль – хороший / хорошая, ср. объявление в магазине: Форель свежий). Пока что нельзя сказать, какой из двух родов – мужской или женский – используется в таких случаях чаще. Это соответствует тому факту, что в современном русском языке исходы на ль, рь, нь присущи мужскому и женскому примерно в одинаковой степени²¹, то есть не являются "сильными" для одного из этих родов и "слабыми" для другого.

Изменение морфологического исхода под влиянием разных фонетических процессов также существенно влияет на разбиение имен по родам. Так, по мнению С.П.Обнорского, существующая в некоторых южновеликорусских говорах тенденция к поглощению среднего рода женским объясняется тем, что "на почве аканья всякое существительное среднего рода с ненаконечным ударением произносится одинаково с существительными женского рода, т.е. на -а. Таким образом, создались фонетические условия для смешения и полного перехода указанной категории слов среднего рода в категорию имен женского рода.

Так началось разрушение самой категории среднего рода²².

¹⁹ И.И.Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 2, СПб., 1915.

²⁰ Л.А.Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 85–91.

²¹ Ср. Списки слов на эти исходы, приводимые А.А.Зализняком (А.А.Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 143–144).

²² С.П.Обнорский. Именное склонение в современном русском литературном языке, вып. 1. Л., 1927.

Высокой различающей способностью наделены морфологические исходы существительного и в других индоевропейских языках, имеющих род. Разработан алгоритм определения рода в испанском и французском языках по окончаниям существительных²³. В испанском языке по этому алгоритму можно определить род для 97–98% существительных, во французском – для 85–92%. Эти данные наглядно показывают, сколь велика роль морфологического исхода в системах, где действует признак соотнесенности с полом (во французском и испанском языках выделяются только мужской и женский роды – остальные семантические родовые признаки в них не представлены).

Итак, функция морфологического исхода существительного – служить опознавательным знаком родовой принадлежности в системе, где значения рода десемантизованы для названий неодушевленных объектов и невозможен непосредственный переход от значения к основному показателю категории рода – согласованию. Как мы видели, в славянских языках постоянно действует тенденция повысить различающую силу морфологических исходов. Почему же показатели рода в существительном, взятые в целом, никогда не бывают абсолютно однозначными? Объяснение этого, как представляется, следует искать в открытом характере лексической системы языка, в которой неологизмы существуют рядом с архаизмами, происходит процесс освоения заимствованных слов и т.д. Известная степень свободы делает возможным включение в лексику таких слов, абсолютные исходы которых не совпадают ни с одним из морфологических показателей родов, представленных в языке (ср., например, в русском языке такие слова, как кенгуру, жюри и т.д.). Кроме того, в случае конфликта между значением слова и значимостью его морфологического показателя с точки зрения заимствующего языка (пример – заимствованное слово обозначает лицо женского пола и имеет абсолютный исход, характерный для большинства имен мужского рода), этот конфликт всегда может разрешаться с отдачей предпочтения семантике имени. В дальнейшем происходит ассимиляция неологизмов (часто с фонетическим переформлированием в соответствии с системой морфологических показателей данного языка) и полное включение их в систему, что не всегда было бы осуществимо при требовании абсолютной однозначности морфологических показателей.

Таким образом, основная особенность морфологического выражения мужского, женского и среднего родов в существительном состоит в следующем: совокупность показателей этих родов – морфологических исходов не бывает абсолютно однозначной, хотя постоянно действует тенденция сократить меру их неоднозначности.

Мы проследили связь между значением категории рода в существительном (принцип партиципации) и ее морфологическим показателем и установили, в чем состоит функция этого показателя в структуре суперкатегории.

Обратимся теперь к классу определяющих.

* * *

Основное отличие категории рода в классе определяющих от выражения рода в существительном состоит в том, что род прилагательного, глагола, количественных числительных суть словоизменительные категории. То, что они могут быть только словоизменительными, выводится дедуктивно из самого понятия суперкатегории. Дело в том, что суперкатегория может состоять из двух словоизменительных (например, падеж и число в существительном и прилагательном), но во всякую суперкатегорию может входить только одна простая классифицирующая категория²⁴. Поскольку такая категория – ею является род существительного – не содержит элементного показателя, по которому можно было бы произвести ее выделение – такой показатель обязательно должен присутствовать во второй из категорий, входящих в суперкатегорию, то есть эта вторая простая категория должна быть словоизменительной. Отметим далее, что если в суперкатегорию входит классифицирующая категория, она обязательно присутствует в управляющем, но не в управляемом члене синтагмы. Действительно, если в управляющем члене присутствует словоизменительная категория, она выделяется по собственным формальным показателям, и обращение к управляемым членам является ненужным (ср. категории времени, вида, наклонения в глаголе). Если же имеется какое-то классификационное разделение в классе слов, занимающих позицию управляемого члена, то оно выявляется через формальные признаки того же самого класса слов (например, разделение качественных и относительных прилагательных через образование степеней сравнения), через его сочетаемостные свойства, но трудно найти суперкатегорию, где в управляемом члене присутствовала бы классифицирующая категория, которая выделялась бы по показателю в управляющем члене. Очевидно, общая тенденция описания отражает в данном случае какие-то очень глубокие закономерности семантических связей "слуг" и "хозяев" и в частности, тот факт, что "слуги" могут при определенных условиях передавать ту семантику, которая присуща "хозяевам" (в частности, когда "слуги" занимают синтаксическую позицию "хозяев", напри-

²³ "Вопросы статистики речи". Л., 1958, стр. 112–130.

²⁴ О разных видах суперкатегорий см. О.Т.Р е в з и н а. Общая теория грамматических категорий. "Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков". М., 1973.

мер, прилагательные при субстантивации, см. ниже), но обратного не происходит.

Морфологические показатели рода в прилагательном (составляющем основной подкласс класса определяемых, см. ниже) позволяют построить формальную процедуру для разбиения по родам имен существительных и обеспечивают ей ту меру грамматичности, которую не могут ей дать морфологические исходы существительных. Сами эти показатели легко выделяются через построение горизонтального и вертикального рядов (для основы и для окончания), которые рассматривал А.М.Пешковский. Флексии прилагательных в славянских языках отличаются морфологической прозрачностью и бедностью. Характерно, что В.В.Виноградов связывал это свойство окончаний у прилагательного именно с функцией этих окончаний, называя их "чистыми формами синтаксических отношений, не отмеченных вещественным лексическим содержанием"²⁵ (Отметим, что в числительном и в глаголе выражение рода еще более упрощено: каждому из родов соответствует только одно окончание, причем в глаголе и в числительном "один" показатели рода по звуковому облику совпадают с морфологическими исходами существительных: стол, река, окно – один, одна, одно, – лежал, лежала, лежало). Система склонения у прилагательных унифицирована, что особенно бросается в глаза в сравнении со сложной системой склонения имен существительных, в которой, наряду с типами, охватываемыми большим числом имен, выделяются "исключения", то есть индивидуальные парадигмы, присущие одному или нескольким существительным. Типы склонений у прилагательных не зависят от различий словообразовательных суффиксов, не связаны с ними. "В сущности у прилагательных жив только один тип склонения с его "твердым" и "мягким" вариантами"²⁶.

Как известно, местоименные прилагательные образовались уже на общеславянской почве в результате присоединения к именной форме указательного местоимения *и* (*ъ*). В дальнейшем в истории русского языка местоименные прилагательные в своем склонении подверглись сильному влиянию со стороны указательных местоимений²⁷. Это способствовало унификации склонения разных подклассов, входящих в класс определяющих родовой системы. В сфере существительного, как указывалось, также происходило сближение разных типов склонения имен, относящихся к одному роду.

²⁵ В.В.Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове, вып. II. М., 1938.

²⁶ Там же, стр. 174.

²⁷ В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. стр. 227.

Действие этого процесса в классе определяющих особенно интересно потому, что в нем сближаются по морфологическим показателям разряды слов, относящиеся к разным частям речи. Здесь ясно видно, что категория рода действует как суперкатегория, распространяющая свое действие более чем на одну часть речи. На это же указывает и аналогичность процессов, происходивших в классе определяющих и классе определяемых, которые привели в конечном счете к повышению устойчивости системы родов в структуре русского и других славянских языков.

Итак, в суперкатегории рода простые словоизменительные категории, и в первую очередь род прилагательного, формируют в плане выражения ту систему жестких, прочных и регулярно выражаемых формальных признаков, которые, по определению Ж.Кантино, составляют "исходный пункт" или ядро грамматической категории²⁸. Однако главный вопрос, который представляет интерес в связи с выражением рода в классе определяющих – это вопрос о семантике соответствующих словоизменительных категорий. Та "дефектность" категории, которая у существительного представлена в плане выражения, наличествует у категории рода в прилагательном, числительном и в меньшей степени глаголе в плане содержания. Эти категории обычно рассматриваются как пустые, лишённые какого-либо собственного значения. Такой взгляд требует специального обоснования: ведь грамматические категории существуют не только в тексте, это парадигматически противопоставленные элементы языковой структуры, и они принимают участие в формировании более общих значений тех частей речи, которым они принадлежат. Следовательно, недостаточно предположить, что род прилагательного приобретает значение только в тексте, в сочетании с существительным: он должен иметь собственное, внетекстовое значение. В чем же именно состоит "дефектность" значения категории рода в классе определяющих и какова функция этой "дефектности" в суперкатегории рода?

В значении всякой грамматической категории мы выделяем лексический компонент – отношение знака к денотату, т.е. отражение явлений и признаков окружающей действительности, и синтаксический – отношение знака к знаку, т.е. отражение отношений между словами, возникающих в языковой цепи²⁹. При этом мы считаем, что во всякой грамматической категории выделяются оба компонента, но по пре-

²⁸ Ж.П.Кантино. Сигнификативные оппозиции. "Принципы типологического анализа языков различного строя". М., 1972, стр. 90.

²⁹ Подробнее об этом см. О.Г.Резина. Общая теория грамматических категорий.

обладанию лексического или синтаксического компонентов категории делются на преимущественно лексические и преимущественно синтаксические.

Категория рода в существительном является преимущественно лексической. Основное в ее значении – это передача объективно существующего во внеязыковой действительности разделения объектов по признакам одушевленности и пола. Напротив, род в прилагательном – и других частях речи из класса определяющих – преимущественно синтаксическая категория. Основное в значении этих категорий – сигнализация о зависимом положении в синтагме и о возможности присоединиться для каждого отдельного члена категории не ко всему множеству существительных, но лишь к определенному классу их, наделенному определенным семантическим родовым признаком.

Таким образом, как будто восстанавливается та минимальная законченность, самодостаточность словоизменительной категории рода, которая объясняет, каким образом слово, являющееся носителем данной категории, может восприниматься как нечто самостоятельное и вне связи с текстом, в качестве элемента словаря. Мы можем пойти еще дальше и приписать роду прилагательного потенциальное лексическое значение, совпадающее со значением той же категории у существительного и проявляющееся, в частности, когда в существительном представлено нерасчлененное значение лица, как, например, в словах общего рода (ср. такой лакомка – такая лакомка) или в существительных с морфологическим значением мужского рода (ср. управдом сказал – управдом сказала). Выявление преимущественно синтаксического характера категорий рода в управляемых словах позволяет понять и функцию рода в простом предложении: служить средством организации синтаксических связей в атрибутивной и предикативной синтагмах.

Возникает, однако, следующий вопрос: для выражения зависимости между определяющим и определяемым, субъектом и предикатом, вообще говоря, вовсе не обязателен тот сложный согласовательный аппарат, который продуцируется суперкатегорией рода. В таких сочетаниях, как художник-баталист, самолет-истребитель, врач-косметолог, мы ясно ощущаем отношение определяющее – определяемое при отсутствии согласовательной связи. Изменения по роду в глаголе выражены только в прошедшем времени, родовые различия в числительных также очень ограничены (см. ниже). Необязательность этой функции рода доказывается и тем, что род вообще является принадлежностью сравнительно небольшого числа языков (индоевропейские, семитские), причем есть языки, где род был утрачен, как, например, английский, но нет таких языков, где возникновение категории рода с присущим ей принципом партиципации не относилось бы к древ-

нейшим эпохам существования языка³⁰. Что же касается субъектно-предикатных и определительных связей, то они, разумеется, представлены и в тех языках, где нет ни рода, ни таких согласовательных категорий, как падеж или число.

Категория рода имеет, кроме названной, еще одну функцию – служить средством идентификации одного и того же объекта в последовательности предложений (Дом стоял на горе. Он опирался на нее. Она его оберегала), причем с выполнением этой функции непосредственно связаны две особенности семантических оппозиций категории рода: передача постоянных, внетекстовых признаков объекта, благодаря чему они и могут быть использованы при отождествлении имени и его субститутов, и партиципативное разделение по родам, которое разводит названия неодушевленных объектов по разным родам и таким образом создает дополнительные возможности для их идентификации в тексте (ср. Осень в лесу наступает внезапно. Она приходит в него как в свою вотчину, где одновременная замена местоимениями двух неодушевленных имен возможна именно благодаря их принадлежности к разным родам)³¹. Идентифицирующая функция отчасти дает ключ к пониманию того, каково может быть назначение потенциальной насыщенности рода прилагательного значениями рода в существительном (возможность замещения управляющего слова управляемым, ср. серый зац → серый), однако, где именно реализуется полностью такая возможность, остается неясным, так как замены существительных в тексте осуществляются прежде всего за счет местоимений.

Присмотримся внимательнее к семантике тех частей речи, которые входят в класс определяющих. Выше мы пытались логически обосновать, почему в класс определяющих в категории рода не может входить классифицирующая категория. Такие примеры, как врач-косметолог, языковед-славист, станок-автомат, показывают, в чем состоит семантический запрет на значение тех частей речи, в которых род является словоизменительной категорией: в нем не должно содержаться вторичного значения того денотата, который обозначен именем существительным.

Основное значение прилагательного – это, как хорошо известно, указание на признак объекта, то есть на нечто, уже предполагающее существование самого объекта. Таким образом, прилагательное всегда несет новую информацию по отношению к названию денотата, что

³⁰ См. Л. Е л ь м с л е в. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. "Принципы типологического анализа языков различного строя". М., 1972.

³¹ Об идентифицирующей функции рода см. подробнее: О. Г. Р е в з и н а, Указ. соч., стр. 31-35.

оправдывает определение прилагательного как скрытого предиката (напомним, что в порождающих грамматиках прилагательное не входит в глубинную структуру предложения)³². Далее, прилагательное обозначает признак "как данный в предмете, находящийся в нем", по определению А.А.Потебни³³. Это значение признака, "заложенного в природе предмета" (по выражению А.М.Нешковского), многие авторы связывают непосредственно с аффиксами прилагательного и таким образом включают его в лексический компонент присущих прилагательному словоизменительных категорий и, в частности, категории рода³⁴. Между определяющим и определяемым устанавливается отношение присущности, которое Ш.Балли определяет "как теснейшее взаимопроникновение обоих членов"³⁵. И здесь мы подходим к главному пункту наших рассуждений. Род существительного есть его постоянная характеристика, и с ней более всего связано значение предметности, присущее существительному как части речи. Признак денотата, обозначенный прилагательным в соединении с главным грамматическим признаком существительного – родовой принадлежностью, – приобретает при самостоятельном употреблении, без существительного, статус вторичного, временного названия для того же самого объекта. Такая возможность создается именно благодаря категории рода, о чем свидетельствует, в частности, весьма незначительная способность прилагательных к самостоятельному употреблению в таких языках, где нет рода (ср. конструкцию со сравнительной степенью: Красный карандаш длиннее, чем черный – The red pencil is longer than the black one, в английском языке добавляется слово one. В отдельных случаях употребления прилагательного без существительного та функция, которая в русском языке возлагает на категорию рода, в английском передается артиклем, ср. the rich 'богатые', the poor 'бедные'³⁶.

Функционирование категории рода открывает в языке, таким образом, постоянную возможность временных обозначений денотата путем указания на связанный с ним признак. Эта возможность очень широко используется в речи, где постоянны эллиптические конструкции, ког-

³² Е.В.Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, гл. V.

³³ А.А.Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958, стр. 94.

³⁴ См. например, В.В.Виноградов. Русский язык. М., 1938, стр. 175-177.

³⁵ Ш.Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 121.

³⁶ А.И.Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 152-153.

да прилагательное употреблено без существительного. Функции таких эллиптических употреблений разнообразны. В одних случаях прилагательное содержит местоименное указание на предмет (ср. пример А.И.Смирницкого: Дай мне карандаш. Не этот, зеленый), в других передает какую-то новую информацию о нем (Ты взяла купальник? Да, черный), в-третьих служит опознавательным знаком лица или предмета в связном тексте (Бородатый вскрикнул, плюгавый упал). При этом в целом ряде конструкций только эллиптическое употребление считается правильным (ср. ситуацию вопроса – ответа, конструкцию со сравнительной степенью и др.).

Эллиптическое употребление прилагательных служит основой семантического стяжения (ср. примеры из русской разговорной речи: Я на больничном. Сегодня я иду к зубному. У нас ни одной десертной и т.д.)³⁷, которое в своем пределе приводит к субстантивации прилагательных, причем признаком субстантивации является переход словоизменительной категории рода в классифицирующую (ср. операционная, курительная) и возможность присоединения определения, которое в свою очередь может употребляться эллиптически (ср. в случае, когда в больнице большая и малая операционные: Главный в большой? Нет, в малой). Таким образом, функции категории рода связаны не только с грамматическим и синтаксическим уровнями, но и со словообразовательным (субстантивация представляет продуктивный способ словопроизводства существительных в славянских языках³⁸, эллиптическое употребление прилагательных приводит также к образованию новых слов путем аффиксальной деривации, ср. вечерка, стуженка, тушенка и т.д.)³⁹.

В свете сказанного, мы не можем более видеть в категории рода простой пережиток прошлого, логически бессмысленное и ничему не служащее разбиение существительных на классы. Напротив, как мы пытались показать на примере русского языка, ей свойственно очень глубокое "прорастание" в языковую ткань, и все "загадки" этой категории – специфика морфологического показателя у рода существительных, семантическая произвольность в разбиении имен по родам, наконец, отсутствие собственного значения у рода прилагательных – объясняются в соотношении с теми функциями, которые категория рода выполняет в языке, причем для выполнения этих функций именно специфические особенности категории рода оказываются необходимыми

³⁷ "Русская разговорная речь". М., 1973, стр. 416.

³⁸ В.В.Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. "Русский язык. Грамматические исследования". М., 1967.

³⁹ "Русская разговорная речь", стр. 408.

Так, морфологический показатель рода в существительном необходим, поскольку распределение существительных по родам семантически произвольно, но он не является абсолютно однозначным, так как это свойство препятствовало бы расширению лексического состава языка за счет заимствований и неологизмов с "неканоническим" формальным исходом. Семантическая произвольность в распределении существительных по родам позволяет достичь относительной "равнообъемности" трех родов и повышает различительные возможности категории рода при выполнении ею идентифицирующей функции. Семантическая "пустота" рода в прилагательном делает возможным создание временных обозначений денотата через указание на его признак, которые широко используются и при построении текста и как способ производства новых словарных номинаций.

Охарактеризуем теперь кратко особенности категории рода в других подклассах класса определяющих – количественных числительных и глаголе. Отметим прежде всего, что в классе определяющих можно наметить определенную иерархию, определяемую самой способностью частей речи входить в этот класс (зависящую от их семантики) и степенью выраженности в них родовых различий. Из сказанного выше достаточно ясно, что основным подклассом в классе определяющих выступают прилагательные.

В значении прилагательных содержится чистое указание на признак, и именно это свойство делает их наиболее пригодными для выполнения тех функций, которые возлагаются на словоизменительную категорию рода в классе определяющих. В славянских языках выделение родов производится в первую очередь с учетом тех согласований, которые представлены в прилагательном. Если в языке есть категория рода, то такие части речи, как глагол или числительное, могут не входить в класс определяющих, но прилагательное входит обязательно. В этом основа универсалии Дж. Гринберга: "Если субъект или объект, выраженный именем существительным, согласуется в роде с глаголом, то обязательно согласуется в роде с существительным и прилагательное"⁴⁰.

В семантике числительного воплощены два способа восприятия числа – как существующего самостоятельно отношения между объектами и как количественного признака объекта⁴¹. Первое из двух

значений отчетливо проявляется при независимом употреблении числительных, например, при счете, при обозначении операций математических действий. Второе значение сближает числительное с прилагательным: количественный признак предстает как неотделимый от объекта точно так же, как качество или свойство объекта, выраженное прилагательным. В той степени, в которой это значение признака присутствует в числительном, оно и оказывается способным входить в класс определяющих суперкатегории рода.

По сравнению с прилагательным, выражение рода в количественных числительных имеет следующие особенности: 1) различия по родам охватывают в славянских языках лишь начальные единицы счета (ср. в русском языке два, оба, полтора), в связи с чем выделяют иногда специальную категорию "ограниченной множественности" или малого количества, 2) в косвенных падежах, общим свойством которых является, по выражению В. Виноградова, их "определятельное, беспредметное значение", синтаксическая связь существительных и числительных происходит по типу согласования, как и у прилагательных (двумя красивыми чашками), но в прямых падежах эта связь иная – в сочетаниях два ружья, обе девочки, полторы кастрюли род числительного определяется родом существительного, а падеж существительного – связью с данным числительным. Как кажется, в этом особом виде связи (А. А. Зализняк рассматривает такие случаи как "взаимное (или двойное) управление"⁴² получают формальное выражение две основные стороны значения числительного. Согласование выступает как средство выявления признакового, атрибутивного элемента, а "управление", как форма связи, при которой два связанных члена характеризуются и самостоятельностью значений, и определенной подчиненностью значения одного из членов синтагмы значению другого члена, передает значение числа как самостоятельного отношения, представленное в числительном, 3) количественные числительные дают несопадающие разбиения по родам, причем некоторые из этих разбиений представлены только в классе числительных. Так, в русском языке по согласованию с собирательными числительными выделяются существительные лично-мужского рода (двое учителей – два стола, два волка), который нельзя выделить по согласованию с прилагательными. Это противопоставление лично-мужского рода остальным, являющееся периферийным для русского языка, выступает как центральное в системе родо-других славянских языков, в частности, в верхнедунайском, польском и словацком (см. выше).

⁴⁰ Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. "Новое в лингвистике", вып. V. М., 1970.

⁴¹ См. А. Е. Супрун. Славянские числительные (становление числительных как особой части речи), автореф. докт. дисс. Л., 1965; Он же. Славянские числительные. Минск, 1968.

⁴² А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 48.

Выражение рода в глаголе ограничено формами прошедшего времени (которые, кстати сказать, произошли из причастий на -л, выступавших первоначально в функции определения, то есть в них заложен след атрибутивного употребления). Признак в глаголе представлен как действие, и в нем, в отличие от прилагательного, содержится, во-первых, имплицитное представление о субъекте действия (наличие категории лица у глагола) и, во-вторых, это признак, "создаваемый деятельностью предмета", по определению А.М.Пешковского, а не присущий ему искони. Взаимодействие рода глагола с родом существительного не может, конечно, привести к образованию тех временных обозначений денотата, которые возникают в паре род существительного-род прилагательного. Однако род глагола (наряду с категорией лица) делает возможным эллиптическое употребление глагольных форм. Это употребление имеет следующее отличие от самостоятельного употребления прилагательных (непосредственно связанное со значением действия, наличествующим в глаголе, и стоящим за ним субъектом действия): в прилагательном эллиптическое употребление не связано с насыщением признаком "принадлежность к мужскому-женскому полу", то есть оно может происходить и без включения этого признака в значение прилагательного. Эллиптическое употребление характеризует прежде всего те глаголы, которые обозначают действия одушевленных существ (искал, думал, сказал и т.д.), и в них присутствует отчетливое значение соотнесенности с полом. Если речь идет о неодушевленных объектах, эллиптическое употребление возможно в случае предположения (Где шарф? Лежал на шкафу) и при олицетворении.

А.В.БОНДАРКО

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ, РАЗЯДОВ ПОЛА И КАТЕГОРИИ РОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В этой статье рассматриваются вопросы, относящиеся к проблеме соотношения (в частности разграничения) морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов. Речь идет о тех фактах славянских языков, которые включают в себе значительные трудности с точки зрения указанного разграничения.

Вопрос ставится так: что собой представляет одушевленность-неодушевленность - грамматическую (морфологическую) категорию или же оппозицию лексико-грамматических разрядов, т.е. подклассов имени существительного? Иными словами, речь идет о том, относится ли оппозиция одушевленности-неодушевленности к таким грамматическим объектам, как категории рода, падежа, числа, степени сравнения, вида, залога, склонения, времени, лица, или эта оппозиция родственна таким группировкам, как существительные собирательные, вещественные, отвлеченные и конкретные, прилагательные качественные, относительные и притяжательные, способы действия глаголов, разряды возвратных глаголов (собственно-возвратные, взаимно-возвратные и т.д.), глаголы переходные и непереходные и т.д. В той же плоскости ставится вопрос и применительно к именам существительным типа учитель - учительница, дев - львица, польск. grzesznik - grzesznica, gołąb - gołębica, болг. сѣдия - сѣдиѣка и т.п.: относятся ли оппозиции по признаку пола к грамматической (морфологической) категории рода или к области лексико-грамматических разрядов?

На наш взгляд, в обоих случаях речь должна идти об оппозициях лексико-грамматических разрядов. Дальнейшее изложение представляет собой попытку аргументировать предлагаемое решение вопроса.

Статья строится на материале русского языка. Вместе с тем предлагаемая теоретическая интерпретация касается и других славянских языков (по отношению к оппозиции одушевленности-неодушевленности речь идет, разумеется, лишь о тех языках, где эта оппозиция имеет грамматическое выявление).

НЕКОТОРЫЕ ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ

Теоретические аспекты вопроса о соотношении морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов рассмотрены нами в специальной работе¹. В настоящей статье мы ограничимся лишь краткими замечаниями, поясняющими нашу трактовку понятий "морфологическая категория" и "лексико-грамматический разряд".

Мы исходим из того, что морфологические категории в славянских языках и других языках флективно-синтетического типа представляют собой системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным значением². Структуру морфологической категории образуют ее компоненты – грамемы (ряды морфологических форм, например, форм ед. и мн. числа) и отношения между этими компонентами – грамматические оппозиции. Рассматриваемые ряды морфологических форм объединяются значением члена данной категории, различаясь с точки зрения других категорий, присущих данной части речи. Например, грамма ед. числа имен существительных – это ряд форм, объединяющихся категориальным значением ед. числа, но различающихся по признакам рода и падежа (ср. такие словоформы, репрезентирующие ряд морфологических форм ед. числа, как волк, волка, волку и т.д., стену, окном и т.п.).

Компонент грамемы – это морфологическая форма, обладающая категориальным признаком данной грамемы. Ср., например, такие компоненты грамемы дат. падежа имен прилагательных, как форма дат. падежа, женск. рода, ед. числа (репрезентанты – словоформы типа красной, синей), форма дат. падежа, мужск. рода, ед. числа (красному и т.п.), форма дат. падежа мн. числа (красным и т.п.). Морфологическая форма – это отвлеченно-грамматический аналог словоформы, тот грамматический тип, который репрезентируется словоформами с их конкретным лексическим наполнением.

Лексико-грамматические разряды – это грамматически значимые (т.е. существенные для грамматики) группировки слов в рамках дан-

ной части речи (т.е. подклассы той или иной части речи), которым свойственны следующие черты:

1. Такие группировки лексики обладают общим семантическим признаком и выделяются прежде всего на основе этой семантической общности.

2. Лексико-грамматические разряды могут, но не должны обязательно характеризоваться определенным морфемным показателем (ср. характеризованные отвлеченные существительные, например на -изм, -аж, -ация и т.д., и нехарактеризованные, например скука, смех, дурь, счастье и т.д.; ср. в словацк.: характеризованные отвлеченные существительные типа kreslenie, písanie; kosba, mlatba, úďrost', skromnost' и т.д. и нехарактеризованные, например hluk, let, viera, žiará, žial', chut', dobro; ср. также в сербско-хорв.: характеризованные существительные типа плетене, оранџе; сеоба, тужба; мржња, штедња; младост, верност и т.д. и нехарактеризованные, например глад, дрхат, стид, гене́за, помнџа, помоћ; аналогично в других славянских языках).

3. Лексико-грамматические разряды воздействуют на морфологические категории, связанные с ними семантически. В частности, они могут обуславливать соотносительность или несоотносительность компонентов данной категории.

4. Соотношения рассматриваемых разрядов не представляют собой оппозиций рядов морфологических форм (опозиций грамем), не опираются на специальную систему форм, на грамматическую парадигму.

Особенно важно подчеркнуть факт воздействия лексико-грамматических разрядов на связанные с ними морфологические категории. Это воздействие, представленное во всех славянских языках, может проявляться в разных формах. Одна из них, характерная для большинства лексико-грамматических разрядов, заключается в том, что от принадлежности лексем к тому или иному разряду может зависеть соотносительность/несоотносительность грамем – членов морфологической категории. Принадлежность имен существительных к разряду конкретных обуславливает соотносительность по числу, а принадлежность к разрядам собирательных, вещественных и отвлеченных – несоотносительность. Соотносительность/несоотносительность по числу зависит также от принадлежности имен существительных к разряду нарицательных или собственных. Лишь от качественных прилагательных (но не от относительных и притяжательных) и только от качественных наречий (но не от обстоятельственных) могут быть образованы формы сравнительной и превосходной степени. Невозможность образования этих форм обусловлена также принадлежностью имен прилагательных и наречий к разрядам оценки степени качества. Способы действия глаголов во многом определяют видовую соотносительность и несоотноси-

¹ См.: А.В. Бондарко. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды). "Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Варшава, август 1973 г." М., 1973, стр. 42-62.

² В русской грамматической традиции эта точка зрения восходит к концепции А.М. Пешковского (см. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 23-29). Ср. также: А.И. Смирницкий. Аналитические формы. – ВЯ, 1956, № 2, стр. 44.

тельность. Разряды переходных—непереходных глаголов, а также разряды возвратных глаголов определяют соотносительность—несоотносительности действительного и страдательного залогов. Особый тип воздействия лексико—грамматических разрядов на морфологические категории представлен в местоимениях. Здесь речь идет не о соотносительности/несоотносительности членов морфологической категории в зависимости от разряда местоимения, а о самом факте наличия или отсутствия той или иной категории. Различные разряды местоимений (в рамках соотносительности с одной и той же частью речи) обладают или не обладают категориями лица и рода, могут по—разному относиться к категории числа.

Воздействие лексико—грамматических разрядов на морфологические категории представлено и в случаях, рассматриваемых в настоящей статье. Разряды существительных одушевленных и неодушевленных обуславливают некоторые особенности парадигмы падежа и важные тенденции распределения существительных по родам (мужскому, женскому, а также "общему", с одной стороны, и среднему, с другой). Принадлежность одушевленных существительных к тому или иному разряду со значением отношения к полу определяет род существительного. В рассматриваемых случаях нет влияния лексико—грамматических разрядов на соотносительность/несоотносительность членов морфологической категории (граммемы падежа всегда соотносительны, граммемы рода имен существительных всегда несоотносительны в том смысле, что они могут быть представлены лишь формами разных слов), однако самый факт влияния указанных разрядов на морфологические категории налицо. Об этом речь будет идти в последующем изложении.

Во многих случаях различия между морфологическими категориями и оппозициями лексико—грамматических разрядов достаточно ясны. Так, в настоящее время уже можно считать доказанной необходимость проводить различие между категорией вида и оппозициями в области способов действия (хотя и здесь есть спорные вопросы, например, о соотношении значения совершенного вида и значения общерезультативного способа действия). Другой пример: очевидно, что противоположения имен существительных собственных и нарицательных, конкретных и отвлеченных и т.д. не представляют собой грамматических категорий (в том смысле, какой имеется в виду, когда речь идет о категориях числа, падежа и т.п.). Однако далеко не всегда границы между морфологическими категориями и оппозициями лексико—грамматических разрядов могут быть проведены без всяких затруднений. В некоторых случаях языковой материал включает в себе признаки, допускающие различные толкования. Именно к таким трудным случаям с точки зрения разграничения морфологических категорий и оппозиций лексико—грамматических разрядов относятся те факты, которые рассматриваются в этой статье.

Трактовка данной оппозиции как грамматической категории представлена двумя разными концепциями. Одна из них заключается в том, что оппозиция одушевленности/неодушевленности вместе с категорией рода рассматривается в составе единой грамматической категории. Применительно к русскому языку эта концепция представлена в работах Н.Н.Дурново и А.А.Зализняка. Н.Н.Дурново различал в ед. числе четыре рода: мужской—одушевленный, мужской—неодушевленный, женский и средний, а во множественном числе два рода: одушевленный и неодушевленный³. А.А.Зализняк объединяет категорию рода и категорию одушевленности/неодушевленности в грамматическую категорию согласовательного класса⁴.

Из толкований одушевленности/неодушевленности как грамматической категории более обычна вторая концепция, заключающаяся в том, что данное противопоставление рассматривается как самостоятельная грамматическая категория, хотя и связанная с категорией рода⁵.

Обеим упомянутым выше концепциям, включающим оппозицию одушевленности/неодушевленности в сферу грамматических категорий, противопоставит трактовка данной оппозиции как противопоставления лексико—грамматических разрядов (подклассов существительного как части речи)⁶.

3 См.: N. D u r n o v o. La catégorie du genre en russe moderne.— "Revue des études slaves", t. IV, 1924, fasc. 1-2, стр. 208-221.

4 А.А.З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 62-82.

5 См., например: В.В. В и н о г р а д о в. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., 1972, стр. 79-82; Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., 1953, стр. 22-23, 104-107; Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н.Ю.Шведова. М., 1970, стр. 321-322; при выделении одушевленности/неодушевленности как особой "лексико—грамматической категории" здесь вместе с тем обнаруживается и влияние концепции А.А.Зализняка, в частности, говорится о том, что совокупность синтаксического выражения рода и одушевленности/неодушевленности образует особую синтаксическую категорию согласовательного класса (стр. 322).

6 Мы имеем в виду не терминологическую сторону вопроса, а его решение по существу. См., например: Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). Под ред. В.В.Виноградова. М., 1952, стр. 59-60; Современный русский язык, ч. II (Морфология. Синтаксис). Под ред. Е.М.Галкиной—Федорук. М., 1964, стр. 22-26.

Сопоставим эти противостоящие друг другу точки зрения.

Концепция, объединяющая одушевленность/неодушевленность и род существительных в единую грамматическую категорию, отражает действительно существующую связь между этими противопоставлениями с точки зрения согласования. В формально-структурном плане, для исследования рода как центра согласования детально разработанная концепция А.А.Зализняка, несомненно, полезна и перспективна. Исходя из понятий согласования и атрибутивной связи, автор исследует не категории самого по себе имени существительного, а сочетания существительных и прилагательных. Изучение согласовательной связи распространяется и на сложное предложение – конструкции типа Я доволен этими домами [стенами, окнами], каждый [каждая, каждое] из которых по-своему хорош [хороша, хорошо] и т.п. Это, конечно, особый, специфический подход к объекту исследования, целесообразный для изучения согласовательной связи, если иметь в виду общую направленность анализа. Что же касается той системы понятий, в которой он реализуется, "грамматическая категория согласовательного класса (=категория рода + категория одушевленности/неодушевленности"⁷), – то здесь многое кажется спорным. Можно и целесообразно рассматривать как единый комплекс формально-структурную согласовательную сторону рода и одушевленности/неодушевленности, но объединение того и другого в единую грамматическую категорию требует решения целого ряда вопросов, относящихся к плану содержания. Как объединяются в одной грамматической категории значения одушевленности/неодушевленности и содержание граммем рода? Подобные содержательные вопросы автором не ставятся, так как проводимый им анализ имеет иную – формально-структурную – направленность⁸. Этот анализ не касается вопроса о соотношении морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов (включение оппозиции одушевленности/неодушевленности в собственно грамматическую область, в сферу грамматических категорий представлено как нечто данное, исходное).

⁷ А.А.Зализняка. Русское именное словоизменение..., стр.62.

⁸ Рассматривая вопрос о граммемах и грамматических категориях, автор говорит о взаимно-однозначном соответствии ряда "семантическая одушевленность – семантическая неодушевленность" и ряда "синтаксическая одушевленность – синтаксическая неодушевленность", не упоминая о категории рода (А.А.Зализняка. Русское именное словоизменение..., стр.26), с другой стороны, род приводится как один из примеров грамматических категорий (там же, стр. 27), следовательно, автор, по-видимому, объединяет род и одушевленность/неодушевленность не во всех отношениях.

Обратимся теперь к трактовке одушевленности/неодушевленности как самостоятельной грамматической категории. Как бы ни трактовалось понятие грамматической категории, всегда так или иначе признается, что грамматическая категория должна иметь определенное грамматическое выражение. По отношению к оппозиции одушевленности/неодушевленности в русском языке в данной связи всегда отмечается совпадение форм винительного падежа с родительным во мн. числе у всех одушевленных существительных, а в ед. числе – у одушевленных существительных мужского рода, кроме слов на –а (в других славянских языках грамматическое выявление оппозиции одушевленности/неодушевленности в некоторых отношениях варьируется, но общим остается тот факт, что в языках, в которых имя существительное обладает категорией падежа, рассматриваемая оппозиция влияет на соотношение форм именительного и винительного падежей). Это действительно важный грамматический факт. Суть вопроса, однако, заключается в том, как его интерпретировать. Можно ли считать, что соответствующие формы винительного падежа, совпадающие или не совпадающие с формами родительного, являются формами именно одушевленности/неодушевленности? Можно ли думать, что здесь представлена парадигма одушевленности/неодушевленности? – На наш взгляд, нет. Перед нами формы падежа. Здесь выступает связанное с одушевленностью/неодушевленностью различие в падежных формах. Данное различие разновидностей винительного падежа существенно для соотношения именительного и винительного падежей, для соотношения падежей с основной функцией субъекта и объекта: при одушевленности существительного, выступающего в форме винительного падежа, различие между объектом и субъектом оказывается выраженным в большей степени, чем при неодушевленности. Таким образом, и формально, и функционально рассматриваемые формы относятся к категории падежа.

Вряд ли закономерно при таком грамматическом выявлении оппозиции одушевленности/неодушевленности ставить эту оппозицию в один ряд с такими грамматическими категориями, как число, падеж, наклонение, время, лицо, вид и т.д., – категориями, представляющими собой системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным значением. Оппозиция одушевленности/неодушевленности не опирается на такие ряды морфологических форм, не располагает собственной (не относящейся к категориям падежа и рода) системой форм.

Мы отдаем предпочтение иному истолкованию оппозиции одушевленности/неодушевленности и, в частности, указанных различий в формах винительного падежа. Перед нами один из случаев воздействия лексико-грамматических разрядов на парадигму связанной с ними морфологической категории. Такое истолкование легко вводит противоре-

ставление одушевленности/неодушевленности в общий ряд аналогичных отношений других лексико-грамматических разрядов к морфологическим категориям. Одушевленные и неодушевленные имена – это подклассы имени существительного как части речи. Оппозиция этих подклассов проявляет свою грамматическую значимость прежде всего в том воздействии, которое она оказывает на парадигмы связанных с нею морфологических категорий. В данном случае речь идет, как известно, не только о падеже, но и о роде: принадлежность существительных к тому или иному из рассматриваемых разрядов влияет на их распределение по грамматическим родам: одушевленные существительные, как правило, не относятся к среднему роду, а одушевленные, подразделяясь на разряды со значением отношения к полу, распределяются по родам в зависимости от принадлежности к этим разрядам. При таком распределении реализуются те тесные связи между разрядами одушевленных/неодушевленных существительных и родом с точки зрения согласовательной функции, о которых шла речь при разборе концепции А.А.Зализняка.

К сказанному нужно добавить, что признак, связанный с формой винительного падежа, является не чем-то исходным, первичным, что определяет одушевленность или неодушевленность существительных, а напротив, представляет собой следствие, результат принадлежности того или иного существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, а эта принадлежность определяется прежде всего по смыслу (в некоторых случаях по традиции, зафиксированной в языковой норме, ср. винительный падеж мертвеца, но труп). В тех случаях, когда наблюдаются колебания в отнесенности того или иного существительного к одушевленным либо к неодушевленным (ср., например, выдвигать определенных лиц/определенные лица; есть устрицы/устриц⁹), колебания связаны со специфической семантикой этих существительных. И уже в зависимости от того, как они трактуются языковой нормой и ее реализацией – как одушевленные, либо как неодушевленные, они получают соответствующую форму винительного падежа.

Разряды одушевленных/неодушевленных существительных являются непоследовательно характеризованными. Различие этих разрядов лишь отчасти находит словообразовательное выражение, в частности, в словообразовательной соотносительности названий лиц мужского и женского пола типа гражданин – гражданка. Поскольку имена существительные среднего рода, как правило (за исключением слов страшилице, чудовище, животное, насекомое и некоторые др.), являются неодушевленными, формальные показатели среднего рода фактически яв-

ляются в то же время показателями неодушевленности. Однако значительная масса слов мужского и женского рода не обладает морфемным показателем их принадлежности к разряду одушевленных или неодушевленных имен. Форманты винительного падежа, зависящие от одушевленности/неодушевленности существительных, в принципе можно было бы рассматривать как специфическое проявление морфемной характеристики этих разрядов (при всем том, что речь идет о признаках, относящихся к категории падежа). Эти признаки, однако, не являются постоянными в том смысле, что они характеризуют определенные формы и синтаксические позиции, но не являются постоянными формантами существительного: пока то или иное слово, например волк, не попадет в позицию винительного падежа, оно не является носителем данного формального признака. Заметим, что здесь нужно различать две вещи: с одной стороны, перед нами позиция винительного падежа мн. числа как критерий распознавания одушевленности/неодушевленности при лингвистическом анализе, например, таких слов, как тип, чудовище; в качестве критерия для разграничения рассматриваемых разрядов эта позиция является постоянной; с другой стороны, перед нами форма и позиция по отношению к слову – для данной леммы эта позиция является переменной, одной из многих.

Таковы те факторы, которые дают основания относить оппозицию одушевленности/неодушевленности не к морфологическим категориям, а к области лексико-грамматических разрядов.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗЯДЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТНОШЕНИЯ К ПОЛУ И КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как известно, одни ученые включают значения отнесенности к полу в содержание грамматической категории рода¹⁰, другие же рассматривают эти значения в лексическом плане, как значения соответствующих лексических единиц¹¹. Мы примыкаем к последней точке зрения,

¹⁰ См., например: И.П.Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, стр.177–185, 205–212; Fr. M i k o. Roč, číslo a pad podstatných mien. Bratislava, 1962, стр.26, 37–43, 56–57.

¹¹ См., например, точку зрения А.Б.Шапиро – устные выступления в изложении И.П.Мучника (Грамматические категории..., стр. 180); см. также (применительно к чешскому языку): I. P o l d a u f. Form and meaning – their interplay in morphology. "Travaux linguistiques de Prague", 4. Prague, 1971, стр.157–158. Сходная точка зрения находит отражение в различении рода и языкового вы-

⁹ См.: Грамматика русского языка, т. I..., стр. 105–106.

причем вводим дальнейшую специализацию, рассматривая выражение отношения к полу как оппозицию лексико-грамматических разрядов. Эта оппозиция, на наш взгляд, тесно связана, даже сопряжена с морфологической категорией рода, но тем не менее не сливается с нею и не должна смешиваться с грамматическим родом.

При такой трактовке данного вопроса оппозиция разрядов существительных со значением отношения к полу оказывается в той же плоскости, к какой относится оппозиция лексико-грамматических разрядов существительных одушевленных и неодушевленных, а в рамках одушевленных – оппозиция личных и неличных существительных. Эти оппозиции образуют единую иерархическую систему подклассов имен существительных (одну из систем таких подклассов): имена существительные делятся на подклассы одушевленных и неодушевленных, одушевленные существительные, в свою очередь, подразделяются, с одной стороны, на личные и неличные, а с другой – на разряды со значением отношения к полу¹².

Среди лексико-грамматических разрядов пола в русском языке выделяется одна основная оппозиция и несколько более дробных группировок. Основную оппозицию образуют: 1) разряд слов, могущих иметь отношение либо только к мужскому полу, либо к мужскому и женскому, и 2) разряд слов со значением женского пола. Слова, относящиеся к этим разрядам, могут быть противопоставлены друг другу по принципу либо а) эквиолентной, либо б) привативной оппозиции. Ср. а) словообразовательные и лексические противопоставления типа танцовщик (только мужской пол) – танцовщица, губернер – губернантка; муж – жена, отец – мать, брат – сестра и т.п. и б) учитель (мужской и женский пол; возможно нейтральное отношение к признаку, лежащему в основе данной оппозиции) – учительница (только женский пол), диссертант – диссертантка, медведь – медведица, лев – львица.

К рассмотренной выше основной оппозиции примыкают периферийные группировки. Среди них наиболее существенна группа слов, которые могут иметь предметную отнесенность к лицам как мужского, так и женского пола, но в своем языковом значении (таково значение всей рассматриваемой группы) заключают признак нейтрального отношения к полу. В рассматриваемой группе выделяются следующие лексико-грам-

матические разряды: а) слова "общего рода" типа разиня, тихоня, растяпа, лакомка; мы видим здесь прежде всего особый лексико-грамматический разряд названий лиц обоего пола по какому-то характерному для них признаку, и уже по другой – чисто грамматической – линии данному разряду в категории рода соответствует общий род, обладающий особой согласовательной характеристикой; б) слова типа автор, агроном, лектор, доцент и т.п. со значением названий лиц обоего пола по признаку рода занятий, деятельности, по званию, должности и т.п.; слова этого разряда обычно соотносятся с мужским родом (наиболее нейтральное соотношение), но вместе с тем способны к колебаниям в согласовании (Профторг не явилась и т.п.)¹³.

Помимо разрядов, входящих в указанную группу, выделяются некоторые дробные разряды, в частности, группа слов типа жирафа, обезьяна, обозначающих животных безотносительно к различию "самец – самка". Специфическое отношение данного разряда к категории рода – принадлежность соответствующих слов к женскому роду.

Связь лексико-грамматических разрядов пола с морфологической категорией рода заключается в том, что указанные разряды во многом определяют принадлежность одушевленных существительных к грамматическому роду – мужскому, женскому, а также "общему". Основную закономерность можно сформулировать следующим образом. Если существительное обозначает или может обозначать лицо мужского пола, а также самца животного, то оно, как правило, не может быть женского рода: оно относится либо к мужскому, либо к общему роду (тесть, дядя; генштабист, золотопогонник; заочник, отличник, учитель; библиограф, счетовод, теоретик; брюзга, высочка, разиня). Редкие исключения из этого правила – утка (женский род – название самки и самца, ср. селезень – только самец), свинья – (то же, ср. боров), а также слова типа жирафа, обезьяна, о которых говорилось выше.

Существенную роль в той связи, которая существует между грамматическим родом и разрядами пола, играет согласовательная функция. Эта функция свойственна роду, но есть и согласование по полу (выходящее за пределы имен существительных, ср. Я пришел – Я пришла). Согласовательная функция граммем рода определенным образом соотносена с согласовательной и семантической функциями разрядов пола. Категориальная согласовательная функция граммемы женского рода ха-

¹³ Здесь и далее мы во многом опираемся на описание соответствующих языковых фактов в книге И.П.Мучника (Грамматические категории..., стр.198–200,205–244), хотя интерпретируем эти факты иначе, поскольку та семантика, которую И.П.Мучник включает в грамматическую категорию рода, относится нами к лексико-грамматическим разрядам.

ражения пола (см., например: F. O b e r g f a l s e r. Rod jmen v češtině. V Praze, 1933, стр.1–27,235–260), грамматического и "естественного" рода (см., например: S. S z o b e r. Gramatyka języka polskiego, wyd. 4. Warszawa, 1957, стр.118–120; H. Š e w c. Gramatika hornjoserbskeje řeče. Budyšin, 1968, стр.55–61).

¹² В дальнейшем мы будем, как правило, говорить о разрядах пола, включая сюда и различие "самец – самка" у названий животных.

характеризуется (в рамках одушевленности) совмещением с согласовательной и семантической функциями лексико-грамматического разряда женского пола, согласовательная функция граммы мужского рода совмещением с согласовательной и семантической функциями лексико-грамматических разрядов со значением отношения к мужскому и женскому полу; согласовательная функция среднего рода характеризуется отсутствием совмещения с разрядами пола.

Формальные показатели, о которых обычно говорят как о показателях мужского и женского рода, полифункциональны: с одной стороны, они действительно являются показателями грамм мужского и женского рода, обладающих структурной, согласовательной функцией, а с другой, в рамках одушевленности они являются морфемными показателями принадлежности данной лексической единицы к тому или иному лексико-грамматическому разряду пола. Ср. полифункциональность глагольных приставок, когда одна и та же приставка, например, в глаголах типа заволноваться, завыть, зашептать, с одной стороны, является в сочетании с бесприставочной основной показателем совершенного вида, а с другой – показателем способа действия (в данном случае – начинательного).

Хотя лексико-грамматические разряды пола по большей части характеризуются определенными формальными показателями (мы имеем здесь в виду как соответствующие флексии, так и словообразовательные суффиксы), эти показатели (за исключением "сильных" формантов женского пола в таких словах, как активистка, школьница, пловчиха и т.п.) не являются абсолютными, их роль нельзя преувеличивать. Ср. известные случаи типа папа, дядя, Миша, Ваня, мужчина. Более того: даже в случаях типа жена, сестра, тетя основную, ведущую роль играет семантика, реальная предметная отнесенность, а не формальный показатель. Мы относим слово жена к лексико-грамматическому разряду женского пола не потому, что здесь есть формальный показатель –а, а по реальному содержанию этого слова.

Итак, общая картина такова. Морфологическая категория рода – это система противопоставленных друг другу рядов форм рода. Каждый из этих рядов является вместе с тем классом слов – подклассом имени существительного как части речи. Эта система служит прежде всего целям согласования (а также для дополнительного подчеркивания значения предметности). С частью данной системы, а именно, с оппозицией мужского и женского рода (средний род отпадает), сопряжена оппозиция лексико-грамматических разрядов со значением отношения к полу. Соотношение (со стороны категории рода) таково: в рамках одушевленности каждое существительное женского рода (за редкими исключениями типа утка, обезьяна) принадлежит к разряду со значением отношения к женскому полу (у животных – к разряду назва-

ний самок); каждое одушевленное существительное мужского рода принадлежит к разряду слов, которые имеют значение отношения либо только к мужскому полу, либо к мужскому и женскому; каждое существительное общего рода относится к соответствующему лексико-грамматическому разряду, для которого характерна нейтральность отношения к полу и возможность предметной отнесенности к лицам обоего пола.

Таким образом, как и другие лексико-грамматические разряды, рассматриваемые разряды имен существительных воздействуют на связанную с ними морфологическую категорию. В данном случае воздействие заключается в том, что в рамках одушевленности разряды пола непосредственно регулируют распределение лексических единиц между мужским и женским, а также общим родом. Если в рамках неодушевленных существительных распределение слов по родам обусловлено традиционно (исторически), то в пределах существительных одушевленных распределение слов по родам обусловлено семантикой рассматриваемых лексико-грамматических разрядов. Специфика данного случая соотношения лексико-грамматических разрядов и морфологической категории заключается в особенно тесной связи, сопряженности этих величин – настолько тесной, что их не так легко различить.

И все же различия между категорией рода и разрядами пола могут быть выявлены.

Существенно различие в структурной организации: категория рода представляет собой трехчленную систему с дополнительной граммемой общего рода (в данном случае имеется в виду специфическая согласовательная характеристика словоформ общего рода), тогда как разряды пола образуют основную двучленную оппозицию, дополняемую теми относительно периферийными разрядами, о которых шла речь выше.

Система окончаний, построенная по трихотомическому принципу и включающая форманты среднего рода, явно специализирована именно на выражении различий в грамматическом роде, и лишь дополнительной, вторичной является роль части этих формантов как показателей разрядов пола (в силу сопряженности этих разрядов с грамматическим родом, о чем уже говорилось выше). С другой стороны, бинарная система противопоставленных друг другу словообразовательных морфем, представленных в словоформах типа общественник – общественница, связист – связистка; лев – львица и т.п., предназначена прежде всего для выражения различий между разрядами пола, а роль этих формантов в выражении грамматического рода (мужского и женского) является лишь вторичной, "попутной".

Различия между грамматическими родами в русском языке, как известно, нейтрализуются во мн. числе. Между тем семантические различия в отношении к полу во мн. числе сохраняются. Это относится не только к парным соответствиям с яркой словообразовательной ха-

рактистикой (колхозники – колхозницы и т.п.), но и к случаям типа отцы – матери, сыновья – дочери, а также к непарным образованиям, ср., например, искусствоведы (возможна отнесенность к лицам обоего пола) и роженцы. Разумеется, во мн.числе, где нет воздействия рассматриваемых разрядов на категорию рода, они утрачивают грамматическую значимость; здесь перед нами та позиция, в которой лексико-грамматические разряды функционально становятся аналогичными словообразовательным и лексико-семантическим группам, нерелевантным для грамматики. Для нас, однако, в данной связи важно подчеркнуть лишь одно: различие между родами как согласовательными классами во мн.числе исчезает, но семантическое различие между словами, входящими в разряды со значением отношения к полу, сохраняется.

Тот факт, что категория рода охватывает не только одушевленные, но и неодушевленные существительные, не имеющие отношения к полу, показывает, что семантику пола нельзя приписывать грамматическому роду. Иначе придется признать, что для одной части лексических единиц, охватываемых категорией рода, содержание этой категории является и структурным, и семантическим, а для другой части – лишь структурным. Между тем в других морфологических категориях такой ситуации нет. Мы не можем сказать, что для одной части лексики содержание, скажем, категорий вида, времени, склонения, залога, числа, падежа и т.д. одно, а для другой части – совсем иное. Причинно-следственные связи, с нашей точки зрения, таковы: если наличие или отсутствие значения отношения к полу зависит от того, с какими группировками существительных мы имеем дело – с одушевленными существительными или с неодушевленными, а само отношение к полу обусловлено лексическим значением слов, то отсюда следует, что значение отношения к полу и представляет собой значение группировок лексики, а не значение грамматических родов – мужского и женского.

Нужно еще раз подчеркнуть: отнесение семантики пола к области лексико-грамматических разрядов важно и существенно, однако необходимо осознать, что противопоставление этой концепции той, которая приписывает семантику пола грамматическому роду, не абсолютно, а относительно. Связь между рассматриваемыми разрядами и категорией рода настолько значительна, что на грамматический род в самой языковой действительности как бы переносится та семантика, которая принадлежит определенным разрядам лексики. Существенной предпосылкой такого переноса является некоррелятивный характер категории рода: каждый из родов – это не только граммема (определенный класс морфологических форм), но и подкласс существительного как части речи. Итак, различия в отношении к полу – это семантика определен-

ных лексико-грамматических разрядов; эти разряды связаны с грамматическим родом, поскольку они регулируют распределение по родам в рамках одушевленности; тем самым их семантика переносится на граммему рода, получает причастность к грамматическому роду. В этом и заключается трудность разграничения, необходимость которого в данных условиях приобретает особую актуальность.

Обоснование принадлежности оппозиции одушевленных/неодушевленных имен существительных, а также оппозиций одушевленных существительных по признаку пола (писатель – писательница и т.п. к области лексико-грамматических разрядов, а не к сфере морфологических категорий не направлено на исключение лексико-грамматических разрядов из основного корпуса грамматики (морфологии). Напротив, цель четкого разграничения морфологических категорий и оппозиций лексико-грамматических разрядов заключается не в том, чтобы разъединить то и другое, а в том, чтобы глубже познать взаимодействие морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СИСТЕМ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Синхронное описание именного словоизменения в современном серболужицком языке предполагает анализ ряда частных словоизменительных систем, представленных в литературных верхне- и нижнелужицком вариантах и в диалектном серболужицком языке, и их сопоставительную морфологическую характеристику. Сопоставление ряда систем словоизменения имени в пределах одного языка может осуществляться на основе различных элементов, входящих в характеристику парадигмы имени в данном языке. В настоящей статье при сравнении частных систем серболужицкого именного словоизменения мы обратились к морфологическим признакам, которые в современном серболужицком языке характеризуют морфологические классы существительных: "морфологический род", "морфологическая одушевленность-неодушевленность", "морфологическая личность-неличность".

Распределение существительных по морфологическим классам, выделяемым по указанным выше признакам, определенным образом связано с анализом всех видов согласовательной связи существительного с атрибутом (прилагательным, местоимением, числительным) и производится на базе этого анализа. Различные типы согласовательной связи существительного с атрибутом являются основой для выделения согласовательных классов¹, в которых проявляются те или иные грамматические признаки. Ряд согласовательных классов образует систему, характеризующуюся противопоставлениями по различным грамматическим признакам. Система морфологических классов по составу и соотношению признаков аналогична системе согласовательных классов (хотя морфологический признак не всегда соответствует грамматическому

* В этой статье не могли быть учтены материалы 11 тома "Серболужицкого лингвистического атласа", т.к. она была написана до выхода в свет этого тома.

¹ В данной статье мы исходим из определения согласовательного класса, предложенного А.А.Зализняком в книге "Русское именное словоизменение". (М., 1967, стр. 70). См. также М.И. Ермакова. "Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология". М., 1973.

признаку), поэтому возможные различия в морфологической характеристике существительного в частных системах серболужицкого языка могут быть определены уже на стадии выяснения особенностей системы согласовательных классов, представленных в данном языке.

Каждая система согласовательных классов находит выражение в наборе диагностических форм. В типах согласования существительного с атрибутом, представленных в диагностических формах, выражены противопоставления по различительным признакам, свойственные данной системе согласовательных классов. При одинаковом составе различительных признаков в ряде систем согласовательных классов могут наблюдаться различия в наборе диагностических форм, в соотношении различительных признаков. Аналогично этому в разных словоизменительных системах существительного при морфологической классификации, основанной на выделении морфологических классов с одинаковым набором морфологических признаков, различными оказываются распределение, роль этих признаков в морфологической характеристике существительного и связь с другими элементами характеристики парадигмы.

2. В обоих литературных вариантах современного серболужицкого языка (верхне- и нижнелужицком) "контуры" морфологической характеристики существительных сходны, так как морфологическая классификация определяется набором одних и тех же морфологических признаков, различные соотношения которых характеризуют морфологические классы. В морфологической классификации существительных в верхне- и нижнелужицком вариантах серболужицкого литературного языка представлены морфологические классы с фиксированными признаками морфологического рода, морфологической одушевленности-неодушевленности, морфологической личности-неличности, т.е. мужской личный, мужской одушевленный неличный, мужской одушевленный, женский и средний морфологические классы. При одинаковой морфологической классификации, одинаковом составе морфологических классов "вес" каждого из морфологических признаков, соотношение морфологических признаков в пределах сходных морфологических классов для того и другого литературного варианта неодинаковы. Расхождения между верхне- и нижнелужицкими вариантами при характеристике существительного обнаруживаются уже в процессе сопоставления двух систем согласовательных классов, устанавливаемых для этих вариантов.

В верхнелужицком литературном варианте система согласовательных классов построена на различительных признаках рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности. Диагностическими для выделения этих признаков являются шесть форм - И.ед. (противопоставление по признаку рода), В.ед. (противопоставление по признаку одушевленности - неодушевленности), И.мн., И.дв., В.мн., В.дв. (противопоставление по признаку личность-неличность). Различительные

признаки одушевленности-неодушевленности и личности-неличности выделяются в парадигме существительного и согласующегося с ним атрибута - прилагательного только в пределах мужского рода (см. таблицу согласовательных классов). Противопоставление по указанным выше признакам в данных формах проявляется в различных типах согласования существительного с атрибутом. При этом формальным показателем признака может быть специальное окончание существительного и согласующегося с ним атрибута - прилагательного (например, личное окончание существительных и прилагательных в И.мн.), синкретизм форм (например, В.ед. у одушевленных существительных равен Р.ед.; В.мн. у личных существительных равен Р.мн.) (см. таблицу ниже).

Таблица согласовательных классов

Диагностические формы	Согласовательные классы				
	1	2	3	4	5
а) Верхнелужицкий литературный вариант					
И.ед.	dobry susod	dobry kón	dobry štom	dobra žona	dobre sžowo
И.мн.	dobri susodži	dobre konje	dobre štomy	dobre žony	dobre sžowa
И.дв.	dobraj susodaj	dobrej konjej	dobrej štomaj	dobrej žonje	dobrej sžowje
В.ед.	dobreho susoda	dobreho konja	dobry štom	dobru žonu	dobre sžowo
В.мн.	dobrych susodow	dobre konje	dobre štomy	dobre žony	dobre sžowa
В.дв.	dobreju susodow	dobrej konjej	dobrej štomaj	dobrej žonje	dobrej sžowje
б) Нижнелужицкий литературный вариант					
И.ед.	dobry syn	dobry ptašk	dobry most	dobra ryba	dobre sžowo
В.ед.	dobrego syna	dobrego ptaška	dobry most	dobru rybu	dobre sžowo
В.мн.	dobrych synow	dobre ptaški	dobre mosty	dobre ryby	dobre sžowa
В.дв.	dobreju synowu	dobreju ptaškowu	dobrej mosta	dobrej rybje	dobrej sžowje

Отметим, что не для всех верхнелужицких прилагательных возможно противопоставление личных и неличных окончаний: ср., например, *dobraj susodaj - dobrej wožaj, dobrej dubaj*, но *poslednjeje susodaj, poslednjeje wožaj, poslednjeje dubaj*. В связи с этим при дальнейшем изложении материала верхнелужицкая форма И.дв. не включается в состав диагностических форм. Для двойственного числа диагностической формой является форма В.дв.

Наблюдения над языком современной верхнелужицкой литературы дают возможность выделить и несколько иные, отличные от приведенных выше, системы согласовательных классов. Это связано с различной оценкой формы В.дв., которая в литературном языке может указывать не только на противопоставление по признаку личность-неличность, но и на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность, а в некоторых контекстах форма В.дв. указывает на нейтрализацию противопоставлений по данным признакам (в этом случае форма В.дв. равна форме И.дв. даже и для личных существительных и согласующихся с ними атрибутов - прилагательных).

Некоторые лингвисты считают нормой для современного верхнелужицкого литературного языка такое употребление формы В.дв., как первое из отмеченных нами, т.е. когда форма В.дв. указывает на противопоставление по признаку личность-неличность², другие видят проявление нормы в таком употреблении формы В.дв., когда в ней отражается противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность³. Независимо от того, что считать нормой в употреблении формы В.дв., можно говорить о существовании в верхнелужицком варианте серболужицкого литературного языка системы согласовательных классов, представленной тремя подсистемами, одинаковыми по составу различительных признаков, но различных по соотношению и значению признаков личность-неличность, одушевленность-неодушевленность.

В нижнелужицком литературном варианте серболужицкого языка согласно норме, зафиксированной в грамматиках⁴, диагностическими

² См., например, H. F a s s k e. *Wuwiće ak./gen. jako wuraz kategorije žiwosće resp. kategorije racionalnosće w serbsčincje.* - "Lětopis Instituta za serbski ludospyt". Rjad A, č. 19/1, 1972, стр. 44; H. Š e w c. *Gramatika hornjoserbskeje rěči.* Budyšin, 1968, стр. 76.

³ R. L ö t z s c h. *Die Verbreitung des Gen. - Akk. Du. in den Dialekten und das Problem seiner Genese.* ZfSl, B. IX, H. 4, 1964, стр. 492.

⁴ E. M u c k e. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch, wendischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und*

для выявления тех или иных грамматических признаков являются четыре формы – И.ед. (противопоставление по признаку рода), В.ед., В.дв. (противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность), В.мн. (противопоставление по признаку личность–неличность). Как и в верхнелужицком варианте выделение различительных признаков одушевленность–неодушевленность и личность–неличность в нижнелужицком варианте связано лишь с существительными мужского рода (см. таблицу согласовательных классов). Наряду с этой системой согласовательных классов, построенной на признаках рода, одушевленности–неодушевленности и личности–неличности, материал литературного нижнелужицкого языка дает возможность выделить систему с таким же составом диагностических форм, но с иным составом различительных признаков: формы В.мн. и В.дв. указывают здесь на противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность и у одушевленных существительных равны соответственно формам Р.мн. и Р.дв. В этой системе согласовательных классов отсутствует признак, указывающий на противопоставление по признаку личность–неличность. Кроме того, некоторые контексты употребления формы В.мн. свидетельствуют о том, что для нижнелужицкого литературного языка можно предположить и систему согласовательных классов, в которой данная форма не указывает на противопоставление по признакам личность–неличность, одушевленность–неодушевленность. В этой форме они нейтрализуются⁵. Таким образом и для нижнелужицкого литературного варианта можно представить систему согласовательных классов, состоящую из трех подсистем, отличающихся или составом различительных признаков при одинаковом составе диагностических форм, или составом диагностических форм, выражающих отличные от других подсистем противопоставления по признакам. Различия между двумя рассмотренными системами согласовательных классов (верхне- и нижнелужицкой) показаны на следующей схеме, где знак + означает наличие противопоставления по определенному признаку, а знак – отсутствие такого противопоставления; сокращение "о" указывает на слово одушевленный; "л" – личностный; "нл" – неличностный. Форма И.ед. в данной схеме вынесена за "скобки", так как во всех системах согласовательных классов эта форма указывает на противопоставление по признаку рода.

⁵ des Obersorbischen. Leipzig, 1891; B. Š w j e l a. Grammatik der niedersorbischen Sprache, 2. Auflage. Bautzen, 1952. Ср. Kifko...kenž na swěše luže kšužijo... (F. Mětšk. Bjerduški. Budyšin, 1967, стр. 11 'Кифко, который на этом свете бьет кнутом людей...'; Nowy cas jo wuscyrje žělašerjow wugnał (Bjero W., Mjazka. Budyšin, 1959, стр. 13) 'Новое время изгнало угнетателей рабочих'.

Как видно на таблице согласовательных классов в верхнелужицком литературном варианте выражение признака личность–неличность у существительных мужского рода и связанных с ним атрибутов – прилагательных в форме И.мн. осуществляется с помощью формальных средств – специальных флексий ("личных"), в остальных случаях, как и при выражении признака одушевленности–неодушевленности, используется синкретизм форм. В нижнелужицком литературном варианте средством выражения признаков одушевленности–неодушевленности, личности–неличности является лишь синкретизм форм в парадигме существительного и согласующегося с ним слова-атрибута. При этом в формах И.мн. родовые показатели и, следовательно, различия в типах согласовательной связи нейтрализуются. Таким образом, одно из различий в

Диагностические формы	Верхнелужицкий			Нижнелужицкий						
	Различительные признаки									
	о/но л/нл	о/но л/нл	о/но л/нл	о/но л/нл	о/но л/нл	о/но л/нл				
	I	II	III	I	II	III				
В.ед.	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
И. мн.	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-
В.мн.	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-
В.дв.	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-

распределении различительного признака личность–неличность в верхне- и нижнелужицкой системе согласовательных классов обусловлено наличием связи в выражении этого признака с формальной характеристикой слова по признаку набора окончаний.

Как показывает приведенная схема, форма В.ед. является общей формой для всех подсистем согласовательных классов обоих литературных вариантов, диагностической для выявления признака одушевленность–неодушевленность. Общая форма, диагностическая для выявления признака личность–неличность, отсутствует. Формы В.мн. и В.дв., выделяемые в качестве диагностических в том и другом варианте, являются теми элементами, общими для обеих систем, с помощью которых осуществляется сопоставление этих систем и подсистем. Поэтому их можно считать основными в составе диагностических форм при определении расхождений и сходства между двумя системами согласовательных классов.

Как видно из схемы, ни одна из подсистем верхнелужицкой согласовательной системы (даже при учете основных диагностических форм) не совпадает ни с одной нижнелужицкой подсистемой согласовательных

классов. В верхнелужицком литературном варианте замена одной подсистемы согласовательных классов другой не влияет на состав различительных признаков, а связана лишь с их перераспределением (форма В.дв.). В нижнелужицком литературном варианте две подсистемы согласовательных классов указывают на смену состава признаков: во II и III подсистемах противопоставление по признаку личность–неличность отсутствует. I и II подсистемы; II и III отличаются распределением признака одушевленность–неодушевленность.

Морфологическая классификация существительных в связи с особенностями двух систем согласовательных классов, отмеченными выше, в верхне- и нижнелужицком литературных вариантах должна иметь специфические черты. В верхнелужицком варианте существование трех подсистем согласовательных классов не обуславливает возможность различной морфологической классификации существительных, так как признаки морфологической одушевленности–неодушевленности и личности–неличности постоянно выделяются. В нижнелужицком варианте морфологическая классификация может зависеть от того, какая из подсистем согласовательных классов будет признана нормой для современного состояния языка. Если в качестве нормы считать первую подсистему, то в процессе морфологической классификации будут выделены следующие морфологические классы: мужской личный, мужской неличный одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний. Если признать нормой второй или третий согласовательные классы, то распределение существительных пройдет по следующим морфологическим классам: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний. В верхнелужицком варианте всегда будут отмечены мужской личный, мужской неличный одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний морфологические классы, как и при первой классификации в нижнелужицком варианте.

Общие морфологические характеристики существительных в обоих литературных вариантах обнаруживают ряд общих черт в составе морфологических признаков, характеризующих морфологические классы существительных, в свойстве выражать противопоставления по признакам морфологической одушевленности–неодушевленности и морфологической личности–неличности лишь в пределах мужского рода. Различия наблюдаются в отношении морфологического признака личности–неличности к категории числа: в верхнелужицком варианте сферой проявления данного признака является двойственное и множественное числа, в нижнелужицком – множественное число. Различен "вес" сходных морфологических признаков в морфологической характеристике существительного в каждом из вариантов: в верхнелужицком варианте больший вес имеет морфологический признак личность–неличность (три формы парадигмы могут информировать об этом при-

знаке), в нижнелужицком варианте – морфологический признак одушевленность–неодушевленность (три формы парадигмы могут указывать на противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность и лишь одна форма – на противопоставление по признаку личность–неличность). Вывод о большей роли признака морфологической одушевленности–неодушевленности в нижнелужицком варианте соответствует выводу о характере системы согласовательных классов в этом варианте: две подсистемы в составе нижнелужицкой системы согласовательных классов вообще не указывают на существование признака личность–неличность (II и III подсистемы), II подсистема характеризуется усилением (по сравнению с I подсистемой) признака одушевленность–неодушевленность.

Большой "вес" признака личность–неличность в верхнелужицком литературном варианте поддерживается и характером согласовательной связи существительного с атрибутом – количественным числительным *tři, třo, štyri, štyrjo*⁶.

При сочетании существительных с этими числительными существительные имеют формы множественного числа. При этом выделяются два типа согласовательной связи на основе противопоставления по признаку личность–неличность. Диагностическими формами являются формы именительного и винительного падежей. В именительном падеже форма существительного имеет специальное личное окончание, а числительное о-форму, указывающую на признак личности. В винительном падеже сочетание формы типа *třoch* с существительным в форме родительного падежа (*třoch susodow*) соответствует "личному" согласовательному классу, сочетание типа *tři* + существительное в форме именительного падежа – "неличному" согласовательному классу (*tři konje, duby, knjenje, pola*).

В нижнелужицком литературном варианте согласно данным грамматик⁷ при сочетании существительных с числительными *tši, styri* употребляется два ряда форм числительных – о-формы и i-формы. Первые согласуются с личными существительными, вторые – со всеми остальными; при этом в парадигме существительного и числительного дополнительно на отношение к "личному" согласовательному классу указывает форма винительного падежа, равная форме родительного падежа: И. *tšo, styrjo muže, synu* и *tši, štyri konje, duby, žony, ruki, kolasa*; В. *tšoch, styrjoch mužow* и *tši, styri konje, duby, žony, ruki, kolasa*.

⁶ Н.Š e w а. Gramatika hornjoserbskeje řeče. стр. 140. Н.Ф а в – в к е. Указ. соч., стр. 35.

⁷ Е.М у с к е. Указ. соч., стр. 437; В.Š w j e l а. Указ. соч., стр. 33.

Однако в языке нижнелужицкой литературы наблюдаются и такие случаи согласования существительного с непорядковыми числительными *tši styri* и т.д., которые дают возможность выделить другую систему согласования существительных с числительными, отличающуюся от первой составом различительных признаков и их распределением: в форме винительного падежа, равной в парадигмах существительного и числительного форме родительного падежа, проявляется не признак личности-неличности, как в первом случае, а признак одушевленности-неодушевленности: *tšoch, styrjoch mužow, konjow* и *tši, styri duby, žony, kolasa*.

3. В литературных вариантах серболужицкого языка представлены системы согласовательных классов с максимальным числом различительных признаков: признаки рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности; в верхнелужицком литературном варианте эти признаки выражаются в максимальном числе диагностических форм: И.ед., В.ед., И.мн., В.дв., В.мн. Ни в одном из этих вариантов не исчерпываются все возможности в распределении различительных признаков, однако выявленные в них системы и подсистемы согласовательных классов являются основой для сравнения и анализа типов согласовательной связи, наблюдаемых в серболужицком диалектном языке⁸. При сопоставлении систем согласовательных классов в серболужицких диалектах учитывались расхождения в составе различительных признаков при одинаковом или различном наборе диагностических форм; в

⁸ К сожалению, мы не располагаем всем необходимым диалектным материалом, который, вероятно, свидетельствует о большой разнообразии систем согласовательных классов в серболужицких говорах. Тот материал, который находится в нашем распоряжении, был собран не для целей данной статьи: нижнелужицкая часть материала почерпнута, главным образом, из ответов на "Программу", созданную для Серболужицкого лингвистического атласа. Объем этого материала ограничивается только говорами, в которых обследование проводилось при участии автора статьи и Л.Э.Калнынь. Другими источниками данных говоров явились некоторые диалектные тексты, изданные Институтом лужицкого народоведения в Бауцене (см. ссылки на них в тексте статьи), а также материалы статей, посвященных формам двойственного числа и формам винительного-родительного множественного числа в серболужицком языке (см. ссылки на работы Г.Фасске, Г.Енча и Р.Леча). При рассмотрении диалектного материала учитывалось традиционное членение серболужицких диалектов, на которое ссылаются и составители Серболужицкого лингвистического атласа. См. *Sorbischer Sprachatlas*, 1, Bautzen, 1965.

распределении признаков, в степени сложности систем согласовательных классов (наличие или отсутствие подсистем, сосуществующих в пределах данных систем согласовательных классов); в значении для формирования системы согласовательных классов согласовательных связей существительного с прилагательным и существительного с непорядковым числительным.

Системы согласовательных классов всех серболужицких диалектов включают противопоставления по признакам рода, выраженное в различных типах согласования существительного с прилагательным в И.ед., и одушевленности-неодушевленности - в форме В.ед. Эти два признака представляют минимальный состав системы согласовательных классов, наблюдаемой в серболужицких говорах. При таком составе признаков возможные различия заключаются в распределении признака одушевленности-неодушевленности в согласовательных классах, т.е. в наборе диагностических форм, в которых выявляется данный признак. Как и в литературных вариантах, диагностическими формами, указывающими на признак одушевленности-неодушевленности, в говорах могут быть формы В.мн. и В.дв. (для тех серболужицких говоров, которые сохраняют употребление двойственного числа). При таком составе признаков наличие подсистем, сосуществующих в системах согласовательных классов, обусловлено тем, являются ли формы В.мн. или В.дв. формами, в которых нейтрализуется противопоставление по признаку одушевленности-неодушевленности, или формами, выражающими данное противопоставление в различных типах согласовательной связи существительного с атрибутом. При этом для ряда говоров возможность выделения подсистемы согласовательных классов с диагностической формой В.мн. определяется особым характером согласования существительного с числительными *tři, štyri, tšo, štyrjo* (в.-луж.); *tši, styri, tšo, styrjo* (н.-луж.).

При максимальном составе различительных признаков (рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности), характеризующих системы согласовательных классов в говорах, распределение признаков может быть связано с формами И.мн., В.мн., В.дв. (в говорах, где двойственное число является живой категорией): форма И.мн. может указывать на противопоставление по признаку личность-неличность, формы В.мн. и В.дв. - на противопоставление как по признаку личность-неличность, так и по признаку одушевленности-неодушевленности в пределах мужского рода. Разнообразие систем согласовательных классов по говорам определяется распределением признаков по данным формам. Одни говоры при полном составе признаков могут иметь и максимальный состав диагностических форм, в других при отсутствии форм двойственного числа и при выражении признака личность-неличность формами И.мн. варьируется выражение признаков в форме В.мн.

Если в составе диагностических форм нет формы И.мн., то различие в системах согласования зависит (при полном составе признаков) от того, какая форма указывает на противопоставление по признаку личность-неличность - В.мн. или В.дв. Наибольшее разнообразие систем согласовательных классов, естественно, можно предположить там, где отмечен полный состав различительных признаков при полном составе диагностических форм. Ряд диалектных согласовательных систем характеризуется существованием подсистем, выделение которых связано с различием в составе и распределении признаков, а также различными типами согласования существительного с прилагательным и существительного с числительными *tři, štyri, tři, styri*. В этом случае подсистема согласовательных классов с числительным может указывать на признак одушевленности-неодушевленности, диагностической формой которого является форма В.мн., не отмеченная в составе диагностических форм при согласовании существительного с прилагательным в данной системе согласовательных классов.

СИСТЕМЫ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

I система согласовательных классов включает различительные признаки рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности, которые выражены следующим образом:

И.ед. - противопоставление по роду (в дальнейшем описании материала эта форма, как и в 1 части статьи, выносится за "скобки").

В.ед. - противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность.

И.мн. - противопоставление по признаку личность-неличность: согласование с личными и неличными существительными типа *si stari mužojo* 'эти старые мужчины' - *te stare konje* 'эти старые лошади'⁹.

В.мн. - противопоставление по признаку личность-неличность: согласование с личными и неличными существительными типа *šam synow* 'у меня сыновья' - *šam konje* 'у меня лошади'¹⁰.

⁹ Примеры заимствованы из Р.Л е ч. Особенности развития родительного - винительного падежа множественного числа в собственно нижнелужицких говорах и в нижнелужицко-верхнелужицких переходных диалектах. "Исследования по серболужицким языкам". М., 1970, стр. 113.

¹⁰ Там же, стр. 113.

Такая система представлена в самых южных верхнелужицких говорах, утративших категорию двойственного числа¹¹.

Поскольку ни в одном из верхнелужицких говоров употребление В.мн., равного Р.мн., не является обязательным для личных существительных (такое утверждение содержится в статье Г.Фаске, на которую мы сослались выше)¹², для южных верхнелужицких говоров можно предположить такую систему согласовательных классов, в которой те же различительные признаки выражаются набором диагностических форм, не включающих форму В.мн.; так как эта форма указывает на нейтрализацию по признаку личность-неличность.

II система согласовательных классов также включает различительные признаки рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности. Эта система представлена рядом подсистем, для одной из которых представлен максимальный состав диагностических форм, т.е. В.ед. (противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность), И.мн., В.мн., В.дв. (противопоставление по признаку личность-неличность). Как и в литературном варианте, в И.мн. противопоставление по этому признаку выражается с помощью специальных "личных" окончаний в парадигмах существительных мужского рода и согласующихся с ними прилагательных. В.мн. в В.дв. личных существительных и согласующихся с ними прилагательных равны Р.мн. и Р.дв., при согласовании с неличными существительными и прилагательными - И.мн. и И.дв. При сочетании существительных с числительными *tři, štyri* выделяется личный согласовательный класс: в именительном падеже о-формы числительных сочетаются с личными формами существительных во множественном числе, а i-формы числительных - с неличными существительными во множественном числе; в винительном падеже числительные и личные существительные согласуются в формах, равных родительному падежу. В неличном согласовательном классе в именительном падеже существительные во множественном числе согласуются с i-формами числительных, в винительном падеже числительные и существительные имеют форму, равную именительному падежу. Таким образом, согласовательные связи числительных *tři, štyri* с существительными не дают новых типов согласований. Возможность существования других подсистем согласовательных классов обусловлена тем, что каждая (кроме В.ед.) из указанных форм максимального диагностического набора в других подсистемах может быть исключена из его состава и указывать на нейтрализацию по признаку личность-нелич-

¹¹ См. Н.Ј е н ě. К někotrym prašenjam duala w Rozwodacach a w druhich hornjoserbskich narěčach. "Studije k serbskej dialektologiji". Budyšin, 1963.

¹² Н.Ф а в с к е. Указ. соч., стр. 27.

ность. В результате образуются подсистемы согласовательных классов, диагностические наборы которых не содержат 1) И.мн. (при наличии всех других форм); 2) В.мн.; 3) В.дв. или различные сочетания этих форм. Сосуществование таких подсистем определяет сложность данной системы согласовательных классов. Характер распределения признаков одушевленности–неодушевленности и личности–неличности, представленный в первой подсистеме, имеющей максимальный набор диагностических форм, определяет отличие данной системы согласовательных классов от всех других верхнелужицких диалектных систем. Подобная система согласовательных классов характеризует будышинский диалект, южную часть католического диалекта и некоторые говоры восточного холанского диалекта¹³.

В некоторых говорах католического диалекта (например, в восточной части района Каменца: говоры Журицы, Вотрева, Явора)¹⁴ можно предположить существование системы согласовательных классов, которой соответствует набор диагностических форм, не включающий формы В.дв., т.е. В.ед. (противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность), И.мн., В.мн. (противопоставление по признаку личность–неличность). Такова основная подсистема с максимальным набором диагностических для данной системы форм. Образование других подсистем связано с тем, что формы И.мн. и В.мн. в ряде случаев могут свидетельствовать о нейтрализации по признаку личность–неличность и не входят в состав диагностических форм.

Иная система согласовательных классов представлена в северных говорах католического диалекта и в куловском диалекте. В набор диагностических форм не входит форма И.мн., так как специальные личные окончания употребляются лишь в небольшой группе личных существительных¹⁵, при этом личные окончания не характерны и для атрибутов – прилагательных, согласующихся в И.мн. с личными существительными. Не является диагностической и форма В.дв.¹⁶, где отмечена нейтрализация по всем признакам. Максимальный состав диагностических форм представлен И.ед., В.ед. и В.мн. Различия между подсистемами связаны с выражением различительного признака личность–неличность в форме В.мн. В том случае, когда в форме В.мн. наблюдается нейтрализация по признакам рода, одушевленности–неодушевленности, личности–неличности, подсистема согласователь-

ных классов включает лишь признаки рода и одушевленности–неодушевленности, выраженные в формах И.ед. и В.ед.

Такая система зафиксирована в говорах Любогшч, Лескей¹⁷, не контактирующих с собственно верхнелужицкими диалектами и имеющих много общих черт с переходным воеровским диалектом. Например, В.мн. *ljesu te ludže znali* (они не знали этих людей) и *znaju tych hercow* 'они знают этих музыкантов'; В.дв. *sem měša dwaj gefangnej* 'у меня было двое пленных' и *mam dwaj wołaj* 'у меня есть два вола'.

У числительных *tři*, *štyri*. 0- и 1-формы употребляются как с личными, так и не с личными существительными. В большинстве случаев при согласовании существительных с этими числительными в именительном падеже существительные имеют форму родительного падежа множественного числа: например, *štyri kmotřow*, *tři lět*.

Сходная система согласовательных классов наблюдается в диалекте Рыхвальда и Вуншова¹⁸, одного из собственно верхнелужицких диалектов, некоторые черты которого совпадают с особенностями переходных серболужицких говоров. Данный диалект является составной частью северо-восточного холанского диалекта. Различительные признаки одушевленности–неодушевленности, личности–неличности находят выражение в формах В.ед. и В.мн., которые входят в максимальный диагностический набор. Однако в большинстве случаев представлена подсистема согласовательных классов, которой соответствует набор диагностических форм, состоящий из форм И.ед. (противопоставление по роду), В.ед. (противопоставление по одушевленности–неодушевленности). В форме В.мн. противопоставление по всем признакам нейтрализуется.

При согласовании существительных с числительными *tři*, *štyri* наблюдается лишь один вид согласовательной связи в именительном падеже.

Специфическими чертами характеризуется система согласовательных классов холанских диалектов (исключение составляют говоры Кребе, Миков, Хузницы, Цимпл, которые в этом отношении ближе к говорам будышинского диалекта). Различительными признаками этой системы являются признаки рода, одушевленности–неодушевленности, личности–неличности. Соответствующий этой системе набор диагностических форм включает формы И.ед., В.ед., В.дв. (противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность), И.мн., В.мн. (противопоставление по признаку личность–неличность). Этот максимальный для данной системы набор диагностических форм может варьироваться,

¹³ Н.Фаввке. Указ. соч., стр. 46.

¹⁴ Sorbische Dialekttexte. IX. Säuritz, Ostro und Jauer, Kreis Kamenz. Bautzen, 1971.

¹⁵ Н.Фаввке. Указ. соч., стр. 46.

¹⁶ Там же, стр. 47.

¹⁷ Sorbische Dialekttexte. VI. Weissig und Lieske, Kreis Kamenz mit Liebegast, Kreis Hoyerswerda. Bautzen, 1968.

¹⁸ Sorbisch Dialekttexte. VIII. Reichwalde und Wunscha, Kreis Weisswasser. Bautzen, 1970.

так как для каждой из форм – И.мн., В.мн., В.дв. – возможно употребление в таких контекстах, которые являются основанием для исключения ее из состава диагностических форм: в этих случаях данные формы свидетельствуют о нейтрализации по всем признакам. В холанских диалектах преобладают подсистемы, для которых форма В.дв. указывает на противопоставление по признаку одушевленность–неодушевленность¹⁹.

Выделенные подсистемы основываются на согласовательных связях существительного с атрибутом – прилагательным. Мы не располагаем фактами, свидетельствующими о характере согласования существительного с числительными *tši*, *sturi* в этих диалектах. Известно лишь²⁰, что на самой западной окраине территории распространения холанских диалектов в некоторых говорах в именительном падеже при согласовании существительного с числительным (от 3 до 99) выражается противопоставление по признаку личность–неличность. В остальных говорах, вероятно, отсутствует противопоставление о- и i-форм числительных по этому признаку²¹.

В результате анализа систем согласовательных классов, выделяемых для верхнелужицких диалектов, может быть составлена схема, на которой для названных выше диалектов показано распределение различительных признаков лишь в подсистемах согласовательных классов, которым соответствует максимальный для данных диалектов набор диагностических форм. Эти подсистемы отражают максимальные возможности систем согласовательных классов в отражении тех или иных различительных признаков. Там, где возможно, на схеме учитываются и подсистемы, которым соответствуют минимальные наборы диагностических форм для определенных диалектов. В тех случаях, когда на схеме невозможно отразить все подсистемы, возникшие в результате исключения тех или иных форм из состава диагностического набора, знак – в скобке указывает на зафиксированные случаи нейтрализации по данному признаку в соответствующей форме.

Как показывает анализ верхнелужицких диалектных систем согласовательных классов и составленная на его основе схема, некоторые диалектные системы согласовательных классов включают в свой состав ту или иную подсистему согласовательных классов, которая была отмечена для верхнелужицкого литературного варианта (ср. схемы на стр. 45 и 55) т.е. в диалектных системах согласовательных классов отражены все литературные подсистемы. Ср., например, II система в диалектах и I система в литературном варианте или V система в диа-

Диагностические формы	Различительные признаки							
	о/но		л/нл		о/но		л/нл	
	о/но	л/нл	о/но	л/нл	о/но	л/нл	о/но	н/лн
	I				II		III	
В.ед.	+	-	+	-	+	-	+	-
И.мн.	-	+	-	+	-	+(-)	-	+(-)
В.мн.	-	+	-	-	-	+(-)	-	+(-)
В.дв.	-	-	-	-	-	+(-)	-	-

Диагностические формы	Различительные признаки					
	о/но		л/нл		о/но	
	о/но	л/нл	о/но	л/нл	о/но	н/нл
	IV				V	
В.ед.	+	-	+	-	+	-
И.мн.	-	+	-	-	-	+(-)
В.мн.	-	-	-	-	-	+(-)
В.дв.	-	-	-	-	+(-)	-

лектах и III в литературном варианте²². Диалектные системы и подсистемы согласовательных классов в большинстве своем являются оригинальными, отличными от литературных: например, I система с двумя подсистемами, III и IV системы, предполагаемые подсистемы II и V систем (см. схему выше). Таким образом, в состав максимального набора верхнелужицких систем согласовательных классов наряду с системами, характеризующими верхнелужицкий литературный вариант, должен войти целый ряд диалектных систем и подсистем, разнообразие которых трудно учесть.

В соответствии с характеристикой верхнелужицких литературных и диалектных систем согласовательных классов морфологическая классификация верхнелужицких существительных должна основываться на признаках морфологического рода, морфологической одушевленности–неодушевленности, морфологической личности–неличности. Она предполагает распределение существительных по следующим морфологическим классам: мужской личный, мужской неличный одушевленный, мужской неодушевленный, женский, средний. Такая классификация актуальна не только для современного литературного верхнелужицкого языка

¹⁹ Н.Ф а с с к е. Указ. соч., стр. 46.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 39.

²² Сравниваются диалектные подсистемы, которым соответствует максимальный набор диагностических форм.

ка, но и для его диалектов, так как в диалектах при наличии в составе согласовательных классов минимального набора различительных признаков (рода, одушевленности-неодушевленности) всегда существует подсистема с максимальным набором признаков, которым должна соответствовать морфологическая классификация, учитывающая максимальный состав морфологических признаков.

СИСТЕМЫ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ В ПЕРЕХОДНЫХ И СОБСТВЕННО НИЖНЕЛУЖИЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

Особенностью переходных и собственно нижнелужицких диалектов серболужицкого языка является такая система согласовательных классов, структура которой обусловлена не только различными типами согласовательных связей существительного с атрибутом - прилагательным, но и различиями в типах согласования существительного с прилагательным - с одной стороны, и существительного с непорядковым числительным (*tši, styri*) - с другой.

Среди переходных диалектов выделяется вохожанский диалект (один из южных диалектов восточной части переходного пояса), так как его системе согласовательных классов соответствует набор диагностических форм, включающий форму *И.мн.*, которая указывает на противопоставление по признаку личность-неличность. Однако, как указывает Г.Фаске²³, личные формы существительных в *И.мн.* в этом диалекте употребляются редко. Поэтому при согласовании существительного с прилагательным в данном диалекте может быть выделена и подсистема согласовательных классов, для которой форма *И.мн.* не является диагностической. Анализ материала, приводимого Г.Фаске в упомянутой выше статье, позволяет предполагать, что в вохожанском диалекте при согласовании существительного с прилагательным выделяется ряд подсистем согласовательных классов в связи с тем, что каждая диагностическая форма в некоторых случаях перестает быть диагностической, свидетельствуя о нейтрализации по признакам личности-неличности, одушевленности-неодушевленности. Форма *В.мн.* может указывать на противопоставление по признаку личность-неличность или одушевленность-неодушевленность (*В.мн.* равен *Р.мн.*), а также на нейтрализацию по данным признакам (*В.мн.* равен *И.мн.*). *В.дв.* указывает на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность или на нейтрализацию по этому признаку²⁴.

²³ См. замечания Г.Фаске об этом диалекте в указанной выше статье на стр. 26-27, 32-35, 43.

²⁴ R.L. ö t z s c h. Указ. соч., стр. 495.

При согласовании существительных с числительными *tši, styri* оппозиция *о-* и *и-* форм числительных в именительном падеже указывает на противопоставление по признаку личность-неличность. Форма винительного падежа данных сочетаний, равная форме родительного падежа, также может выражать это противопоставление. Однако возможны и случаи, когда она равна форме именительного падежа и свидетельствует о нейтрализации по данному признаку²⁵.

Остальные переходные говоры (мужаковский, слепянский, центральный пограничный, шпрейчанский и воеровский)²⁶ имеют системы согласовательных классов, диагностические наборы которых не включают формы *И.мн.* По свидетельству Р.Леча²⁷, в мужаковском и частично слепянском диалектах в форме *В.дв.* последовательно выражается противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность. Форма *В.мн.* при согласовании существительного с прилагательным указывает или на противопоставления по признакам личность-неличность, одушевленность-неодушевленность, или свидетельствует о нейтрализации этих признаков. При сочетании существительных с числительными *tši, styri* в винительном падеже может быть выражено противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность, и тогда форма винительного падежа этих сочетаний равна форме родительного падежа. Но и в этих контекстах формы винительного падежа могут указывать на нейтрализацию по данному признаку (винительный падеж сочетаний числительных с существительными равен именительному падежу).

Рассмотрим системы согласовательных классов в нескольких говорах центрального переходного диалекта²⁸.

В говоре Блуны система согласовательных классов включает различительные признаки рода, одушевленности-неодушевленности. Противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность выражено в формах *В.ед.* и *В.дв.* (ср. *В.дв.* *dwjeju towarjšow, winikow, dwjeju kšešćianow, kônjow - dwaj kijaj, dwaj szupaj*).

В *В.мн.* при сочетании существительного с прилагательным отмечается нейтрализация по признакам рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности (ср. *В.мн.* *šycke wojaki, winiki, kamje-nje*). При сочетании с числительными *tši, styri* в именительном па-

²⁵ Н.Фаске. Указ соч., стр. 26-27, 39, 43.

²⁶ Там же, 26.

²⁷ R.L. ö t z s c h. Указ. соч., стр. 494.

²⁸ При установлении систем согласовательных классов в говорах Блуны, Заброна, Парцова, Терпе, Бяздова были использованы ответы на вопросы программы для сбора материала Серболужицкого лингвистического атласа.

деже не наблюдается противопоставлений по какому-либо признаку: о- и i-формы числительных сочетаются с любыми существительными в форме И.мн. — štýri rogi, ċi konje, štýri pjakarje.

В винительном падеже согласовательные связи типа štýri rogi, ċi konje, ċi pjakarje свидетельствуют о нейтрализации по признаку личность-неличность, одушевленность-неодушевленность.

Для говора Заброта зафиксировано недостаточное количество примеров, чтобы сделать выводы о системе согласовательных классов. Все имеющиеся примеры на сочетания существительных с прилагательными свидетельствуют о нейтрализации по признакам одушевленность-неодушевленность и личность-неличность. Например. В.дв. равен И.дв.: dwaj rogaj, paduchaj, dubaj и В.мн. равен И.мн. paduchi, šece te kunje, dobre gercy, šucke cygani, te čerty. Для сочетаний существительных с числительными отмечены примеры с В.мн., равным Р.мн., ċoch wojakow, ċoch kowali и И.мн. ċi gercy.

В говоре Царцова система согласовательных классов при сочетании существительного с прилагательным представлена следующим образом: противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность выражено в формах В.ед. и В.дв. Ср., например, В.дв. dwjeju gercow, karnikelow — dwaj dubaj, dwaj kšoskaj. Из имеющихся примеров для В.мн. следует, что данная форма указывает на противопоставление по признаку личность-неличность: šuckich gercow, tych čertow.

В сочетаниях существительных с числительными ċi, štýri в В.мн., равном Р.мн., выражается признак одушевленности (или личности): štýrjoch gercow. В И.мн. таких сочетаний о- и i-формы числительных согласуются с одушевленными и неодушевленными существительными, имеющими форму И.мн.: štýri byki, ċi pjakarje.

В говоре Терпе при сочетании существительных с прилагательными в формах В.ед. и В.дв. выражается противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность. Ср., например, В.дв. dwjeju burow, dwjeju knechtow, dwjeju karnikelow — dwaj dubaj.

Для форм В.мн. зафиксировано два типа согласовательных связей существительного с прилагательным. Первый свидетельствует о нейтрализации по признакам личность-неличность, одушевленность-неодушевленность в форме В.мн.: dobre pjakarje, te wojaki, te knechty. Лишь один пример в наших записях свидетельствует о нарушении этого типа согласования при сочетании личного существительного с прилагательным в форме В.мн., равной Р.мн.: šuckich formelow.

При согласовании существительных с числительными ċi, štýri существительные в форме И.мн. употребляются с о- и i-формами числительных при отсутствии противопоставления по определенному признаку. В винительном падеже четкость в противопоставлении двух согласовательных классов — одушевленного и неодушевленного (štýrjoch

řeznikow, ċoch paduchow, ċoch konjow) нарушается употреблением типа ċi konje.

Подобная же система согласовательных классов наблюдается в говоре Бяздова. Противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность выражается в формах В.ед. и В.дв. Ср., например, В.дв. dwjeju burjow, dwjeju karnikelow, dwjeju knechtow — dwaj dubaj. В В.мн. все примеры (кроме одного — šuckich cyganow) свидетельствуют о нейтрализации по всем признакам, так как все формы существительных и согласующихся с ними прилагательных равны формам И.мн.: šucke knechty, te paduchi, dobre wojaki, wyršafty.

При согласовании существительных с числительными tċi, štýri в винительном падеже обнаруживается противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность. Одушевленные существительные имеют форму В.мн., равную Р.мн., а неодушевленные — форму В.мн., равную И.мн. Например: tċoch konjow, tċoch krawcow, tċoch šejcow. Исключение составляет сочетание štýri mynikarje.

В западной части воеровского диалекта (говоры Лейна, Птачец, Чорны Холми) при согласовании существительного с прилагательным система согласовательных классов включает признаки рода, одушевленности-неодушевленности. Признак одушевленности-неодушевленности выражается формами В.ед. и В.дв. В форме В.мн. наблюдается нейтрализация по данному признаку. При сочетании существительного с числительными tċi, štýri винительный падеж или указывает на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность (числительное и существительное имеют форму, равную родительному падежу) или свидетельствует о нейтрализации по этому признаку (числительное и существительное имеют форму, равную именительному падежу).

В западной части переходного пояса, в говоре Кошины, противопоставление по признаку одушевленности-неодушевленности также выражено в формах В.ед. и В.дв.²⁹, где представлено два типа согласовательной связи. Относительно формы существительного в винительном падеже при согласовании его с числительным мы не располагаем никакими данными.

Согласовательные системы говоров переходного пояса включают признаки рода, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности. В ряде случаев отсутствие достаточного количества материала не позволяет сделать вывод о том, противопоставлены ли в данной диагностической форме личные-неличные или одушевленные-неодушевленные согласовательные классы. В максимальный набор диагностических форм, которые соответствуют рассмотренным выше согласовательным системам говоров переходного пояса, входят (кроме формы И.ед.)

²⁹ Н.Г а в в к е. Указ. соч., стр. 48.

формы В.ед., В.дв., В.мн., И.мн. Последняя форма является диагностической только для вхожанского диалекта. Различия, наблюдаемые в системах согласовательных классов большинства переходных говоров связаны с формами В.дв. и В.мн. В одних говорах форма В.дв. указывает только на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность, в других - зафиксированы случаи, когда наряду с выражением данного признака форма В.дв. свидетельствует о нейтрализации по признаку одушевленность-неодушевленность, в третьих - форма В.дв. не является диагностической, так как в ней наблюдается нейтрализация по признаку одушевленность-неодушевленность. Форма В.мн., как при согласовании существительного с прилагательным, так и при согласовании существительного с числительным, в одних говорах указывает на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность (или личность-неличность), в других - на возможность выражения одного из этих признаков и на случаи нейтрализации по данным признакам, в третьих - только на нейтрализацию признаков.

Образование подсистем согласовательных классов в отдельных диалектных системах переходного пояса обусловлено указанными выше возможностями в выражении различительных признаков формами В.дв. и В.мн. Сочетания существительных с числительными по характеру согласовательной связи могут быть аналогичны сочетаниям существительных с прилагательными. В этом случае при характеристике системы согласовательных классов нет необходимости специально выделять типы согласований существительного с числительным: эти сочетания "поддерживают" в выражении того или иного признака согласовательные связи, характеризующие сочетания существительных с прилагательными, или так же, как и они, указывают на нейтрализацию по признаку. Однако для некоторых систем согласовательных классов переходных говоров выражение определенного признака отмечается в винительном падеже сочетаний существительных с числительными, в то время как существительные в В.мн. и согласующиеся с ними прилагательные свидетельствуют о нейтрализации противопоставления по данному признаку. В этих системах выделение подсистем может быть связано с выражением определенных признаков в форме винительного падежа существительных и согласующихся с ними числительных.

В собственно нижнелужицких диалектах системы согласовательных классов построены на признаках рода (форма И.ед.) и одушевленности-неодушевленности. Признак одушевленности-неодушевленности проявляется в формах В.ед. и В.дв. Исключением является говор Рогова, в котором форма В.дв. указывает на нейтрализацию по данному признаку. Противопоставление по признаку одушевленности-неодушевленности может быть выражено и в форме В.мн., но лишь в тех случа-

ях, где речь идет о сочетаниях существительных с числительными *tšī, styri*. Таким образом форма В.мн. в нижнелужицких системах согласовательных классов является диагностической при наличии специального контекста. Выделение подсистем в системах согласовательных классов нижнелужицких говоров обусловлено тем, указывает ли форма винительного падежа сочетаний существительных с числительными *tšī, styri* на противопоставление по признаку одушевленность-неодушевленность или свидетельствует о нейтрализации по этому признаку.

Система согласовательных классов с соответствующим ей набором диагностических форм В.ед., В.дв., и В.мн. (для сочетаний существительных с числительными) зафиксирована в говорах сел Нова Яс, Ус, Рогозно, Шкодов, Лишков, Бароук, Мост, Грожище. Подобная система устанавливается из описания характера категории одушевленности-неодушевленности в говорах ветшовского диалекта, данного Г.Фасске³⁰, а также в говорах сел Матыйойце и Турнов. В качестве примера рассмотрим систему согласовательных классов говора села Ус.

При согласовании существительных с прилагательными признак одушевленности выражен в этом говоре в формах В.ед. и В.дв. Ср., например, В.дв. *dwjeju burjowu, dwjeju knechtowu, dwjeju wołowu*. В форме В.мн. при сочетании существительного с прилагательным в большинстве случаев отмечается нейтрализация по признаку одушевленность-неодушевленность, личность-неличность, т.е. форма В.мн. равна форме И.мн.: *te kowale, te ujki, te golcy, te griby, maže bomki*. Лишь для некоторых личных существительных и согласующихся с ними прилагательных зафиксировано в В.мн. два типа согласования. Например: *welkich golcow/welike golcy, ujkow/ujki, burjow/burja*.

При наличии согласовательной связи существительного с числительными *tšī, styri* в винительном падеже находит выражение признак одушевленности: *tšoch konjej, tšoch buri, tšoch tkalcow, styrych gercow - tšī kłowu*. Однако некоторые случаи, когда винительный падеж сочетаний существительных с числительными равен именительному падежу, свидетельствуют о нейтрализации противопоставления по одушевленности-неодушевленности, личности-неличности. Например: *styri byki, styryjo tšuste gercy* (наряду с *styrych gercow*). Таким образом образование подсистем согласовательных классов в данном говоре может быть связано не только с формой В.мн. (сочетаний числительного и существительного), но и с формой В.мн. (сочетаний прилагательного и существительного). Ср. также примеры из говора села Шкодов: В.мн. (равный И.мн.) - *te formani, te zžožeje, šykne wołu* и В.мн. (равный Р.мн.) у некоторых личных существительных - *gylcow, wjebari, namšari*.

³⁰ Н.Ф а с с к е. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, стр. 241-244.

Склонность к нейтрализации противопоставления по признаку одушевленность–неодушевленность за пределами единственного числа, проявляющаяся в нижнелужицких говорах в форме В.мн. не только при сочетании существительного с прилагательным, но и при сочетании существительного с числительными *tái, styri* (выше отмечалась возможность выделения двух подсистем согласовательных классов в тех нижнелужицких системах, где в винительном падеже у существительных и согласующихся с ними числительных *tái, styri* наблюдаются наряду с выражением признака одушевленность–неодушевленность случаи нейтрализации этого признака), полностью реализуется в системе согласовательных классов говора села Рогова. Различительные признаки рода и одушевленности, на которых построена согласовательная система этого говора, находят выражение только в диагностических формах И.ед. и В.ед. Формы В.дв. и В.мн. характеризуются нейтрализацией этих признаков. При этом в В.мн. нейтрализация отмечается в любых контекстах, т.е. как при согласовании существительных с прилагательными, так и при согласовании существительных с числительными *tái, styri*. Например: В.дв. *dwa brata, dwa knechta, dwa grěšnika, dwa burja, dwa welikej woža, dwa konja, dwa duba, dwa snopa*. В.мн. а) *te tkalce, te młyniki, te flejšarje, šykne ujki, te burja*; б) *styri byki, tái kowali, tái konje*.

Возможные типы распределения различительных признаков в составе собственно нижнелужицких диалектных систем согласовательных классов на схеме представляются следующим образом:

Диагностические формы	Различительные признаки					
	о/но	л/нл	о/но	л/нл	о/но	л/нл
	I		II		III	
В.ед.	+	-	+	-	+	-
В.мн.	+	-	-	-	-	-
В.дв.	+	-	+	-	-	-

Для одних собственно нижнелужицких говоров характерен первый тип распределения признака одушевленности–неодушевленности, для других отмечено сосуществование подсистем с первым и вторым типом распределения этого признака, третий тип распределения признака одушевленность–неодушевленность зафиксирован в говоре Рогова.

Системы согласовательных классов в собственно нижнелужицких диалектах отличаются от системы согласовательных классов нижнелужицкого литературного варианта по составу различительных признаков и их распределению по диагностическим формам. Можно говорить о совпадении некоторых подсистем литературного варианта и некоторых

типов распределения различительных признаков в диалектных системах; при этом надо иметь в виду, что для большинства собственно нижнелужицких говоров форма В.мн. является диагностической лишь при наличии специальных контекстов (ср., например, вторую подсистему согласовательных классов в литературном варианте и первый тип распределения признаков в диалектных системах; третья подсистема в литературном варианте и второй диалектный тип распределения признаков). Система, наблюдаемая в Рогове, аналогична одной из верхнелужицких диалектных подсистем (см. четвертую систему в схеме на стр. 55).

В соответствии с результатами анализа нижнелужицких диалектных систем согласовательных классов можно сделать некоторые выводы относительно морфологической характеристики существительных в нижнелужицких диалектах. Ее особенностью по сравнению с морфологической характеристикой существительных в верхнелужицких диалектах является состав морфологических признаков, в который входят признаки морфологического рода и морфологической одушевленности–неодушевленности, а также роль признака морфологической одушевленности–неодушевленности (признак морфологической личности–неличности отсутствует). Морфологическая классификация существительных в нижнелужицких диалектах основывается на двух указанных признаках и включает следующие морфологические классы: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский, средний. Морфологический признак одушевленности–неодушевленности (наряду с признаком личности–неличности) характеризует и морфологические классы верхнелужицких существительных. Однако роль его здесь меньше: в большинстве случаев он выражается в форме В.ед., в то время как в нижнелужицком диалектном языке он может проявляться и в двойственном, а при определенных условиях и во множественном числе.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ГОВОРА, СФОРМИРОВАВШЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ)

В данной статье предлагаются некоторые приемы классификации именных парадигм, к которым мы пришли в результате анализа парадигм имен существительных, функционирующих в польском говоре деревни Орняны (лит. Арненай) Молецкого района Литовской ССР. Польский говор этой деревни сложился, по-видимому, к концу XIX в., о чем можно судить по воспоминаниям информантов (70–80 лет), утверждающих, что их родители говорили между собой по-литовски, но к детям обращались уже только по-польски¹. Это значит, что еще в конце XIX в. жители деревни были билингвами (литовско-польское двуязычие), для которых польская языковая система была вторичной. В настоящее время языковая ситуация в деревне представляется весьма сложной: здесь находятся в контакте три языковые системы – польская, литовская и русская. Различные группы жителей деревни по-разному владеют литовским и русским языками, при том, что польская языковая система является для них первичной. И только представители старшего поколения коренных жителей являются монолингвами. Сейчас они уже не помнят литовского говора, на котором говорили их родители, и практически не владеют ни русским, ни литовским языками, функционирующими ныне в деревне как вторичные языковые системы. В речи этой группы жителей, взятой нами как объект для исследования, реализуется польская языковая система, максимально приближенная к той польской языковой системе, которая сформировалась и функционировала здесь в условиях литовско-польского двуязычия.

В основе классификации, принятой в данной статье, лежит понятие парадигмы как "совокупности всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение"². Парадигма пред-

ставляется как "набор клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое грамматическое значение и содержит одну... или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга) или ничего не содержит (так называемая пустая клетка)"³. Отсюда следует, что каждая словоформа, обладающая данным значением, может быть вписана только в одну из клеток, т.е. имеет определенную позицию в парадигме, которую можно назвать парадигматической позицией словоформы. А сама эта позиция определяется словоизменительным грамматическим значением словоформ. Понятие "парадигматическая позиция" служит, таким образом, как бы точкой пересечения, где словоформа (синтагматическое слово) включается в парадигматические отношения, т.е. выступает как соотнесенная с остальными словоформами парадигмы данного слова, иными словами, как член определенного набора словоформ, представляющего собой парадигматическое слово (лексему)⁴. Количество таких позиций в парадигме соответствует числу словоизменительных грамматических значений, присущих существительному⁵. В исследуемом говоре полная парадигма существительного содержит 12 парадигматических позиций (6 падежей в единственном и во множественном числе)⁶. Названиями для парадигматических позиций служат названия словоизменительных грамматических значений (например, существительное *kot* имеет в Р.ед., т.е. в парадигматической позиции "Родительный падеж единственного числа" окончание *-а*). Парадигматическая позиция может иметь также цифровое обозначение от "1" до "12", т.е. 1 – И.ед., 2 – Р.ед., ... 6 – П.ед., 7 – И.мн., и т.д. до 12 – П.мн. Нами принят традиционный порядок расположения словоформ по числам и падежам. Все парадигматические позиции в парадигме равноправны и, в принципе, порядок их расположения (перечисления) может быть любым. При этом в словах с полной парадигмой в позиции И.ед. выступает и с х о д н а я словоформа, т.е. та словоформа, которая обычно служит названием самого слова⁷. Итак, парадигма имени существительного понимается как совокупность всех его грамматических значений. Это составляет внутреннюю сторону парадигмы – ее содержание. Внешняя сторона парадигмы – ее выражение – это совокупность составляющих ее словоформ (имеется в виду внешняя сторона слово-

¹ Это совпадает с наблюдениями и историческими данными, приведенными в книге Г.Турской, где рассматривается процесс колонизации населения в северо-западных районах, входивших прежде в состав Речи Посполитой. – см. Н.Т у р с к а. *Język polski na podłożu litewskim*, cz. 1. Wilno, 1939, стр. 1–56.

² А.А.З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 30.

³ А.А.З а л и з н я к. Русское именное словоизменение, стр. 30.

⁴ Определение понятий "синтагматическое слово", "парадигматическое слово" – см. А.А.З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 20.

⁵ См. А.А.З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 32–33.

⁶ В исследуемом говоре категории падежа и числа являются словоизменительными грамматическими категориями.

⁷ А.А.З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 13.

форм, поскольку каждая словоформа обладает также внутренней стороной – определенным грамматическим значением, что обуславливает ее позицию в парадигме)⁸.

При классификации парадигм используются формальные характеристики составляющих их словоформ. Словоизменительные грамматические значения словоформ одного слова считаются выясненными на синтагматическом уровне, и на основании этого словоформы распределяются по парадигматическим позициям. В парадигме сравнивается внешняя сторона словоформ, представляющая собой сегмент – определенную последовательность звуков языка⁹. Поскольку все тексты записаны в фонетической транскрипции (мы имеем дело с бесписьменной формой языка), то в качестве словоформ существительных рассматриваются соответствующие сегменты в этих записанных (услышанных) текстах. Такие сегменты вычлняются на основании априорного знания (понимания) исследуемого говора как говора польского языка. При анализе и классификации парадигм все операции производятся на фонетическом уровне. Представляется возможным не учитывать различие между фонетически обусловленными и фонетически необусловленными изменениями в составе словоформ, поскольку на синхронном уровне они одинаково служат одной цели – противопоставлению словоформ в парадигме.

Сопоставление словоформ в парадигме одного существительного позволяет выделить у этого существительного в каждой парадигматической позиции его основу и окончание (сегменты словоформы). При классификации парадигм учитываются оба сегмента словоформ – и основа, и окончание.

На фонетическом уровне словоформы одного существительного, выступающие в различных парадигматических позициях, могут иметь различные окончания, например, в женском роде: И.ед. *curk-a*, Дат.ед. *curk-aj*, Т.ед. *curk-o*, либо одинаковые, например, в мужском роде: И.ед. *dom (stoi)*, В.ед. *(mam) dom*. Точно также можно говорить об одинаковом или различном виде основы в разных словоформах одного существительного. Так, у существительного женского рода *noga* основа имеет вид *[nog-]*, например, в И.ед. (*nog-a*), в Т.ед. (*nog-o*), в Т.мн. (*nog-am'i*); вид *[nog'-]*, например, в Р.ед. и И.мн. (*nog'-i*); вид *[noʒ-]* в П.ед. (*noʒ-ə*). Говоря точнее, в разных словоформах одного слова обычно различия охватывают не весь сегмент основы, а

некоторые его части; в приведенном примере – это согласный в исходе основы.

Если выбрать произвольно две или несколько любых словоформ существительного *noga*, либо рассмотреть все словоформы, составляющие его парадигму, то окажется, что они имеют различия: а) в сегментах "окончание": *nog-a*, *nog-o*, *nog-ax* – при отсутствии различий в сегменте "основа", б) в сегментах "окончание" и "основа" одновременно: *[nog-]a* – *[nog'-]i* – *[noʒ-]ə*¹⁰. Это означает, что противопоставление словоформ в парадигме осуществляется не только через сегменты, соответствующие окончаниям, но и с помощью чередования некоторых сегментов основы (изредка – всего звукоряда, составляющего основу словоформы). Следовательно, наряду с окончаниями, изменения в сегментах основы словоформ, составляющих парадигму, также имеют функциональную значимость при различении словоформ внутри парадигмы одного существительного и могут быть использованы при классификации парадигм.

Итак, и основа, и окончание словоформы могут содержать дифференцирующие признаки, с помощью которых противопоставляются словоформы одного слова и словоформы разных слов. Эти признаки могут быть названы парадигматическими показателями. Предлагается следующая формулировка этого понятия. **П а р а д и г м а т и ч е с к и й п о к а з а т е л ь** – это формальный признак, характеризующий словоформу существительного в какой-либо парадигматической позиции при сопоставлении ее с другими (некоторыми или всеми) словоформами, выступающими в иных парадигматических позициях. При таком понимании термина парадигматический показатель служит средством выражения словоизменительного грамматического значения словоформы в рамках парадигмы одного существительного.

Термин "парадигматический показатель" мы используем также и в более широком смысле. Он может означать определенную совокуп-

¹⁰ Теоретически возможен также третий вариант, когда имеются различия в сегментах "основа" при отсутствии различий в сегментах "окончание". Однако такой вариант в говоре не отмечен. Случай типа *noʒ-a* (|| *noʒ-ə*) сюда не относится, так как в исследуемом говоре звук полного образования и редуцированный в безударном положении употребляются в рамках взаимозаменяемости. В данной парадигматической позиции (П. ед.) звук полного образования в окончании встречается крайне редко, окончание обычно звучит с редуцированным. По этим причинам признак "наличие – отсутствие редукации" в окончании П.ед. не может считаться дифференцирующим при классификации парадигм. Считается, что окончание в Пр. ед. представлено в данном примере редуцированным гласным *-ə*.

⁸ О понимании всякого языкового текста как двустороннего объекта, имеющего внутреннюю и внешнюю стороны – см. там же, стр. 19.

⁹ В понимании звука языка мы исходим из определения, данного П.С.Кузнецовым, см. П.С.Кузнецов. Об основных положениях фонологии. – ВЯ, 1959, № 2, стр. 31.

ность формальных признаков, характеризующих парадигму одного существительного в сопоставлении с такой же совокупностью формальных признаков, характеризующих парадигму любого другого существительного. Например, набор окончаний, зафиксированный у какого-либо существительного, является парадигматическим показателем этого существительного; сопоставление наборов окончаний двух существительных позволяет судить о различии или тождестве этого их парадигматического показателя, что имеет значение при классификации парадигм. Парадигматический показатель в таком, более широком смысле является признаком всей парадигмы существительного; он служит средством выражения на парадигматическом уровне не только словоизменительных, но и классифицирующих грамматических категорий¹¹. Например, парадигматический показатель "окончание -а" в позиции И.ед. отмечен у существительных женского рода (matk-a, s'w'in'-a, kor-a), мужского рода (majstr-a, wojéwod-a), среднего рода (okn-a, pol-a); в данной парадигматической позиции, таким образом, окончание не указывает ни на значение рода, ни на значение одушевленности-неодушевленности, и только соотношение этих словоформ со словоформами, выступающими в остальных парадигматических позициях (во всех или некоторых) позволяет судить о значении рода, одушевленности-неодушевленности (а также личности-неличности), присущих данным существительным.

Вместе с тем, парадигматический показатель в узком смысле слова, т.е. как формальный признак парадигматической позиции, тоже может в ряде случаев нести информацию о классифицирующих грамматических категориях. Например, окончание -ow'ê имеют только существительные мужского рода со значением мужского лица и только в позиции И.мн. (menž-ow'ê, pan-ow'ê); окончание -aj получают существительные не-мужского рода в позиции Д.ед. (matk-aj, s'ažux-aj, rojž-aj).

Таким образом, классификация парадигм осуществляется на основании парадигматических показателей, характеризующих каждую из парадигматических позиций и всю парадигму в целом.

* * *

Вследствие особых условий формирования и функционирования исследуемого говора в нем имеются некоторые специфические черты, отличающие его, например, от польского литературного языка. В систе-

¹¹ 0 понятиях "словоизменительная грамматическая категория" и "классифицирующая грамматическая категория" см. А.А.Зализняк. Указ. соч., стр. 31-32.

ме словоизменения существительных это проявляется в частности, в большой вариативности словоформ, выступающих в одной и той же парадигматической позиции в рамках парадигмы одного слова. Это явление можно рассматривать как результат контактирования двух языковых систем - польской (со следами влияния белорусского языка) и литовской, что приводило к изменениям в польской языковой системе и, в частности, к неустойчивости формальных признаков словоизменительных и классифицирующих категорий в системе имени существительного.

Вариативность словоформ может быть двоякого рода. Здесь различаются словоформы-варианты и морфологические варианты.

Если существительное в И.ед. (т.е. в исходной форме), реализуется в виде одной словоформы, а в любой из остальных парадигматических позиций оно может выступать в виде двух или более словоформ, то в таком случае мы говорим о словоформах - вариантах. В самом общем виде, словоформы-варианты - это словоформы одного слова, выступающие параллельно в рамках любой, но одной и той же парадигматической позиции. Например, в позиции Р.ед. существительные мужского рода получают окончания -а или -и. Анализ собранного материала показал, что абсолютно четким является только распределение этих окончаний по признаку одушевленности-неодушевленности существительных: 1) все одушевленные существительные имеют только окончание -а, 2) наличие окончания -и свидетельствует об обязательной принадлежности существительного к разряду неодушевленных. Вместе с тем, окончание -а широко употребляется и у неодушевленных существительных. При этом большинство неодушевленных существительных в позиции Р.ед. выступает в виде двух словоформ - с окончаниями -а и -и. В таких случаях мы говорим о словоформах-вариантах.

С другой стороны, в говоре отмечен целый ряд существительных, которые в исходной форме (т.е. в И.ед.) реализуется в виде двух и даже трех словоформ, например: šešk || šeška, obot||oboda, pšeχomp || pšeχem' b'a, reŋkaf||raŋkawa, z'oχa||z'ela, pχom'a||pχom'en' || pχom'en'a, supon||supon' ||supon'a. Такие словоформы организованы по определенным правилам: 1) они обладают разными формальными признаками: окончание, определенный сегмент основы (не-суффикс); 2) они имеют обычно разные конгруэнтные показатели, т.е. обнаруживают признаки разных родов - мужского и женского, например: dχug'i reŋkaf || jedna raŋkawa; ščer'onu gaχon's' || jedna gaχon's' || malutka gaχen'z'a; 3) эти словоформы обладают лексическим тождеством и тождеством словоизменительного грамматического значения. В этом случае считается, что существительные реализуются в виде морфологических вариантов. В сущности, морфологи-

ческие варианты представляют собой особый случай словоформ-вариантов, так как здесь мы также имеем дело с параллельными словоформами, выступающими в одной и той же парадигматической позиции. Специфика существительных, реализующихся в виде морфологических вариантов, состоит в том, что параллельные словоформы выступают в исходной форме. Одинаковое словоизменительное грамматическое значение и лексическое тождество этих словоформ позволяет считать их репрезентантами одной лексемы. Во всех других парадигматических позициях (а не только в И.ед.) такие существительные также могут выступать в виде словоформ-вариантов, но могут реализоваться и в виде одной словоформы. В качестве примера можно привести парадигму существительного рѣѣм'а¹²: И.ед. рѣѣм'а буха||та рѣѣм'ен'и||ѣсем рѣѣм'ен'а дуѣа дажі; Р.ед. рѣѣм'и н'е ма ф_плиц'ѣ||за м'ѣскан'ѣ-ѣм тым маѣо в'и'з'аѣам рѣѣм'у||до рѣѣм'ен'и ис'с' н'е моѣа||ѣбу н'е буѣобу рѣѣм'ен'а; Д.ед. теѣ рѣѣм'ѣѣ||теѣ рѣѣм'и||тему рѣѣм'ен'и; В.ед. в'атр'н'ес'и рѣѣм'а||огас'и'с' та рѣѣм'ен'и; Т.ед. рѣѣт рѣѣм'о жеѣо готуѣѣ||с_то рѣѣм'ен'о||рѣѣм'ен'ѣм; П.ед. ф_рѣѣм'и теѣ||ф_рѣѣм'ен'у. Во множественном числе параллельные словоформы обычно отсутствуют, например: И.мн. јаѣдали рѣѣм'ен'и; Р.мн. дуѣо рѣѣм'ен'оѣ; Т.мн. с_тум'и рѣѣм'ен'ам'и; в П.мн. употребляются словоформы-варианты с основами [рѣѣм'-] и [рѣѣм'ен'-]: јаѣ ф_рѣѣм'ен'ак||о рѣѣм'ах.

В парадигме существительного словоформа И. ед. соотносится со всеми словоформами, выступающими в остальных парадигматических позициях, в том числе с каждой из словоформ-вариантов, отмеченных в любой из этих позиций. Если существительное реализуется в виде морфологических вариантов, то каждой из словоформ-вариантов, выступающих в И.ед., соответствуют все словоформы, отмеченные в остальных парадигматических позициях. Точно также, если существительное, реализующееся в виде морфологических вариантов, имеет в Р.ед. словоформы-варианты, то каждой из словоформ в Р.ед. соответствуют все словоформы в И.ед. Таким образом, в парадигме существительного каждая словоформа в каждой парадигматической позиции соотносится с любой из словоформ и со всеми словоформами, выступающими в любой из остальных парадигматических позиций. Это подтверждается наблюдениями, сделанными в говоре. В практике языкового общения носители говора, употребляя, например, И.ед. словоформу рѣѣм'а - с признаками мужского рода (рѣѣм'а ten зрѣб'ону), могут в позиции

Р.ед. использовать словоформу рѣѣм'б'и - с признаками женского рода (ѣтеѣ рѣѣм'б'и), а в П.ед. - словоформу рѣѣм'б'у - снова с признаками мужского рода (о жеѣднум рѣѣм'б'у). Либо наоборот: в И.ед. - рѣѣм'б'а - с признаками женского рода (рѣѣм'б'а н'ѣв'елка), в Р.ед. - рѣѣм'б'а - с признаками мужского рода (wlec'aѣ до рѣѣм'б'а), в П.ед. - рѣѣм'б'и - с признаками женского рода (s'eѣz'i на рѣѣм'б'и теѣ). Возможны и другие варианты, например, в И.ед. и Р.ед. используются словоформы с признаками мужского рода, а в П.ед. - с признаками женского рода и т.д.

Если в какой-либо парадигматической позиции (в том числе в исходной форме) выступают словоформы-варианты, имеющие, например, различные окончания при одинаковом виде основы, то считается, что в данной позиции парадигматическим показателем является совокупность данных параллельных окончаний. Этот парадигматический показатель характеризует данную парадигматическую позицию и всю парадигму существительного. Так, у неодушевленных существительных мужского рода в позиции Р.ед. парадигматическим показателем является (-а||-у), например: demba||demбу, s'eѣpa||s'eѣру, kov'c'oѣa||kov'c'oѣу, ogn'a||ogn'у, w'atra||w'атру. Парадигматический показатель в Р.ед. (-а||-у) является признаком, характеризующим парадигмы неодушевленных существительных мужского рода в противоположность парадигмам одушевленных существительных мужского рода, имеющим в данной позиции показатель -а. Парадигматические показатели (-а||-у) и -а в данном случае являются разными парадигматическими показателями.

Однако параллельные словоформы в одной и той же парадигматической позиции могут различаться не только по окончанию, но и по виду основы. Так, одушевленные существительные мужского рода могут выступать в П.ед. в виде двух параллельных словоформ, например: (о) kret-у||krec'-ѣ, (о) og'er-у||og'eѣz'-ѣ, (о) ogrom-у||ogrom'-ѣ, (о) invalid-у||invalid'z'-ѣ. В этих словоформах, помимо разницы окончаний, различается и вид основы: kret-||krec'-, og'er-||og'eѣz'-, ogrom-||ogrom'-, invalid-||invalid'z'-. Как уже сказано, вид основы также может быть парадигматическим показателем и, значит, учитывается при классификации парадигм. Приведенные выше основы в позиции П.ед. различаются по конечному согласному основы. Противопоставление по виду основы может, следовательно, манифестироваться противопоставлением согласных в исходе основы, и парадигматический показатель "вид основы" в П.ед. у существительного kret может быть записан как (-т||-с'), у существительного og'er - (-р||-ѣ), ogrom - (-м||-н'), invalida - (-д||-ѣ)¹³.

¹² При наличии существительного, реализующегося в виде морфологических вариантов, в качестве его названия для краткости может быть употреблена одна из словоформ-вариантов, выступающих в исходной форме.

¹³ Основы словоформ одного существительного могут различаться не

Таким образом, в П.ед. одушевленные существительные мужского рода (в том числе лично-мужские) характеризуются, кроме параллельных окончаний - (-u||-é), (-u||-e), также наличием параллельных основ, оканчивающихся на (-t||-c'), (-r||-ž), (-m||-m'), (-d||-ž') и др. В то время как неодушевленные существительные мужского рода в П.ед. имеют исход основы только например, на -c' (na p'oc'-e), на -ž (na vož'-e), на -m' (p'ŕy goz'm'-e), на -ž' (p'ŕy fstyž'-é) и т.д. Отсюда следует, что такой парадигматический показатель "исход основы", как, например, (-t||-c'), характеризует в позиции П.ед. одушевленные существительные мужского рода в противоположность парадигматическому показателю -c', отмеченному у неодушевленных существительных. Факт существования параллельных основ (наряду с параллельными окончаниями) в позиции П.ед. у одушевленных существительных и отсутствие таковых у неодушевленных существительных учитывается при классификации парадигм.

Итак, пользуясь понятием "парадигматический показатель" как признаком парадигматической позиции, мы можем представить парадигму существительного как единое целое, не расчленяя ее на варианты при наличии словоформ-вариантов и даже морфологических вариантов слова. Такой прием при классификации парадигм существительных в исследуемом польском говоре представляется весьма целесообразным, -

во-первых, потому, что большая вариативность словоформ в парадигмах имен существительных является характерной чертой данного говора и количество вариантов парадигм составило бы довольно внушительную цифру (классификация была бы очень громоздкой);

во-вторых, потому, что при расчленении парадигмы на варианты затушевывается указанная специфическая черта парадигм существительных и существительные, обладающие вариативностью словоформ, оказываются не выделенными в классификации;

в-третьих, потому, что в речи носителей говора любая словоформа существительного, в парадигме которого имеются словоформы-варианты, а также любая словоформа существительного, реализующегося в виде морфологических вариантов, соотносится на парадигматическом уровне с каждой из остальных словоформ, составляющих парадигму такого существительного и, значит, практически вычленение вариантов парадигм представляется невозможным.

только по согласному в исходе основы; различия возможны и в других сегментах основы, например, чередование неконечных согласных (most- - o mos'c'è), гласных (domp- - demb-u), гласного с нулем звука (p'en'- -pn'-a), сочетания "гласный + согласный" с нулем звука (p'om'-a - p'om'en'-i).

* * *

Как уже сказано, парадигматический показатель в более широком смысле представляет собой определенную совокупность формальных признаков, характеризующих парадигму одного существительного в сопоставлении с такой же совокупностью формальных признаков любого другого существительного.

В этом смысле парадигматическим показателем является набор окончаний существительного. Считается, что два существительных имеют одинаковый набор окончаний, если их парадигматические показатели "окончание" соответственно совпадают в каждой парадигматической позиции; два существительных имеют различные наборы окончаний, если у них не совпадает хотя бы один из парадигматических показателей "окончание". Чтобы пояснить сказанное, рассмотрим наборы окончаний существительных snop и kogut (мужской род), а также существительных g'owa и lampa (женский род).

а) Существительные snop и kogut имеют следующие окончания:

И.ед.	snop-	kogut	И.мн.	snop-y	kogut-y koguc'-i
Р.ед.	snop-a snop-u	kogut-a	Р.мн.	snop-of	kogut-of
Д.ед.	snop-u	kogut-u	Д.мн.	snop-эм	kogut-эм
В.ед.	snop-	kogut-a	В.мн.	snop-y	kogut-of kogut-y
Т.ед.	snop-эм	kogut-эм	Т.мн.	snop-am'i	kogut-am'i
П.ед.	snop'-é	kogut-u koguc'-é	П.мн.	snop-ax	kogut-ax

Сопоставление окончаний показывает, что эти существительные имеют разные парадигматические показатели "окончание" в нескольких позициях: Р.ед., В.ед., П.ед., И.мн., В.мн. Их наборы окончаний имеют следующую запись:

существительное snop:

$[-\emptyset_1, 4-(A||-U)_2 -U_3 -эм_5, 9-é_6 -Y_7, 10-OF_8 -AM'I_{11} -AX_{12}]$

существительное kogut:

$[-\emptyset_1 -A_2, 4-U_3 -эм_5, 10-(U||-é)_6 -(Y||-I)_7 -OF_8 -(OF||-Y)_9 -AM'I_{11} -AX_{12}]^{14}$

Установлено, что в Р.ед. одушевленные существительные имеют в качестве парадигматического показателя только окончание -a: kogut-a, а неодушевленные - параллельные окончания (-a||-u): snop-a||snop-u; в П.ед. у одушевленных - парадигматический показателем является окончание -é: kogut-u||koguc'-é.

¹⁴ Цифрой справа внизу обозначен номер парадигматической позиции, в которой употребляется данное окончание.

тель - (-y || -ə): kogut-u koguc'-ə, у неодушевленных - только -ə¹⁵; в И.мн. у одушевленных - (-y || -i): kogut-y || koguc'-i, у неодушевленных - только -y: spor-y; в В.мн. - у одушевленных - (-of || -y), у неодушевленных - только -y. Поэтому наборы окончаний существительных spor и kogut являются различными.

б) Существительные gXowa и lampa имеют следующие окончания:

И.ед. gXow-a	lamp-a	И.мн. gXow-y	lamp-y
Р.ед. gXow-y	lamp-y	Р.мн. gXow-of	lamp-of
		gXuf-	lamp-
Д.ед. gXow-əj	lamp-əj	Д.мн. gXow-əm	lamp-əm
gXow-ə	lamp'-ə		
В.ед. gXow-a	lamp-a	В.мн. gXow-y	lamp-y
Т.ед. gXow-o	lamp-o	Т.мн. gXow-am'i	lamp-am'i
П.ед. gXow'-ə	lamp'-ə	П.мн. gXow-ax	lamp-ax

Эти существительные имеют одинаковые окончания в каждой из соответствующих парадигматических позиций, и, следовательно, их парадигматический показатель "набор окончаний" одинаков. Этот набор окончаний может быть записан следующим образом:

$[-A_{1,4} -Y_{2,7,10} (-ə || -ə)_3 -O_5 -ə_6 - (OF || -\emptyset)_9 -əM_{10} -AM'I_{11} -AX_{12}]$

Предположим теперь, что в позиции Д.ед. для существительного gXowa нами записаны в говоре словоформы-варианты с окончаниями -əj || -ə, а для существительного lampa - только словоформа с окончанием -ə (при этом, в остальных позициях парадигматические показатели данных существительных совпадают.) В таком случае существительное gXowa имеет набор окончаний, приведенный выше; а набор окончаний существительного lampa имеет следующий вид:

$[-A_{1,4} -Y_{2,7,10} -ə_{3,6} -O_5 - (OF || -\emptyset)_9 -əM_{10} -AM'I_{11} -AX_{12}]$

Эти два набора окончаний различаются парадигматическим показателем Д.ед.: (-əj || -ə) - у существительного gXowa; -ə - у существительного lampa. Оба эти существительные относятся к группе неодушевленных существительных женского рода, для которых установлена возможность появления словоформ-вариантов в Д.ед.; парадигматическим показателем "окончание" в этой позиции у таких существительных выступает совокупность параллельных окончаний. И хотя у существительного lampa не записаны словоформы-варианты в этой позиции, тем не менее, считается, что такие словоформы у него потенциально возможны. Отсюда следует, что набор окончаний существительного

¹⁵ Здесь имеются в виду существительные с основой на твердый согласный, кроме с, з, ц, ж, ѝ, љ, г и заднеязычных.

lampa (с окончанием -ə в Д.ед.) содержится в наборе окончаний существительного gXowa (с окончанием (-əj || -ə), т.е. эти существительные имеют одинаковый парадигматический показатель "набор окончаний"

* * *

Выше уже упоминалось, что у большей части существительных противопоставление словоформ в парадигме осуществляется не только через сегменты, соответствующие окончаниям, но и с помощью чередования некоторых сегментов основы. Чередование понимается как варьирование некоторого сегмента основы (на фонетическом уровне) в рамках словоизменительной парадигмы одного существительного. С помощью таких изменений в основе осуществляется противопоставление словоформ в парадигме и характеризуются парадигматические позиции как у одного, так и у различных существительных.

В данной статье мы рассмотрим лишь вопрос о том, как служит этой цели чередования согласных в исходе основы. Именно с помощью таких чередований основы словоформ в парадигме противопоставляются наиболее регулярно. Это соотношение, а также тот факт, что конечный согласный основы в ряде случаев определяет вид окончания (например: curk-a, žon-a: Р.ед. curk'-i - žon-y, Пр.ед. curc-ə - žon'-ə; gruž-a, varc'-a: Р.ед. gruž-y - varc'-i), позволяет считать, что согласный в исходе основы словоформы является парадигматическим показателем, который наряду с окончанием определяет статус словоформы в парадигме и статус всей парадигмы существительного в системе словоизменения существительных.

В разных словоформах одного существительного (как в одной, так и в разных парадигматических позициях) согласные в исходе основы различаются: по признаку твердости-мягкости, по участию голоса, по локальному ряду, по способу образования. Эти признаки могут сочетаться в рамках парадигмы одного слова. Если в парадигме существительного согласный в исходе основы одной словоформы противопоставляется по этим признакам согласному в исходе основы другой словоформы, то такие согласные могут быть названы **альтернативными**¹⁶. Например, две словоформы существительного žona - žony (Р.ед.) и žon'ə (П.ед.) - различаются, помимо

¹⁶ Термин "альтернативный" не имеет, следовательно, того смысла, в котором он употребляется в работах по морфологии С.Б.Бернштейна и Т.В.Поповой, а именно: альтернативный - ступень чередования, являющегося звеном морфологического (альтернационного) ряда (см. в частности: С.Б.Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, стр. 8 и след. Т.В.Попова. Глагольное словоизменение в болгарском языке. М., 1975, стр. 32-33).

окончаний, конечным сегментом основы, который представлен у них альтернантами -п, -п' (альтернация по признаку твердости-мягкости). Точно также основа существительного пога характеризуется в парадигме альтернантами -г, -г', -з: пог-а, пог'-и, поз'-э (альтернация по признакам: твердость-мягкость, локальный ряд, способ образования). Совокупность альтернантов, выступающих в парадигме одного существительного, составляет набор альтернантов в исходе основы данного существительного¹⁷. Альтернанты в исходе основы являются парадигматическими показателями, указывающими на отнесенность словоформ к соответствующим парадигматическим позициям. Набор альтернантов является парадигматическим показателем, характеризующим данную парадигму в сравнении с другими парадигмами.

Однако прежде, чем перейти к вопросу о составлении и сравнении наборов альтернантов, целесообразно рассмотреть понятие "типы основ", так как определение типа основы существительного является необходимым условием, позволяющим сопоставлять основы разных существительных.

Тип основы существительного получает название по согласному в исходе основы опорной словоформы, т.е. такой словоформы, которая имеет в исходе основы согласный, выступающий у этого существительного в большинстве парадигматических позиций. Опорная словоформа должна удовлетворять следующим условиям: а) она не должна иметь окончания, влияющего на конечный согласный основы, т.е. окончание не должно обуславливать изменение конечного согласного основы по признакам: твердость-мягкость, участие голоса, локальный ряд, способ образования; б) она должна быть достаточно частотной, что позволяло бы легко записать ее во время сбора материала (например, словоформы Дательного падежа не могут быть опорными из-за малой употребительности дательного падежа). В качестве опорной наиболее удобна словоформа И.ед., т.е. исходная форма, например: И.ед. matk-a - основа на -k. Однако эта словоформа может быть опорной только в том случае, если имеет не-нулевое окончание, так как при нулевом окончании происходит нейтрализация конечного согласного основы по признаку глухости-звонкости (например: {domp-} - {demb-la}), а иногда и по признаку твердости-мягкости (например: {goXomp-} - {goXem'b'-la}). Если в И.ед. существительное имеет словоформу с нулевым окончанием, то его тип основы определяется по следующей, второй, парадигматической позиции - Р.ед. (например: И.ед. domp-, Р.ед. demb-a - основа на -b). Таким образом, считается, что два существительных имеют один и тот же тип основы, если в опорной словоформе они имеют в исходе осно-

вы один и тот же согласный, например, существительные пов (мужского рода), кова (женского рода), m'ensa (среднего рода) имеют основу на -s.

Как уже говорилось выше, в парадигме одного существительного согласные в исходе основы могут различаться по четырем признакам (твердость-мягкость, участие голоса, локальный ряд, способ образования). Такие же различия характеризуют и типы основы у разных существительных. По этим признакам согласные в исходе основы образуют определенные классы звуков, и в соответствии с этим типы основ можно объединить и говорить, например, об основах на мягкий согласный (мягкий тип основы), об основах на твердый согласный (твердый тип основы), об основах на глухой согласный, на звонкий согласный, об основах на задненебный согласный, либо об основах на твердый глухой согласный, на мягкий звонкий согласный, на глухой задненебный согласный и т.д. Если в опорной словоформе конечные согласные основы двух существительных можно объединить хотя бы по одному из указанных четырех признаков, то считается, что эти существительные имеют подобные типы основы. Например, типы основы существительных baba [bab-] и sowa [sow-] подобны, так как конечные согласные основ имеют одинаковые признаки "твердость-мягкость", "участие голоса", "локальный ряд"; типы основы существительных baba и woda [wod-] подобны, так как конечные согласные основы имеют одинаковые признаки: "твердость-мягкость", "участие голоса", "способ образования". Но у существительных goXomp [goXem'b'-] и lav [lav-] типы основы не являются подобными, так как конечные согласные основ здесь различны по всем четырем признакам.

Такая группировка существительных по типам основы является в ряде случаев необходимой. Так, она нужна при описании наборов окончаний, потому что тип основы может обуславливать различие наборов окончаний, например, у неодушевленных существительных мужского рода ogon [ogon-] и ogn'en' [ogn'-]: П.ед. ogon'ě - ogn'-u, И.мн. ogon-u - ogn'-i. Группировка существительных по типам основы нужна также при описании наборов альтернантов, так как по типу основы можно судить о характере изменений конечного согласного основы в парадигме, например, у существительных мужского рода основы на твердый звонкий согласный (ТЗС) имеют в парадигме чередование по участию голоса (И.ед. xlep-, mgos- - Р.ед. xleb-a, mgos-u), по признаку твердости-мягкости (Т.ед. xleb-em, mgos-em - П.ед. xleb'-ě, mgoz'ě), по двум этим признакам одновременно (И.ед. xlep-, mgos- - П.ед. xleb'-ě, mgoz'-ě); основы на твердый глухой согласный (ТГС) имеют в парадигме только чередование по признаку твердости-мягкости (И.ед. ser-, wXos-, Д.ед. ser-u, wXos-u и т.д. - П.ед. ser'-ě, wXos'-ě).

¹⁷ Далее, для краткости, в этом смысле употребляется словосочетание "набор альтернантов".

После определения типа основы существительного выявляются все альтернанты в исходе основы и составляется набор альтернантов. Рассмотрим примеры, показывающие, как понятия "альтернант", "набор альтернантов" используются при анализе и классификации парадигм.

Так, существительное *спор* (основа [спор-]) во всех парадигматических позициях, кроме Пр.ед., имеет в исходе основы ТТС -р; в Пр.ед. основа оканчивается на МГС -р', в результате чего в этой парадигматической позиции выступает, кроме окончания, еще один формальный признак, по которому словоформа Пр.ед. противопоставляется остальным словоформам парадигмы. Следовательно, в исходе основы данного существительного выступают альтернанты -р и -р', которые противопоставлены по признаку твердости-мягкости. Они составляют набор альтернантов, который может быть записан следующим образом: [-р -р']₆¹⁸. Он состоит из двух альтернантов. Другой пример: существительное *хлеб* [хлеу-] во всех парадигматических позициях, кроме И.ед., В.ед., и П.ед., имеет в исходе основы ТТС -w; в И.ед. и В.ед. оно имеет ТТС -f, а в П.ед. - МЗС -w'. Значит, в исходе основы данного существительного выступают альтернанты -w, -f, -w', которые противопоставлены друг другу по признаку твердости-мягкости: *w -w'*, по участию голоса: *w - f*, по двум этим признакам одновременно: *f -w'*. Существительное *хлеб* имеет набор альтернантов: [-w -f_{1,4} -w'₆]. Наконец, еще один пример: существительное *кот* [кот-] во всех парадигматических позициях, кроме П.ед. и И.мн., имеет в исходе основы ТТС -t. В П.ед. и И.мн. возможно параллельное употребление словоформ с основой на ТТС -t и на МГС -c'. Согласные -t и -c' являются альтернантами по признаку твердости-мягкости и по способу образования, но они составляют единый компонент набора альтернантов -(t||-c')¹⁹, который в парадигме противопоставлен -t, так как -(t||-c') выступает только в П.ед. и И.мн., а в остальных позициях выступает только -t; -(t||-c') является парадигматическим показателем "альтернант в исходе основы" в П.ед. и И.мн. Следовательно, данное существи-

¹⁸ Правила записи наборов альтернантов: а) цифрой внизу справа обозначается номер парадигматической позиции; б) отсутствие цифры означает, что данный альтернант характеризует все словоформы парадигмы, кроме обозначенных цифрой (или цифрами); в) на первом месте записывается альтернант, манифестирующий тип основы; последующие альтернанты записываются по порядку нумерации парадигматических позиций, считая от первой (И.ед.).

¹⁹ Знак || употребляется в том смысле, что альтернанты выступают в исходе основы в параллельных словоформах, отмеченных в одной и той же парадигматической позиции.

тельное (а также все другие существительные мужского рода, одушевленные, с основой на -t) имеет набор альтернантов: [-t -(t||-c')]_{6,7}¹, который является парадигматическим показателем всей этой группы существительных.

Однако в тех случаях, когда у какого-либо из существительных этой группы не зафиксировано параллельных словоформ в позиции П.ед. или И.мн., либо ни в одной из этих позиций, парадигматический показатель здесь меняет вид, а в результате - меняется и парадигматический показатель "набор альтернантов". При этом, имеются следующие возможности:

1) [-t -c'₆ -(t||-c')₇], т.е. в П.ед. - только словоформы с основой на МГС, в И.мн. - параллельные словоформы.

2) [-t -(t||-c')₆ -c'₇], т.е. в П.ед. - параллельные словоформы, в И.мн. - только с основой на МГС.

3) [-t -(t||-c')₆], т.е. в П.ед. - параллельные словоформы, в И.мн. - только словоформы с основой на ТТС.

4) [-t -(t||c')₇], т.е. в П.ед. - только словоформа с основой на ТТС, в И.мн. - параллельные словоформы.

5) [-t -c'₆], т.е. в П.ед. - только словоформа с основой на МГС, в И.мн. - только с основой на ТТС.

6) [-t -c'₇], т.е. в П.ед. - только словоформа с основой на ТТС, в И.мн. - только с основой на МГС.

7) [-t -c'_{6,7}], т.е. в П.ед. и И.мн. - только словоформы с основой на МГС.

Все эти наборы альтернантов представляют собой варианты одного и того же набора альтернантов одушевленных существительных мужского рода - [-t -(t||-c')]_{6,7}¹.

Возможен также еще вариант (8), когда в П.ед. и И.мн. отсутствуют параллельные словоформы и отмечены только словоформы с основой на ТТС. В этом случае альтернантии в исходе основы нет. Однако если слово входит в группу существительных, для которой установлена возможность появления параллельных словоформ в определенной парадигматической позиции или нескольких позициях, но у самого этого слова параллельные словоформы не зафиксированы, то считается, что оно потенциально имеет такой же набор альтернантов, как и существительные, у которых отмечены параллельные словоформы. Так, считается, что одушевленные существительные мужского рода с основой на -t имеют набор альтернантов: [-t -(t||-c')]_{6,7}¹, хотя у некоторых из них этот парадигматический показатель выступает в измененном виде либо вообще не реализуется.

Тот факт, что в ряде случаев набор альтернантов не реализуется, свидетельствует о дополнительном характере этого парадигматического показателя. Это показывает, что по сравнению с окончаниями

альтернанты в исходе основы играют второстепенную роль при противопоставлении словоформ в парадигме. Дополнительный характер парадигматических показателей "альтернант", "набор альтернантов" проявляется также в том, что у ряда существительных альтернации в исходе основы вообще невозможны. Сюда относятся существительные:

а) с основой на -с, -щ, -ъ, например: мужской род - рас, кос, dozorca, lešč. karč, probešč, kloč, w'erč; женский род - nos, ofca, klač, tenča, gruča;

б) с основой на мягкий глухой согласный, например: мужской род - karas', gos'c', z'en'c'; женский род - os', gen'v, n'ic', swac'a;

в) с основой на мягкий сонорный согласный и на -j, например: мужской род - čebel, wrubel, kowal, žem'en', okun', k'ij, z'oz'ej; женский род - čapla, n'ez'ela, s'w'in'a, laz'n'a, z'em'a, baleja; средний род - pola, polowan'a, jaja;

г) а также существительные типа z'az'a - с основой на мягкий звонкий согласный и с окончанием -а в И.ед.

К перечисленным группам существительных понятие: парадигматический показатель "набор альтернантов" - не применимо. При классификации по парадигматическим показателям основы существительные делятся, прежде всего, на две группы: существительные, имеющие парадигматический показатель "альтернант в исходе основы", и существительные, у которых такой показатель отсутствует, что обусловлено их типом основы (у существительных типа z'az'a - спецификой набора окончаний).

От этих последних существительных следует отличать существительные, у которых, как показано выше, парадигматический показатель "набор альтернантов" может быть не реализован, что зависит не от типа основы, а от специфики словоформ, составляющих парадигму. Это бывает в тех случаях, когда известно, что в определенной парадигматической позиции возможно появление словоформ-вариантов, имеющих различие в исходе основы. Если словоформы в парадигме таковы, что не образуют альтернаций в исходе основы (хотя тип основы и допускает это), то парадигматический показатель "набор альтернантов" имеет у таких существительных нулевое значение, в отличие от тех существительных, у которых сам тип основы исключает возможность альтернаций и потому этот парадигматический показатель имеет отрицательное значение.

Итак, в основе большинства существительных может быть выделен парадигматический показатель "набор альтернантов". Два существительных имеют о д и н а к о в ы е наборы альтернантов, если:

1) их основа оканчивается на один и тот же согласный, т.е. они имеют одинаковый тип основы, 2) чередование согласного в исходе основы выступает у них в одних и тех же парадигматических позици-

ях и характеризуется одними и теми же четырьмя признаками (твердость-мягкость, участие голоса, локальный ряд, способ образования) При этом, если существительные имеют подобные типы основы, то при прочих равных условиях наборы альтернантов таких существительных считаются п о д о б н ы м и.

Если наборы альтернантов двух существительных не удовлетворяют хотя бы одному из указанных условий, то считается, что существительные имеют р а з н ы е наборы альтернантов.

Иными словами, два существительных имеют одинаковый набор альтернантов, если парадигматические показатели "альтернант" соответственно совпадают в каждой парадигматической позиции; два существительных имеют разные наборы альтернантов, если у них не совпадает хотя бы один из парадигматических показателей "альтернант".

Если одно из существительных имеет в своем наборе парадигматический показатель в виде параллельных альтернантов, а второе существительное не содержит такого показателя, а вместо него в той же парадигматической позиции выступает один из этих альтернантов, то считается, что такие существительные имеют общий набор альтернантов (при условии тождества остальных компонентов набора).

Приведем пример одинаковых наборов альтернантов. Существительные женского рода с основой на -b - baba и žaba - имеют в исходе основы -b во всех позициях, кроме Д.ед., П.ед. и Р.мн.; в П.ед. у них в исходе основы -b' (bab'-é, žab'-é). Известно, что в Д.ед. и Р.мн. существительные женского рода с основой на ТЗС (кроме -j, -ž, -ž) могут выступать в виде словоформ-вариантов, имеющих различия в исходе основы. Допустим, что в Р.мн. указанные существительные имеют одинаковый парадигматический показатель "альтернант в исходе основы" -(b||-p): bab-of||bar-, žab-of||žar-, но в Д.ед. у существительного baba зафиксированы параллельные словоформы bab-oj||bab'-a, а у существительного žaba - только словоформа žab-oj.

В таком случае эти существительные имеют следующие наборы альтернантов:

существительно baba: [-b -(b||-b')₃ -b'₆ -(b||-p)₈],

существительно žaba: [-b -b'₆ -(b||-p)₈].

Эти наборы различаются тем, что в третьей позиции (Д.ед.) они имеют разные показатели: -(b||-b') - у существительного baba и -b - у существительного žaba. При чем, альтернант -b входит в состав альтернанта -(b||-b'). Значит, набор альтернантов существительного žaba "вмещается" в рамки набора существительного baba. Отсюда следует, что эти существительные имеют общий набор альтернантов.

Рассмотрим также некоторые случаи, когда существительные имеют разные наборы альтернантов. Сравним, например, наборы альтернантов неодушевленного существительного мужского рода впор и неодушевлен-

ного существительного женского рода кора имеющих основу на -р:

существительное *спор*: [-р -р' 6],

существительное кора: [-р -(р'р')] 3 -р' 6].

Эти существительные имеют разные наборы альтернантов, так как различаются по признаку рода, что обуславливает различие парадигматических показателей в третьей позиции (Д.ед): если существительное кора в этой позиции может реализоваться в виде словоформ-вариантов с исходом основы на -р и -р' (кор-ај кор'-а), то существительное *спор* в той же позиции всегда выступает только в виде словоформ с основой на -р (*спор-у*), т.е. не может иметь чередования.

Далее, сравним наборы альтернантов существительных мужского рода, неодушевленных, *спор* и *домр*:

существительное *спор*: [-р-р' 6],

существительное *домр*: [-b-р_{1,4} -b' 6].

Различие наборов альтернантов у этих существительных обусловлено тем, что они имеют разный тип основы (на ТТС -р и на ТЗС -b), в результате чего альтернанты в наборе существительного *домр* противопоставляются не только по признаку твердости-мягкости (b -b'), как в наборе существительного *спор* (р -р'), но и по участию гласа (b -р), а также по обоим этим признакам одновременно (b' -р).

Наконец, последний пример: существительные *спор* и *рѣот* (неодушевленные мужского рода).

существительное *спор*: [-р -р' 6]

существительное *рѣот*: [-т -с' 6].

Эти существительные имеют основу на ТТС, однако нельзя считать, что основы на -р и на -т можно объединить в один тип, так как основы на -р имеют в парадигме чередование по признаку твердости-мягкости, а основы на -т — не только по этому признаку, но одновременно и по локальному ряду и по способу образования. Следовательно, данные существительные имеют разные наборы альтернантов.

С другой стороны, существительные *дом*, *огон* и *ков'с'оѣ* имеют разные, но подобные наборы альтернантов:

существительное *дом*: [-m-m' 6],

существительное *огон*: [-n -n' 6],

существительное *ков'с'оѣ*: [-ѣ -ѣ' 6].

Основы этих существительных оканчиваются на разные согласные, которые составляют класс твердых сонорных согласных — основы эти являются подобными; характер противопоставлений в парадигме — одинаков (чередование по признаку твердости-мягкости); чередование осуществляется в одних и тех же парадигматических позициях. Поэтому наборы альтернантов существительных *дом*, *огон*, *ков'с'оѣ* являются подобными. Они могут быть объединены и записаны условно в следующем виде: [-N -N' 6].

На основании парадигматических показателей "набор окончаний" и "набор альтернантов" можно судить об эквивалентности или неэквивалентности парадигм. Термин "эквивалентность парадигм" заимствован из книги А.А.Зализняка "Русское именное словоизменение", упоминавшейся в данной статье уже неоднократно²⁰. Однако здесь этот термин используется в несколько ином значении. Эквивалентными мы считаем парадигмы, имеющие одинаковые наборы альтернантов и подобные наборы альтернантов в исходе основы. В определении А.А.Зализняка в качестве необходимых условий эквивалентности названы также: а) одинаковое внутреннее устройство парадигм²¹, б) одинаковая их акцентуация. При используемом нами объекте исследования эти условия не являются необходимыми, так как: а) мы рассматриваем только слова, относящиеся к одному и тому же грамматическому разряду слов²², о которых заранее известно, что их парадигмы имеют одинаковое внутреннее устройство²³; б) исследуемая языковая система имеет парокситонический тип ударения и поэтому акцентуация не является парадигматическим показателем (как в узком, так и в широком смысле слова).

Таким образом, для определения эквивалентности парадигм используются лишь два показателя — набор окончаний и набор альтернантов в исходе основы.

Парадигматические показатели "набор окончаний" и "набор альтернантов" составляют полную характеристику парадигмы²⁴.

²⁰ Определение "эквивалентность парадигм" см. А.А. З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 128.

²¹ Т а м ж е, стр. 93.

²² О понятии "грамматический разряд слов" см. А.А. З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 33; там же приведена ссылка на работы, в которых используется это понятие: Р.И.А в а н е с о в и В.И.С и д о р о в. "Очерк грамматики русского литературного языка", ч. I. Фонетика и морфология. М. 1945, стр. 83, А.А. С м и р н и ц к и й. Лексическое и грамматическое в слове. "Вопросы грамматического строя". М., 1955, стр. 32.

²³ Исключение здесь составляют существительные *singularia tantum* и ряд существительных *pluralia tantum*, которые в данной статье не учитываются.

²⁴ Термин А.А. Зализняка, См. А.А. З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 129.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Парадигмы двух существительных с одинаковой полной характеристикой являются одинаковыми, тождественными. Совокупность всех парадигм с одинаковой полной характеристикой называется элементарным подклассом парадигм²⁵. Иными словами, если два существительных имеют одинаковые наборы окончаний и одинаковые наборы альтернантов, то парадигмы таких существительных относятся к одному и тому же элементарному подклассу парадигм. Например, существительные *babą* и *żabą* имеют одинаковый набор окончаний:

$$[-A_{1,4} -Y_{2,7,10} -(\dot{a}||-əJ)_3 -O_5 -\dot{a}_6 -(OF|\text{-}\emptyset)_8 -əM_9 -AM'I_{11} -AX_{12}]$$

и одинаковый набор альтернантов:

$$[-b -(b' || -b)_3 -b'_6 -(b||-p)_8].$$

Парадигмы этих существительных относятся к одному и тому же элементарному подклассу парадигм. Существительные *krowa* и *wowa* также имеют одинаковый набор окончаний (такой же, как в предыдущем примере) и одинаковый набор альтернантов:

$$[-w -(w' || -w)_3 -w'_6 -(w||-f)_8]$$

и, следовательно, парадигмы этих существительных также относятся к одному и тому же элементарному подклассу парадигм.

Сопоставив парадигматические показатели этих двух пар существительных, парадигмы которых относятся к двум элементарным подклассам парадигм, мы видим, что эти пары существительных имеют одинаковые наборы окончаний и подобные наборы альтернантов. Отсюда следует, что парадигмы всех этих существительных (*a*, значит, и оба элементарных подкласса парадигм, представленных данными существительными) входят в состав одного и того же элементарного класса парадигм.

Этот элементарный класс парадигм может быть представлен как совокупность парадигматических показателей: "набор окончаний" + "набор альтернантов". Условная запись элементарного класса парадигм имеет следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} [-A_{1,4} -Y_{2,7,10} -(\dot{a}||-əJ)_3 -O_5 -\dot{a}_6 -(OF|\text{-}\emptyset)_8 -əM_9 -AM'I_{11} -AX_{12}] \\ [-b -(b' || -b)_3 -b'_6 -(b||-p)_8] \end{array} \right.$$

Элементарный класс парадигм можно назвать парадигматическим типом. Парадигматический тип предлагается считать минимальной единицей классификации парадигм имен существительных.

Всякая парадигма (для существительных – падежная парадигма) содержит неизменяемую часть, общую всем составляющим ее словоформам, и изменяемую часть, т.е. часть, отличающую одни словоформы от других. Для одних существительных польского языка неизменяемая часть парадигмы тождественна основе, а изменяемая часть – падежным флексиям; у других – к изменяемой части относится не только флексия, но и часть основы, обычно ее последний слог. Например, в парадигме существительного *meką* к изменяемой части относятся не только флексии *-a*, *-i*, *-e* и т.д., но и элементы основы *ę* и *k*, заменяемые в ряде словоформ соответственно на *ę* и *k'* или *s*. Именно эти изменения, относящиеся к основе и сопровождающие образование флексивных форм, составляют предмет настоящего описания и служат основанием для выделения морфонологических типов падежных парадигм существительного.

Поскольку модификация основы в парадигме свойственна не всем существительным, прежде всего определяется круг основ, подверженных модификации, и устанавливаются их характерные признаки. Затем выясняются морфонологические позиции, т.е. падежные формы и типы флексий, обуславливающие изменение основы и появление чередований; рассматриваются возможные способы модификации основ в парадигме, т.е. типы морфонологических чередований, обслуживающих парадигмы существительных в польском языке. При этом предполагается известной парадигма каждого отдельного существительного, т.е. набор всех его словоформ¹. Кроме того, предполагается известным то, как каждая реальная словоформа должна быть разделена на основу и окончание.

Термин "основа" употребляется обычно в двух разных значениях, смотря по тому, идет ли речь об отдельной словоформе конкретного существительного или о совокупности его словоформ, т.е. о пара-

¹ Сведения о реальном виде каждой словоформы практически любого существительного можно почерпнуть из таблиц, грамматических помет, иллюстративного материала словарных статей в "Словаре польского языка" под ред. В.Дорошевского. См. "Słownik języka polskiego" pod red. W.Doroszewskiego, t. I - XI, Warszawa, 1958 - 1969. См. также "Słownik poprawnej polszczyzny", Warszawa, 1973.

²⁵ См. А.А.Зализняк. Указ. соч., стр. 129-130.

дигме существительного в целом. В первом случае основа понимается как часть одной словоформы, остающаяся по отделении окончания (т.е. применительно к каждому существительному можно говорить об основе И.п.ед.ч., Р.п.ед.ч. и т.д.), во втором – как совокупность основ отдельных словоформ. Например, в словоформе Т.п.ед.ч. *meka* основой будет названа часть *mek-*, тогда как основа существительного *mek* в целой его парадигме будет представлена рядом из четырех различных основ: *mek-*, *mek'-*, *mes-*, *mak-*, каждая из которых характерна для какой-то части словоформ. В таком случае парадигмы существительных будут характеризоваться разным числом основ: парадигмы с одной основой, с двумя основами и т.д. Для парадигм, содержащих больше одной основы, целесообразно выделить одну основу в качестве исходной, так что прочие основы данной парадигмы будут считаться ее модификациями. Существуют разные способы и разные критерии определения исходной формы морфем и соответственно – исходной формы чередований². В данном случае исходной будет считаться основа, представленная в наибольшем числе словоформ парадигмы. В абсолютном большинстве случаев такое определение обеспечивает однозначный выбор исходной основы, в тех же редких случаях, где окажутся возможными альтернативные решения, выбор исходной формы будет дополнительно аргументирован. Каждый раз, когда потребуются определить основу существительного относительно целой парадигмы, будет указана исходная основа этой парадигмы, т.е. выражение "существительное с основой х" будет означать "существительное с исходной основой х".

Нередко термин "основа" употребляется в еще более обобщенном смысле – по отношению не к одному отдельному существительному, а к целому классу существительных, имеющих основы с тождественными морфологическими признаками (тождественными модификациями в парадигме). Например, говорят о существительных с основой на заднеязычный согласный, обозначая основу по одной ее (исходной) разновидности (ибо в ряде словоформ этого типа заднеязычный отсутствует, будучи заменен на переднеязычный свистящий или шипящий), о существительных с основой на мягкий губной и т.п. В морфологическом описании приходится иметь дело со всеми указанными понятиями, соответствующими термину "основа". Устранить эту нежелательную многозначность можно было бы введением разных терминов для каждого смысла, но чтобы не усложнять терминологию, мы будем стараться избегать двусмысленности в употреблении этого термина с помощью специальных уточнений.

² Подробнее об этом см. С.М.Т о л с т а я. О некоторых трудностях морфологического описания. – ВЯ, 1971, № 2.

Все субстантивные основы в польском языке могут быть разделены на два морфологических класса: изменяемые и неизменяемые. Первые подвержены морфологическим модификациям (чередованиям) и представлены в пределах парадигмы несколькими вариантами; вторые – выступают в неизменном виде во всех словоформах парадигмы. Принадлежность основы к одному из этих классов определяется рядом морфологических признаков основы.

Морфологическая система польского языка включает следующие единицы (морфемы): гласные – а о е ɔ ɛ u i; согласные – класс Р – твердые губные p b f w m; класс Р' – мягкие губные p' b' f' w' m'; класс Т – твердые переднеязычные t d s z n ʃ; класс Т' – среднеязычные ʃ ʒ ś ź ń l; класс К – твердые заднеязычные k g; класс К' – мягкие заднеязычные k' g'; класс С – свистящие аффрикаты s z; класс Ш – шипящие аффрикаты ʃ ʒ; класс Ш' – шипящие фрикативные ʃ ʒ; j r x.

Нормально существительные в польском языке имеют основу, оканчивающуюся на согласный. В тех единичных примерах, относящихся к сфере иноязычной лексики, где представлена вокалическая основа (основа, оканчивающаяся на гласный), эта основа не подвержена никаким модификациям в пределах парадигмы (например, *kamea*, *statua*). Поэтому в дальнейшем речь будет идти исключительно о консонантных основах.

Зоной морфологических изменений в консонантных основах является последний слог, всегда имеющий вид C_1VC_2 , где С – согласный или группа согласных, а V – гласный или # (фонологически – нуль, морфологически – гласный). Чередование может затрагивать любой компонент последнего слова основы: C_1 (*prut#n- /pruc#n-*), V (*wɔz#- /wɛz#-*), C_2 (*dʒut#- /dʒuc#-*), однако первый согласный слова (C_1) подвержен чередованию только в "слогах", содержащих #. Следовательно, основная масса чередований в парадигмах существительных затрагивает последний согласный основы – C_2 . В этой позиции в исходных основах могут выступать: 1) согласные, обязательно чередующиеся с другими согласными в любой парадигме; 2) согласные, подверженные чередованию в одних парадигмах и не подверженные в других; 3) согласные, не чередующиеся с другими согласными ни в одной парадигме.

К первой категории принадлежат согласные классов Р, Т, К, а также r; ко второй – Р', С и x; к третьей – Т', Ѓ, Ѕ, j. Так же распределяются и вокалические элементы исходной основы: # подлежит чередованию в любой парадигме; о ɔ а могут чередоваться с другими гласными в одних случаях и не чередоваться – в других; е ɔ u i не чередуются с другими гласными ни в одной парадигме существительных. Что касается согласных в позиции C_1 , то как уже было сказано, их чередования, если они есть, всегда сопровождают

чередования # с гласным, и значит, их можно не причислять к признакам изменчивости основ.

Таким образом, если основа существительного оканчивается на одну из фонем первой категории или включает #, то она, безусловно, принадлежит к изменяемым основам; если она имеет в исходе одну из фонем класса P' или содержит в последнем слогое о е или а, то она может быть как изменяемой, так и неизменяемой. Это зависит либо от типа парадигмы, к которой она принадлежит (точнее от того, содержит ли парадигма соответствующие морфонологические позиции), либо от внешних по отношению к морфонологии факторов (лексических, семантических, стилистических). И, наконец, если основа оканчивается на одну из фонем третьей категории (и при этом не содержит # о е³), она принадлежит к неизменяемым основам. Кроме перечисленных признаков, на изменчивость основы указывает наличие так называемой усекаемой группы (типа -in в mieszczanin, -um в muzeum, -ent в cielę и т.п.), однако этот признак следует считать индивидуальной особенностью основы или узкого круга основ, отмечаемой "словарем" исходных основ.

Исходные основы с перечисленными выше признаками представляют собой объект морфонологических изменений в парадигме. Однако такие изменения происходят лишь в строго определенных морфонологических условиях, или позициях. В системе склонения польских существительных насчитывается шесть таких позиций, в которых исходные основы претерпевают морфонологические модификации. Это позиции перед следующими падежными флексиями: 1) нулевой флексией (#) И.-(В.) падежа ед.ч. муж.р. и Р.п.мн.ч. женского и ср.рода; 2) е₁ - флексией М.п.ед.ч. муж. и ср. рода; 3) е₂ - флексией Зв.п.ед.ч. муж.рода; 4) i₂- флексией И.п.мн.ч. существительных лично-мужского рода; 5) em - флексией Т.п.ед.ч. муж. и ср. рода; 6) esch - архаической флексией М.п.мн.ч.муж. и ср. рода. Позиция перед i₁- флексией не лично-муж. рода обсуждается особо (стр. 95).

В первой позиции (перед нулевой флексией #) происходят чередования несколько типов: 1) нуль (#) в исходной основе заменяется гласным е, о или у, напр. p' # - s # → pies, pta' i' n # c - # → pta-
szyniec, o' x u w # k - # → o' x ó w e k, p' o w e n # k - # → p' i o s e n e k, k o z # x - # →
k o z i o x (условия изменения согласного, предшествующего #, пока не рассматриваются), l e k s j - # → l e k s y j; 2) o → u: g' x o w - # → g' x ó w,
b o b r - # → b ó b r; 3) e → o: m e ż - # → m a ż, m e k - # → m a k и, наконец,

3 Строго говоря, эти основы не должны содержать лишь беглого гласного и о, поскольку остальные гласные (е а), вообще подверженные чередованию, как раз в основах с исходом на фонемы третьей категории чередования не имеют.

4) консонантное чередование типа P' → P: z e m' - # → z i e m, g o x e b' - # →
g o l q e b, а также n' → n: s u k # n' - # → s u k i e n.

Во второй позиции (перед е₁) происходят консонантные чередования типа P → P', T → T', K → C, x → ř, r → ż (tom-e → tomie, mar-e → marie, g' x o s - e → g' x o s i e, d r o g - e → d r o d z e, s e x - e → s e s z e, p o r - e → p o r z e) и вокалические: а → е, о → е (lat-e → lecie, śan-e → sienie, śo' x - e → siele, ćo' x - e → czele).

Перед -e₂ в форме Зв.п.ед.ч. также имеют место чередования P → P', T → T' и чередования K → Ć, C → Ć, r → ż: pan-e-panie, brat-e → bracie, ć' x o w' e k - e → c z' x o w i e c z e, x' x o p' # c - e → c h' x o p c z e, p r o f e s o r - e → p r o f e s o r z e, и в отдельных случаях вокалические чередования о → е и а → е, аналогичные чередованиям в форме местного падежа: a' n o' x - e → a n i e l e, s a ś a d - e → s a ś i e d z i e.

Перед -i₂ в форме И.п.мн.ч. существительных лично-мужского рода наблюдаются консонантные чередования типа P → P'. T → T', K → C, x → ř, r → ż, а также вокалические чередования о → е и а → е: x' x o p - i → c h' x o p i, p o e t - i → p o e c i, r o l n i k - i → r o l n i c y, W' z o x - i → W' z o s i, r e d a k t o r - i → r e d a k t o r z y; s a ś a d - i → s a ś i e d z i, a' n o' x - i → a n i e l i.

Перед -em и i₁ происходит только чередование типа K → K': p t a k - e m → p t a k i e m, r o g - e m → r o g i e m; p t a k - i → p t a k i, d r o g - i → d r o g i.

Характер чередований перед флексией -ech, по-видимому, аналогичен характеру чередований перед -e₂: w N i e m c z e c h, n a W e g r z e c h, w W' z o s z e c h, w P r u s i e c h, n i e b i e s i e c h.

Перечисленные чередования, имеющие место в словоизменении существительных, представлены в табл.1.

Рассмотрим более подробно условия и характер этих чередований. Однако прежде придется сделать небольшое отступление в область методических вопросов морфонологии и повторить два основных и взаимосвязанных положения, существенных для квалификации чередований, которые специально были обоснованы в другом месте⁴. Речь идет, во-первых, о том, что каждый альтернант любого элементарного чередования имеет свои особые условия, которыми он определяется. Отсюда вытекает второе положение о том, что проблема обусловленности чередования не имеет никакого смысла, если не фиксировать направления чередования. При заданном направлении чередования: условно А → В, где А и В - чередующиеся фонемы, характер чередования определяется условиями, в которых выступает альтернант В. При этом существенна фонологическая и морфонологическая позиция альтернанта. Фонологическая позиция определяется качеством следующей фонемы, включая и паузу (#), поскольку фонологическое взаимодействие фонем в последовательности носит регрессивный характер. Морфоноло-

4 См. С.М.Толстая. Указ. соч., стр. 40-41.

Таблица 1.

1 \ 2	#	e ₁	e ₂	i ₁	i ₂	em	ech
#	e o y						
o	u	e	e		e		e
ę	ɔ						
a		e	e		e		
P		P'	P'		P'		-
P'	P						
T		T'	T'		T'		T'
T'	n						
K		c	č	k'	c	k'	-
K'							
c		-	č		-		č
č							
š							
x		š	-		š		š
r		z	z		z		z
j							

- 1 - морфологические признаки исходной основы;
 2 - флексии, перед которыми имеет место чередование;
 - отсутствие соответствующей флексии у основ с данным исходом.

гическая позиция - понятие более сложное. Она определяется морфологической функцией следующей фонемы (или фонем), например, *i* как флексия Р.ед., или принадлежностью следующей фонемы (фонем) к определенному морфологическому типу, например, беглое *e* в основах существительных или *c* в исходе основ существительных и т.п. Таким образом, морфологические условия (позиция) отличаются от фонологических только тем, что следующая фонема (фонемы) учитывается

не во всей совокупности возможных для нее употреблений, а лишь в части их.

Если при чередовании *A* → *B* альтернант *B* оказывается в таких фонологических условиях, в которых другой альтернант *A* невозможен, то чередование *A* → *B* следует считать фонологически обусловленным, или фонологическим. Например, при чередовании *p*' → *p* (*piev* → *pva*) альтернант *p* выступает в положении перед согласным, где другой альтернант *p*' фонологически недопустим, к какому бы типу морфем он ни принадлежал и какими бы ни были морфологические признаки соответствующих словоформ. Если при чередовании *A* → *B* оказывается, что альтернант *B* выступает в такой фонологической позиции, где допустимо также и *A*, то чередование должно быть признано фонологически не обусловленным. Его квалификация в таком случае зависит от того, допустимо ли *A* наряду с *B* в морфологических условиях, характерных для *B*. Если *A* возможно в той же фонологической позиции, что и *B*, но не возможно в той же морфологической позиции, что и *B*, то чередование *A* → *B* следует признать морфологически обусловленным, или морфологическим. Примером такого чередования может служить чередование заднеязычных *k, g* → *k', g'* перед *e* (*okno* → *okién*, *igła* → *igieł*). Фонологическая позиция перед *e* не исключает твердых заднеязычных, ср. формы В.ед.ж.рода типа *drogę* или широко распространенные заимствования типа *keks, geniusz*, тогда как морфологическая позиция в данном случае не допускает появления твердых заднеязычных. Как видим, оба рассмотренных случая - фонологически обусловленные и морфологически обусловленные чередования - определяются соответственно фонологической и морфологической позицией альтернанта *B*, и потому их в равной степени можно назвать позиционно обусловленными чередованиями.

Наконец, если *A* возможно в той же фонологической позиции, что и *B*, и, кроме того, возможно в той же морфологической позиции, что и *B*, то чередование *A* → *B* следует считать позиционно не обусловленным. Иллюстрацией здесь может служить чередование *w* → *w'* перед *i*-флексией Род.ед. (*brew* → *brwi*). Фонологически *w* твердое перед *i* вполне допустимо, ср. *wu*. Морфологическая позиция *B*, определяемая как "перед *i*-флексией Род.ед.", тоже не исключает *w* твердого, ср. *głowy*, следовательно, чередование *w* → *w'* не вызывается позиционными условиями ни фонологического, ни морфологического характера.

Если таким образом подойти к квалификации чередований, наблюдаемых в парадигмах польских существительных, учитывая еще то, что было сказано выше о выборе исходных форм и направления при установлении этих чередований, то мы получим следующую картину.

1. Чередования нуля с гласными е, о, у перед нулевой флексией могут относиться ко всем трем типам. Фонологический характер они носят только в случае неслоговости исходной основы, например, рв-, дн- рн-, лб- в сочетании с последующим # невозможны, отсюда pies, dzień, pień, Leb и т.п. Если же исходная основа слоговая, то обусловленность чередования зависит от того, возможно ли соответствующее консонантное сочетание в исходе слова⁵. Если такое сочетание невозможно, то появление гласного между его составляющими следует признать фонологически обусловленным. Так, сочетание -сj на конце слова не известно польскому языку, следовательно, чередование лексj-# → лексjа является фонологическим⁶. Если же консонантное сочетание возможно в исходе слова, то квалификация чередования зависит от того, возможно ли оно, кроме того, в той же морфонологической позиции. Так, сочетание -вх вообще допустимо перед паузой (ср. zmysł) и сверх того, оно допустимо в словоформах Род.мн. (ср. rzemiosł), и это заставляет считать чередование # → е в случае krzesło - krzesła позиционно не обусловленным. Примером морфонологического чередования может служить # → е в случаях типа główa - głowy, ибо сочетание -wk фонологически не запрещено (ср. tożmawka), однако в позиции перед нулевой флексией Род.мн. оно отсутствует. Если же рассматривать чередование гласных с нулем в обратном направлении, т.е. е, о, у → нуль перед ненулевой флексией, то, очевидно, что во всех случаях оно окажется необусловленным.

2. Чередование о → и перед нулевой флексией не связано с какими бы то ни было фонологическими или морфонологическими условиями, поскольку в этих позициях равно возможны словоформы с о, ср. ogród и epizod, droga - dróg, moda - mód и metoda - metod, piroga - pirog. Принятие обратного направления также приводит к необусловленному чередованию.

3. Чередование е → р, имеющее место в тех же грамматических позициях, что и предыдущее, также не зависит ни от фонологических, ни от морфонологических условий⁷. Ср. względ - względu, но wyg-

⁵ Перечень допустимых в польском языке консонантных сочетаний см.: M. B a r g i e X ó w n a. Grupy fonemów spółgłoskowych współczesnej polszczyzny kulturalnej. - ВРТJ, X, 1950.

⁶ Заметим, что вставка гласного - не единственный способ избежать недопустимых сочетаний. Другой способ состоит в том, что вместо нуля избирается другая падежная флексия, ср. более распространенный вариант той же формы Р.мн. lekcji.

⁷ Подробный анализ этого чередования на обширном материале художественных текстов первой половины XIX в. см. S t. W e s t f a l E: A alternation in modern Polish noun declension. - "The Slavonic and East European Review", v. 83, 1956.

ład - wyglądu; ręka - ręk, но wszęka - wszęć. Независимость от позиции сохраняется и при противоположном направлении чередования.

4. Чередование о → е, всегда сопровождающее чередование согласных в позициях перед -e₁, -e₂, -i₂, -ech при условии мягкости предшествующего согласного основы, представлено в очень ограниченном числе существительных: poróbł (poróbł-), anioł, archanioł, rólani- oł, kościół (kościół-), przyjaciel (przyjaćiel-), niebiosa (архаическая форма местного падежа - niebiesiech)⁸. Независимость этого чередования от фонетических и морфонологических условий очевидна из сравнения форм anioł - aniele и żywioł - żywiole.

5. Чередование а → е выступает в тех же позициях и в тех же условиях, что и предыдущее, но охватывает большее число случаев: существительные мужского рода świat (а также zaświat, wszechświat, mikroświat, но не poświat, okpiświat), powiat, sąsiad, obiad, las, wiatr (а также odwiatr, przywiatr, rólwiatr), kwiat (а также okwiat, nibykwiat, miodokwiat, złotokwiat), отглагольные образования с корнем -jazd (rozjazd, najazd, zajazd, objazd, odjazd, podjazd, przejazd, dojazd, pojazd, wjazd, wyjazd, przyjazd, zjazd); существительные среднего рода lato, miasto, ciasto, gniazdo, ciało, przeciwciasto, światło; существительные женского рода jazda (при колебаниях между отсутствием и наличием чередования в pojazda), wiara, niewiara, miara, ofiara, samoofiara, gwiazda (а также pragwiazda, protogwiazda, radiogwiazda, rozgwiazda), niewiasta. В ряде существительных формы с чередованием сохранились как устаревший вариант при нормальном отсутствии чередования: udział - udziale, уст. udziele; oddział - oddziale, уст. oddziele; pojazd - pojazdzie или pojeździe. Необусловленный характер этого чередования подтверждается многочисленными примерами отсутствия чередования в тех же позициях, ср. sąsiad - sąsiedzie, но przysiad - przysiadzie, zaświat - zaświecie, но poświat - poświacie и oświata - oświacie; ofiara - ofierze, но siara - siarze; ciało - ciełe, но działo - dziale.

6. Чередования согласных Р → Р' перед -e₁, -e₂, -i₂ не могут быть объяснены фонологической позицией, ибо как перед -e так и перед -i в польском свободно выступают твердые губные: pełny, wejście, bezcka, mecz; rytać, wyjaśnić, być, myśł. Что касается морфонологической обусловленности, то она бесспорно имеет место в

⁸ Однако в других категориях имен это чередование оказывается вполне регулярным, ср. uczone - uczeni, zaginiony - zaginieni и т.д.

чередованиях перед $-e_1$, $-e_2$, где твердые губные невозможны, ср. *głowie*. Однако чередования твердых губных с мягкими перед i -флексией Им.п.мн.ч. не могут считаться морфонологически обусловленными, ср. *spory, dęby, wółuwy, systemu*. При противоположном направлении чередования ($P' \rightarrow P$) во всех случаях отсутствует какая бы то ни было зависимость от позиции (кроме форм с нулевой флексией, где мягкие губные фонологически недопустимы).

7. Чередования типа $P' \rightarrow P$ перед нулевой флексией носят фонологический характер, однако при ином направлении ($P \rightarrow P'$) они окажутся необусловленными, поскольку твердые губные фонологически возможны перед любыми фонемами, начинающими падежные флексии, и действительно представлены в соответствующих словоформах. Эти чередования имеют место в форме И.ед. (или И.-В.) у нескольких десятков существительных мужского рода с основой на мягкий губной: *gołęb, korab, kiełb, jastrząb, jedwab, wab, źreb, drób; karp, karp, gar, kump, zap (zomp), ślep, drop, skarp (szkarp), cietrzew, paw, żuraw, żółw, tułów, nów, ołów, modrzew, kosodrzew, zatułów, śródtułów, przedtułów, głowotułów, czerw, szczaw; Wrocław, Radom, Oświęcim*; у существительных *białodrzew* и *srebrnodrzew* мягкость конечного согласного i , следовательно, чередование факультативны: Р.п. *białodrzewia* и *białodrzewu*, *srebrnodrzewia* и *srebrnodrzewu*. Среди существительных женского рода мягкий губной в исходе основы имеют 26 слов (из них одно на $-b'$ и 25 на $-w'$): *głęb, (głębi), marchew, panew, konew, brew, Narew, krew, łagiew, żagiew, stagiew, krokiew, cukiew, Zółkiew, warząchew, chorągiew, rzodkiew, brzoskiew, bukiew, brukiew, rukiew, ostrew, płatew, kotew, matew, ostew* и два слова могут иметь как мягкий, так и твердый губной в основе: *gązew - gązwi (= gązwa - gązwy), brzytew - brzytwi (= brzytwa - brzytwy)*. В форме Р.мн. перед нулевой флексией чередование $P' \rightarrow P$ отмечено лишь у трех существительных: *ziemia - ziem, przysławie - przysłów, przedślawie - przedsłów* (но *posławie - posławi* и т.д.).

8. Чередование $\acute{n} \rightarrow n$ перед нулевой флексией Р.мн. в отличие от предыдущего не связано с фонологической позицией, так как \acute{n} на конце слова вполне допустимо в польском, ср. *dzień, kwiecień* и т.п. Это чередование не зависит также от морфонологической позиции, ср. *kawiarnia - kawiarni* (наряду с *kawiarni*), *księgarnia - księgarń* (наряду с *księgarni*). Оно имеет очень малую распространенность и касается лишь следующих существительных: *suknia, studnia, stajnia, kuchnia, wisznia* (во всех случаях ему сопутствует чередование $\# \rightarrow e$). Это чередование отмечено также у существительных с суффиксом $-anin$: *mieszczanin, Słowianin, parafianin* т.д. (где ему со-

путствует усечение основы), однако условия его совершенно иные - оно имеет место не только перед нулевой флексией, но и перед другими флексиями: *Słowianach, mieszczanami*.

9. Морфонологическая характеристика чередования $T \rightarrow T'$ совпадает с характеристикой чередования $P \rightarrow P'$; а именно: фонологической обусловленности нет ни в одной позиции (ср. *te, ty*). Что же касается морфонологических условий, то они определяют чередование перед флексиями $-e_1$ и $-e_2$, где твердые зубные невозможны, тогда как в позиции перед $-i$ в форме Им.мн. такой предопределенности нет, ср. *kwiaty, noeci*. Точно такой же характер носит чередование $r \rightarrow \acute{z}$: *siostra - siostrze, pióro - piórze, profesor - profesorze, doktor - doktorzy*.

10. Для того, чтобы определить характер чередований заднеязычных согласных, следует уточнить их фонологический статус. Несомненной фонологической самостоятельностью в польском языке обладают твердые заднеязычные k, g , свободно употребляющиеся перед гласными заднего ряда и перед согласными. Что же касается мягких k', g' , то их фонологическая значимость обычно вызывает сомнение, поскольку в большинстве случаев они выступают в позициях, где их твердые корреляты невозможны. Прежде всего это относится к позиции перед $-i$, в которой представлены исключительно мягкие k', g' : *ptak - ptaki, droga - drogi*. Однако в позиции перед $-e$ твердые заднеязычные в отдельных, хотя и достаточно редких случаях употребительны, ср. *keks, kelnier, kemping, generał, geniusz*. Тем более возможны твердые k, g перед $-e$: *gęsty, gęba, gęs*, Вин.ед. *drogę, kępa, kęs, kędzierzawy*, Вин.ед. *rzekę* и т.д. Таким образом, позиция перед $-e, -ę$ должна быть признана различительной для твердых и мягких заднеязычных, откуда следует фонологическая самостоятельность мягких k', g' . Такое решение имеет самые серьезные последствия для морфонологической интерпретации чередований заднеязычных. Оно требует считать морфонологическим чередование $K \rightarrow K'$ перед флексией Тв. ед. $-em$: *człowiek - człowiekiem, oko - okiem*. В то же время чередования $K \rightarrow K'$ перед флексией $-i_1$ должны интерпретироваться как фонологически обусловленные.

В отличие от других серий согласных, имеющих во всех видах чередований единый тип изменения ("смягчения"), серия заднеязычных согласных, неоднородных по своим морфонологическим признакам, обнаруживает более сложную картину. Заднеязычные взрывные претерпевают три вида "смягчения": $K \rightarrow C$ перед $-e_1$ и $-i_2$ (*reka - ręce, robotnik - robotnicy*), $K \rightarrow \acute{C}$ перед $-e_2$ (*Wog - Woże, człowiek - człowiecze*) и $K \rightarrow K'$ перед $-em$ (*oko - okiem*) и $-i_1$ (*droga - drogi*).

Характер обусловленности этих чередований различен. Чередование $K \rightarrow C$ перед $-e_1$, не определяемое фонологической позицией (ибо фонологическое сочетание $K + e$ допустимо), носит морфонологически обусловленный характер, поскольку в данной грамматической форме сохранение K невозможно. Значительно сложнее оказывается интерпретация того же чередования $K \rightarrow C$ перед i . Хотя фонологически сочетание $K + i$ недопустимо (возможно лишь $K' + i$), все же чередование $K \rightarrow C$ нельзя считать фонологически обусловленным. Дело в том, что фонологическая позиция в данном случае определяет отсутствие K и сам факт чередования, и в этом смысле чередование $K \rightarrow C$ фонологически обусловлено. Но результат этого чередования т.е. альтернант C не зависит от фонологического соседства $-i$, поскольку в этой же позиции возможно появление другого альтернанта — K' , ср. *ptak - ptaki, droga - drogi*. В чередовании $K \rightarrow C$ как бы совмещены два последовательных этапа: чередование $K \rightarrow K'$, которое перед i носит фонологический характер, и затем, чередование $K' \rightarrow C$, фонологически не обусловленное (ибо $K' + i$ допустимо), но и морфонологически не обусловленное, потому что в тех же грамматических формах возможно отсутствие чередования $K' \rightarrow C$ и сохранение K' . Таким образом, чередование $K \rightarrow C$ перед i принадлежит к типу необусловленных чередований.

Чередование $K \rightarrow \check{C}$ перед $-e_2$, не зависящее от фонологической позиции, обнаруживает морфонологическую обусловленность, поскольку ни K , ни K' перед $-e_2$ не возможны.

Чередование $K \rightarrow K'$ перед $-em$ также носит морфонологический характер.

Заднеязычный фрикативный x по своим фонологическим и морфонологическим признакам отличен от взрывных k, g . Фонологическое отличие состоит в том, что в позиции перед i одинаково возможно и твердое x и мягкое x' : *chylić wię, chuba* и *chichotać, chibiński*, тогда как в серии взрывных в этой позиции возможны лишь мягкие k', g' . Наоборот, в позиции перед $-e$ представлен лишь твердый x . В морфонологическом плане для x характерно наличие двух типов (ступеней) "смягчения": $x \rightarrow \check{x}$ перед $-e_1, -ech$ (*strzecha - strzesze, wXochy - wXoszzech*) и $x \rightarrow \acute{x}$ перед $-i_2$ (*mnich - mnisi*)⁹.

Поскольку сочетания $x + e$ для польского языка являются нормальными, хотя и сравнительно редкими (*chełbotać, chemia, trochej*),

⁹ У существительных это едва ли не единственный пример чередования $x \rightarrow \acute{x}$ (возможно также *pastuch - pastusi* наряду с *pastuchy*), ибо прочие существительные с исходом на $-ch$, даже если они относятся к названиям людей, не имеют в И.мн. чередования, благодаря пренебрежительному характеру выражаемого ими значения: *tXu-*

чередование $x \rightarrow \check{x}$ перед $-e_1, -ech$ должно интерпретироваться как морфонологически обусловленное: в данных грамматических формах при наличии данных флексий оно обязательно.

Чередование $x \rightarrow \acute{x}$ перед $-i_2$ не зависит ни от фонологической (ср. *chylić, chuba*), ни от морфонологической позиции (ср. *cecha - cechy, bebech - bebecy, tXuścioch - tXuściochy*), и потому трактуется как необусловленное чередование.

11. Чередование $C \rightarrow \check{C}$ отмечается в позиции перед $-e_2$ (*chXopiec - chXopcze, ksiądz - księże*) и перед $-ech$ (*Niemcy - Niemczech*) и носит морфонологический характер, поскольку фонологическое сочетание $C + e$ в польском допустимо: *cecha, M. ед. drozde*.

12. Помимо рассмотренных выше чередований, модифицирующих основы существительных в падежной парадигме, в польском склонении имеется еще два вида изменения основы, о которых следует говорить особо. Это чередование последнего согласного основы и усечение (либо наращение) основы. Первое из них всегда сопутствует чередованию нуля с гласными e, o : *rdłotno - rdłócien, kotła - kocioł*. Это чередование не связано в большинстве случаев ни с фонологическими, ни с морфонологическими условиями, поскольку в тех же грамматических формах оно может отсутствовать, ср. *krosno - krosien*, но *wiosna - wiosen; kozła - kozioł*, но *węzła - węzeł*. Исключение составляют чередования $k \rightarrow k', g \rightarrow g'$, потому что сохранение твердых k, g перед беглым e невозможно: *iskra - iskier, igła - igieł*, а также чередование твердого согласного с мягким перед суффиксом $-ec$, которому всегда предшествует мягкий согласный: *fachowca - fachowiec, niemca - niemiec, dworca - dworzec*. При противоположном направлении многие из этих чередований (в частности все чередования губных типа $P \rightarrow P'$) оказываются фонологически обусловленными последующим согласным.

Усечение основы представлено в нескольких компактных группах существительных: в названиях молодых животных типа *źrebię, cielę* перед нулевой флексией И.-В.ед; в группе имен на $-ę$ типа *imię, strzemię* перед нулевой флексией И.-В.ед.; у существительных с суффиксом $-anin$: *mieszczanin, Słowianin* во множественном числе; у существительных на $-um$: *akwarium, kryterium, muzeum* в формах мно-

ścioch - tXuściochy, lekkoduch - lekkoduchy, uparciuch - uparciuchy. В остальных случаях (при нейтральном значении) они имеют окончание $-owie$: *fellach - fellachowie, szach - szachowie*. Однако у прилагательных с таким исходом чередование регулярно: *głuchy - głusi*.

жественного числа. Очевидно, что никакой позиционной обусловленности здесь нет.

Таким образом, описанные выше чередования, выступающие в склонении польских существительных, обнаруживают различную морфологическую природу и различную степень регулярности. Одни из них оказываются обусловленными фонологической позицией, и в таком случае встает вопрос о правомерности их включения в морфологическое описание. Решение этого вопроса зависит от того, является ли данное чередование во всем его объеме фонологически обусловленным и сохраняется ли эта обусловленность при изменении направления чередования. Так, чередование нуля с гласными е, о, у перед нулевой флексией И.ед. и Р.мн. фонологически обусловлено только в случае несложности основы или фонологической недопустимости соответствующего консонантного сочетания на конце слова: $p\acute{n}\text{-}\# \rightarrow p\acute{n}e\acute{n}$, $kr\text{-}\# \rightarrow ki\text{-}er$, $znac\acute{k}\text{-}\# \rightarrow znaszec$; в остальных же случаях это чередование оказывается морфологически обусловленным или позиционно не обусловленным. Что касается фонологически обусловленного чередования $p \rightarrow p'$ в позиции перед нулевой флексией, то оно утрачивает фонологическую обусловленность при противоположном направлении чередования ($p \rightarrow p'$ перед ненулевой флексией позиционно не мотивировано). Поэтому, как кажется, из морфологического описания могут быть исключены лишь те чередования, которые во всем их объеме и при любом избранном направлении обнаруживают зависимость от фонологической позиции. К таким чередованиям относится, например, чередование $K \rightarrow K'$ перед $-i$. Однако даже и с этим случаем вопрос не вполне ясен. Отказ от рассмотрения чередования $K \rightarrow K'$ перед $-i$ с необходимостью влечет за собой отождествление основы с исходом K' и основы и исходом K : в парадигме существительного $ptak$ основа И.-Зв.мн. $ptak'-i$ должна быть отождествлена не с основой Т.ед. $ptak'-em$ что казалось бы совершенно естественным, а с основой остальных падежей $ptak-a, -u$ и др., что, конечно, нелепо. Это пример показывает, что даже чисто фонологические явления могут быть значимыми на морфологическом уровне, и морфологическое описание не вправе ими пренебрегать. Следовательно, и фонологический, и морфологический анализ словоформ типа $ptaki$ должен привести к выделению в составе основы мягкого согласного K' на том основании, что в других позициях (других словоформах), например, в форме $ptakiem$ эта мягкость оказывается фонологически и морфологически релевантной.

Не вполне очевидно даже исключение из состава чередований чередования звонких и глухих согласных в исходе основы в зависимости от нулевой или ненулевой флексии. Оно может быть оправдано лишь тем, что по целому ряду других соображений словоформы с нуле-

вой флексией всегда рассматриваются как "морфологически слабые" (ср. фонологически слабые позиции), т.е. не как исходные формы основы, а как производные, в которых чередование звонкого согласного с глухим перед нулевой флексией оказывается фонологически обусловленным.

К типу морфологически обусловленных чередований в склонении существительных относятся следующие: 1) чередование нуля с гласным (преимущественно е) перед нулевой флексией, если сочетание согласных, разделенных нулем, вообще возможно на конце слова, но в данной грамматической позиции недопустимо, ср. $g\acute{z}\acute{o}wk\text{-}\# \rightarrow g\acute{z}\acute{o}wek$; 2) чередование $P \rightarrow P'$ перед $-e_1, -e_2$; 3) чередование $T \rightarrow T'$ перед $-e_1, -e_2, -ech$; 4) чередование $r \rightarrow \acute{z}$ перед $-e_1, -e_2, -ech$; 5) чередование $K \rightarrow K'$ перед $-em$; 6) чередование $K \rightarrow C$ перед $-e_1$; 7) чередование $K \rightarrow \acute{C}$ перед $-e_2$; 8) чередование $x \rightarrow \acute{s}$ перед $-e_1, -ech$; 9) чередование $C \rightarrow \acute{C}$ перед $-e_2, -ech$.

К типу необусловленных чередований принадлежат чередования: 1) нуля с гласным (главным образом е) перед нулевой флексией при условии, что соответствующее консонантное сочетание в исходе основы возможно на конце слова не только фонологически, но и в данной грамматической форме ($krzes\acute{z}\text{-}\# \rightarrow krzesze\acute{z}$, но $rzemios\acute{z}o - rze\acute{m}ios\acute{z}$); 2) $o \rightarrow u$ перед $\#$; 3) $\acute{e} \rightarrow \acute{o}$ перед $\#$; 4) $o \rightarrow e$ перед $-e_1, -e_2, -i_2, -ech$; 5) $a \rightarrow e$ перед $-e_1, -e_2, -i_2$; 6) $P \rightarrow P'$ перед $-i_2$; 7) $\acute{n} \rightarrow n$ перед $\#$; 8) $T \rightarrow T'$ перед $-i_2$; 9) $r \rightarrow \acute{z}$ перед $-i_2$; 10) $K \rightarrow C$ перед $-i_2$; 11) $x \rightarrow \acute{s}$ перед $-i_2$; 12) усечение основы.

Степень регулярности чередования прямым образом зависит от характера его обусловленности: само собой разумеется, что фонологически обусловленные чередования отличаются абсолютной регулярностью; столь же обязательны для данной грамматической формы морфологически обусловленные чередования. Совсем иной вопрос — сфера действия чередования, его лексический объем, измеряемый числом основ, подверженных чередованию. Абсолютно регулярные чередования могут отличаться малой сферой действия либо из-за ограниченности круга основ, удовлетворяющих условиям чередования (ср. например, малое число основ с исходом на мягкие губные), либо из-за малой мощности соответствующих падежных флексий (ср. крайне редкую употребляемость флексии $-ech$ в М.мн. или флексии $-e_2$ в звательной форме основ на заднеязычный согласный при нормальной флексии $-u$). Напротив, для необусловленных чередований, появление которых необязательно в данной грамматической позиции, существенны именно лексические, словообразовательные, семантические, стилистические или иные признаки основ, имеющих чередование, в отличие от основ, не претерпевающих чередования в тех же грамматических формах. Та-

кого рода чередования могут отличаться и отличаются большой степенью регулярности при некоторых условиях, которые, однако, носят не морфологический характер. Так, например, чередования согласных перед $-i_2$ в форме Им.п.мн. числа вполне регулярны для существительных лично-мужского рода, лишенных пренебрежительной эмоциональной окраски. Что касается необусловленных чередований гласных, то в сущности их не удается связать с устойчивыми лексическими или фонетическими признаками основ и потому в большинстве случаев сведения о наличии или отсутствии чередования должны фиксироваться словарем как индивидуальная характеристика основы.

* * *

Перейдем теперь к вопросу о морфологической структуре субстантивных парадигм. Под морфологической структурой мы будем понимать такие характеристики парадигмы, как число разных видов основы и их распределение по падежам.

Существительные в польском языке могут иметь от одной до четырех разновидностей основы в пределах одной парадигмы. Например, существительное *rzecz* имеет во всех словоформах один и тот же вид основы ($\dot{z}e\check{s}$ -); существительное *maż* — два вида: $ma\check{s}$ и $ma\dot{z}$ -; существительное *wóz* — три вида: *vus*, *voz*- и *voź*-; существительное *źrebie* — четыре вида: *źreb'e*, *źreb'eć*- (фонетически *źreb'eńć*-), *źreb'ęt*- (фонетически *źreb'ent*-) и *źreb'ot*- (фонетически *źreb'ont*-). Кроме того, различным может быть распределение этих разновидностей основ в парадигме: у существительных с двумя основами в одних случаях основа Им.ед. может быть противопоставлена основе всех остальных словоформ (напр., у существительного *maż*), в других — основа Род.мн. противопоставлена основе остальных словоформ (например, у существительного *ziemia*) и т.д. Таким образом, выделяются четыре морфологических типа парадигм: I — парадигмы с одной основой, II — парадигмы с двумя основами, III — парадигмы с тремя основами и IV — парадигмы с четырьмя основами, а внутри II, III, IV типа — еще подтипы, отличающиеся друг от друга конфигурацией распределения разных видов основы по падежам. При этом мы будем исходить из 14-членной парадигмы: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный и звательный¹⁰ падежи

¹⁰ Как известно, вопрос о наличии звательного падежа является дискуссионным. Однако сомнения в интерпретации звательной формы как падежной покоятся исключительно на синтаксических соображениях. Что же касается морфологической интерпретации, то здесь как представляется, нет оснований для сомнений, ибо звательная

в единственном и множественном числе. Для удобства представления и сопоставления парадигм мы будем придерживаться следующей схемы:

	Ед.	Мн.
И.		
В.		
Р.		
Д.		
М.		
Тв.		
Зв.		

I. Парадигмы с одной основой

Огромное количество субстантивных основ в польском языке не претерпевает никаких изменений в пределах парадигмы: *śmierć*, *część*, *koszula*, *znaczenie*, *krzyż*, *krtan*, *gosposia*, *gęś*, *piec*, *pisarz*, *grosz* и т.д. Выше уже были указаны признаки неизменяемости основ (см. стр. 88). К ним принадлежат конечные согласные классов Т (\acute{c} \dot{z} \acute{s} \acute{z} \acute{n} l^{11}), \check{c} (\check{z}), \check{s} (\check{z}) и *j* при отсутствии в последнем слоге # и *o*. Наличие # в последнем слоге всегда связано с чередованием # → *e*, ср. *stopnia* — *stopień*; тогда как наличие *o* предполагает чередование *o* → *e* лишь в небольшой части случаев, ср. *gwoździa* — *gwoźdź*, но *gościa* — *gość*, *jakości* — *jakość*.

Из основ с другими консонантными исходами к неизменяемым принадлежит значительное число основ, оканчивающихся на мягкий губной, в парадигмах которых не представлена нулевая флексия, обуславливающая чередование $P' \rightarrow P$. Речь идет прежде всего о существительных среднего рода, у которых либо отсутствуют вообще формы множественного числа: *zdrowie*, *obuwie*, *mrowie*, *pogłowie*, *prawosławie*; либо во множественном числе Род.п. имеет флексию *-i*: *zagłębie*, *przyzębie*, *podziemie*, *przedstopie*, *nadszupie*, *zarekawie*,

форма является одной из регулярных форм словоизменения и потому может быть включена в словоизменительную парадигму наряду с другими словоформами.

¹¹ Исключения составляют пять основ с исходом *-n*: *suknia*, *studnia*, *stajnia*, *kuchnia*, *wisznia*, в которых *n* чередуется с *ń*, а также одна основа с исходом *-l*: *przyjaciel*, где в ряде форм *l* чередуется с \dot{L} .

zarzewie, wezgiowie, ogiowie, posiowie и т.п. Сюда же относятся и существительные, не имеющие форм ед. числа, причем форма Р.мн. у них также образуется с помощью флексии -i: drzewi, trzewia, konopie, wzarpie и т.д. Среди существительных женского рода вообще очень мало таких, которые оканчиваются на мягкий губной, однако и они как правило имеют неизменяемую основу, благодаря флексии -i в Р.мн.: giebna, stuxbia, skrobna, (исключение составляет ziemia - Р.мн. ziem). Из существительных мужского рода с исходом на мягкий губной неизменяемую основу имеют лишь несколько слов, относящихся к смешанному субстантивно-адъективному склонению: hrabia, wicehrabia, gograbia, margrabia, burgrabia.

Субстантивные основы всех трех родов с исходом на -с могут относиться и по большей части относятся к неизменяемым основам: azkic, miejsc, romos, prasa. Исключение составляет довольно обширная группа слов с суффиксом -ес, для которых характерно чередование # → е, а также в ряде случаев чередование с → щ в звательной форме: gupiec - gupcze, cudzoziemiec - cudzoziemcze, Niemiec - Niemcze (и Niemcu), plugawiec - plugawcze и т.д. Кроме того, не относится к неизменяемым основам существительное Niemcy (название страны), имеющее в М.п. архаическую форму Niemczech с чередованием с → щ, а в Род.п. - Niemiec с чередованием # → е.

И наконец, к неизменяемым относится значительная часть субстантивных основ с исходом на -х, поскольку условиям возможных для них чередований х → в и х → в удовлетворяют только существительные женского рода, где чередование нормально в Д. и М.ед., и единичные существительные мужского рода, имеющие либо лично-мужскую форму И.мн., либо архаическую форму Мест.мн. на -sch (см. выше).

II. Парадигмы с двумя основами

Парадигмы, в которых противопоставлены две разновидности основ, образуют большое число различных типов, каждый из которых имеет особое распределение этих разновидностей между падежными формами.

1. Парадигмы, в которых И.ед. (флексия #) имеет основу, отличную от всех других падежей. К этому типу относятся парадигмы одушевленных существительных мужского рода (у неодушевленных с формой И.ед. совпадает форма В.ед.) со следующими морфонологическими признаками: 1) с мягким губным в исходе основы, который в И.ед. чередуется с твердым (P' → P) перед нулевой флексией, напр., raw'-# → raw, kapr'-# → kapr и Т.д.; 2) с другими морфонологически мягкими согласными в исходе основы, т.е. с согласными классов Т', С, Щ, Ж, Ж, если они содержат одновременно в последнем слове основы беглый гласный (#), о или е,

	Ед.	Мн.
И.		
В.		
Р.		
Д.		
М.		
Тв.		
Зв.		

напр., uc#n'-# → uczeń, wrub#l- → wróbel; voz#-# → wódz, kozodoj#-# → kozodój, sobol#-# → soból; meż#-# → mąż, weż#-# → wez, gołeb'-# → gołab. Из существительных, удовлетворяющих перечисленным признакам, не относятся к данному типу названия лиц с суф. -ес, имеющие в звательной форме флексиию -е и чередование с → щ (młodziemiec - młodzięćsze), а также существительные, содержащие в последнем слове основы о или е, не чередующиеся соответственно с и и р.

2. Парадигмы, в которых основа И.-В.ед. (флексия #) противопоставлена всем остальным падежным формам. Сюда относятся неодушевленные существительные мужского рода и существительные женского рода с теми же морфонологическими признаками, что и предыдущая группа: stopień, łokieć, nóż, gwóźdź, tułów, jedwab, szczaw; łódź, sól, uprząż, głąb, brew, wieś, wesz. К этому же типу относится парадигма существительного tydzień - tygodnia.

	Ед.	Мн.
И.		
В.		
Р.		
Д.		
М.		
Тв.		
Зв.		

3. Основа Р.мн. (флексия #) противопоставлена основе всех остальных падежей. К данному типу относятся существительные женского и среднего рода, содержащие морфонологически мягкий согласный в исходе основы и беглый гласный о или е в последнем слове (то есть существительные с теми же морфонологическими признаками, что и две предыдущие группы): ziemia - ziem, suknia - sukniem, owca - owiec, lekcja - lekcuj, pole - pól, morze - morz, skrzypce - skrzypiec, przysławie - przysław.

	Ед.	Мн.
И.		
В.		
Р.		
Д.		
М.		
Тв.		
Зв.		

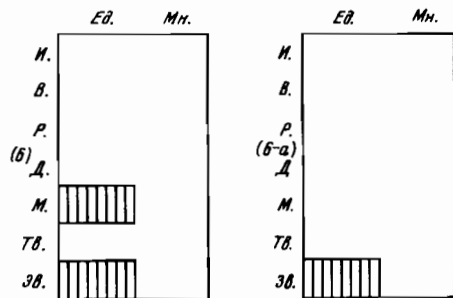
4. Основа М.ед. противопоставлена основе остальных падежных форм. К этому типу принадлежат существительные среднего рода с твердым согласным в исходе основы (кроме заднеязычных k, g). Твердый согласный сохраняется неизменным во всей парадигме и только в М.ед. он подвергается смягчению T → T', P → P', r → ŕ: dłuto, stado, dzieło, kolano, czasopismo, drzewo pióro.

Чередованию согласных может сопутствовать в форме М.ед. чередование а → е: lato - lecie, gniazdo - gnieździe. Не относятся к данному типу основы с беглым гласным, поскольку они имеют особую раз-

	Ед.	Мн.
И.		
В.		
Р.		
Д.		
М.		
Тв.		
Зв.		

новидность основы в Р.мн.: *biodro - bioder*. В отдельных случаях к рассматриваемому типу парадигм могут относиться существительные мужского рода, если они имеют, вопреки норме, форму Зв.ед., отличную от М.ед., напр., *kot - kocie (М.) - kot (Зв.)*.

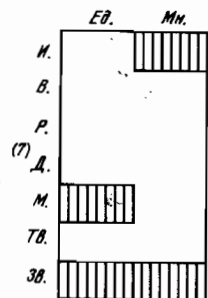
5. Основа М.ед. и Зв.ед. противопоставлена основе остальных падежных форм. К этому типу принадлежат существительные мужского

рода с теми же морфонологическими признаками, что и существительные среднего рода, относящиеся к предыдущему типу, поскольку нормально звательная форма у этих существительных мужского рода совпадает с формой М.ед., например, *kwiat - kwiecie (М.) kwiecie (Зв.)*, *ocean - oceanie - oceanie*, *rząd - rządzie - rządzie* т.д.

У ряда существительных, имеющих нерегулярную форму М.ед. на -и (*pan, dom, syn - panu, domu, synu*) и И.мн. на -owie или -у (*panowie, synowie, domy*) парадигма имеет несколько отличный от нормального вид (тип б-а).

Не относятся, однако, к данному типу парадигмы существительных мужского рода, имеющих лично-мужскую форму в И.мн. и совпадающую с ней форму Зв.мн. Эта категория существительных составляет следующий тип субстантивных парадигм.

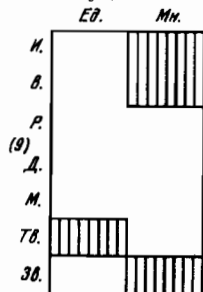
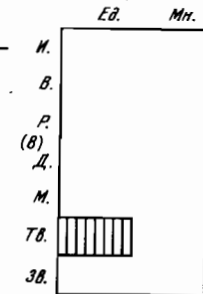

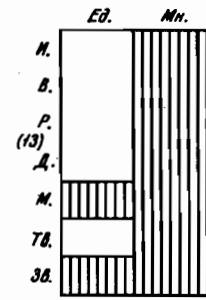
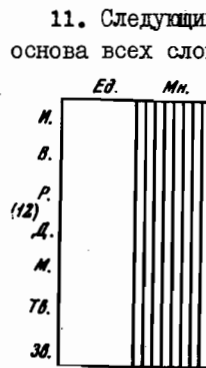
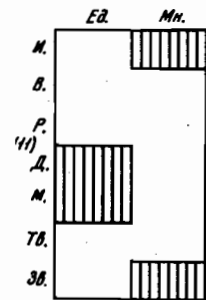
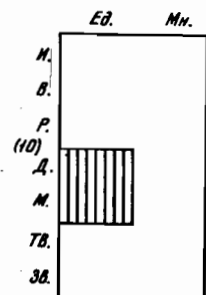
6. Основа М. и Зв.ед., И. и Зв.мн. противопоставлена основе остальных падежных форм. Парадигма данного типа характерна, например, для существительных *żsiad, anioł* (чередование согласных здесь сопровождается чередованием гласных *a → e* и *o → e*), *bohater (bohaterzy)*, *chłop, ataman, facet* и др.

7. Основа Тв.ед. противопоставлена основе остальных словоформ. К данному типу относятся существительные среднего рода с основой, оканчивающейся на заднеязычный -к (основы этого типа с исходом -е крайне редки, ср. *tango*): *Łyko, stanowisko, nazwisko* и т.д. Сюда, однако, не относятся большинство образований с продуктивным суф. -к-, поскольку они содержат беглый гласный, вокализирующийся в форме Р.мн.: *biurko-biurkiem - biurek*. И все же эта категория оказывается достаточно распространенной за счет входящих в нее дериватов с суффиксом -isko, не имеющих беглого гласного в своем составе. Этот же тип парадигмы характерен для обширного массива существительных лично-мужского рода с исходом основы -к, -g в тех вариантах парадигм, где И.-Зв. мн. образуется посредством флексии -owie (а не -i₂): *filolog - filologowie, pedagog - pedagogowie, klerk - klerkowie, prawnik - prawnikowie*. В большинстве случаев формы с -owie являются факультативными вариантами форм с -i₂, однако существительные с исходом на -к как правило образуют И.мн. посредством флексии -i₂ и не знают вариантов с -owie; те же редкие слова этого типа, которые имеют форму И.мн. на -owie обычно не образуют форм с -i₂ (сопровождающимся чередованием согласных), ср. *filolog - filologowie* или *filolodzy* но *klerk - только klerkowie*.

8. Основа Тв.ед., И.-В.-Зв.мн. противопоставлена основе остальных падежных форм. Такого рода парадигма характерна для существительных мужского (но не лично-мужского) рода с исходом основы К: *ptak, ekładnik, rociąg, śnieg* и т.д. Эта категория оказывается весьма многочисленной, благодаря дериватам с такими продуктивными суффиксами, как -ik, -nik, -ak. К ней однако, не относится обширный разряд основ с суффиксом -ек, так же как и другие основы, включающие беглый гласный или гласные о, е, чередующиеся с и, у, поскольку эти чередования приводят к образованию еще одной разновидности основы. То же самое касается лично-мужских существительных с исходом на к, г, которые имеют особую разновидность в формах И.-Зв.мн.

9. Основа Д.-М.ед. противопоставлена основе других падежей. Этот тип парадигмы характерен для очень большого класса именных основ - основ существительных женского рода, оканчивающихся на твердый согласный (кроме к, г): *osoba, rada, szafa, zima, strzecha, straża, rana, lampa, litera, rżesa, kobieta, trawa, faza, mucha*. К нему могут относиться также существительные мужского рода, изменяющиеся по женскому склонению, если они не имеют в И.-Зв.мн. лично-мужской

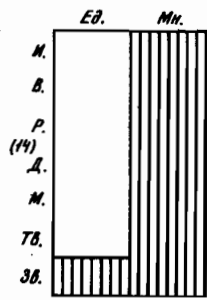

формы с флексией -i, ср. *starosta* - Им.мн. *starostowie*, *gazda* - *gazdowie*, но *faszysta* - *faszyci*.
 Чередование согласных может сопровождаться у существительных женского рода чередованием гласных а → е: *wiara* - *wierze*, *gwiazda* - *gwieździe*.

К данному типу не относятся существительные, включающие беглый гласный или гласные о, е, чередующиеся с u, р, поскольку они имеют три разновидности основы, напр., *wiosna* - *wiośnie* - *wiosen*, *woda* - *wodzie* - *wód*, *gęba* - *gębie* - *gęb*.

10. Упомянутые выше существительные мужского рода с твердым согласным в исходе основы, которые изменяются по женскому склонению, но имеют в И.-Зв.мн. лично-мужскую форму на -i, составляют особую категорию субстантивных парадигм, у которых в Д.-М.ед. и И.-Зв.мн. представлена основа, отличающаяся от основы остальных падежных форм. Примеры: *mężczyzna* - *mężczyźnie*, *mężczyźni*; *fatalista* - *fataliście*, *fataliści*; *poliglota* - *poliglocie*, *poligloci*.

11. Следующий тип парадигмы образуют существительные, у которых основа всех словоформ единственного числа противопоставлена основе всех словоформ множественного числа. Сюда относятся: 1) достаточно многочисленная группа интернациональных слов среднего рода на -um типа *muzeum*, *kryterium*, которые в единственном числе не изменяются, а во мн. числе имеют усеченную основу без -um: *muzea*, *kryteria* и т.д. 2) существительные *ziele*, *nasienie*, имеющие в формах мн. числа отвердение конечного согласного основы: *zioła*, *nasiona*; 3) существительное *ucho*, образующие формы мн. числа от основы *usz-*.

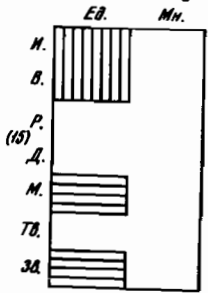

12. Два существительных мужского рода *brat* (13) и *ksiądz* (14) также противопоставляют основу единственного и множественного числа, однако, кроме того, они имеют в ед. числе отдельные формы, образуемые от той же основы, что и формы мн. числа.

III. Парадигмы с тремя основами

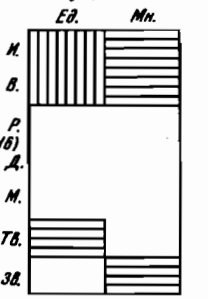
1. Основы И.-В.ед. - основа М.-Зв.ед. - основа остальных падежных форм. К данному типу относится обширный класс существительных мужского, но не лично-мужского рода с основой, оканчивающейся твердым согласным (который чередуется в М. и Зв. падежах ед. числа с морфологически мягким согласным), и с #, о или е в последнем слого основы (которые чередуются в И.ед. соответственно с е, u и а):

sen - *snu* - *snie*, *sweter* - *swetra* - *swetrze*, *węzeł* - *węzła* - *wezle*; *dwór* - *dworu* - *dworze*, *wóz* - *wozu* - *wozie*, *powrót* - *powrotu* - *powrocie*; *dąb* - *dębu* - *dębie*, *wzgląd* - *względu* - *względzie*, *wyręb* - *wyrębu* - *wyrębie*. Можно сказать, что этот тип парадигмы представляет собой объединение двух основных типов парадигм, а именно - типов (3) и (6).

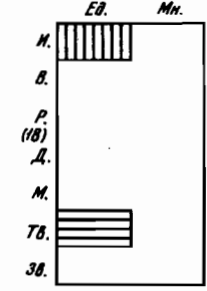
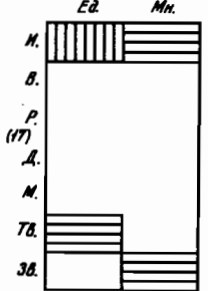
2. Основа И.-В.ед. - основа Тв.ед., И.-В.-Зв.мн. - основа остальных падежей. К этому типу относятся неодушевленные существительные мужского рода с основой на k, g, имеющие

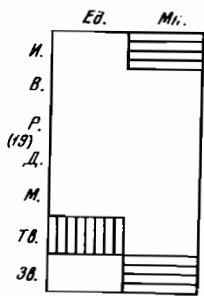
#, o, e в последнем слого основы. Существительных с такими признаками в польском языке очень много, среди них самую большую группу составляют уменьшительные существительные с суффиксом -ek. Примеры: *zegarek* - *zegarka* - *zegarkiem*, *zegarki*, *przystanek* - *przystanka* - *przystankiem*, *przystanki*; *róg* - *rogu* - *rogiem*, *rogi*, *stóg* - *stogu* - *stogiem*, *stogi*; *krąg* - *kręgu* - *kręgiem*, *kręgi*, *wyląg* - *wylęgu* - *wylęgiem*, *wylęgi*.

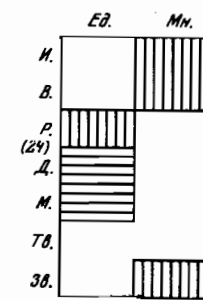
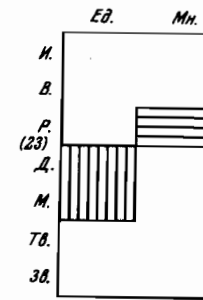
3. Одушевленные существительные с теми же морфологическими признаками, что и предыдущая группа, принадлежат по существу к тому же самому типу; отличие касается, как и во всех парадигмах одушевленных существительных мужского рода, лишь формы Вин.ед. и Вин.мн., которые в данном случае имеют основу, совпадающую с формой Р.п. Примеры: *biedaczek*, *dzieciaczek* (тип 17).

4. Тот же самый тип основ имеет иную парадигму в случае, если форма И.-Зв.мн. образуется с флексией -owie: *starszek*, *kochanek* (тип 18).

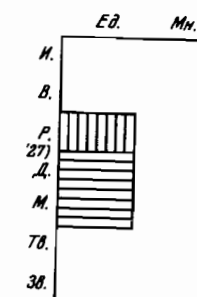
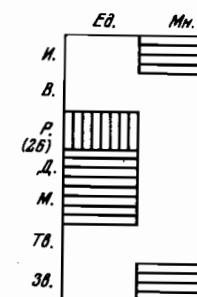
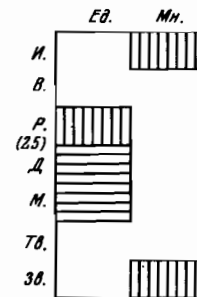
5. Основа Тв.ед. - основа И.-Зв.мн. - основа остальных падежей. Данный тип включает большой разряд существительных лично-мужского рода с к, г в исходе основы (при условии, что И.-Зв.мн. образуется у них с флексией $-i_2$, а не $-owie$): robotnik - robotnikiem - robotnicy, liryk - lirykiem - liryku, Chińczyk - Chińczykiem - Chińczycy, ideolog - ideologiem - ideolodzy, chirurg - chirurgiem - chirurgi, psycholog - psychologiem - psychologi.

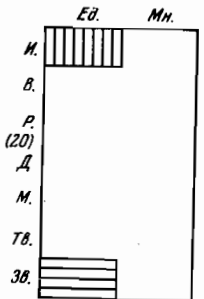
остальных падежей (тип 23). Примеры: miotła, królowa, głowa, stopa, broda, gęba. Существительные с к, г в исходе основы имеют четыре разновидности основы (см. ниже), а существительные с основой на -х - две разновидности (см. выше, тип 10).

10. Существительные женского рода с исходом основы на -к, г, не имеющие вокалических чередований в последнем слове, составляют особый тип парадигмы, в котором основа Р.ед., И.-В.-Зв.мн. противопоставляется основе Д.-М.ед. и основе остальных падежных форм. Примеры: droga, warga, rzeka, sroka, żaka, nauka. (тип 24).

11. Существительные мужского рода, изменяющиеся по типу женского склонения и имеющие в исходе основы -к, г, относятся к трем морфологическим типам в зависимости от того, какую флексию принимают они в форме И.-Зв.мн.: $-i_1$, $-i_2$ или $-owie$. В парадигмах существительных типа niedolega, hulaka, dziadyga, образующих И.-Зв.мн. с флексией $-i_1$, противопоставляется основа Р.ед., И.-Зв.мн. основе Д.-М.ед. и основе остальных падежей. К этому же типу могут относиться существительные sżuga, włóczęga, kaleka, допускающие в И.-Зв.мн. формы на $-i_1$, наряду с формами на $-i_2$, т.е. sżugi и sżudzy, włóczęgi и włóczędzy, kaleki и kalecy. Во втором случае, т.е. при флексии $-i_2$ в И.-Зв.мн. их парадигма имеет такой же вид, как и у существительных, допускающих только лично-мужскую форму, например, kolega (тип 26). В отличие от предыдущего типа, здесь противопоставляются основы Род.ед.-Д.-Мест.ед., И.-Зв.мн. - остальных падежей. И наконец, если И.-Зв.мн. образуется с флекси-

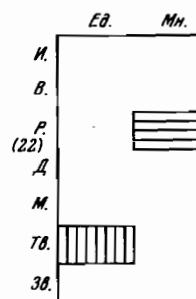
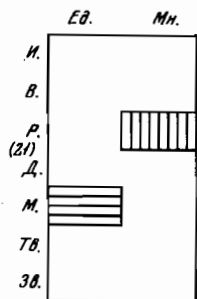

6. Большой класс существительных мужского рода с суффиксом $-ec$ отличается, как уже отмечалось, специфической для своего морфо-

логического типа звательной формой на $-e$, в которой с чередуется с \check{c} . Поскольку, кроме того, этот суффикс содержит беглое е, то эти два чередования ($c \rightarrow \check{c}$ и $*e$) создают три вида основы у каждого из существительных с суффиксом $-ec$ со следующим распределением по падежам: И.ед. противопоставлен Зв.ед. и всем остальным падежам. Примеры: starzec, chłopiec, ojciec, młodziwiec.

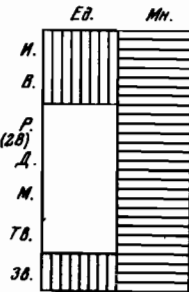
7. Основа М.ед. - основа Р.мн. - основа остальных падежей. Признаками принадлежности существительных к данному типу парадигм являются: 1) средний род, 2) твердость конечного согласного основы (кроме к, г), 3) наличие #, o или φ , чередующихся с e, u, o, в последнем слове основы. Примеры: skrzydło, koło, święto (тип 21).

8. В тех же самых условиях существительные среднего рода с исходом на -к, -г имеют парадигму 22. Примеры: róbko, jabłko, skrzydełko.

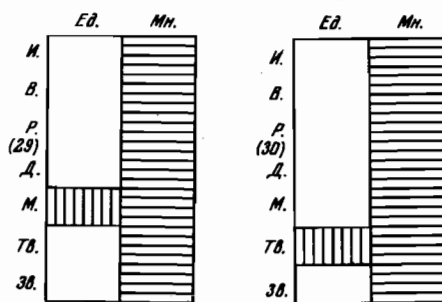
9. Существительные женского рода с твердым согласным (кроме к, г, х) в исходе основы и с чередующимся гласным в последнем слове основы противопоставляют основу Д.-М.ед. основе Р.мн. и основе

ей -owie, как у существительного aga, то противопоставляются основа Р.ед. основе Д.-М.ед. и основе остальных падежей: тип 27.

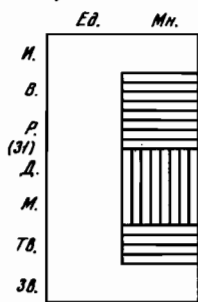

12. Три вида основы имеют существительные среднего рода на -ę: imię, ramię, przedramię, strzeмие, wуmie, dwuimie, znamie, siemie, plemie, brzemie, ciemie, ślenie, nadślenie. В ед. числе В. и Зв. падежи совпадают с формой И.п., а остальные образуются от основы на -eń: imienia, ramienia и т.д. Все падежные формы во мн. числе образуются от основы на -on: imiona, ramiona и т.д.

13. Особую основу во мн. числе имеют также существительные среднего рода niebo, oko, dziecko, причем в ед. числе у них тоже противопоставлены две разновидности основы: см. niebo-niebowa - тип 29, oko - oszy, dziecko - dzieci - тип 30.

Парадигма типа 30 характерна также для существительных мужского рода rok и człowiek, отличающихся супплетивными основами: rok - lata, człowiek - ludzi. Последнее принадлежит к данному типу при условии, что оно имеет в звательной форме człowieku (а не człowiecze).

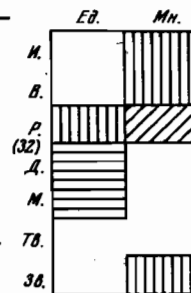

14. Индивидуальный тип парадигмы характерен для существительного przyjaciel: основа всех падежей ед. числа и Им.-Зв.мн. числа противопоставляется основе Р.-В., Тв.мн. и основе Д.-М.мн. - przyjaciel-, przyjaciół-, przyjacioł-.

IV. Парадигмы с четырьмя основами

Парадигм такого рода сравнительно немного, из них массовым может считаться лишь один тип.

1. Существительные женского рода с исходом основы на -к, г, имеющие вокалические чередования в последнем слоге основы (е → о, о → и, * → е), противопоставляют основу Р.ед., И.-В.-Зв.мн. основе Д.-М.ед., основе Род.мн. и основе остальных падежей. Например, для существительного рода характерны следующие четыре разновидности основы: nog-, nog'-, nodz-, nuk-. К этому типу относятся такие существительные, как reka, mka, księga, а многочисленные дериваты с суф. -ka типа sukienka, kropka, głoska, kolejka, taksówka, wlaścicielka, książka и т.д.

2. Из существительных мужского рода четыре разновидности основы имеют названия лиц с суффиксом -anin: mieszczanin, Słowianin, rafaianin, luteranin, chrześcijanin, warszawianin и т.д. В единственном числе для них характерно два варианта основы - с твердым и мягким конечным -n (mieszczanin-, mieszczaniń-), во множественном числе те же два варианта представлены у усеченной основы (mieszczan-, mieszczani-) - тип 33.

Несколько существительных мужского рода с исходом на заднеязычный могут иметь четыре варианта основы, если звательную форму они образуют посредством флексии -e, а не более регулярной u: напр., Kozak (Тв.ед. Kozakiem, Зв.ед. Kozacze, И.-Зв.мн. Kozacy), człowiek (Тв.ед. człowiekiem, Зв.ед. człowiecze, все формы мн. числа от другой основы: ludzi и т.д.).

3. Существительные среднего рода на -ę, обозначающие детенышей животных и имеющие в ед. числе основу на -eńc, а во мн. числе - на -ent, -ont, противопоставляют основу И.-В.Зв.ед. основе остальных падежей ед. числа, основе Р.мн. и основе остальных падежей мн. числа. Примеры: źrebię - źrebięcia - źrebięta - źrebiąt, zwierzę, cielę, szczenię, jagnię, prosię и т.д. - тип 34.

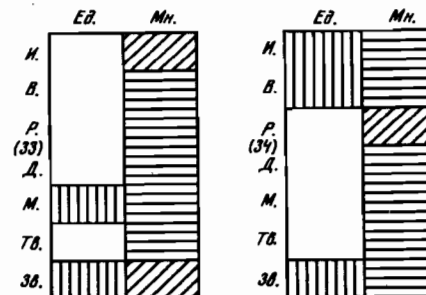

Таблица 2

Кол-во основ	Типы пара- дигм	Ед. число						Мн. число					Примеры		
		И.	В.	Р.	Д.	М.	Тв.	Зв.	И. Зв.	В.	Р.	Д.		М.	Тв.
I	1														noc, grosz
	2														karp, mąż
	3														nóż, wieś
	4														suknia
	5														stado
	6														kwiat
	7														chłop
	8														nazwisko
	9														ptak
	10														kobieta
	11														mężczyzna
	12														muzeum
III	15													sen, dąb	
	16													zegarek	
	17													biedaczek	
	19													robotnik	
	20													starzec	
	21													skrzydło	
	22													piórko	
	23													głowa	
	24													droga	
	25													hulaka	
26													kolega		
28													imię		
IV	32													głoska	
	33													Słowianin	
	34													cielę	

Рассмотренные выше морфологические типы субстантивных парадигм отличаются различной лексической и структурной нагрузкой: одни из них охватывают крупные массивы субстантивных основ (типы 1, 5, 6, 9, 10, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 32), другие - ограниченные словообразовательные, семантические или структурные классы (типы 2, 3, 4, 7, 11, 12, 17, 24, 25, 26, 28, 33, 34), третьи - небольшие группы или даже отдельные, единичные основы (типы 13, 14, 18, 27, 29, 30, 31). Если исключить последние, наименее представительные типы, список которых, вероятно, может быть расширен за счет каких-то не отмеченных здесь индивидуальных парадигм, то общая картина распределения основ в преобладающих типах субстантивных парадигм в польском языке может быть представлена следующим образом (см. табл. 2).

О РЕГУЛЯТОРАХ КОМБИНАТОРИКИ ДЕРИВАЦИОННЫХ МОРФЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых особенностей деривационной комбинаторики на материале уменьшительно-эмоциональных существительных в истории чешского литературного языка.

Деривационный акт представляет собой структурное взаимодействие двух активных компонентов: производящей основы и суффикса. Присоединение словоизменительных флексий завершает процедуру образования нового слова, вводя производную основу в круг грамматических связей языка и тем самым превращая ее в автономную лексическую единицу.

Следует иметь в виду, что сочетание обоих деривационных компонентов – производящей основы и суффикса – не является стихийным процессом образования произвольных морфемных комбинаций. Напротив, как будет показано ниже, словообразовательная комбинаторика регулируется действием ряда правил, в числе которых существенное значение имеет совместимость структурных параметров основы и суффикса.

Как показало проведенное исследование, при определении структурных параметров суффикса решающее значение имеет манифестация его зачина. Выявление структурных параметров производящей основы предполагает изучение манифестации ее финального двухфонемного комплекса, наиболее близко примыкающего к месту стыковки деривационных морфем. Для обозначения указанного комплекса мы будем пользоваться в дальнейшем термином "контактная зона основы".

Из определения следует, что контактная зона основы включает ее конечную и предконечную фонемы: первая является местом непосредственного, вторая – опосредствованного контакта соединяемых морфем. Так, например, у производящей основы *žert-* контактной зоной является двухфонемная комбинация *rt*, граничащая либо с флексиями (при парадигматическом изменении слова), либо с деривационной морфемой *-ík-*. Соответственно, в структуре производной основы *žertík* контактная зона основы манифестируется двухфонемным комплексом *-ík-*, граничащим со словоизменительными флексиями. Таким образом, сегментация контактной зоны основы не соотнобразуется с морфемным членением слова: абсолютно несущественным является, манифестирована ли контактная зона самостоятельной морфемой или же некоторой ее частью.

При обособлении контактной зоны основы следует принимать во внимание возможные морфонологические модификации последней в составе словоизменительной парадигмы производящего слова. В этой связи целесообразно упомянуть о чередовании *ø/e* в предконечном компоненте контактной зоны. Так, например у лексем типа *kachna, rybka, hrdlo* и под. контактная зона имеет строение *øC* (согласный *ch, b, d* в состав контактной зоны не входит), чередующееся с *VC* в род.мн.: *kachen, rybek, hrdel*.

Анализ строения контактной зоны основы может проводиться в двух ракурсах: А. Установление классификационной принадлежности компонентов контактной зоны к гласным или согласным. Б. Установление фонетико-артикуляционной принадлежности компонентов контактной зоны.

В плане деривационной комбинаторики особенно важное значение имеет первый ракурс исследования, позволяющий выявить основное правило, регулирующее сочетаемость производящих основ и суффиксов (в нашем случае – деминутивных суффиксов).

А. Установление классификационной принадлежности компонентов контактной зоны к гласным или согласным.

В связи с тем, что финальный компонент контактной зоны имеет стабильную консонантную манифестацию, речь, в сущности, идет об установлении классификационной принадлежности предконечной фонемы основы. Исследование показало, что в данной позиции отмечаются как гласные, так и согласные фонемы. В зависимости от этого в составе словообразовательных основ выделяются две структурные разновидности, характеризующиеся различным типом строения контактной зоны: 1. Основы с вокализованными контактными зонами – схема *VC*. 2. Основы с невокализованными контактными зонами – схема *C₁C*.

К первой разновидности относятся лексемы со стабильным вокалом или слогообразующим плавным (*r, l*) в качестве предконечного компонента контактной зоны; ср.: *bříz-a, dub-ø, pol-e, smrt-ø, vrb-a, vlk-ø* и многие другие. Ко второй принадлежат лексемы с консонантной манифестацией предконечного компонента контактной зоны; ср. *měst-o, bolest-ø, student-ø* и др.

По нашим наблюдениям, в деривационной сфере деминутивов м. и ср.р. преобладают лексемы первого типа, у существительных ж.р. более многочисленны лексемы второго типа.

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев тип строения контактной зоны – вокализованный или невокализованный – стабильно сохраняется во всех падежных словоформах одной и той же лексемы.

Для относительно небольшой группы существительных характерна варьирующаяся репрезентация предконечной фонемы: в одних словоформах манифестируется тип *VC*, в других – *C₁C*. Иллюстрацией ска-

званного являются лексемы, у которых предконечный вокал основы представлен гласным *e*, альтернирующим с нулем звука. Так, чередование *ø/e* отмечено у лексем типа *kachna, rybka, hrdlo* и под.; ср. алломорфы основы *kachøn-/kachen-*; *rybøk-/rybøc-/rybek-*; *hrdøl-/hrdel-*. Чередование *e/ø* фиксируется у лексем типа *otec, ocet, domek* и под.; ср. алломорфы основы *otec-/otøc-/otøc̣-*; *ocet-/ocøt-*; *domek-/domøk-/domøc-*. В составе словоизменительной парадигмы приведенных выше лексем наиболее репрезентативным является алломорф с невокализованной контактной зоной; алломорф с вокализованной контактной зоной отмечен лишь в одной-двух словоформах: род.мн. *kachen, rybek, hrdel*; и.ед., вин. неод.ед. *otec, ocet, domek*. Таким образом, если исходить из доминирующей текстовой реализации, данные существительные следует отнести к лексемам с невокализованной манифестацией контактной зоны.

Итак, как могли видеть, учет манифестации предконечного компонента контактной зоны (гласный/согласный) позволяет дифференцировать различные типы строения контактной зоны: вокализованный – невокализованный. Указанное разграничение имеет принципиальное значение для понимания механизма деривационной комбинаторики.

Важно подчеркнуть, что аналогичный принцип разграничения на вокализованные и невокализованные типы может быть также применен и к словообразовательным формантам, в частности, к деминутивным суффиксам. Разница заключается лишь в том, что критерием, на основе которого осуществляется дифференциация суффиксов, является манифестация его зачина, непосредственно примыкающего к контактной зоне производящей основы¹.

Анализ материала показал, что репертуар аффиксов, занятых в сфере деминутивного словопроизводства, может быть четко разграничен на две группы формантов: 1. Суффиксы со стабильным вокальным зачином, не альтернирующим в составе словоизменительной парадигмы производного слова; ср.: *-ik-*, *-ic(e)*; далее все многофонемные суффиксы типа *-içøk-*, *eçøk-* и пр. 2. Суффиксы с варьирующей манифестацией начальной фонемы *e/ø*; ср.: *-ek-/øk-*; *-ec-/øc-* (ср.: *domek, rybka, okénko*; *kahanec, okénce* и др.). В данном случае при определении принадлежности перечисленных формантов к вокализованному или невокализованному типу мы исходили из наиболее репрезентативного алломорфа, фиксируемого в подавляющем большинстве словоформ. Так, включение суффикса в контекст производного слова позволило установить, что в составе словоизменительной па-

¹ Впрочем, в контексте производного слова суффикс совпадает с его контактной зоной и, следовательно, зачин суффикса является предконечным компонентом контактной зоны основы; ср. *domek, rybka*.

радигмы производного слова (*domek, rybka* и т.д.) данные форманты манифестируются алломорфами *-øk-*, *-ek-* (у деминутивов всех трех родов); *-øc-*, *-ec-* (у деминутивов м. и ср.р.). Примечательно, что вокализованные алломорфы фиксируются в единичных словоформах, невокализованные – в абсолютном большинстве словоформ. Из сказанного следует, что алломорфы с нулем звука, т.е. консонантного типа, представляют собой наиболее распространенную текстовую реализацию данных морфем в речи и, таким образом, могут быть квалифицированы как исходные алломорфы названных суффиксов.

Рассмотрение под указанным углом зрения инвентаря деминутивных словообразовательных средств позволяет унифицировать репертуар суффиксальных морфем, выделив в их составе универсальные форманты, обслуживающие деминутивную деривационную сферу безотносительно к родовой принадлежности производящего имени существительного. Так, например, традиционно разграничиваемые суффиксы *ek(ø)*, *-k(a)*, *-k(ø)* могут быть сведены в единый универсальный формант *-øk-*; суффиксы *-ec-* (м.р.), *-c(e)* (ср.р.) – в единую морфему *-øc-*.

Таким образом, равно, как и контактные зоны основ, деривационные суффиксы быть разграничены на два типа: вокализованный и невокализованный.

Анализ языкового материала уменьшительно-эмоциональных существительных показал, что основным регулятором деривационных контактов лексических и словообразовательных морфем является правило притягивания противоположностей: производящие основы с невокализованными контактными зонами преимущественно сочетаются с вокализованными суффиксами и, напротив, основы с вокализованными контактными зонами проявляют тяготение к невокализованным суффиксам. Соответствующим образом могут быть сформулированы дистрибутивные правила словообразовательных суффиксов: консонантные аффиксы имеют более ограниченный дистрибутивный ареал – как правило, они отмечаются у основ с предконечным вокалом; вокализованные аффиксы характеризуются более универсальной комбинаторикой – в принципе они могут сочетаться с основами с любой манифестацией предконечной фонемы, однако несколько чаще данные аффиксы фиксируются у основ консонантного типа.

Сформулированное выше правило деривационной комбинаторики, судя по имеющимся в нашем распоряжении языковым данным, соблюдается достаточно последовательно, особенно в первой своей части, касающейся преимущественного сцепления основ консонантного типа и вокализованных формантов. Применение данного правила позволяет с достаточно высокой степенью точности прогнозировать вероятность присоединения тех или иных словообразовательных формантов к производящим основам. Так, например, в условиях невокализованных контакт-

ных зон более предпочтительным является присоединение вокализованных аффиксов $-ik-$, $-i\check{s}\phi k-$ (м.р.), $-i\check{s}\phi k-$ (ж.р.), $-i\check{s}\phi k-$ (ср.р.). Комбинация с невокализованными формантами в аналогичных структурных условиях является нежелательной, поскольку она повлекла бы за собой образование громоздких консонантных скоплений; ср.: $adept - adeptik$, а не $*adep tek$ - в последнем случае чередование e/ϕ в составе словоизменительной парадигмы производного слова обусловило бы появление непрерывной консонантной прслеовательности ptk в подавляющем большинстве словоформ данного слова. Присоединение невокализованного суффикса к невокализованным контактным зонам, как правило, становится возможным при условии предварительной морфонологической адаптации контактной зоны производящей основы, сущность которой заключается в преобразовании невокализованной контактной зоны в вокализованную в результате вкладывания гласного; ср.: $kachna - kachynka$. Чередование ϕ/\check{y} в данном случае является словообразовательным, так как обуславливается характером структурного преобразования - присоединением деминутивного суффикса. Следует отметить, что дериваты, подвергшиеся подобной трансформации, обычно имеют ограниченную сферу употребления, нередко они вытесняются из языкового обращения соответствующими однокоренными словообразовательными дублетами типа $kachnicka$ образованными посредством вокализованного форманта (присоединение вокализованного суффикса исключает необходимость предварительной морфонологической адаптации производящей основы, точнее, ее контактной зоны).

Важно подчеркнуть, что бóльшая степень комбинаторной неприхотливости вокализованных формантов является важным преимуществом данных аффиксов. Неслучайно, в современном чешском языке все сильнее ощущается инвазия сложных суффиксов с вокальным зачином.

Таким образом, как указывалось выше, для деривационной комбинаторики характерна четкая соотнесенность структурных параметров обоих компонентов словообразовательного акта: производящей основы и суффикса.

Примечательно, что в тех случаях, когда словоизменительная парадигма производящей лексемы включает варьирующиеся алломорфы основы со строением контактной зоны типа VC/C_1C , суффиксы с полярными структурными параметрами могут комбинироваться с различными алломорфами производящей основы; ср.: $loket - loktik, lokytek$. Как видим, производящая лексема $loket$, с которой соотнесены оба деминутива, в случае комбинации с вокализованным суффиксом $-ik-$ манифестирована алломорфом с невокализованной контактной зоной ($lok\phi t-$), в случае комбинации с невокализованным суффиксом $-\phi k-$ - алломорфом с вокализованной контактной зоной ($loket-$; чередование продления e/\check{y} является словообразовательным, оно обусловлено при-

соединением деминутивного форманта). Заметим, что чередование e/ϕ ($loket-/lok\phi t-$) не является словообразовательным: оно отмечается в словоизменительной парадигме производящей лексемы и не обуславливается присоединением деривационного суффикса. Алломорф типа C_1C является доминирующей репрезентацией производящей лексемы, алломорф типа VC фиксируется в словоформах И., В.ед. Примеры, подобные приведенному выше, неединичны.

Как видим, при варьировании типа строения контактной зоны основы в составе словоизменительной парадигмы производящей лексемы в качестве исходной деривационной базы могут использоваться как словарный, так и несловарный алломорфы основы. В указанной ситуации одна и та же лексема нередко становится местом пересечения структурных связей синонимичных словообразовательных морфем: вокализованные форманты обычно сочетаются с алломорфом с невокализованной контактной зоной и наоборот. Таким образом, выявление алломорфа производящей основы, функционирующего в качестве исхода словообразовательной процедуры, представляет собой важный компонент деривационного анализа. При решении данного вопроса существенную роль играет изучение морфонологических альтернатив, в частности, дифференциация деривационных и словоизменительных чередований. Заметим, что разграничение словарного и несловарного алломорфов производящей основы релевантно лишь в том случае, если чередования в контактной зоне основы меняют тип ее строения (вокализованный - невокализованный алломорфы).

Б. Установление фонетико-артикуляционной принадлежности компонентов контактной зоны.

Уточнение фонетико-артикуляционной характеристики компонентов контактной зоны, строго говоря, не имеет существенного значения для выявления правил дистрибуц и словообразовательных суффиксов, поскольку в синхронном плане выбор форманта не обуславливается фонологически, т.е. не зависит от манифестации исхода основы (несколько иначе обстоит дело в сфере словоизменительной комбинаторики, где, например, разграничение твердой и мягкой разновидностей склонения существительных ставится в прямую зависимость от манифестации конечного согласного основы).

Мотивировать присоединение тех или других словообразовательных аффиксов фонетико-артикуляционными свойствами финалей основы в плане синхронных языковых отношений является неправомерным. Тем не менее обычно исследователи словообразования уделяют неоправданно большое, с нашей точки зрения, внимание изучению дистрибутивных окружений деривационных формантов, выявлению наличия непосредственной взаимосвязи между конкретной репрезентацией конечных согласных основы и видом словообразовательного аффикса. Разумеется, вряд ли

можно отрицать существование случаев устойчивого тяготения некоторых типов основ к определенным суффиксам. Так, например, в сфере деминутивного словопроизводства ср.р. основы с мягкими *n, t, d*, преимущественно сочетаются с суффиксом *-ířk-*, основы с твердыми *n, t, d* - с суффиксом *-řk-* и пр. Следует, однако, иметь в виду, что в синхронном плане указанные взаимосвязи являются немотивированными, и, кроме того, что у основ с идентичными консонантными исходами фиксируются случаи пересечения структурных связей различных аффиксов (так, например, несмотря на то, что у основ с финальным *ř* преобладает суффикс *-ířk-*, допускается и присоединение другого деминутивного форманта - *-řk-*).

Таким образом, изучение фонетико-артикуляционной характеристики компонентов контактной зоны основы не позволяет установить правила выбора присоединяемых словообразовательных формантов. Значимость подобного описания заключается в другом: в выявлении механизма сцепления морфем.

Комбинация морфем различной классификационной принадлежности, т.е. лексических и грамматических, лексических и словообразовательных, зачастую сопровождается адаптацией контактной зоны предшествующей, лексической, морфемы. Отмечаемые в этих случаях морфонологические альтернации являются своего рода материализованными сигналами произошедшего сцепления морфем. Поскольку целью нашего исследования является деривационное описание лексики, в центре нашего внимания, главным образом, будут находиться словообразовательные альтернации, сопутствующие соединению производящей основы и деривационного суффикса. Альтернации словоизменительные, т.е. обусловленные взаимодействием лексических морфем и флексий, будут интересовать нас лишь постольку, поскольку они приводят к появлению варьирующихся алломорфов производящей основы и суффикса и, следовательно, имеют косвенное отношение к деривационному процессу, оказывая влияние на репрезентацию компонентов словообразовательного акта.

Ниже мы рассмотрим морфонологические альтернации контактной зоны производящей основы и словообразовательного суффикса, обуславливаемые присоединением словоизменительных флексий.

Присоединению грамматических морфем - окончаний - зачастую сопутствует морфонологическая модификация фонетико-артикуляционной характеристики обоих компонентов контактной зоны основы. Наиболее регулярные чередования отмечаются у основ с финалями *k, h, g, ch, r, d, t, n*, отчасти *c*, альтернирующимися следующим образом: *k/c, k/č; h/z, h/z̃; g/z, g/z̃; ch/š; r/ř; d/d'; t/t'; n/n'; c/č*. Более факультативный характер носят чередования предконечного вокала: *á/a; é/e; í/i; í/e(ě); ů/o; ou/u*.

Следует иметь в виду, что перечисленные выше чередования не меняют тип строения контактной зоны, т.е. принадлежность соответствующих лексем к вокализованному или невокализованному типу. Вместе с тем учет подобных альтернаций имеет немалое значение для разграничения алломорфов одной и той же основы. Так, например, в зависимости от конкретной манифестации предконечной и конечной фонемы можно выделить варьирующиеся алломорфы *řác-/řac-* (лексема *řáce*); *síl-/sil-* (*síla*); *kráv-/krav-* (*kráva*); *sníh-/sněh-* (*sněh*); *dům-/dom-* (*dům*); *vítr-/větr-/věř-* (*vítr*) и мн.др. Сказанное, разумеется, не исключает наличия лексем с единственным алломорфом основы; ср.: *kapitol-* (*kapitola*); *karafiát-* (*karafiát*), *pol-* (*pole*) и др.

Как показывает практика, в составе некоторого множества алломорфов одной и той же основы допустимо выделение наиболее репрезентативного алломорфа, реализованного в подавляющем большинстве словоформ, и, следовательно, являющегося наиболее распространенной текстовой реализацией данной лексемы. Так, например, для лексемы *řáce* наиболее репрезентативным является алломорф *řác-*; для *síla* - *síl-*; для *kráva* - *kráv-*; для *sněh* - *sněh-*; для *dům* - *dom-*; для *vítr* - *větr-* и т.д.

В тех случаях, когда в состав контактной зоны основы входит деминутивный аффикс (производное слово), он также может модифицироваться: обычно это чередование *e/ø* в зачине форманта (см. выше); кроме того, фиксируется чередование финального *k/c* в словоформе предл.мн.

Рассмотренные типы альтернаций не являются словообразовательными, так как не обуславливаются деривационной процедурой: они представляют собой прямое следствие присоединения словоизменительных флексий. Тем не менее их изучение содержит ценную информацию, необходимую для каталогизации алломорфов производящей основы и суффикса, для выявления их доминирующего репрезентанта.

Структурное взаимодействие производящей основы и деривационного суффикса нередко сопровождается морфонологическим преобразованием контактной зоны производящей основы, испытывающей на себе проникающее влияние присоединения словообразовательного форманта. Указанные альтернации, затрагивающие как конечный, так и предконечный компоненты контактной зоны, обуславливаются словообразовательной процедурой и, следовательно, носят словообразовательный характер.

Набор морфонологических альтернаций, сопутствующих образованию уменьшительно-эмоциональных существительных, характеризуется наличием некоторых маркантных признаков. Мы имеем в виду палатализационные чередования согласных *k/č, h/z̃, ch/š, g/z̃, sk/št', žk/žt'*; несколько менее последовательно проводятся альтернации *r/ř, n/n'*.

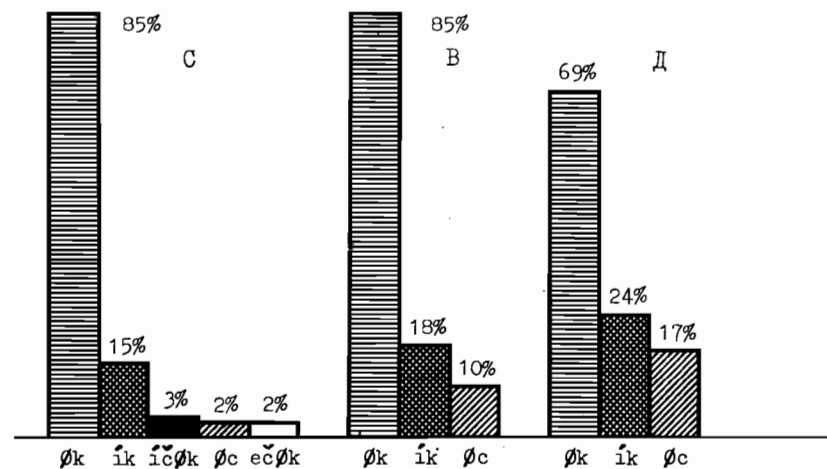
t/t', d/d'. Чередования предконечного вокала контактной зоны (продление количества гласного), как правило, обуславливаются присоединением суффикса -*ǫk-* (a/á; i/í; y/ý; u/ú; ou, ů; o/ó, ů; e/é, í, ý; *ǫ/ě, ý*). Следует заметить, что данный аффикс характеризуется усложненным морфнологическим аппаратом. Необходимо иметь в виду, что учет морфнологических альтернатив позволяет не только сделать деривационное описание более исчерпывающим, так как чередования принадлежат к числу дифференциальных признаков, отличающих производную лексику от производящей, но и помогает установить направленность деривационного процесса, выявить, какой из возможных алломорфов производящей лексики (словарный или несловарный) послужил отправным пунктом деривационного преобразования.

Изучение строения контактной зоны производящей основы и деривационного суффикса позволяет получить ценную информацию, характеризующую словообразовательную комбинаторику как процесс, регулируемый действием ряда внутренних факторов. Изложенные теоретические посылки будут нами ниже апробированы при рассмотрении конкретного языкового материала. В качестве объекта исследования нами выбраны словообразовательные типы с суффиксами -*ǫk-* и -*ík-*, представляющие собой недостаточно дифференцированные словопроизводственные схемы в сфере словообразования деминутивов мужского рода.

* * *

В чешском литературном языке словопроизводство первичных деминутивов мужского рода активно осуществляется посредством суффиксов -*ǫk-* и -*ík-*. Деривационные схемы, характерные для данных словообразовательных типов, являются активно действующими моделями, репродуцируемыми при создании новообразований (при этом в качестве производящих основ используются лексемы как собственно чешского, так и заимствованного происхождения).

В составе деминутивов с суффиксами -*ǫk-* и -*ík-*, отмеченных в современном литературном чешском языке, доля старого лексического ядра, т.е. дериватов, зафиксированных на языковых стадиях, предшествующих современной, равняется 39% (для -*ǫk-*) и 47% (для -*ík-*). Таким образом, 61% дериватов с -*ǫk-* и 53% дериватов с -*ík-* представляют собой новообразования, появившиеся в языке относительно недавно и зарегистрированные либо в словарях современного литературного чешского языка, либо в практике индивидуального словотворчества. Как мы видим, у дериватов указанной структуры процесс обновления лексического состава осуществляется довольно интенсивно, особенно у образований с -*ǫk-*.

ОК первичных дем-ов м.р.

С формантом	ǫk	ǫc	ík	i(i)čǫk	ěǫk	i(i)nǫk	enǫk	áčǫk	ánǫk	oušǫk	ušǫk
C	2228	48	396	70	42	13	2	11	8	13	2
	85%	2%	15%	3%	2%	0,4%	0,07%	0,4%	0,3%	0,4%	0,07%
B	1059	128	228	7	-	1	-	4	3	3	-
	85%	10%	18%	0,5%	-	0,08%	-	0,3%	0,2%	0,2%	-
D	408	99	140	-	-	-	-	1	-	1	-
	69%	17%	24%	-	-	-	-	0,1%	-	0,1%	-

Степень словообразовательной активности суффиксов -*ǫk-* и -*ík-* не является идентичной. Как показывает исследование материала и как это наглядно отражают приводимые диаграмма и таблица², суффикс -*ǫk-* практически полностью узурпировал словопроизводство уменьшительно-эмоциональных существительных м.р.; удельный вес деминутивов с -*ík-* существенно ниже.

Возникает вопрос, не является ли избыточным наличие в репертуаре деминутивных аффиксов двух формантов с консонантной основой к, имеющих простое фонемное строение³, и далее - не является ли ве-

² В таблицах и графиках используются сокращения: С - современный чешский язык; В - чешский язык эпохи Возрождения; Д - древне-чешский язык; ОК - общее количество; ОК0 - общее количество производящих основ.

³ Напомним, что при образовании первичных деминутивов ж. и ср.р. простому аффиксу с консонантной структурой соответствует вокализованный формант сложного строения.

роютной ситуации, при которой суффикс *-ok-* со временем полностью вытеснит суффикс *-ik-* из деривационной сферы уменьшительно-эмоциональных существительных. Действительно, как было установлено, структурные связи суффиксов *-ok-* и *-ik-* во многом перекрещиваются как у одних и тех же типов производящих основ, так и у одних и тех же лексем.

Приводимая ниже таблица отражает удельный вес случаев пересечения структурных связей суффиксов *-ok-* и *-ik-* с дублетными формантами простого строения (заметим, что суффикс *-ik-* обычно конкурирует с суффиксом *-ok-*; структурные связи суффикса *-ok-* пересекаются со структурными связями суффиксов *-ik-* и *-oc-*).

Эпоха	Удельный вес случаев пересечения структурных связей аффиксов	
	Суф. <i>-ik-</i>	Суф. <i>-ok-</i>
С	41% ⁴	10%
В	52%	18%
Д	38%	22%

Анализируя данные таблицы, нетрудно заметить, что зона вторжения конкурирующих формантов у суффикса *-ok-* относительно невелика. Мало того, с течением времени она все более и более сокращается. Максимальное количество случаев пересечения структурных связей отмечается в древнечешском языке, впоследствии, по мере выхода из языкового обращения деминутивов с *-oc-*, зона функционирования суффикса *-ok-*, становится все более непроницаемой для синонимичных формантов. Несколько иная ситуация наблюдается у суффикса *-ik-*: случаи пересечения структурных связей с другими формантами, прежде всего с *-ok-*, имеют здесь больший удельный вес и характеризуются более стабильными цифровыми показателями во все наблюдаемые периоды. Из сказанного следует, что в сфере деминутивной деривации позиции суффикса *-ik-* являются более уязвимыми, чем позиции суффикса *-ok-*.

Особо следует прокомментировать факт возрастания количества случаев пересечения структурных связей у суффикса *-ik-* в эпоху Возрождения. Составители словарей той эпохи (в частности, Й.Кунгманн⁵) рекомендовали для употребления немалое количество демину-

⁴ Процентное отношение исчисляется в сравнении с общим количеством первичных дериватов м.р., включающих данные суффиксы.

⁵ J. J u n g m a n n. Slovník česko-německý, d. I-V. Praha, 1834-1839 (далее - J).

тивов с *-ik-*. Примечательно, что зачастую указанные образования включались в состав словообразовательных гнезд, уже содержащих дублетные дериваты с *-ok-*. Приведем для наглядности несколько примеров, взятых из словаря Кунгманна: *bachůrek, bachořík; bodek, bodik; drábek, drabík; bažantek, bažantík; rojek, rojík; trnek, trník; vozatajek, vozatajík; argumentek, argumentík; dokumentek, dokumentík; klenek, kleník* и т.д.

Иными словами, возрастание словообразовательной активности суффикса *-ik-* в чешском языке эпохи Возрождения в основном осуществлялось за счет инвазии данного форманта в сферу словопроизводства суффикса *-ok-*. Немалую роль в этом процессе сыграло влияние диалектов, а также близкородственных языков, в частности, словацкого - см. словарные пометы, фиксирующие источник проникновения указанных образований: *ptáčik Pal⁶ slc.; listík J pol. (-lístek); tabáčík J slc.; titulík J slc.; salátík J slc.* Заметим, кстати, что в словарях современного литературного чешского языка деминутивы с *-ik-* нередко квалифицируются как диалектизмы; ср.: *zubík SSJČ⁷ nár.; chlapčík SSJČ⁷ nár.; motejlík PS⁸ dial., SSJČ⁸ nár.; ptáčik PS dial., SSJČ*⁹; pecník SSJČ zast. a nár.; domík T⁹ и пр.* Впоследствии лишь небольшая часть дериватов с *-ik-* стала достоянием словарного состава языка. Можно предположить, что кодификаторов чешского языка эпохи Возрождения в словообразовательном типе с суффиксом *-ik-* привлекала упрощенность морфонологического аппарата, в частности, отсутствие вокальных чередований, позволявшая сохранить максимальное подобие производящего и производного слов.

Следует отметить, что исследователи чешского языка издавна принимали попытки уточнить сферу использования суффиксов *-ok-* и *-ik-* в сфере деминутивной деривации чешского языка. Довольно подробное описание правил дистрибуции указанных формантов мы находим уже в грамматиках чешского языка В.Пола и Я.Неедлого¹⁰. Упомянутые авторы совершенно справедливо устанавливают наличие взаимосвязи между выбором словообразовательного форманта и структурой про-

⁶ G. P a l k o w i t s c h. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, I-II, Prag, 1820-1821.

⁷ Slovník spisovného jazyka českého, I-IV. Praha, 1958-1971.

⁸ Příruční slovník jazyka českého, I-IX, Praha, 1937-1957.

⁹ Fr. T r á v n í č e k. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

¹⁰ Jan N e j e d l ý. Böhmische Grammatik, d. I-II. Prag, 1804-1805; Jan V á c l a v P o h l. Grammatica linguae bohemicae, oder die Böhmische Sprachkunst, bestehend in IV th. Wien, Prag und Triest, 1756.

изводящей основы, в частности, сочетанием фонем в исходе слова. Впрочем, несмотря на то, что оба автора оперировали фактами чешского языка, выявленные ими закономерности несколько разнятся друг от друга. Так, Я. Неудлий фиксирует, что суффикс *-ik-* чаще всего отмечается у слов с конечными *-el*, *-r*, *-ař*, *-ář*, Пол — у слов с конечным *-a* (*přednosta*, *dvornostá*), *-ej*, у многосложных слов на *-el*, *-ň*, *-v*. Для суффикса *-ok-* Пол устанавливает следующий весьма широкий набор консонантных исходов: *b*, *c*, *d*, *ě*, *j*, *h*, *k*, *m*, *n*, *p*, *r*, *s*, *t*, *v*, *z*, а также односложные слова на *-l*.

Стремление уточнить комбинаторику суффиксов *-ok-* и *-ik-* характерно и для современных исследователей словообразования¹¹.

Важно подчеркнуть, что при установлении дистрибутивных зон суффиксов *-ok-* и *-ik-* исследователи зачастую преувеличивают роль конечного консонанта производящей основы, упуская из виду строение контактной зоны в целом, т.е. манифестацию и ее предконечного компонента. Вместе с тем именно манифестация предконечного компонента и определяет тип строения контактной зоны производящей основы (вокализованный — невокализованный), играющий роль решающего фактора при разграничении словопроизводственного ареала обоих формантов. Фонетико-артикуляционная характеристика финального консонанта основы имеет второстепенное значение, внося лишь дополнительную детализацию.

Как показал анализ фактического материала, суффикс *-ok-* отличается исключительно широким словопроизводственным диапазоном: он может сочетаться с лексемами, имеющими различную структурную, семантическую и словообразовательную характеристику, с лексемами собственно чешского и заимствованного происхождения. Не следует, впрочем, упускать из виду известную ущербность комбинаторики данного аффикса. Будучи формантом консонантного типа (с учетом доминирующего алломорфа данного суффикса), суффикс *-ok-* по существующим морфологическим правилам не может находиться в непосредственном соседстве с непрерывными консонантными последовательностями. В свя-

зи со сказанным данный формант предпочтительно сочетается с производящими основами с вокализованной манифестацией контактной зоны. Основы с невокализованной контактной зоной комбинируются с суффиксом *-ok-* обычно после соответствующей морфологической адаптации: преобразования из типа C_1C в VC Ср.: *svetr* 'свитер' *svetýrek* PS z., SSJČ z.; *kmotr* 'кум' — *kmotýrek* PX* *hypok.*; *hadr* 'тряпка' — *hadýrek* PS z., SSJČ z. и пр. Как видно из приведенных примеров, исконная контактная зона типа C_1C производящей лексемы (в данном случае комбинация фонем *tr*, *dr*) в составе первичного деминутива трансформируется в тип VC благодаря появлению вставного гласного, разрежающего консонантную группировку *trk*, *drk*, которая могла бы появиться при парадигматическом изменении деминутива. Следует, впрочем, оговорить, что подобная морфологическая адаптация допустима далеко не во всех случаях, поэтому значительная часть лексем с манифестацией контактной зоны типа C_1C исключается из словопроизводственного ареала суффикса *-ok-*. Образующийся дистрибутивный дефицит погашается деминутивным аффиксом *-ik-*, имеющим вокализованное строение и, следовательно, более универсальную комбинаторику.

Из сказанного выше следует, что использование в качестве узурпирующего словообразовательного форманта суффикса консонантного типа предполагает введение в деривационный инвентарь вокализованного суффикса, компенсирующего комбинаторную ущербность консонантного аффикса. Таким образом, при доминирующем форманте консонантного типа наличие двухформантного словообразовательного ядра является закономерно обусловленным фактом.

Иными словами, существование в репертуаре деминутивных словообразовательных средств двух формантов простого строения с консонантной основой K : *-ok-* и *-ik-* имеет свою внутреннюю логику: для суф. *-ik-* характерна специфическая, относительно четко очерченная дистрибутивная зона, в пределах которой он является продуктивным словообразовательным суффиксом, защищенным от инвазии суф. *-ok-* надежным заградительным барьером. Именно поэтому, невзирая на тенденцию снижения удельного веса деминутивов с *-ik-* в истории чешского языка, данный аффикс не обречен на вытеснение, а, напротив, сохраняет локальную продуктивность в сфере словопроизводства первичных деминутивов м.р. Примечательно, что по сравнению с древнечешским языком фактическая численность дериватов с *-ok-* увеличилась в 5,4 раза, численность деминутивов с *-ik-* — в 2,8 раза. Неравномерность темпа прироста дериватов с суф. *-ok-* и *-ik-* объясняется не только более высокой степенью словообразовательной активности суф. *-ok-* (хотя сам по себе этот факт не подлежит сомнению), но также и тем обстоятельством, что в составе производящих основ, отмеченных у *-ok-*, преобладают продуктивные словообразовательные типы

¹¹ Сфера дистрибуции деминутивного суффикса *-ik-* в словацком языке удачно определяется в книге Я. Горечкого — см. *J á n H o r e s k ý. Slovtvorná sústava slovenčiny, Bratislava, 1959.* В книге Вл. Шмиллауера (*Vl. Š m i l l a u e r. Novočeské tvoření slov. Praha, 1968*) следующим образом характеризуется дистрибутивный ареал суффикса *-ik-*: "Суффикс *-ik-* особенно часто встречается после согласных *-l*, *-ř*, а также после групп согласных; отмечается он и в других позициях. Данный аффикс употребляется, наряду с суффиксом *-ek*; дериваты с суффиксом *-ek* нередко отличаются по смыслу от дериватов с *-ik*."

основ, служащие постоянным источником пополнения лексического состава деминутивных существительных. Следует, впрочем, отметить, что для суф. *-ík-* существует опасность вторжения иного вокализованного форманта — мы имеем в виду многофонемный аффикс *-i(i)čok-*, постепенно укрепляющий свои позиции в сфере деривации деминутивов м.р.

Упомянутая дистрибутивная специализация суф. *-ok-* и *-ík-* особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда производящая основа представляет собой совокупность варьирующихся алломорфов с вокализованной и невокализованной контактной зоной. В описанной ситуации суф. *-ík-* присоединяется к алломорфу с предконечным консонантом, суф. *-ok-* — к алломорфу с предконечным вокалом. Для наглядности в качестве примера приведем лексему, сочетающуюся с обоими деминутивными аффиксами: *chumel* 'клок' — *chumlík* SSJČ* z., *chumílek* SSJČ z. Как мы видим, суф. *-ok-* присоединяется к словарному алломорфу, суф. *-ík-* — к алломорфу несловарному одной и той же производящей лексеме.

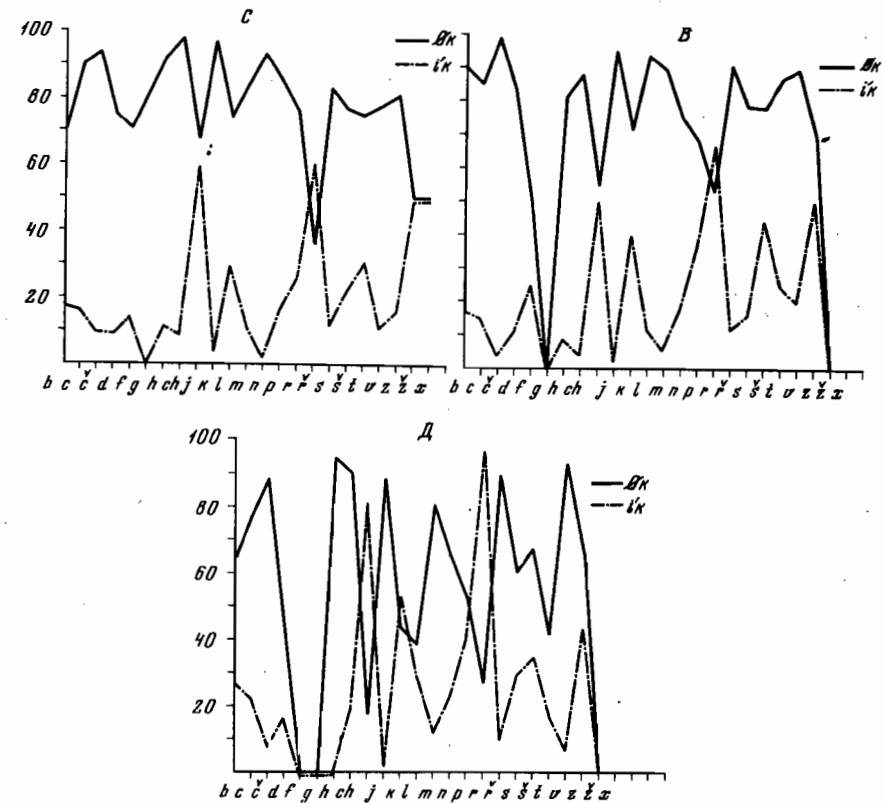
Таким образом, одна и та же производящая лексема в сфере деминутивной деривации может быть представлена варьирующимися алломорфами с различным строением контактной зоны.

В ходе предшествующего изложения мы стремились показать, что при разграничении словопроизводственного ареала суф. *-ok-* и *-ík-* решающую роль играет манифестация предконечного компонента контактной зоны. Указанный критерий может быть использован и при прогнозировании вероятности присоединения того или иного суффикса в условиях определенных контактных зон. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что правила распределения суф. *-ok-* и *-ík-* обычно не носят характер строгого предписания: зачастую конкретная речевая практика вносит немалые коррективы в правила комбинаторики словообразовательных морфем. Так, например, наличие у суф. *-ík-* четкой очерченной дистрибутивной зоны не исключает возможности пересечения структурных связей данного форманта с суф. *-ok-*. А priori можно предположить, что наиболее вероятной зоной конкуренции являются производящие основы со строением контактной зоны типа *VC* сочетающиеся как с консонантным, так и с вокализованным формантом. Предвидеть наперед, которому из конкурирующих суффиксов будет отдано предпочтение в условиях контактных зон типа *VC*, обычно не представляется возможным. Можно лишь приблизительно наметить сферы предпочтительного присоединения того или иного форманта, детализируя фонетико-артикуляционную характеристику финального компонента контактной зоны.

Ниже мы постараемся уточнить зоны пересечения структурных связей суф. *-ok-* и *-ík-* при учете фонетико-артикуляционной характеристики исхода основы.

Помещаемые ниже графики позволяют отчетливо проследить соотношение дистрибутивных зон обоих формантов в различные периоды функционирования чешского литературного языка. В качестве пояснения к графикам заметим, что на горизонтальной оси отмечены производящие основы с различными консонантными исходами; на вертикальной оси фиксируется удельный вес (в процентном выражении) деминутивов с суф. *-ok-* и *-ík-* у производящих основ с теми или иными консонантными исходами, вовлеченных в сферу первичной деминутивной деривации.

Следует иметь в виду, что за 100% принимается общее количество производящих основ с тем или иным консонантным исходом, вовлеченных в сферу первичной деминутивной деривации. Поскольку зачастую структурные связи суффиксов *-ok-* и *-ík-* пересекаются у основ с идентичными консонантными исходами, удельный вес деминутивов с суффиксами *-ok-* и *-ík-* в совокупности может превышать 100%. Заметим также, что данные об основах с твердыми и мягкими финалями *d*, *n*, *t* на графиках приводятся недифференцированно.

Данные к графикам

Исходные данные Формант	b	c	č	d	f	g	h	ch	j	k	l	m	n	p	r	ř	s	š	t	v	z	ž	x
	С	= \emptyset k=70	90	94	75	71	50	92	98	68	97	75	84	93	86	76	36	83	77	75	78	81	50
	=ik=17	16	10	9	14	-	11	9	59	4	29	11	2	16	26	60	12	22	30	11	16	50	50
В	= \emptyset k=90	85	99	84	50	-	81	88	55	95	72	94	90	76	69	54	91	79	79	87	90	70	-
	=ik=17	15	4	11	25	-	9	4	50	2	40	12	6	18	37	67	11	16	44	25	20	50	-
Д	= \emptyset k=64	77	88	60	-	-	94	90	18	88	44	39	80	65	52	27	89	60	67	42	93	66	-
	=ik=27	22	8	16	-	-	20	81	2	50	28	12	23	40	96	10	30	35	17	7	44	-	-

Изучение информации, содержащейся в приводимых графиках, позволяет сделать ряд важных наблюдений о характере дистрибуции суф. - \emptyset k- и -ik-:

1. Суф. - \emptyset k- и -ik- характеризуются, в сущности, тождественной морфонологической комбинаторикой. Специфика фонемного строения формантов делает возможным их присоединение к производящим основам с максимально полным набором консонантных исходов, отмечаемых в чешском языке (не зафиксированы лишь основы с финальным g у суф. -ik-). Таким образом, факты морфонологической несовместимости интересующих нас формантов с консонантными исходами определенной фонетико-артикуляционной принадлежности практически не отмечены. В тех случаях, когда на стыке основы и суффикса образуется фонемная комбинация, противоречащая существующим в данном языке морфонологическим правилам, исход основы подвергается соответствующей морфонологической адаптации (ср., например, случаи стыковых палатальных чередований и т.п.), нейтрализующей возникающее противоречие.

2. Несмотря на сходство комбинаторных предпосылок, удельный вес деминутивов с суф. - \emptyset k- и -ik- у основ с различными консонантными исходами неодинаков. Так, нетрудно заметить, что в абсолютном большинстве случаев удельный вес дериватов с - \emptyset k- существенно выше, чем дериватов с суф. -ik-. Изучение кривых графика позволяет выявить определенные типы основ, преимущественно сочетающихся с тем или другим суффиксом. Так, например, вероятность присоединения суф. - \emptyset k- особенно высока у основ на h, k, z, č (древнечешский язык); č, k, ch, n, m, v (чешский язык эпохи Возрождения); k, n, ch, č, h (современный чешский язык). Как мы видим, во все наблюдаемые периоды суф. - \emptyset k- проявляет устойчивое тяготение прежде всего к основам с финалями k, č. Вероятность присоединения суф. -ik- в указанных структурных условиях является незначительной, свидетельством сказанного является максимальное удаление кривых графика друг от друга. В дистрибуции суф. -ik- отчетливо выделяются два экстрем-

ных пика - у основ с исходами ř и j, однако лишь основы с финальным ř можно считать зоной, узурпированной суф. -ik-. Достаточно сказать, что по имеющимся в нашем распоряжении материалам, из общего количества первичных деминутивов, соотносимых с основами на ř, 60% случаев составляют дериваты с -ik- и 36% - с - \emptyset k-.

Невзирая на то, что выбор деминутивного форманта не предопределяется фонетико-артикуляционной характеристикой конечного согласного основы и, следовательно, не является в синхронном плане фонологически мотивированным фактом, тем не менее выявление зон повышенной словообразовательной сцепляемости имеет немалое значение для прогнозирования вероятности присоединения того или другого форманта. Так, например, с известной степенью точности можно предсказать предпочтительное присоединение суф. - \emptyset k- к основам с финальным k и суф. -ik- - к основам на ř. Впрочем, как уже отмечалось, при прогнозировании вероятности присоединения суф. - \emptyset k- и -ik- к основам с определенными консонантными исходами приходится считаться с возможностью ошибки, обусловленной потенциально допустимым пересечением структурных связей формантов.

3. Исследование участков максимального сближения кривых графика позволяет выявить зоны наибольшего пересечения структурных связей суф. - \emptyset k- и -ik-. К их числу принадлежат основы с исходами l, m, r (древнечешский язык); j, ř (чешский язык эпохи Возрождения); j, ř, ž, x (современный чешский язык). Несмотря на очевидную приверженность суф. -ik- к основам с финалями j, ř, указанные структурные зоны, как мы уже говорили, также являются участком пересечения структурных связей данного аффикса с суф. - \emptyset k-.

Следует заметить, что сопоставление графиков, соответствующих сменяющим друг друга синхронным срезам, позволяет проследить постепенную дифференциацию дистрибутивных зон суф. - \emptyset k- и -ik-. Как мы могли убедиться, в древнечешском языке кривые графика находятся на меньшем удалении друг от друга. В современном чешском языке последствия процесса размежевания формантов выражены гораздо рельефнее, более отчетливо обозначены доминирующие пики, особенно у суф. -ik-.

Считаем необходимым акцентировать бросающуюся в глаза взаимодополняемость кривых графиков, фиксирующих дистрибуцию суф. - \emptyset k- и -ik-. Так, во многих случаях падению кривой у суф. - \emptyset k- соответствует ее подъем у -ik- и наоборот. Сказанное особенно очевидно для графика современного чешского языка. Указанное обстоятельство позволяет прийти к выводу о дистрибутивной взаимодополняемости обоих формантов.

4. Изучение данных графиков позволяет констатировать постепенное возрастание удельного веса дериватов с деминутивным суф. - \emptyset k-

в истории чешского языка. Проявлением сказанного является, в частности, выравнивание зигзагообразности кривой (ср. график древнечешского языка). Важно отметить, что данное выравнивание осуществляется, главным образом, за счет общего подъема уровня кривой, устранения ее спадов. Таким образом, с течением времени присоединение суфф. $-\emptyset k-$ к основам с различными консонантными исходами становится все более равномерным (исключением являются лишь основы с конечным \check{r}).

Словообразовательная активность суффикса $-ik-$, напротив, имеет тенденцию снижения. В современном чешском языке репрезентация дериватов с $-ik-$ у основ с различными консонантными исходами в целом становится более равномерной (по сравнению с древнечешским периодом), однако это выравнивание осуществляется, главным образом, за счет снижения экстремных пиков, и, следовательно, за счет снижения удельного веса репрезентантов с $-ik-$ в составе первичных деминутивов м.р. В современном чешском языке в дистрибуции суффикса $-ik-$ четко выделяются две структурные зоны, наиболее предпочтительные для данного форманта: это производящие основы с конечным \check{r} (прежде всего) и j (отчасти \check{z}). Хотелось бы подчеркнуть, что в различные синхронные срезы отмечается наличие экстремных пиков у одних и тех же типов основ. Так, суффикс $-ik-$ наиболее активно комбинируется с основами на \check{r} , \check{z} , t , l , r (современный период и эпоха чешского Возрождения); \check{r} , j , l , \check{z} , r , t (древнечешский язык). Периодом наибольшей словообразовательной активности суффикса $-ik-$ является эпоха древнечешского языка. Как показывает изучение материала, в древнечешском языке сферы словопроизводства деминутивных суффиксов $-\emptyset k-$ и $-ik-$ являются наименее дифференцированными. Удельный вес дериватов с $-ik-$ в эту эпоху достигает максимально высоких показателей по сравнению с другими периодами функционирования данного форманта в истории чешского языка. Примечательно, что у основ с конечными \check{r} , j , l репрезентация деминутивов с $-ik-$ превышает репрезентацию образований с $-\emptyset k-$.

В чешском языке эпохи Возрождения намечается некоторое снижение удельного веса деминутивов с $-ik-$, тем не менее и в этот период указанные дериваты активно используются в речевой практике.

До сих пор в наши задачи входило рассмотрение зависимости распределения суфф. $-\emptyset k-$ и $-ik-$ от манифестации обоих компонентов контактной зоны производящей основы.

Мы отремилась показать, что наиболее существенное влияние на словообразовательную комбинаторику оказывает тип строения контактной зоны, зависящий от манифестации ее предконечного компонента. Применение этого критерия и позволяет выявить специфику механизма

отбора суффиксальных морфем, пригодных для сцепления с конкретной производящей основой.

Учет финального компонента контактной зоны дает возможность детализировать словопроизводственный ареал аффикса, однако сам по себе этот критерий лишен эксплицитной силы, так как фиксирует лишь случайные (в нашем синхронном восприятии), т.е. не обусловленные фонологическими закономерностями, контакты компонентов словообразовательной структуры слова. Следует отметить, что для уточнения контуров словопроизводственного ареала сопоставляемых формантов, выявления фактов схождения и расхождения их дистрибутивных зон имеет немаловажное значение учет и других характеристик производящей основы. Так, в частности, существенное значение имеет конкретизация, принадлежит ли соответствующее производящее слово к пласту производной или непроизводной лексики, к лексемам отечественного или заимствованного происхождения. Все эти критерии также имеют не объяснительную, а скорее, констатирующую силу.

Помещаемая ниже таблица содержит статистические данные о распределении суфф. $-\emptyset k-$ и $-ik-$ у различных категорий производящих основ.

Изучая данные таблиц, мы видим, что суфф. $-\emptyset k-$ обнаруживает несомненное тяготение к производным основам. Удельный вес последних в составе производящих основ, зарегистрированных у $-\emptyset k-$, в истории чешского языка неуклонно возрастает. Примечательно, что по проведенным нами подсчетам производные лексемы также предпочтительно сочетаются именно с суфф. $-\emptyset k-$. Так, например, в современном чешском литературном языке из числа производных лексем м.р., сочетающихся с деминутивными суффиксами, 92% лексем допускают присоединение суфф. $-\emptyset k-$ и всего лишь 5% - суфф. $-ik-$; в чешском языке эпохи Возрождения 90% основ отмечены с $-\emptyset k-$ и 7% - с $-ik-$; в древнечешском языке - 77% с $-\emptyset k-$ и 13% - с $-ik-$.

Эпоха	ОКО первичных с $-\emptyset k-$	ОКО производных основ	ОКО непроизводных основ	ОКО иностр. основ
С	2228	1146 (51%)	1082 (48%)	599 (26%)
В	1059	476 (44%)	583 (55%)	187 (17%)
Д	408	127 (31%)	281 (68%)	48 (11%)

Эпоха	ОКО первичных с $-ik-$	ОКО производных основ	ОКО непроизводных основ	ОКО иностр. основ
С	396	60 (15%)	336 (85%)	179 (45%)
В	228	39 (17%)	189 (82%)	72 (31%)
Д	140	22 (15%)	118 (84%)	34 (24%)

Удельный вес производных основ, напротив, существенно выше у суф. *-ík-* и значительно ниже — у суф. *-ok-*.

Важно отметить, что удельный вес лексем заимствованного происхождения у суф. *-ík-* выше, чем у суф. *-ok-*.

Из сказанного следует, что потенциально возможной зоной пересечения структурных связей суф. *-ok-* и *-ík-* являются производные основы, а также основы заимствованного происхождения. У производных основ вероятность подобной конкуренции является ничтожной. Причиной последнего, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства: а) производные лексемы вовлекались в сферу образования деминутивной лексики относительно поздно, т.е. в период завершения специализации словообразовательных формантов. Среди производных существительных, напротив, относительно велико ядро старой лексики, "обраставшей" по мере ее функционирования в языке дублетными дериватами, в том числе уменьшительно-эмоциональными производными; б) производные лексемы имеют, как правило, более сложное морфемное строение, чем лексемы производные, а, как показывают наблюдения, у многосложных слов предсказуемость репрезентации словообразовательного форманта является более высокой, вариативность же аффикса, напротив, более низкой.

Исследование языкового материала позволяет внести еще одно уточнение в правила определения дистрибутивных зон суф. *-ok-* и *-ík-*. Как было установлено, суф. *-ík-* занимает более устойчивые позиции в комбинации с короткосложными словами; ср.:

les	lesík PS z., SSJČ z., ЭС ¹² J d., Šum d. ¹³ , Pal d., FS ¹⁴
'лес'	lések J ^x d. ¹⁵
	lísek J d., Šum d.
hoch	hošek PS z., SSJČ e., J d., K d. ¹⁶ , Pal d., Tham d. ¹⁷
'мальчик'	hošík PS z., SSJČ z., ЭС, J d, ЭВ ¹⁸ , FS

¹² ЭС — эксерпция из современного чешского языка.

¹³ J. Š u m a v s k ý. Česko-německý slovník, d. I-II. Praha, 1851.

¹⁴ J. J e l í n e k, J. V. B e č k a, M. T ě š i t e l o v á. Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce. Praha, 1969.

¹⁵ Значок X свидетельствует об архаичности, малой употребительности данного образования; пометы *de*, *z* фиксируют наличие уменьшительного, *ez* — уменьшительно-эмоционального значения.

¹⁶ Fr. K o t t. Česko-německý slovník, zvláště grammatisko-frazeologický, d. I-VII. Praha, 1878-1893 (K).

¹⁷ K. I. T h a m. Neuestes möglichst vollständiges und zweckmässig eingerichtetes böhmisch-deutsches und deutsch-böhmisches Taschenwörterbuch. Prag, 1818.

¹⁸ ЭВ — эксерпция из чешского языка эпохи Возрождения.

vůz	vožík PS z., SSJČ z., FS, ЭС, RS ¹⁹ , ЭВ
'повозка'	vozejk PS lid.z., SSJČ z. ob., J d., K d., Tham d., Tom ²⁰ d.
	vůzek PS dial., SSJČ z.
mráz	mrázík PS z.
'мороз'	mrazík SSJČ z., ЭС, FS, J d., Tom d., Tham d., Pal d.
	mrázek SSJČ ^x z., RS, J d., Tham d., Pal d., K d.
koš	košík PS z., SSJČ z., FS, ЭС, Geb d. ¹² , RS, J d. Us.,
'корзина'	Tom d, ЭВ
	košek J d.
nos	nošík, PS z., SSJČ z., ЭС, FS, J d.
'нос'	nusek PS d. 'nosík', SSJČ z. 'nosík', J d.
	nosek J d., Pal d.
groš	grošík PS z., SSJČ z., Geb d., RS, J d., FS
'грош'	grošek J d.

Как мы видим, дериваты с *-ík-*, как правило, имеют более широкую сферу употребления.

Можно высказать предположение, что присоединению суффикса *-ík-* короткосложным словам благоприятствовала упрощенность морфонологического аппарата, характерная для данного словообразовательного типа, выражающаяся в отсутствии корневых вокальных чередований, нарушающих фонемное подобие производного и производящего слов. Заметим, что *-FS* приводит относительно большое количество дериватов с *-ík-*, образованных от короткосложных существительных; ср.: mužík, nošík, nožík, grošík, košík, hřebík, keřík, košík, lesík, mrazík, vozík и др. Впрочем, указанная закономерность не выдерживается строго последовательно: как и во всех случаях, здесь есть исключения из правила.

Выявленные в процессе исследования правила распределения суф. *-ok-* и *-ík-* были апробированы нами при рассмотрении хода процесса конкуренции у 245 производящих основ, допускающих пересечение деминутивных аффиксов *-ok-* и *-ík-*. Как было установлено, в 122 случаях в сильной позиции оказался суф. *-ok-*, в 78 случаях — суф. *-ík-*; в 45 случаях процесс конкуренции остался незавершенным.

Хотелось бы подчеркнуть, что наблюдения над ходом и итогами конкуренции в целом подтвердили правила дистрибуции деминутивных

¹⁹ Retrogradní slovník staročeský, ÚJČ ČSAV.

²⁰ F. J. T o m s a. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch-lateinischen Sprache. Prag, 1791.

²¹ J. G e b a u e r. Slovník staročeský, d. I-II. Praha, 1970.

суф. *-ǫk-* и *-ík-*, определенные в настоящем исследовании. Разумеется, абсолютно точное прогнозирование присоединения того или иного форманта в конкретной структурной ситуации не представляется возможным. Это происходит отчасти потому, что нашему наблюдению зачастую доступны лишь последствия процессов, действовавших в глубоком прошлом славянских языков. В связи со сказанным для синхронного восприятия некоторые деривационные взаимосвязи являются недостаточно мотивированными. Следует учитывать, что в ряде случаев деривационная комбинаторика может корректироваться в результате действия устойчивых лексических связей, традиций словоупотребления, влияния близкородственных славянских языков; немалое значение имеет и проводимая в те или иные эпохи языковая политика. Все вместе взятое влечет за собой подчас появление не поддающихся эксплицитной интерпретации отклонений от логически предсказуемых результатов словообразовательной практики. Трудно объяснить, например, почему в идентичных структурных условиях оказывается более продуктивным то один, то другой деривационный суффикс: так, у существительного *háj* более продуктивным оказался деминутивный формант *-ǫk-*, а у существительного *čaj* — суф. *-ík-* и т.д.

Можно привести и другие примеры: выше уже отмечалось, что в чешском языке производящие основы с конечным *ř* предпочтительно сочетаются с деминутивным суф. *-ík-*. Поэтому естественно было бы предположить, что в тех случаях, когда в составе одного и того же словообразовательного гнезда отмечаются производные с тем и другим суффиксом, дериват с *-ík-* имеет больше шансов оказаться в сильной позиции. Тем не менее известны факты, когда именно дериваты с *-ík-* в указанной позиции являются менее употребительными, чем производные с *-ǫk-*:

<i>polštář</i>	<i>polštářek</i> PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Pal d.
'подушка'	<i>polštářík</i> PS z., SSJČ pon. zast. z., J d., AS ²²
<i>halěr</i>	<i>halěrek</i> PS ez., SSJČ ez., Geb d., J d., RS
'геллер'	<i>halěřík</i> KNS ²³ 'halířek', RS
<i>básnír</i>	<i>básnířek</i> SSJČ ^x ez.
'поэт'	<i>básnířík</i> J (posměšně)
обычно ир.	
<i>pastýř</i>	<i>pastýřek</i> PS z., SSJČ z.
'пастух'	<i>pastýřík</i> PS ^x 'pastýřek', KNS d., Šim ²⁴ z., RS, AS, ЭД ²⁵

²² Данное сокращение обозначает материал, извлеченный из древне-чешского архива Института чешского языка в Праге.

²³ K. N o v á k. Slovník k českým spisům Husovým, V Praze, 1934.

²⁴ Š i m e k. Slovníček stare češtiny. Praha, 1947.

²⁵ ЭД — обозначение эксперсии из древнечешского языка.

<i>moždír</i>	<i>moždířek</i> PS z., SSJČ z., RS, J d., Tom d., Tham d.
'пестик'	<i>moždířík</i> Geb d., J d.
<i>měchýř</i>	<i>měchýřek</i> PS z., SSJČ z., RS, Geb d., J d.
'пузырь'	<i>měchýřík</i> RS, J d., Pal d., Tham. d.

Подобные отклонения от предсказуемых результатов не могут служить основанием для пессимистических выводов, поскольку тщательное изучение словообразовательных параметров формантов, правил компоновки основ и аффиксов, а также результатов конкуренции дублетных словообразовательных формантов друг с другом все же позволяют во многом прояснить действующие в языке словопроизводные закономерности и сделать их очевидными и при синхронном исследовании.

Ниже на конкретных примерах будут рассмотрены случаи пересечения структурных связей суффиксов *-ǫk-* и *-ík-* у одних и тех же производящих основ.

А. Случаи закономерно обусловленной победы суффикса *-ík-*

Контактная зона производящей основы представляет неразграниченную непрерывную комбинацию согласных в подавляющем большинстве примеров

<i>pult</i>	<i>pultek</i> PS z., SSJČ ^x z.
'пульт'	<i>pultík</i> PS z., SSJČ z., ЭС
<i>prst</i>	<i>prstek</i> PS ^x z., SSJČ ^x z., Geb, Šim, J d., Pal d., Tham d.
'палец'	<i>prstík</i> PS z., SSJČ z., ЭС, J d., FS
<i>dort</i>	<i>dortík</i> PS z. (obyč. e.), SSJČ z., zprav. e., J d.
'торт'	<i>dortek</i> ЭВ
<i>čert</i>	<i>čertík</i> PS ez., SSJČ ez., ЭС, J d.
'черт'	<i>čertek</i> Geb. d., ЭД,
<i>nárt</i>	<i>nártík</i> PS z., SSJČ z.
'подъем ноги'	<i>nártek</i> SČS 'malý nárt', ²⁶
<i>chrt</i>	<i>chrtík</i> PS z., SSJČ ^x z., J d.
'борзая'	<i>chrték</i> J d.
<i>plášť</i>	<i>plášťík</i> PS z., SSJČ z., RS, J d., FS
'борзая'	<i>plášťek</i> PS z., SSJČ z., ЭД, RS, AS, J d., Tom d., Pal d.
<i>student</i> ²⁷	<i>studentík</i> PS z., SSJČ z., ЭС
'студент'	<i>studentek</i> PS z., SSJČ řidč., pon. zast. z.

²⁶ Staročeský slovník, d. I. Praha, 1968.

²⁷ Но: komplement 'КОМПЛИМЕНТ': *komplementek* PS^xz., SSJČ ez., *komplimentík* PS z.

pant	pantík PS z., SSJČ z.
'петля'	pantek PS z., SSJČ ^x z.
bobr	bobřík SSJČ z., RS, Geb d.
'Обер'	bobřek RS
svetr	svetřík PS z., SSJČ z., ЭС.
'свитер'	svetýrek PS z., SSJČ z.
vitr	větrík PS z., SSJČ z., RS, KNS, ЭБ, J d., FS
'ветер'	větěrek PS kniž. z., SSJČ e., ЭБ, J d. větýrek PS řidč. z., SSJČ e., řidč., ЭБ ²⁸ .
kmotr	kmotřík PS hypok., SSJČ ez, J d.
'кум'	kmotýrek PS ^x hypok.
hadr	hadřík PS z., SSJČ z., FS, J d.
'тряпка'	haděrek PS z., SSJČ z. hadýrek PS z., SSJČ z.
kufr	kufřík PS z., SSJČ z., ЭС.
'чемодан'	kufírek PS z., SSJČ z., FS ²⁹ . kufěrek SSJČ řidč.
cukr	cukřík SSJČ ez.
'сахар'	cukýrek SSJČ ez.
kalendář	kalendářík PS z., SSJČ z., J d.
'календарь'	kalendárek J d.
kalamár	kalamářík PS z., SSJČ z., J d.
'чернильница'	kalamárek J d.
ker	keřík PS z., SSJČ z., FS
'куст'	křík PS ^x z., SSJČ z., řidč., J d., Geb d. křek Geb d. keřek J d.
oltář	oltářík PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Pal d., RS
'алтарь'	oltářek PS z., SSJČ ^x z., J d., RS
orloj	orlojík PS ^x z., SSJČ z., ЭС, J d.
'куранты'	orlojek PS z., J d.
obličej	obličejík PS z., SSJČ z., ЭС.
'лицо'	obličejek PS pon. zast. z., SSJČ z.
čaj	čajík SSJČ ez.
'чай'	čajek PS ^x z.
pusk	pvstík SSJČ ez.

²⁸ Ср. следующий пример из лирической поэмы эпохи Возрождения: A větýrek něžným spěchem luhem květnatým zavívá. Šumí větrík luhem, sadem (альманах Vesna). При опросе носителей языка дериват větýrek был квалифицирован как менее употребительный. Аналогично был оценен деминутив kufírek (см. ниже).

²⁹ Фреквенция данного деривата ниже, чем предыдущего.

'губа'	pyštík PS ^x , SSJČ ^x ez. pyštěk SSJČ ^x ez, J d. pysček PS ^x z., SSJČ ^x ez, pyšček J d.
park	parčík PS z., SSJČ ez., FS, ЭС.
'парк'	parček PS ^x z., SSJČ ^x ez.
mantl	mantlík SSJČ z., Geb d.
'плащ'	mantlek Šim.
červ	červík PS z., SSJČ z., FS, J d., ЭБ, Geb d., Šim d.
'червь'	črvek Geb d., J d., Šim d., RS, KNS.
arch	aršík PS z., SSJČ z., J d., RS, Šum d.
'лист'	aršek PS ^x d., SSJČ ^x z.
terč	terčík PS z., SSJČ z.
'мишень'	terček PS řidč. z., SSJČ ^x z., J d.
vepř	vepřík PS z., SSJČ z., FS, J d., Tham d., Pal d., RS
'боров'	vepřek PS ^x z., J d.
drozd	drozdík PS z., SSJČ z., J d. Geb d., RS.
'дрозд'	drozdek J d.
plž	plžík PS ^x z., SSJČ ^x ez.
'слизень'	plžek J d.

Сюда же примыкают лексемы, несловарные словоформы которых содержат комбинацию согласных в контактной зоне (соответствующий дериват с -*řk*- образуется от словарной словоформы с беглым "e").

loket	loktík SSJČ z., J d., Geb d.,
'локоть'	lokytek PS ez., SSJČ e. lokétek J d.
ret	rtík PS z., SSJČ z., J d., ЭС.
'губа'	reték (rtek) J d., RS
kozel	kozlík PS z., SSJČ z., FS, J d. Us., Geb d., RS, Pal d.
'козел'	kozílek PS z., SSJČ z, J d.
uzel	uzlík PS z., SSJČ z., FS, ЭС.
'узел'	uzílek PS ob., z., SSJČ z., pon.zast. a obl. uzelek SSJČ z., nář., PS dial., z. uzélek SSJČ ³⁰ nár., PS dial.
uhel	uhlík PS z., SSJČ z., FS, ЭС, J d.
'уголь'	uhýlek PS ^x z., SSJČ ^x z., J d.
osel	oslík PS z., SSJČ z., FS, ЭС.
'осел'	oslek Fl. Boh. ³⁰
posel	poslík PS pon.zast., SSJČ z., J d.
'посол'	posílek PS z.

³⁰ V. F. l a j š h a n s. Klaret a jeho družina. V Praze, 1926, 1928.

pytel	pytlík PS z., SSJČ z., FS, ЭС, J d., AS, ЭД.
'мешок'	pytlek AS
kotel	kotlík PS z., SSJČ z., FS, ЭС, J d., Geb d.
'котел'	kotýlek PS z., SSJČ z.
ohně	ohník PS z., SSJČ z., ЭС, J d., RS
'огонь'	ohýnek SSJČ z., ЭС. ohének SSJČ z. řidč.

Очевидно, по аналогии с предыдущими лексемами суф. -ík- оказывается в сильной позиции у следующих производящих основ с конечным -el (чередование e/ø в парадигме не наблюдается).

hříděl	hřídělík PS z., SSJČ ^x z., FS
'вал'	hřídélek SSJČ ^x z., PS z.; hřídélek J d.
mandel	mandelík PS z., SSJČ ez.
'каток для белья'	mandýlek PS z., SSJČ ez.
korbel	korbelík PS z., SSJČ z., J d., Geb d., ЭВ.
'кружка'	korbílek PS z., SSJČ z., ЭС, J d. korbélek J d.
kužel	kuželík PS z., SSJČ z., J d.
'конус'	kužílek PS z., SSJČ z., J int. mor.
kostel	kostelík PS z., SSJČ z., FS, ЭС J d.
'костел'	kostýlek PS z., SSJČ ³¹ e., Tham d. kostélek J d., Pal d.

Как мы могли видеть, во всех рассматриваемых случаях пересечение структурных связей суф. -øk- и -ík- отмечено у непроемных лексем.

При оценке результатов словообразовательной конкуренции зачастую оказывается полезным изучение направленности вторичной деминутивной деривации. Как показало проведенное исследование, в сферу вторичной деривации (т.е. образования однокоренных деминутивов со значением интенсификации уменьшительно-эмоционального признака), как правило, вовлекаются наиболее продуктивные производные — именно последние и являются исходом дальнейшего горизонтального развертывания деривационной цепочки. В приведенных выше примерах вторичные деминутивы обычно образуются от дериватов с -ík-; ср.: prstíček, dortíček, čertíček, pláštíček, studentíček, pantíček, svetříček, větríček, kmotříček, hadříček, kufríček, cukříček, kalendáříček, kalamáříček, keříček, oltáříček, obličejíček, čajíček, pysíček, červíček, aršíček, vepříček, loktíček, rtíček, kozlíček, uzlíček, uhlíček, oslíček, poslíček, pytlíček, kotlíček, ohníček, hřídělíček, mandelíček, korbelíček, kuželíček, kostelíček.

³¹ Судя по опросу носителей языка, дериват kostýlek является менее употребительным, чем kostelík.

Б. Случаи закономерно обусловленной победы суффикса -øk-

Суф. -øk-, как правило, занимает более устойчивую позицию у производящих основ с полногласной контактной зоной:

1. Непроизводные основы:

husar	husárek PS z., SSJČ z.
'гусар'	husářík PS ez.
pohár	pohárek PS z., SSJČ z., ЭС, J d.,
'бокал'	pohařík PS zast. 'pohárek', SSJČ ^x z., ЭС, J d.
kočár	kočárek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Tham d., Tom d.
'коляска'	kočarík PS ^x kočárek',
dar	dárek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Geb d.
'подарок'	darík SČS 'dárek'
kráter	kráterek SSJČ z.
'кратер'	kráterík SSJČ ^x z., PS ^x z.
autor	autůrek SSJČ ^x hanl. z.
'автор'	auktorík J d. (s příhanou)
bor	borek PS z., SSJČ z., J d., ЭВ, Geb d.
'бор'	bořík SSJČ ^x z.
otec	oteček PS z.
'отец'	otčík PS ^x knižn., SSJČ ez. řidč., Šim d., J d.
mravenec	mravenček PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Pal d., ЭВ.
'муравей'	mravenčík PS zř. 'mravenček', SSJČ ^x e., ЭВ.
konec	koneček PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Tom d.
'конец'	končík SSJČ ^x z.
ranec	ranček PS z., SSJČ z., ЭС, J d.
'торба'	rančík PS ^x z., SSJČ ^x e., J d.
skorec	skoreček PS z., SSJČ z., J int.
'баран'	skorpčík SSJČ ^x z. skopík SSJČ ^x z., J d., RS
palác	paláček PS z., SSJČ z., ЭС.
'дворец'	palácík PS z., SSJČ řidč. z.
vůl	volík PS z., SSJČ z., řidč., J. d.
'вол'	volek PS z., SSJČ z., J d., KNS
motýl	motýlek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., ЭВ, RS
'бабочка'	motejlík PS z. dial., SSJČ nář. 'motýlek'
titul	titulek PS z., J d.
'титул'	tytulík J d. slc.
kancionál	kancionálek PS z., SSJČ z., J d.
'духовные песнопения'	kancionálík SSJČ ^x z.
salát	salátek PS ez., SSJČ z., J d.
'салат'	salátík J d. slc.

kout	koutek PS z., SSJČ z., ЭС J d., Pal d., ЭВ Geb d.
'угол'	koutík J d.
prut	proutek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Pal d. Tom d., ЭВ, AS.
'лоза'	proutík PS ^x 'proutek', J d.
zub	zoubek PS z., často e., SSJČ často ez., ЭС, J d., AS.
'зуб'	zubík PS dial., SSJČ nář. 'zoubek'
kotouč	kotouček PS z., SSJČ z., J d.; Geb d.
'диск'	kotoučik PS ^x z.
vřed	vřidek PS z., SSJČ z., J d.
'язва'	vředek J d. vředik J d.
sad	sádek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., ЭВ, AS
'сад'	sadík PS ^x , SSJČ ^x z.
sníh	snížek PS ez., SSJČ ez., J d., Pal d., Tom d., AS, ЭД,
'снег'	sněžek SSJČ ^x ez., J d. sněžík PS ^x e., SSJČ ^x ez., J d.
pták	ptaček PS z., SSJČ z., J d., AS
'птица'	ptačik PS dial. 'ptaček', SSJČ ^x z., Pal d. slc.
kluk	klouček PS z., SSJČ z., ЭС, FS, J d., ЭВ, Tom d., Geb d.
'мальчик'	klučik PS hypok z., SSJČ z., FS ³² ЭВ, J d.,
dům	domek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Geb d.
'дом'	domík T nář.
krám	krámek PS z., SSJČ z., ЭС, J d.
'лавка'	krámik PS ^x z., SSJČ ^x z.
tyran	tyránek PS z., SSJČ ez.
'тиран'	tyraník PS ^x ez.
sklep	sklípek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Tom d., Pal d., Tham d.
'подвал'	sklépek J ^x d. sklepík PS ^x z., J d.
cop	срpek SSJČ d., J d.
'коса'	copek SSJČ ^x z., J d. coupek SSJČ ^x z. copík SSJČ ^x z.
klas	klásek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., Geb d.
'колос'	klasík PS ^x z., SSJČ ^x z.
pes	pejsek PS z., SSJČ e. 'psík, psíček', FS, J d., Pal d.
'собака'	pesek J d., ЭД. psík PS z., SSJČ z., FS ³³ , J d., Pal d., AS, ЭД.

³² Фреквенция деривата klučik существенно ниже.

³³ Фреквенция обоих образований, в сущности, идентична.

malvaz	malvázek PS ez., SSJČ ez.
'мальвазия'	malvazík SSJČ ^x ez.
kříž	křížek PS z., SSJČ z., ЭС, J d., ЭВ, Geb d.
'крест'	křížik J d., AS
2. Производные основы:	
sobec	sobeček PS z., SSJČ z., zpr. e.
'эгоист'	sobčik PS ez., SSJČ ez. řidč. sobík PS e. 'sobec', SSJČ z., zpr. e. řidč.
vrchol	vrchůlek PS z., J d.
'верх'	vrcholek PS 'vrchol', SSJČ z., ЭС, J d., AS vrcholík PS 'menší vršek', SSJČ řidč., pon.zast., Jd., AS
pahorek	pahoreček PS z., J 'malá hora'
'холмик'	pahorčik PS ^x z.
učitel	učitýlek PS ob. ez., SSJČ ez.
'учитель'	učítelek PS dial. ez., SSJČ ^x ez: učitelík SSJČ ^x ez
hrbol	hrbolek PS z., SSJČ z., J d.
'бугор'	hrbolík PS z., SSJČ z. řidč., J d.
chlapec	chlapec PS z., SSJČ z., J d., Tham d., Tom d., Pal d.
'мальчик'	chlapčik PS ^x dial., SSJČ nář. e., J d.

Анализируя приведенные примеры, мы можем заметить, что дериваты с *-ík-* включаемые в состав словообразовательного гнезда, отличаются от однокоренных деминутивов с *-ěk-* степенью употребительности (см. соответствующие ограничительные словарные пометы), сферой функционирования – многие из производных с *-ík-* фиксируются в диалектах или просторечье (помимо приведенных выше, ср. *korčák* PS z., SSJČ z.; *korčik* PS^x z. fam). Обращает на себя внимание и различие семантической информации:

chochol	chochůlek PS ^x z., SSJČ ^x ez.
'хохол'	chocholík PS z., SSJČ 'вид соцветия'
chroust	chroustek SSJČ z.
хрущ	chroustík SSJČ ez. (как правило, переносное значение 'разновидность небольшого полевого жука, типа майского')
oves	ovísek PS z. (často e.), SSJČ ez.
'овес'	ovsík PS z, SSJČ 1. 'овсюг'. 2 řidč. z.
Дериваты с <i>-ík-</i> зачастую имеют негативную окраску:	
Němec	Němeček SSJČ ^x ez.
'немец'	Němčik SSJČ z., zpr. hanl.
vlastenec	vlasteneček PS z., SSJČ ez.
'патриот'	vlastenčik PS ^x pej.

Таким образом, процесс конкуренции обычно завершается функциональным размежеванием однокоренных дериватов с суф. *-ěk-* и *-ík-*.

Сказанное не исключает наличия случаев недифференцированного употребления деминутивов с суф. -*Øk-* и -*ík-*, входящих в состав одного и того же словообразовательного гнезда. Ср.:

flirt	flirtek SSJČ ez.
'флирт'	flirtík SSJČ ez.
šakal	šakálek PS z., SSJČ ^{xx} ez.
'шакал'	šakalík PS z., SSJČ ^{xx} ez.
topol	topůlek PS ^x z., SSJČ ^{xx} ez.
'тополь'	topolík PS ^x ez., SSJČ ^{xx} ez., J d.
talent	talentek PS ez., SSJČ ^{xx} ez., ŽC.
'талант'	talentík PS ez., SSJČ ^{xx} ez., J d.
páv	pávek PS z., SSJČ z.
'павлин'	pávík PS z., SSJČ z., J d.
olej	olejek PS z., SSJČ ^{xx} z.
'растит. масло'	olejík PS z., SSJČ ^x z., RS. и др.

Изучение состава деминутивов, включенных в Частотный словарь чешского языка, показало, что наиболее многочисленными здесь являются дериваты с суф. -*Øk-*, дериваты с -*ík-* представлены меньшим количеством репрезентантов. Примечательно, что анализ состава деминутивов с -*ík-*, зафиксированных в Частотном словаре, в целом подтверждает правила дистрибуции данного форманта, определенные нами выше. Так, в подавляющем большинстве случаев к числу дериватов с -*ík-*, имеющих фреквенцию, достаточно высокую для включения их в данный словарь, относятся деминутивы, образованные от производящих основ с консонантным строением контактной зоны (prstík, pláštík, verčík, veršík, větrík, žertík и др.).

Заключая сопоставительную характеристику словообразовательных типов с суф. -*Øk-* и -*ík-*, мы хотим особенно оттенить следующие моменты.

Словообразовательные суф. -*Øk-* и -*ík-* играют ведущую роль в сфере словопроизводства первичных деминутивов м.р. Несмотря на сходство формальной комбинаторики указанных аффиксов, т.е. возможность их присоединения к идентичным консонантным исходам производящих основ, наличие суф. -*Øk-* и -*ík-* в деривационном инвентаре уменьшительно-эмоциональных существительных не является избыточным.

Как показало проведенное исследование, дистрибутивные зоны обоих формантов в целом разграничены: большая часть производящих основ, вовлеченных в сферу первичной деминутивной деривации, сочетается с каким-то одним из двух аффиксов — сказанное в особенности справедливо для производных лексем, предпочтительно сочетающихся с суф. -*Øk-*.

Как было установлено, в основе разграничения дистрибутивных зон суф. -*Øk-* и -*ík-* находится различие их исходных структурных параметров. Принимая во внимание варьирование фонемной структуры аффиксов в составе словоизменительной парадигмы соответствующих производных лексем, можно прийти к выводу, что суф. -*Øk-* принадлежит к числу формантов консонантного типа, суф. -*ík-* — к числу формантов вокализованного типа. Данное обстоятельство самым существенным образом определяет словопроизводственный ареал обоих аффиксов. В соответствии с правилом деривационной комбинаторики форманты консонантного типа преимущественно сочетаются с производящими основами, имеющими вокализованную манифестацию предконечного компонента контактной зоны; вокализованные форманты имеют более универсальную дистрибуцию: в равной степени они могут присоединяться к производящим основам, имеющим как вокализованное, так и невокализованное строение контактной зоны. Важно подчеркнуть, что вокализованные форманты, как правило, характеризуются упрощенностью морфонологического аппарата: присоединение данных аффиксов обычно не сопровождается предварительной адаптацией производящей основы, в частности, ее предконечного вокала (исключение составляют лишь стыковые палатализационные чередования финальных консонантов). Как показывают наблюдения, для дистрибуции вокализованных аффиксов характерна тенденция преимущественного тяготения к производящим основам с предконечным консонантом контактной зоны.

Таким образом, основное правило деривационной комбинаторики может быть сформулировано следующим образом: производящие основы с предконечным консонантом контактной зоны преимущественно сочетаются с вокализованными аффиксами; основы с предконечным вокалом, главным образом, тяготеют к формантам консонантного строения (впрочем, присоединение вокализованных аффиксов в указанных структурных условиях также не исключается).

Манифестация финального консонанта производящей основы в плане деривационной комбинаторики принципиального значения не имеет.

Анализ конкретного языкового материала, проведенный под ракурсом исходных структурных параметров суф. -*Øk-* и -*ík-*, позволил выявить правила распределения данных деминутивных формантов: суф. -*Øk-* предпочтительно отмечается у основ с предконечным вокалом, суф. -*ík-* — у основ с предконечным консонантом. Кроме того, как было установлено, суф. -*Øk-* обнаруживает несомненное тяготение к производным лексемам; в репертуаре производящих основ, отмеченных у суф. -*ík-*, преобладают основы непроизводные, достаточно репрезентативными являются и лексемы заимствованного происхождения.

Таким образом, существование в деривационном инвентаре первичных деминутивов м. р. двух словообразовательных формантов с консонантной основой "к" является логически обоснованным.

Сказанное не исключает возможности пересечения структурных связей обоих формантов не только у производящих основ одного и того же структурного вида, но и у одних и тех же лексем.

Важно подчеркнуть, что, как показал анализ фактического материала, словообразовательный суффикс является наиболее конкурентно-способным в условиях структурных позиций, благоприятствующих его исходным структурным параметрам. Так, суф. -*ʃ*к- занимает устойчивую позицию у производящих основ с предконечным вокалом, суф. -*ik*- — у основ с предконечным консонантом.

Пересечению структурных связей суф. -*ʃ*к- и -*ik*- также способствует то обстоятельство, что данные форманты могут присоединяться к различным алломорфам одной и той же производящей основы. При этом суф. -*ʃ*к- обычно сочетается со словарным алломорфом основы (словоформа им.ед.), суф. -*ik*- — с несловарным алломорфом производящей основы (разумеется, разграничение словарного и несловарного алломорфов релевантно в том случае, когда указанные алломорфы имеют различную манифестацию предконечного компонента контактной зоны).

Наблюдение над ходом конкуренции позволяет сделать вывод, что деминутивы с суф. -*ʃ*к- в целом чаще оказываются в сильной позиции. Можно утверждать, что данный формант во многом "узурпирует" сферу первичной деминутивной деривации. Деминутивы с суф. -*ʃ*к- обычно характеризуются и более высокими частотными показателями.

Примечательно, что суф. -*ʃ*к- относительно легко "приспосабливается" к основам с различным строением контактной зоны. Так, например, в тех случаях, когда присоединению суф. -*ʃ*к- препятствует наличие консонантных скоплений в исходе основы, непрерывная консонантная последовательность либо разрезается вкладыванием вокальной прослойки в виде вставного гласного, либо усекается.

Суф. -*ik*- также является продуктивным словообразовательным формантом, однако его использование для образования первичных деминутивов м.р. более строго регламентируется. Сказанное дает нам основание квалифицировать суффикс -*ik*- как формант с локальной продуктивностью.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на снижение удельного веса дериватов с суф. -*ik*-, данный формант продолжает сохранять за со-

бой достаточно четко очерченную дистрибутивную зону, активно участвуя в создании новообразований.

Важно отметить, что в дистрибутивном плане оба форманта во многом взаимодополняют друг друга, компенсируя свою морфонологическую ущербность.

Таким образом, включение в состав деривационного инвентаря консонантного аффикса в качестве доминирующего словообразовательного форманта предполагает использование, наряду с ним, и вокализованного суффикса, восполняющего дистрибутивный пробел в комбинаторике суффикса консонантного типа.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ СЛАВЯНСКИХ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В прежнем исследовании о старославянских именных и местоименных прилагательных¹ мною выдвигалось положение об известной обусловленности краткой геер. полной формы прилагательного семантикой конкретного прилагательного. Для старославянского языка это означало, что грамматическая категория определенности/неопределенности находилась в некоторой связи, а в отдельных случаях и в прямой зависимости от значения или семантического класса прилагательного. Уже для старославянского языка можно считать неоспоримой ситуацию, согласно которой существовали прилагательные, имевшие только полную форму (прилагательные, образованные от наречий места и времени, большинство прилагательных темпорального и локативного значения, например: **ВЪНЪШЪИИ**, **ВЪНЪТРЪИИ**, **КРОМЪШЪИИ**, **НОШЪИИ**, **ПОСЛЪДЪИИ**)² и только краткую (притяжательные на -ОВЪ, -ЕВЪ, -ИНЪ). Старославянские памятники одновременно четко отражают тенденцию к связи отдельных словообразовательных моделей (например, на -БСК-) с полной формой, последовательно выявившуюся затем во всех славянских языках и диалектах. Современный сербскохорватский язык (прежде всего ряд диалектов штокавской зоны), как известно, лучше

всех других живых славянских языков сохраняет, хотя и в реликтовом виде праславянскую категорию определенности/неопределенности прилагательного³. Именно в нем достаточно ярко отражена связь лексической семантики прилагательного с полной (геер. краткой) формой, связь, ограничивающая сферу функционирования обеих форм прилагательных, но в то же время проясняющая их грамматическую сущность, грамматическую семантику. Речь идет о наличии только полной формы в таких семантических классах, как локативный (означающий место - **преди**, **задни**, **горни**, **доня**, **десни**, **лєви**, **источни**, **северни**, **последни**, **средни** и т.п.; два последних относятся к группе, которая в равной мере может быть причислена к темпоральным; также **месни**, **небесни** и др., которые могут быть не чисто локативными, а локативно-притяжательными и даже с оттенком качества-свойства), темпоральный (означающий время - **јутарни**, **дневни**, **ноћни**, **данашни**, **неделни**, **годишњи**, **месечни**), в классах прилагательных, близких к локативным, т.е. ориентирующих в пространстве, оказывающихся также и пространственно-посессивными и т.п. (означающих отношение к частям тела - **главни**, **носни**, **зубни**, **ручни**, **лєжни**, **вратни**,

1-26, Praha, 1958-1974). Гораздо принципиальнее в прошлом веке эту проблему решал А.Х. Востоков, давая в своем словаре интересующие нас формы в следующем виде: только **ВЪНЪШЪИИ**, **КА**, **КЕ**, **ВЪНЪТРЪИИ**, **КРОМЪШЪИИ**, **КА**, **КЕ**, **НОШЪИИ**, **КА**, **ОК**, **ПОСЛЪДЪИИ**, **КА**, **КЕ**, однако **ДОБРЪИИ**, **КА**, **ОК**. **Ъ**, **А**, **О**, **КРАТЪКЪИИ**, **КА**, **ОК**, **Ъ**, **А**, **О** и т.п. Для праславянского языка, видимо, удачное решение интересующего нас вопроса предложил О.Н. Трубачев. Он писал: "Реконструированные формы имен прилагательных даются, как правило, в местоименной, членной форме, по-видимому наиболее употребительной в связанной речи, во всяком случае - наиболее активной и определенной уже с праславянского периода, за вычетом таких исключительных категорий, как последовательно краткие формы притяжательных прилагательных на -овъ, -инъ" (см. О.Н. Т р у б а ч е в. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963, стр. 16). Еще лучше было бы, на наш взгляд, указывать две формы в тех случаях, когда они бесспорно были, например, ***plytkъ** (-jъ), или ***plytkъjъ** (***plytkъ**), т.е. в духе Востокова. Относительно слова ***zvērinъjъ** (см. О.Н. Т р у б а ч е в. Указ. соч. стр. 92) можно довольно уверенно утверждать, что в праславянском оно имело только форму ***zvērinъ**. По степени сохранности этой категории или ее реликтов славянские языки могли бы быть представлены по следующему ранжиру: сербскохорватский, словенский, русский, болгарский, македонский, западнославянские языки.

1 См. Н. И. Т о л с т о й. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. "Вопросы славянского языкознания", вып. 2. М., 1957.

2 Можно считать поэтому неоправданным употребление во многих словарях и лексикографических трудах кратких форм от этих прилагательных в качестве заглавных (в словарных статьях и т.п.). Так, в словаре Ф. Миклошича дано **ВЪНЪШЪНЪ**, **ВЪНЪТРЪНЪ**, **КРОМЪШЪНЪ**, **НОШЪНЪ**, **ПОСЛЪДЪНЪ** и т.п. (см. Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graecolatinaum. Vindobonae, 1862-1865). Аналогично в словаре Л. Садника и Р. Айцетмюллера, где в скобках дополнительно отмечается и полная форма **kroměšъnъ** (-ъniъ) и т.п. (см. L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. s-Gravenhage-Heidelberg, 1955). В пражском словаре старославянского языка наблюдается известная непоследовательность: **ВЪНЪШЪНЪ**, (ИИ), **ВЪНЪТРЪНЪ** (ИИ), но лишь **КРОМЪШЪИИ** и вновь **НОШЪНЪ** (ИИ), и вновь лишь **ПОСЛЪДЪИИ** и т.п. (см. Slovník jazyka staroslověnského,

а также кѹвнѣи, мѣснѣи; отношение к постройкам, усадьбам и их частям кѹвнѣи, сѹбнѣи, црквиѣи, башчѣи), а также у таких прилагательных, как стѹбнѣи, житнѣи, државнѣи, на̀роднѣи, ѹбнѣи, суднѣи. Любопытна и тенденция к закреплению только полной формы и у некоторых качественных прилагательных – сиѹнѣи, жаркѣи, жаркѣи и у двух прилагательных, характеризующих величину, объем: вѣликѣи (вѣлик – очень редко) и малѣи (мал и мао уже неизвестно). Другие относительные и качественные прилагательные (кроме притяжательных на -ов- (-ev-), -in, *-jъ и на -ъск-: ѹчев, сѣстринѣи, ѹвчѣи, сѹбскѣи, ѹпштинскѣи и др.) имеют краткую и полную форму⁴. Хотя тут же приходится признать, что утверждение о наличии двух форм – полной и краткой – у всех остальных прилагательных тоже нуждается в ряде существенных дополнений и оговорок. К их числу следует отнести прежде всего: 1. отсутствие различия определенной и неопределенной формы во флексиях творительного единственного и во всей парадигме множественного числа у прилагательных всех трех родов, затем еще именительного и винительного падежа единственного числа среднего рода и во всей парадигме женского рода (во всех этих случаях различие, если оно выражается, то выражается лишь типом (тоном) или местом ударения, а также долго-той); 2. возможность неразличия падежных флексий так наз. "неопределенного" и "определенного" склонения во всех парадигмах – мужской, женской и средней, кроме форм именительного и винительного падежа мужского рода (ср. аналогичную ситуацию в словенском языке и в некоторых чакавских говорах), при которой единственным дифференциальным моментом остается ударение (например, родит.падеж ед.ч. муж.р. зелѣногѣи – "неопределенная форма" вместо более нормативной формы зелѣна при зеленог(а) – "определенная форма"); 3. возможность неразличия в косвенных падежах единственного числа мужского рода и во всех падежах женского и среднего рода и множественного числа "неопределенной" и "определенной" формы не только в отношении флексии, но и в отношении ударения, которая отмечена А.Беличем следующими словами: "... у очень большого числа прилагательных нет никакого различия между ударениями прилагательных определенного и неопределенного вида"⁵; 4. возможность неразличия по принципу заударная долгота/краткость, т.е. отсутствие долготы у так называемых "определенных" или полных форм. Все это приво-

дит к тому, что целый ряд прилагательных в сербскохорватском языке никак формально (ни по флексиям, ни по характеру ударения, ни по заударной долготе) не различаются во многих звеньях отдельных "определенных" и "неопределенных" парадигм, или же противопоставление парадигм отсутствует полностью (например, в женском и среднем роде). Специального исследования типов и характера соотношения форм "неопределенных" (именных, кратких или полных с ударением как у кратких) и "определенных" (полных, местоименных) в сербскохорватских говорах, в первую очередь в штокавских говорах не проводилось. Поэтому П.Ивич отметил с полным основанием, что "наша (сербскохорватская. – Н.Т.) диалектологическая литература вообще дает скудные сведения о положении адъективного вида в наших говорах"⁶. Однако он сам сделал довольно любопытные и ценные наблюдения по интересующему нас вопросу над архаическим говором галлипольских сербов, бывших в отрыве от носителей говоров метрополии более трех с половиной столетий (в Галлиполи они жили с конца XVI в. или с начала XVII в. до первой четверти XX в., а затем в Пехчево в Македонии). Так, "галлипольцы" сохраняют в родительном падеже ед.ч. мужского рода формы именного склонения и противопоставляют их в отдельных случаях формам склонения местоименного. Им известны такие словоупотребления, как учу Ѣ ѹрѹова днѣа 'накануне Юрьева дня', учу Јуванѣа днѣа 'накануне Иванова дня', учу Никѹла днѣа 'накануне Николаина дня' и др., а также идѣн рѣ жаѣ бѣла лѹка 'одна долька чеснока', иди ми купи сѹва грѹзја 'пойди, купи мне изкум', т.е. архаические формы в названиях праздников⁷ и в родительном партитивном, а в остальных случаях (включая иногда и конструкции с родительным партитивным) они употребляют полную форму – не мѹж да вѣ дѣш енога тре знога 'не увидишь ни одного трезвого', вѣликога 'большого', ѹзне дрѣвенога мѣсла 'взял древесного (постного) масла', имѣсе инѹга ле пога брата 'имеет одного красивого брата' (полная форма с числительным идѣн 'один', 'некий'). При этом, как правило, обе парадигмы унифицируются следующим образом – формы (флексии) по местоименной (исключая отчасти формы именительного и винительного неодушевленного ед.ч. мужск.рода), а ударения по именной ("неопределенной") парадигме. Подобная ситуация (включая случаи с

⁴ См. М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик, Београд, 1964, стр. 252–256 и 262–268; подробнее в монографии: Е.Фекетѹ. Облик, значење и употреба одређеног и неодређеног придевског вида у српскохрватском језику. "Јужнословенски филолог", књ. XXVIII, св. 1–2. Београд, 1969, стр. 321–386.

⁵ См. А. Белић. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 1. Београд, 1962, стр. 160.

⁶ См. П.Ивич и Ђ.Говор галлипольских Срба. Београд, 1957, стр. 210–211.
⁷ Ср. аналогичные случаи сохранения архаических форм в названиях праздников в болгарских говорах, в частности в странджанских говорах в сочетаниях на светѹк Никѹла сохранилась форма родительного падежа, утраченная в словоупотреблениях другого типа (собств.записи, с.Заберново, 1957 г.)

родительным партитивным) наблюдаются в вращко-шумадийских диалектах (в Банате и в других зонах).⁸

Характер адъективных парадигм и соотношение именных и местоименных форм в говоре галлипольских сербов близки к морфологическому статусу имен прилагательных в словенском литературном языке и в некоторых чакавских и кайкавских говорах хорватско-сербского языка.⁹

Современный словенский язык в его литературном облике сохранил противопоставление краткой (именной) и полной (местоименной) формы лишь в именительном-винительном неодушевленном падеже ед.ч.муж.р. bogat - bogáti, temen (temán) - temní, в косвенных же падежах употребительны местоименные (полные, "определенные") формы, при этом ударение, как правило, следует по "определенной" парадигме - bogátega, bogátemu, bogátem, bogátim и т.д. temnega, temnemu, temnem, temním и т.д., хотя известно и возможно и temen, temnega, temnemu и т.д.)¹⁰.

Существенный интерес представляют собой ограничения словообразовательного и лексического порядка, которые частично нивелируют и эту незначительную противопоставленность именной и местоименной формы. Так, словенские прилагательные на -ji, -nji, -ski, -ški,

⁸ См. П. И в и Ђ. Указ. соч., стр. 210-211.

⁹ Речь идет прежде всего о парадигмах флективных, а не акцентных. С акцентными парадигмами дело несколько сложнее. В чакавском говоре острова Суска и во многих других говорах чакавского и кайкавского ареала в местоименных формах сохраняется, как правило, система ударения "определенного" типа. См. Ј. Н а м н, М. Н г а с т е, Р. Г у б е р и н а. Govor otoka Suska. "Hrvatski dijalektološki zbornik", knj. I, Zagreb, 1956, стр. 112-114; М. Р е њ е т а р. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907, столб. 215-217 и др. В кайкавском говоре с. Бедня при противопоставлении только флективных форм имен.пад.ед.ч.муж.р. dèber - dýebri 'хороший' выявляются, однако, две парадигмы - "неопределенная", где в имен.пад.ед.ч. dèber, dèbro, dèbre, а в косвенных dèber, dèbrego, dèbremu... и т.д. и "определенная", где в имен.пад.ед.ч. dýebri, dýebro, dýebre, а в косвенных dýebri, dýebrego, dýebremu... и т.д. По свидетельству Й. Едвая, "обе формы смешиваются без каких бы то не было правил". См. Ј. Ј е д в а ј. Bednjanski govor. "Hrvatski dijalektološki zbornik", knj. I, стр. 303-304.

¹⁰ См. [Ф. Р а м о в њ]. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana [1952], стр. 101-105; G. O. S v a n e. Grammatik der slowenischen Schriftsprache. Kopenhagen, 1958, стр. 51-56. А. В а - j е с, R. К о л а р и ć, М. Р у р е l. Slovenska slovnica, Ljubljana, 1964, стр. 157-163.

-ški (bôžji, dívji, góbbji, krávji, prédnji, srédnji, zádnji, zgódnji 'ранний', slovénski, ruški, junaški, beněški 'венецианский') имеют только полную (местоименную), равно как и прилагательные lévi, désní, právi, rájní 'покойный', óbci, máli (но májhen имеет только краткую форму в имен.-винит. неодушевл.ед.ч.) и др.¹¹, а притяжательные на -ov (-ev), -in (očétov, máterin, brátov, sêstrin) только краткую именную, хотя в косвенных падежах (кроме винит. неодушевл.муж.р. ед.ч.) всегда местоименную brátovega, brátovemu и т.д.¹²

Аналогичная тенденция наблюдается в современном русском языке, где в косвенных падежах отдается предпочтение местоименным (полным) формам у притяжательных прилагательных типа тещин, мамин - тещино-го языка, тещиному языку, маминога платка, маминому платку, наряду с архаическим тещина языка, тещину языку, мамина платка, мамину платку (но только отцов дом, отцова дома, отцову дому; во избежание кратких форм чаще отцовский дом, отцовского дома, отцовскому дому, но еще чаще во всех приведенных случаях употребляется родительный притяжательный типа дом отца, язык тещи, платок мамы и т.п.). В современном литературном сербскохорватском языке также наблюдается конкуренция форм именного и местоименного склонения (кроме именит. и винит. неодушевл. муж.р. ед.ч.): родит. п. муж. р. ед. ч. очева дома и нередко очевог до-

¹¹ Прилагательные, означающие отношение к частям тела, к постройкам и их частям, в словенском литературном языке имеют, согласно лексикографической практике, обе формы - полную и краткую (в имен.-винит. неодуш.падеже муж.р. ед.ч.): nòsen, zóben, ròčen, hr̀bten, híšen, sòben, vr̀ten, cerkvén. См. М. Р l e t e r - š n i k. Slovensko-nemški slovar, Ljubljana 1894-1895; А. Ј а н е ž i ć. Slovensko-nemški slovar, nat. 3. Celovec, 1893; Slovar slovenskega knjižnega jezika, knj. I, Ljubljana, 1970; S. Š k e r l j. R. A l e k s i ć, V. L a t k o v i ć. Slovenaško-srpskohrvatski rečnik. Beograd-Ljubljana, 1964. Следовало бы проверить, насколько эта лексикографическая традиция соответствует действительному устному и письменному узусу. В словаре Я. Юранчица (Ј. Ј у р а н ć i ć. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955) в рассматриваемых случаях даются лишь полные формы: nosni, zobni, ročni, hr̀bni, hišni, sobni, vr̀ni, cerkevni.

¹² Любопытно также наличие в словенском языке таких неизменяемых прилагательных в краткой форме, как žal, reš, napak: žal beseda 'обидное слово', наряду с žala beseda, или po reš poteh 'по пешим дорогам', napak sveta 'неправого мира' и др. (см. Ј. Т о - p o r i š i ć, Slovenski knjižni jezik, Maribor, 1965, стр. 189).

ма¹³. Именное склонение притяжательных прилагательных на -ov, -in сохраняется несколько искусственно в чешском литературном языке. В то время как в говорах чешских и моравских и в языках словацком, польском и лужицких в косвенных падежах притяжательных прилагательных на -ov, -in известна только полная форма¹⁴. Эта черта сближает словенский язык с западославянскими языками и украинским и белорусским языком.

Обращаясь к материалу словенских диалектов, следует указать прежде всего, что большинство говоров в результате новой редукции гласных в формах имен. падежа ед.ч. мужского рода типа bogati конечное *i* утратилось и таким образом разрушилось и последнее звено противопоставления полной ("определенной") и краткой ("неопределенной") форм прилагательных. В диалектах же прлешских и замурских, где не действовала новая вокалическая редукция, противопоставление также утратилось, т.к. в формах имен.-винит. неодуш. ед.ч. муж. рода полные ("определенные") формы стали употребляться во всех случаях, во всех функциях, в том числе и в функции предикативной¹⁵ (ср. положение в западославянских языках). Однако сама категория определенности/неопределенности в большинстве словенских диалектов не исчезла, а наоборот укрепилась из-за того, что стала связана со всей категорией имени, из-за наличия члена-артикла определенной и неопределенной формы *ta, ta, to* и *en, ena, eno*. Нормативная грамматика словенского языка отмечает: "Если в обиходном говоре ты говоришь *en len fant* ('ленивый парень'. - Н.Т.), то это ты будешь говорить в неопределенной форме, если же ты скажешь *ta len fant* ('ленивый парень'. - Н.Т.), то это считается определенной формой. Однако, ни *en*, ни *ta* в таком употреблении в литературном языке не допускаются"¹⁶. Таким образом, словенский литературно-языковой узус поддерживается несколькими искусственными нормативными правилами.

¹³ См. об этом подробнее М. С т е в а н о в и ħ. Двојство облика посесивних придева и заменица на -ov, -in. - "Наш језик", нова серија, књ. I, св. 1-2. Београд, 1949, стр. 24-38.

¹⁴ См. F. T r á v n í ě k. Mluvnice spisovné češtiny, část I. Praha, 1951, стр. 539-540; А. М. С е л и щ е в. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 140-142, 250, 357.

¹⁵ См. R. K o l a r i ě. Določna in nedoločna oblika slovenskega pridevnika. "Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду", књ. V. Нови Сад, 1960, стр. 185-197.

¹⁶ См. А. В а ј е с, R. K o l a r i ě, M. R u р e l. Slovenska slovnica, стр. 118.

Сербскохорватская (прежде всего литературная штокавская), а также словенская ситуация во многом проливает свет на отдельные этапы процесса утраты категории определенности/неопределенности прилагательных в других славянских языках, в первую очередь в русском языке, где развилось и свое специфическое противопоставление сначала по линии атрибутивности-предикативности, а потом только для качественных прилагательных, выступающих в составе предиката по линии постоянства/временности свойства, качества¹⁷.

Есть, однако, отдельные южнославянские диалектные системы, прошедшие в своем развитии дальше сербскохорватской литературной штокавской и литературной словенской систем. В них принцип, по которому утрачивалось и утратилось последнее противопоставление кратких и полных форм прилагательных, интересен и показателен для характеристики внутренней сущности рассматриваемой категории. К таким системам относится в первую очередь чакавский колонистский диалект в Словакии в селах Девинска Нова Вес и Дубравка (села эти расположены недалеко от устья Моравы, впадающей в Дунай северо-западнее Братиславы).

В говорах сел Девинска Нова Вес и Дубравка категория определенности/неопределенности прилагательных в общем утрачена¹⁸. Из двух парадигм - именной и местоименной возникла одна парадигма - местоименная по своему флективному облику. И только применительно к парадигме мужского рода единственного числа можно говорить о двух ее не очень резко отличающихся друг от друга вариантах - о варианте "смешанном" и варианте "однородном". В "смешанном" варианте почти во всех косвенных падежах употребляется местоименная форма и лишь в имен. и вин.-неодушевл. - краткая: *žut* 'желтый', *žutòga*, *žutòmu*, *žut-žutòga*, *žutim*, *žutòm*. В "однородном" варианте все формы, включая именительный и винительный неодушевленный, - местоименные: *livi* 'левый', *livòga*, *livòmu*, *livi-livòga*, *livism*, *livom*.¹⁹ По

¹⁷ См. Н. Ю. Ш в е д о в а. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. - "Ученые записки МГУ", вып. 150. "Русский язык". М., 1952, стр. 73-132.

¹⁸ Этот говор монографически описан Вацлавом Важным в начале 20-х годов (см. V. V á ž n ý, Čakavské nářečí v slovenskem Podunají. Bratislava, 1927). Все приведенные ниже чакавские примеры взяты из указанной книги. Было бы очень полезно провести исследование состояния этого говора в наше время - полвека спустя после наблюдений известного словацкого диалектолога.

¹⁹ Парадигма *žut*, *žutòga* дана В. Важным, парадигма *livi*, *livòga* установлена нами.

второму - "однородному" варианту склоняются прилагательные, имеющие в имен.-вин. падеже ед.ч. муж.рода только полную ("местоименную") форму (список см.ниже). По "смешанному" варианту склоняются прилагательные, имеющие в имен.-вин. неодушвл. пад. ед.ч. мужск. р. только краткую форму, и незначительное число прилагательных (типа *нѣов-нѣовѣ, бѣел - бѣели*), имеющих в том же падеже обе формы (список см.ниже). Если же обратить внимание на характер акцентной парадигмы в описанных случаях, то можно заметить довольно широкое распространение именного ("неопределенного") акцентного типа²⁰.

Различные формы одного и того же прилагательного в имен.-винит. падеже, отражающие прежние противопоставления (*нѣов - нѣовѣ, бѣел - бѣели*) могут встречаться лишь в "смешанной" парадигме мужского рода. Они зафиксированы только у семи прилагательных, список которых приводится ниже. Таким образом, абсолютное большинство прилагательных подчинилось следующему разграничению: в имен.-вин. неодушвл. пад. ед. ч. мужск.р. сохранилась только одна форма - полная или краткая. Только одна как правило форма, либо полная, либо краткая употребляется в разных синтаксических условиях и в составе артибутивных сочетаний и в предикативной функции - *ѣов је дѣовар; то је мѣој дѣовар прѣѣел* и даже при субстантивации прилагатель-

²⁰ По свидетельству В.Важного; в случаях, когда прежняя именная форма двух сложных прилагательных имела ударение на окончании или на долгом слоге основы, "в сложное склонение проник прежний акцентный тип именного склонения с ударением на окончании (в нашем диалекте с передвижкой ударения с последнего слога); ср. например, род.п. *бѣелѣова (бѣелѣова хлѣва от им.п. бѣел или бѣели хлѣв), мртвѣова, живѣова, липѣова* и т.п. В некоторых случаях бывают и дублетные формы: *млადѣова, младѣова, и млადова, млადому* и т.п. Тот же тип у прилагательных с кратким слогом (ударением - Н.Т.) в основе; ср., например, род.-вин.п. *добрѣова, бовѣова, дат.п. добрѣому* и т.п.". Ср. им.п.ед.ч. *дѣовар, дѣбра, дѣбро* (с перетяжкой ударения на один слог вперед). У трехсложных прилагательных "в случаях, когда неопределенная форма имела ударение на окончании, наблюдается значительное колебание ударения и употребление дублетных форм. Ср., например *дѣбѣел, дѣбела и дѣбѣела, дѣбело и дѣбѣело, висѣок, висѣока и висѣока, висѣоко* и *висѣоко, зѣлѣен* и *зѣлѣени, зѣлена* и *зѣлѣена, зѣлено* и *зѣлѣено*. Из примеров с беглым а из ъ, в ср. например, *смѣшѣан, смѣшѣна, смѣшѣно, жѣжан, жѣжна, жѣжно*. Это колебание ударения наблюдается во всем сложном склонении; ср., например, на *висѣокој гѣри* и *на висѣокој гѣри* и т.п. См. V.V á ž n ý. Čakavské nářečí..., стр. 51-52.

ного - *грѣшан* 'грешный человек'²¹. Именно этот момент имеет особое значение для наших разысканий. Возникает вопрос: какие семантические разряды прилагательных приняли только полную форму, а какие только краткую? Ответ на него можно дать после внимательного прочтения грамматического описания и словарного материала В.Важного.

По свидетельству В.Важного, "только сложную форму на -и имеют прилагательные: *дѣвл'ї* или *дѣвл'ї, лѣви, лѣва*; прилагательные на -ски: *брѣски, грѣски* и т.п., прилагательные на -ни, означающие принадлежность или отношение к предмету, выраженному именем прилагательным: *крикѣени, кукуѣл'ни, паклѣени*; на -ни: *прѣдѣни, вишѣни, зѣдѣни, раѣни, лѣтѣни* и т.п., также и *сѣдѣни* и т.п., на -жѣи: *раѣажѣи, зѣтражѣи* и т.п."²² Приводим полный список прилагательных, имеющих только местоименную форму на -и, извлеченный из словаря В.Важного²³: *бѣбѣи, бѣрѣви* 'гнедой, коричневый', *брѣски, бухѣни, бѣоѣи, сибѣлѣни* 'общинный', *крикѣенски, сѣраѣни* 'вчерашний', *сѣражѣи* 'то же', *сѣтѣти, сѣловѣѣи, сѣловѣѣи, сѣсѣети, сѣвлѣети, дѣвл'ї, домѣшѣни, домѣт'ї, другѣшѣи, дѣл'ни, дѣшѣни* 'душевный', *дѣшѣет'ї* 'пахучий', *гѣлоглѣви, гѣлубѣни, гѣспрѣоски, гѣвлѣески, гѣлѣрни, гѣлѣрански, гѣшѣни, хлѣвѣни, хлѣбовѣи* 'хлебный', *хорѣвѣски, жѣсѣенски, капусѣнски, кѣбѣлѣни, кѣкошѣни, кѣнѣлѣни, кѣжѣни, кѣрѣвѣи, кѣрѣвѣски* 'коровий', *крѣжѣовѣи, крѣшѣански, куѣл'ни, кукуѣл'ни* 'относящийся к куколке', *куѣзѣи, куѣрѣовѣи* 'медный', *куѣшѣски, куѣзѣи, лѣтѣни, лѣви, маѣжѣи, маѣшѣни* 'относящийся к мессе', *миѣжѣи, миѣшѣни, мѣоѣд'ани, небѣески, ниѣшѣски, новѣсѣелски, ѣлѣни* 'овечий', *ѣстѣни, паклѣени, рѣсѣи, рѣлитровѣи, прѣдѣни, прѣтѣлѣт'ни, прѣви, раѣни, раѣажѣи, рѣбѣни* 'рыбный', *рѣбѣи, сѣдѣшѣни, сѣкорѣски* 'разнообразный', *сѣдѣни, сѣромѣшѣски, сѣрѣжѣни, сѣрѣнски, сѣрѣни, свѣлѣни* 'шелковый', *сѣшѣнски, сѣшѣести, тѣможѣи, тѣлѣет'ї, тѣшѣни* 'птичий', *тѣсѣт'ї, тѣрѣет'ї, тѣжѣи, тѣрѣски, угрѣски, ѣлѣжѣи* 'глазной', *ѣлѣшѣни, ѣлѣшѣи* 'овечий', *ѣлѣшѣни, вѣзмѣни* 'пасхальный', *вѣшѣенѣни, вишѣни, влѣстѣни* 'свой', *врѣни, врѣли, вѣшѣжѣи, вѣшѣлски, зарѣни, згорѣни, зѣтражѣи, жѣбѣи*.

²¹ См. V.V á ž n ý. Čakavské nářečí..., стр. 211. - Некоторое исключение составляют устойчивые сочетания, близкие иногда к фразеологизмам, типа *шѣни бѣтѣег* 'чахотка' (дословно "сухая болезнь"), *злѣти крѣжѣт* 'золотой крест' (в словаре при этом дается и *шѣни* и *злѣти*, и *злѣт* и *злѣти*). Последний пример, как и ряд других, взят В.Важным из сказок, где, видимо сохранилось достаточное число архаизмов. К сожалению, этот источник широко использован и в грамматическом описании языка западнославянских чакавцев.

²² См. V. V á ž n ý. Čakavské nářečí..., стр. 198.

²³ Переводы слов даются лишь в том случае, когда слово по его форме или значению резко отличается от общехорватскосербских слов.

Что касается кратких форм прилагательных, то о них В.Важный пишет следующее: "Первоначальная именная форма им.п. ед.ч. муж.р. сохранилась и почти совсем вытеснила сложную форму на -i преимущественно у прилагательных, означающих качество, свойство (vlastnost), как, например: bĕl (и bĕli), bĕla, bĕov, bĕsa, ċĕran, ċĕrna, dĕobar, dĕbra, frĭzak, frĭška, kĭsĕl, kĭselo, krĭv, krĭva, lācan, lācna, lāgak, lāchka, māl, māla, māl'ucak, māl'učka и т.д. vĕlĭk, vĕlika, но zlāti, см. zlāt (в сказке ð trĭ kt'ĭera: zlāti krĭžĭt'), у прилагательных, означающих материю, вещество (látku), из которого что-то сделано: drĭvien (drĭvena или drĭviĕna), stākĭĕn, vĭĭĕn и т.д. и у прилагательных на -ov, -in: brátov, brátova, bābin, bābina, dĕbov и т.п."²⁴ Приводим полностью перечень прилагательных, зафиксированных В.Важным только в краткой форме им.п. ед.ч. муж.р.: bābin, bāzĕov 'бузиновый', bĕlast, bĕtieg 'больной', bĕtĕžan, bĕzočiv, bĭstar, blĕd, bĕgat, božāžĭ'iv, brátov, bučav 'тыквенный', ċĕl, ċĕran, ċĕrnāst, ċĭst, ċrl'ĭĕn, ċrl'engāst, ċrvl'iv, ċdan, ċvřst, dāreban 'ленивый', dĕbĕl, dĭbov, drāg, drĭvien, drĕoban, dĕbov, dĕgov 'радужный', dĕobar, dĕžan, dĕžĭcak, frĭzak 'свежий', glādak, glādān, glāvāt, glĕh, gĭl, gĭsan, grābrĕov, grĭšan, grĕban 'грубый', gĕdinov 'дождливый', gĕol, gĭst, hĭtar, hrĭškov, hĭd, hĕoban, kĭsĕl, kĕnat 'волосатый', kĕst'ĭĕn, krāstav, krātāk, krĭv, krĭprav 'кривой, окрыленный' krvāv, kt'ĭĕrin, lācan, lāgak, lākom, lĭp, mālĕn, māl'ucak, mālerin, mĕkak (mĕhak), mĭl, mĭlostiv, mlād, mřtāv, mřzal 'холодный', nesřit'an, nĕvieran, nĕzdrāv, nĕzřĕl, nĭzak, ōčĭev (ōčov), pĭčov 'свадебный', pĭšān, plāv, plĭtāk, pobĕžan, popĕlāv, poslĕšan, prāzan, prĕdrāg, prĕcivan, prĕdrug, pĕn, pĕst, rāvān, řd'av 'ржавый', slāb, slābak, slādak, slān, slĭp, slĕgin, slĕobodan, sřdit, sřĕbrn, sřit'an, stār, strāšān, střm, strĕpav, sĕh, šāntav, šĭrovok, škŏdl'iv, škŭr 'темный', šřnav 'грязный', st'ĭĕdar 'щедрый', tānak, tĕpal, tĕžak, tĕnov, tĭst, tvřd, vĕduran 'дурной', vĕštar, ūzak, vĕlĭk, vĕšĕl, vĕieran, vĭšĕvok, vlāsnat, vrbĕov, vrĕovan, vrĭdan, zard'āven, zdrāv, zĕocĕst, zřĕl, žājan, žālostiv, žĭčov, žĭv, žĕkak 'жухлый', žŭt.

Общий вывод В.Важного о судьбе интересующей нас категории достаточно четок. "Различие между прилагательными определенными (сложное склонение) и неопределенными (именное склонение), - пишет он, не сохранилось. Обе парадигмы (флексии) слились в одну так, что кроме им.п. ед.ч. муж.р., где у большинства прилагательных победила именная форма, во всех остальных падежах определенная форма вытеснила форму неопределенную. В случаях, где две формы, определен-

²⁴ См. V.V. á ž n ý. Ćakavské nářečí..., стр.198.

ная и неопределенная, различались характером ударения, проникал обыкновенно в сложное склонение акцентологический тип именного склонения. Ср., например, наряду с парадигмой прилагательного žŭt, žŭtĕoga, žŭtŭ, žŭtĕje и т.п.²⁵, род.п. ед.ч. женск.р. mřtvĕ (mřtvĕ vŏdĕje), ви.п. mřtvŭ (mřtvŭ vŏdŭ) из сказки о jĕdnom přĭncĭ; род.ед. bĕlĕovoga hĭba к им.п. bĕl или bĕli. Иногда бывают дублетные формы, ср., например, род.п. ед.ч. mlādovoga и mlādoga, главным образом в прежних трехсложных основах, например, vĕlĭk, ж.р. vĕlika, velĭka или vĕlika, ср.р. vĕliko, vĕliko или vĕliko, ср., например, va vĕlikoj vŏdi и va vĕlikoj ĭbo na vĕlikoj vŏdi и т.п." С этим заключением известного словацкого диалектолога нельзя не согласиться. Оно хорошо подкреплено материалом, представленным в монографии. К нему можно лишь на основе тех же материалов сделать несколько дополнений и коррективных пояснений. Так, о параллельном употреблении двух форм типа nĕov и nĕovi в им.п. ед.ч. муж.р. В.Важный специально ничего не говорит. Следует, однако, предположить, что такое употребление - последний реликт прежней оппозиции именной и местоименной форм, сохранившийся преимущественно в единичных устойчивых сочетаниях²⁶ - sŭhi bĕtieg, zlāti krĭžĭt' (последний пример, как отмечалось, из сказки). Есть сочетания, в которых замечены колебания - slān rŏžit', slāni rŏžit' 'соленый рожок' и, наконец, в которых выступает лишь краткая форма - ċrl'en krĭž (известно и в микропонимии). Из остальных отмеченных В.Важным дублетных форм интерес представляют прилагательные, означающие материал - slāmen-slamĕni, vāpĕien-vapĕeni, kĕst'ĭĕn-kĕst'ĕni. Полный же список прилагательных, зафиксированных с двумя формами им.п. ед.ч. муж.р. следующий: nĕov-nĕovi, blĕd-blĕdi, drāg-drāgi, māl-māli, prav-prāvi, nažŭt-nažŭti, sŭh-sŭhi, slān-slāni, zlāt-zlāti, grĭšan-grĭšni, slāmen-slamĕni, vāpĕien-vapĕeni, kĕst'ĭĕn-kĕst'ĕni (всего 13 прилагательных).

Нетрудно заметить также при обращении к спискам, что прилагательные, означающие материал, встречаются и только в полной форме (svĭlni, konĕpni), и только в краткой (drĭvien, stākĭĕn), и в полной и краткой (slāmen-slamĕni) в им.п. ед.ч. муж.рода, вопреки утверждению В.Важного о наличии краткой формы (см. выше стр.159).

²⁵ Эта парадигма в единственном числе полностью выглядит так: муж. ср.род. - žŭt, žŭto, žŭtĕoga, žŭtĕomu, žŭt-žŭtĕoga, žŭto, žŭtim, žŭtĕom; жен.р. - žŭta, žŭtĕje, žŭtĕoj, žŭtu, žŭtŭ, žŭtĕoj.

²⁶ О характере подобных сочетаний в старославянском языке см. в моей работе "Значение кратких и полных форм...", стр.68-72.

Притяжательные же прилагательные (в широком смысле этого слова) все последовательно имеют либо полную, либо краткую форму в зависимости от суффиксов -ov и -in (с краткой) и -ji [-ši], -ni, -ski, [-ški, -ski] (с полной)²⁷. С этими же суффиксами -ni и -ski только в полной форме употребляются и непритяжательные (типа kŕāj-ni-и kŕšt'ānski). Темпоральные, локативные и прилагательные, выражающие отношение к частям тела (mčōžd'ani), имеют лишь полную форму (если они не сочетаются с суффиксом -ov, что крайне редко).

Некоторые поправки и дополнения к основным выводам В.Важного не лишают их большой ценности и существенности для славянских сравнительно-грамматических штудий. Чакавские островные диалекты в Словении демонстрируют довольно тесную связь именной или местоименной формы им. (-вин. неодуш.) п. ед.ч. муж.р. с семантикой (и словообразованием) прилагательного²⁸. Именно на семантической (и отчасти словообразовательной) основе и оказалось почти полностью ликвидированным противопоставление полных и кратких форм, как форм определенных и неопределенных²⁹.

Аналогичное состояние наблюдается на другой окраине сербскохорватского диалектного континуума - в одном из торлакских диалектов, в говоре Сретечкой Жупы, граничащем с северо-западными македонскими диалектами.

По свидетельствам М.Павловича³⁰, к сожалению неполным, но все же дающим определенное представление об общем положении интересу-

²⁷ См. своеобразную конкуренцию отдельных суффиксов в таких случаях, как bābin и bābji, mīšji и mīšni, mčōžd'ani и mčōžd'apov и др.

²⁸ В говоре сел Девинска Нова Вес и Дубравка прилагательные, заимствованные из словацкого, употребляются в им.п. ед.ч. муж.р. только в полной или только краткой форме в зависимости от их принадлежности к тому или иному семантическому (отчасти словообразовательному) классу: hĭāvni, ostātni, но hūdoban 'бедный', špīnav 'грязный', dāreban 'ленивый'. В словацких говорах в этих случаях выступает только полная форма.

²⁹ В чакавских диалектах в Бургенланде (Австрия) положение с краткими и полными прилагательными им. (=вин.) п. ед.ч. муж.р. несколько иное. Там сохраняется их противопоставление, как в словенском литературном языке. См. L. H a d r o v i c s. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18 und 19. Jahrhundert. Wien, 1974, стр. 126-146, 225-226.

³⁰ См. М. П а в л о в и ĩ. Говор Сретечке Жупе, Београд, 1939, стр. 177-180.

щей нас категории, в сретечском диалекте в им. (-вин.) п. ед.ч. муж.р. прилагательные на -ски (-чки) употребляются только в полной форме - жёнски, небески, плаћински, свињски, човечки, равно как и локативные и темпоральные прилагательные на -ни (-ни) - крајни, задни, средни, довни 'нижний', ноћ и, летни, божињи (исключение дѣнашен 'сегодняшний'), прилагательное дивљи, прилагательные же на -ов(-ев) и -ин только в краткой - братов, братнов, татков, крајев, мајкин, госпођин. Исключительно краткую форму имеют и качественные и относительные прилагательные на -ок (<*ъкъ); и -еи (<*ънь): нѣзок, сладок, мицок 'маленький', гладен, арен, личен, болен, дужен, мутен, равен, ситен, сребрен, посен, ченичен 'пшеничный', сретен (срејен) и др. Наконец, также "у известного числа прилагательных, очень часто употребляемых, имеется только им.пад. неопределенного вида (неопределенной формы - Н.Т.), так: вет 'ветхий', голем 'большой', дајек, добар (толкования мои. - Н.Т.)"³¹. На этом основании, на базе других примеров и собственных полевых наблюдений М.Павлович считает, что "как вообще в говорах этого типа, так и в сретечском говоре различие между определенным и неопределенным видом (прилагательного. - Н.Т.) сводится к минимуму: форма неопределенного вида вытесняет форму определенного вида даже в тех случаях, в которых определенность очевидна и само прилагательное может иметь и форму определенного вида (имеется в виду сербскохорватский литературный язык. - Н.Т.), например: чѣкала цев ноћ, на стар пут, бив прв на војска, также и в топографических названиях Мав Крс (=мал крст 'малый крест'. - Н.Т.), Мал Камен"³².

Все же в ряде устойчивых сочетаний и фразеологизмов полная форма им.п. ед.ч. муж.р. сохраняется: Свети Никола, на први камен, пусти болес (где болес мужского рода из-за окончания на согласный), бели свет (ср. русск. белый свет, но по белу свету и т.п.), велики пос 'великий пост'. Но у прилагательных на -ен она и в этих случаях отсутствует. Абсолютно преобладает полная (местоименная) форма и в косвенных падежах (кроме винительного неодушевленного муж.р.³³), хотя и не имеет уже определенного значения: на Светога Нико-

³¹ М. П а в л о в и ĩ. Говор Сретечке Жупе, стр. 177.

³² Там же.

³³ Так в творительном падеже по значению, но винительном с предлогом съ^o по форме сохраняется краткая форма съ^o голем стап 'большой палкой'. Винительный одушевленный употребляется, однако, и как casus generalis - съ^o бѣлога коња, съ^o бѣлога чѣка, съ^o живого коња, а не *съ^o жив коњ и т.п. См. М. П а в л о в и ĩ. Говор Сретечке Жупе, стр. 178.

лу, среднего брата, сретного човека³⁴. Лишь родительный партиципный, усиленный иногда предлогом од, требует краткой формы: од гóспockа рода (ср. положение в говоре галипольских сербов). Что же касается вопроса о характере ударения, то он применительно к прилагательным сретечского говора отпадает. Ударение в этом говоре не тоническое, а экспираторное, тяготеющее к третьему слогу от конца слова (в том числе и в сложных словах и устойчивых синтагмах типа дивьѝ вепар 'дикий кабан'). Артикль-член, в отличие от некоторых других торлакских говоров, а также от говоров македонских и болгарских, в сретечском диалекте отсутствует, так что утеря противопоставления определенности/неопределенности прилагательного не следует приписывать влиянию артикля (возможно лишь влияние косвенное – соседних диалектных зон).

Любопытно положение в еще одном островном сербскохорватском диалекте торлакского (тимочко-лужничского) типа-в говоре сербского села Свиница в румынском Банате (области Оршова)³⁵. Находясь в румынском окружении, этот говор укрепил противопоставление категории определенности/неопределенности прилагательного особым способом – введением в парадигму определенного склонения своеобразного члена-артикля -ѝен (муж. и ср.р. ед.ч.), -на (жен.р. ед.ч.), -ни (муж. и ср.р. мн.ч.)³⁶, -не (жен.р. мн.ч.): лѝеп 'красивый' (им.п. муж. и ср.р. ед.ч. неопред.), лѝепá (им.п. жен.р. ед.ч. неопред.), лѝепиѝен (им.п. муж. и ср.р. ед.ч. опред.), лѝепана (им.п. жен.р. ед.ч. опред.), лѝепи (им.п. муж. и ср.р. мн.ч. неопред.), лѝепе (им.п. жен.р. мн.ч. неопред.), лѝепини (им.п. муж. и ср.р. мн.ч. опред.), лѝепене (им.п. жен.р. мн.ч. опред.). Ср. также соответственно: бел 'белый', белá, бели, белé, белиѝен, белана, белини, белене; бос 'босой', босá, боси, босе, босиѝен, босана, босени (босенини), босене. Из косвенных падежей в мужском роде ед.числа имеются падежи родительный и дательный лѝепога, лѝепому для неопределенного "вида" и лѝепонога, лѝепоному для "вида" определенного. В винительном неодушевленном ед.ч. употребляется форма именительного па-

дежа (лѝеп, лѝепиѝен), а в винительном одушевленном – родительного (лѝепога, лѝепонога). Эта же форма родительного употребляется как *casus generalis* одушевленный в инструментальных и, вероятно, также в локативных конструкциях (ср. положение в сретечском говоре) и только в творительном определенном виде наряду с родительным с предлогом может быть употреблена форма лѝепоногам 'красивым(тем)'. Во множественном числе мужского рода винительный равен именительному во всех случаях и имеется, один лишь косвенный падеж – дательный (неопред. лѝепим, опред. лѝепиним). Аналогичное положение наблюдается в среднем роде, где, однако, нет винительного одушевленного. Если свидетельство Миле Томича применимо ко всем кратким прилагательным, то родительный и дательный неопределенный среднего рода ед.ч. отличается от тех же падежей мужского рода лишь иным местом ударения – лѝепогá, лѝепому. Вместо родительного падежа, однако, может быть употреблен именительный лѝеп с предлогом. Краткая форма в свиницком говоре победила даже в вокативе – ч'овѝеку лѝеп!

Парадигма женского рода ед.ч. сохранила большее число падежей – именительный, родительный-дательный, винительный, творительный, звательный. Приводим в той же последовательности попарно формы неопределенные и определенные: лѝепá – лѝепана, лѝепој – лѝепоној, лѝепу – лѝепону, лѝепом – лѝепоном, лѝепо – лѝепоно. Множественное число женского рода имеет только два падежа именительный-винительный-звательный и дательный: лѝепе – лѝепене, лѝепем – лѝепенем. У существительных в говоре с.Свиница соответственно то же число отдельных падежных форм в разных парадигмах, что и у прилагательных (исключение – наличие вокатива мужского рода у существительных при отсутствии особой формы у прилагательных). Следует отметить, что в свиницком говоре с существительными очень часто употребляется указательное местоимение, имеющее по свидетельству М.Томича, функцию члена: теј командáнт од ти лóпови 'командир воров', и у тејдѝн, ка се родил теј дете 'в день, югда родился ребенок' и т.п. С указательным местоимением (членом?) теј (муж. и ср.р.), таја (жен.р.), ти (мн.ч. муж. и ср.р.) и т.д. прилагательное употребляется в "неопределенной" форме: теје белé и дѝеремо. Формы сравнительной и превосходной степени известны в двух формальных разновидностях – неопределенной и определенной – с наличием того же качества падежных форм, что у и прилагательных в положительной степени: полѝеп, полѝепога, полѝепому, полѝепога (ч'овѝека), полѝеп (астáл 'стол'), полѝепи, полѝепим³⁷, полѝепá, полѝепој, полѝепу, полѝепо, полѝепом, полѝепе, полѝепе и полѝепиѝен, полѝепонога, полѝепоному, полѝепонога (човѝека), полѝепиѝен (астáл), полѝепини, полѝепиним (аналогично налѝеп, налѝепá, налѝепиѝен, налѝепана). Миле Томич дает также список прилагательных, которые называются им "качественно-определенными" (*cali-*

³⁴ Есть основания предполагать, что подобный процесс переживали македонские и болгарские говоры. Однако этот вопрос должен быть предметом отдельной статьи.

³⁵ См. M. T o m i c i. Unele observații în legătură cu adjectivul calificativ în graiul sîrbesc din localitatea Svinica, regiunea Banat. "Studii și cercetări lingvistice", an. XVIII, nr. 2. București, 1967, стр. 223-230. Все приведенные из диалекта с.Свиницы примеры взяты из указанной статьи.

³⁶ Объединение мужского и среднего рода в форме мужского рода в ед. и мн. ч. – любопытная черта свиницкого говора.

ficative): бед, бѣсън, блжѣн, блѣдау, бос, вѣлик (-и), висѣк, гол, дѣлг (длг), дебѣл, дѣбър, жиу, кратѣк, мѣнѣч'ѣк 'маленький', млад, нисѣк, стар, тѣнѣцѣк 'тонкий', увабен 'тупой, притупленный', фришѣк 'свежий', ч'рн³⁸. В этот же список внесены: прѣвни 'первый', трѣѣи и десѣти (соответственно прѣвниѣн, трѣѣиѣн, десѣтиѣн). По тому же типу образуются другиѣн, ч'етвртиѣн и т.д. до 11-ти, затем јединајесети, дванајесети. Судя по "неопределѣнным" формам прѣвни, а также стражни, локативные и темпоральные имеют, как в других сербских говорах, только местоименную (полную) форму, которая после противопоставления формам прѣвниѣн, стражниѣн стала восприниматься как неопределенная.

Долготы и тоника ударения в свиницком говоре исчезли, однако, судя по месту ударения в нечленной форме, победил в принципе именной тип ударения, хотя в косвенных падежах, как и в галипольском и сретечком говоре, распространилась местоименная флексия. Так, муж.р. ед.ч. бѣлѣн, жѣлт, рѣтак и т.д. соответствует женск.р. ед.ч. болна, жѣлта, ретка и т.д.

Таковы материалы, извлеченные из очень ценной и интересной статьи Миле Томича и вкратце изложенные нами.

П.Ивич, обративший внимание на то, что в восточных сербскохорватских диалектах преобладает унификация двух склонений по неопределенному виду (имеется в виду прежде всего акцентный тип, тип ударения), а в западных хорватосербских говорах (говоря на Юге Италии, кайкавский говор Вирья, штокавские, восточночерногорский и црмничкий, и другие) — по определенному виду, по этому поводу заключает: "очевидно, таким образом, что речь идет о значительной изоглоссе, которая связывает или разделяет большие диалектные группы"³⁹.

Материал чакавского говора сел Девинска Нова Вес и Дубравка свидетельствует, что и в западной части сербскохорватского диалектного континуума есть говоры, в которых краткая форма выступила как унифицирующая (равно как и акцентная парадигма именного прилагательного), что заставляет вновь вспомнить о латеральной и центральной балкано-славянских зонах (ср. этнолингвистическую гипотезу

³⁷ Формы среднего рода совпадают с формами мужского рода кроме родит.ед., который равен форме им.п. ед.ч., но употребляется с предлогом.

³⁸ Помимо приведенного списка в тексте статьи приводятся еще: бѣлѣн, дѣбѣр, дѣлбок (длбок), жѣлт, жѣсток, здрѣу, зѣл, лѣк 'легкий', лѣп, мѣк, мѣртѣв, облѣч'ен, остѣр, плита^{ѣк}, рѣтак, слѣтѣк, широк, тив 'тихий', товарѣн 'тяжелый'.

³⁹ П. И в и ч. О говору галипольских Срба. стр. 367.

Гаващи — Братанича)⁴⁰. Окончательное, или хотя бы более четкое решение этого вопроса в лингвогеографическом плане станет возможным лишь после привлечения нового материала обследования новых пунктов (говоров), а также получения более полных сведений из уже обследованных пунктов (говоров) и зон.

Во всяком случае можно заранее сказать, что следует учитывать ряд параметров, которые могут дать разные (различные) изоглоссы.

А) Противопоставленность флексий кратких и полных форм в парадигмах (прежде всего ед.ч.муж.р.). Здесь возможны: а) нередуцированная флективная система, близкая к системе сербскохорватского литературного языка и б) редуцированная система, ограничивающаяся противопоставлением форм лишь в им. (-вин. неодуш.) п.ед.ч. муж.р.

Б) Противопоставленность ударений кратких и полных форм. Здесь возможны: а) комбинация (сосуществование параметра А и Б; б) очень значительная редукция параметра А. При непротивопоставленности (или приближенному к ней состоянию) учитывается абсолютное преобладание акцентной парадигмы — а) именной, б) местоименной.

В) Неупотребительность в составе сказуемого полных форм тех прилагательных, которые выступают и в полной, и в краткой форме в атрибутивной функции (преимущественно мужск. рода ед. числа)⁴¹.

Г) Противопоставленность прилагательных, имеющих а) только полную форму, б) только краткую форму (особенно в им.п. ед. числа муж.р.) по разным семантическим классам.

Д) Противопоставленность прилагательных с артиклевой формой прилагательным без артикля.

При формулировке вопросов в программе на основе указанных параметров, помимо моментов противопоставленности/непротивопоставленности и употребительности/неупотребительности (для пункта В) следует учитывать моменты иного плана — словообразовательного, синтаксического-фразеологического, синтаксического и семантического. В этих случаях выявится момент сочетаемости прилагательных отдельных се-

⁴⁰ В ряде своих прежних работ эту ценную для славянской лингвогеографии гипотезу я определял как "гипотезу Братанича" (см. Н.И. Толстой. Из географии славянских слов 1. 'дождь', 2. 'саламандра'. "Вопросы славянского языкознания", вып. 6. М., 1962, стр. 141 и др.), т.к. мне долгое время был недоступен доклад М.Гаващи на IV конгрессе славянских этнографов и географов. — M. G a v a z i. Problem karakterističnoga raznještaja nekih etnografskih elemenata na Balkanu. "Comptes rendus du IV-e congrès des géographes et des ethnographes slaves". Sofija, 1936.

⁴¹ Ср. обратное положение в чакавском говоре острова Сусак, где возможно *Kruh je studēni. Pūt je sirōki*. См. J. H a m m,

мантических классов (классов достаточно дробных и заданных списком) с определенными суффиксами, равно как и "индивидуальное" поведение ряда прилагательных (велики, мали, мален), т.е. очень весомая роль значения (семантики) того или иного прилагательного, воздействующего на его форму (морфологический статус) или зачастую даже определяющего ее.

К о р р е к т у р н о е п р и м е ч а н и е. Любопытный, но отнюдь не неожиданный процесс, ведущий к ликвидации противопоставления "определенных" и "неопределенных" акцентных парадигм, произошел в некоторых кайкавских говорах кайкавско-штокавского пограничья (хотя не исключено, что это явление распространено и значительно шире). Так, в Бании в селе Хватско Село наблюдается следующее явление. "В парадигме обычно сохраняется ударение им. пад. муж. рода ед. числа во всех родах, числах и падежах: ед. ч. им. п. *zdrāv*, *zdrāvo*, *zdrāva*; род.п. *zdrāvoga*, *zdrāve*, дат.п. *zdrāvomu*, *zdrāve(oj)*, вин.п. *zdrāvoga*, *zdrāvu*, тв.п. *zdrāvim*, *zdrāvom*, мест.п. *zdrāvomu*, *zdrāve(oj)*; мн.ч. *zdrāvi*, *zdrāva*, *zdrāve*". (V. Z e č e v i ć. *Ogled kajkavsko-štokavskog dijalekatskog kontakta*, "Rad", knj. 368. Zagreb, 1975, стр. 222).

Единственное формальное противопоставление имеется в ед. ч. им. п. муж.р. *zelen* - *zeleni*, *dubok* - *duboki*, *bogat* - *bogati* и т.п. Оно, однако, не выражено семантически.

Т.В.ЦИВЬЯН
МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
НОВОГРЕЧЕСКОГО АРТИКЛЯ В АСПЕКТЕ
ГРАММАТИКИ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Памяти
ИСААКА ИОСИФОВИЧА РЕВЗИНА

Функции артикля в новогреческом языке (далее нгр.) рассматриваются здесь в аспекте грамматики балканского языкового союза (БЯС)¹. Речь идет о грамматических по преимуществу употреблениях артиклей, т.е. о тех, которые определяются морфосинтаксическими условиями, а не семантическими, стилистическими и под².

Анализ категории определенности/неопределенности в широком плане занимал значительное место в кругу интересов И.И.Ревзина. Одной из последних его работ по этой теме была анкета по категории определенности-неопределенности, в большой степени основанная на балканских языках (но не ограниченная ими)³. В анкете, которая, несомненно, даст начало многим новым исследованиям в области определенности/неопределенности, И.И.Ревзин предложил широкий набор логико-грамматических критериев для описания системы артиклей. Здесь использованы те из них, которые классифицируют употребление артиклей строго формально: на основании их дистрибуции с различными классами слов или их подгруппами, преимущественно на парадигматическом уровне; на основании взаимодействия артиклей с различными морфосинтаксическими категориями, а также в ряде других случаев,

- ¹ В грамматике БЯС строится единая синтаксическая схема БЯС, основанная на сведениях воедино синтаксических структур отдельных балканских языков, и сообщаются правила перехода от нее к балканским языкам и обратно. План и основные положения грамматики были неоднократно изложены автором ранее. См. ее же публикацию фрагмента грамматики БЯС, описывающую новогреческий синтаксис.
- ² В соответствии с этим не анализируются, например, случаи мены артиклей, когда в одной грамматической позиции возможно употребление всех видов артиклей, обусловленное не-формальными причинами.
- ³ И.И. Р е в з и н. Анкета по категории определенности-неопределенности. "Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков". М. 1973; О н ж е. Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках. "Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4-10 сентября 1974". М. 1974.

М.Н г а с т е, Р.Г у б е р и н а. *Govor štoka Suska*, стр. 130.
Ср. аналогичную ситуацию в древнерусском языке.

которые будут оговорены особо. Описание формально-грамматических употреблений артиклей рассматривается как предварительный этап; далее оно должно быть введено в более широкий контекст (логических, семантических и др. критериев), см. упомянутую анкету. Этот путь может оказаться плодотворным для перехода как к более общим, так и к операционным заключениям о механизме употребления артиклей, в частности для балканских языков.

Наблюдения над структурой балканских языков, в том числе на морфологическом и синтаксическом уровне, отраженные в многочисленных работах, приводят к мысли, что в языках БЯС намечается тенденция к смазанности различных морфологических категорий (классы слов, отдельные граммы) на парадигматическом уровне и, как результат этого, — тенденция к невозможности (и несущественности) их различения на синтагматическом уровне, т.е. в тексте⁴. Одно из проявлений этой

⁴ Связь невозможность/несущественность постулируется, исходя из ряда более общих наблюдений над языком. Динамика развития различных категорий в языке предполагает среди прочего существование некоей закономерности, приблизительно следующего смысла: то, что не определено — неопределимо; то, что неопределимо — излишне определять. Если, например, некоторый класс или группа слов проявляет колебания в отношении некоторых граммем (род, наклонение, число и т.д.), притом что в языке в целом соответствующие противопоставления сохраняются, то обнаружить для них диагностические контексты чрезвычайно трудно или даже невозможно. В этих случаях язык как бы избегает определенности и однозначности, предпочитая либо омонимию, либо, напротив, синонимию и перифраз. Ср. хотя бы сложность различения N. и Acc. в нгр. в конструкциях Praed. + Subj. √ Obj. √ Adv., нейтрализацию флексий Ind. и Conj. в балканских языках, несуредделенный морфологический статус един в болгарском (местоимение или артикль), смешение синтаксических функций аориста и перфекта в албанском и т.п. Однозначно разрешить эти и подобные ситуации бывает возможно лишь с помощью достаточно сложных трансформаций и субституций, в общем несущественных и избыточных для понимания данного фрагмента, т.е. для извлечения заложенной в нем информации. По крайней мере в балканских языках, в таких случаях анализ естественно переносится на лексический, семантический, контекстный и под. уровни, оставляя собственно грамматику в стороне и удовлетворяясь более или менее приблизительными результатами (для того, чтобы выяснить, что в нгр. ашпозитивной синтагме с количественным значением, типа ποτήρι νερό 'стакан воды' осуществляется не под-

тенденции — морфологическая нечеткость оформления собственно слова и перенос центра тяжести на специальные служебные элементы с фиксированной позицией во фразе. Существенно, что эти служебные элементы, как правило, представляющие собой односложные, т.е. очень короткие слова, характеризуются высокой степенью омонимии: достаточно-многообразные грамматические отношения обслуживаются ограниченным набором элементов (ср. хотя бы алб. të, выполняющее функции личного местоимения, связующего и изолированного артикля и прилагательной частицы; нгр. артикль, совпадающий по форме с местоимениями и т.п.). Поскольку указанные элементы реально функционируют не в парадигме, а в тексте, отделить морфологический уровень от синтаксического бывает трудно и, учитывая сказанное ранее, не всегда целесообразно. В этом плане выдержано и предлагаемое здесь описание нгр. артикля⁵. Цель его — выделить по возможности максимальное число грамматических употреблений артиклей, не проводя жесткой границы между морфологическим и синтаксическим уровнем. Такое описание, в частности, может создать предпосылки для грамматической характеристики категории артикля в рамках грамматик БЯС.

чинительная, а согласовательная связь, необходимо было найти такой пример, в котором оба элемента стояли бы в N. ενα ποτήρι χυμός είναι στο τραπέζι 'стакан сока стоит на столе'. Это оказалось чрезвычайно трудным, потому что подавляющее большинство сочетаний состояло из лексем, не различающих N. и Acc. Интересно, что и информанты инстинктивно избегали диагностических контекстов, предпочитая в таких случаях перифрастический оборот). Можно привести чрезвычайно много примеров, общий смысл которых сводится к одному и тому же: там, где однозначное определение грамматической категории трудно или невозможно, оно в большинстве случаев не является необходимым для анализа и даже для синтеза.

⁵ В работе использованы следующие тексты: 'Ελληνικά δημοτικά τραγούδια, т. I. 'Αθήνα, 1962; Anthologie neugriechischer Erzähler. Berlin, 1961; Η νεοελληνική γλώσσα. ΠΑΕ, 1960; I. E. K a l i t s u n a k i s. Neugriechisches Lesebuch. Berlin und Leipzig, 1914; Н. И. К о н о м о в. Балканска народна мъдрост. София, 1968; Κοινωνή κλωστή δαμάση. ΠΑΕ, 1961, Εύτυρα ελληνικά παραμύθια. Αθήνα, β.δ.; Culegere de texte neogrecesti. Bucuresti, 1963; X. A ε β ά ν τ α πορεία κόντρα στον τυφώνα. ΠΑΕ, 1966; 'Ε' A λ ε ξ ί ο υ. Σκληρά 'αγώνα για τή μικρή ζωή. Θεσσαλονίκη, 1963; 'Α. Ν ε ν ε δ ά κ η ς. Οί μαργαρίτες του Αγίου. ΠΑΕ, 1964; 'Α. Ζ έ η. Το καπλάνι της βιτρίνας. ΠΑΕ, 1964; T. Β ο υ ρ ν ά ς. Το ελληνικό 1848. ΠΑΕ, 1956; 'Α. 'Ε λ ε υ θ ε ρ ά β η, Ε. 'Ε π α μ ε ι ν ό ν δ α. 'Η τεχνική των εκθέσεων. Λευκωσία,

В новогреческом языке различаются: в Sing. 3 вида артикля (Art.): определенный (d.), неопределенный (ind.), нулевой (*); в Pl. - 2 вида артикля: определенный и нулевой. Тройная оппозиция артиклей в Sing. - d./ind./#, - как правило, (во всяком случае на грамматическом уровне) реализуется в виде бинарных оппозиций, строящихся по принципу: два из трех возможны/один невозможен или один обязателен/два невозможны⁶. Отмечается также и сохранение тройной оппозиции, и ее нейтрализация, т.е. безразличное, с формальной точки зрения, употребление всех трех видов артиклей в одной позиции. В Pl. остается бинарная оппозиция: d/#.

Артикль как показатель класса слов

Артикль (как правило, d., реже и в семантически отмеченных случаях ind.)⁷ переводит в класс Subst.:

любой морфологический класс слов (кроме деепричастия),
ряд словоформ (в частности, личные формы глагола),
отдельные ЭСК (элементарные синтаксические конструкции,
вводимые как основная единица описания синтаксиса в грамматике БЭС;
их список для нгр. будет приведен далее),

6. Д.; В.Р. Ω τ α. Παιδαγωγικά τραγουδια. ΠΑΕ, 1965; Βοήθημα συνομιλίας. Berlin-Schöneberg, 1963; J. Wh. P a y. A practical introduction to spoken modern Greek. New York, 1944; G. P a r a g e o t e s. Say it in Greek. New York, 1956; Ήμερολόγιο. 'Αθήνα, 1967; Probleme der neugriechischen Literatur. Berlin, I, 1950; IV 1959; A. M i r a m b e l. Introduction au grec moderne. Paris, 1961; K. W i e d. Praktisches Lehrbuch der Neugriechischen Volkssprache. Wien und Leipzig, 1900; A. S e i d e l. Neugriechische. Chrestomathie. Wien und Leipzig, 19.., а также ряд газетных и журнальных текстов.

Н. Рейтер (N. R e i t e r. Der Artikel in den Balkansprachen. - Ztschr. f. Balkanologie, V, 1967, № 1, стр. 111-112) предлагает следующую систему соотношения Art.d. - Art.ind. - Art.: Art.ind. противопоставляется Art. как индивидуализирующий/генерализирующий. Оба они описываются признаком неидентификации и противопоставляются Art.d. как носителю признака идентификации. Эта классификация кажется разумной. К сожалению, свобода употребления нгр. артиклей (в частности, случаи немотивированного чередования Art.d. и Art #, см. далее) затрудняют ее универсальное применение.

7. Например, ένας σύγχρονός [του] 'один его современник', τελείωνε τη [φράση της] με ένα "άλλά" 'она кончила свою фразу одним "но" и т.д.

сочетания ЭСК, целые предложения⁸. См. некоторые примеры.

Субстантивация классов слов и словоформ⁹: A d j.: οί ξένοι 'иностранный', ο φτωχός 'нищий' (Subst.), τὸ καλὸ 'добро', τὸ κακὸ 'зло'¹⁰, N u m.: (часто с Art.ind.) ἕνα τέταρτο (τῆς ὥρας) 'четверть (часа)', μιὰ πέμψη 'одна пятая' (музыкальная мера), ἡ μιὰ 'одна' (Subst.);

P r o n.: τὸ ἐγὼ - μαχόμεστε γιὰ τὸ ἐγὼ μὰς 'мы сражались за наше я';

V.: τὸ εἶναι 'бытие' (старый инфинитив), τὸ εἶναι καὶ τὸ εἶναι 'вход и выход', τὸ "λύσε" καὶ τὸ "δέσε" '"развяжи"' и '"свяжи"' (обычно субстантивируются формы императива, нередко это дуплицированные формы одного глагола, или сочетание двух глаголов с си-

8. Широкие возможности нгр. артикля как субстантиватора, очевидно, вытекают из его препозитивности: при субстантивации не требуется переформления конца слова, как в других балканских языках, где артикль постпозитивен. С другой стороны, это еще раз свидетельствует о некоторой нечеткости морфологической классификации классов слов в нгр., об ослаблении оппозиции имя/не-имя (или, уже, имя/глагол), о тенденции к разрешению этой оппозиции не на морфологическом, а на синтаксическом уровне. См., с другой стороны, препозитивное слияние Art.d. со словом в формах начинающихся с [t-] - τῆλογο, τῆνομα, τῆρανο, τῆστρο τοῦρανοῦ 'небесная звезда' (ср. слияние местоименных проклитик, начинающихся с [t-] и омонимичных артиклю, с глаголом - τῆβαλα, τῆβλελα и т.д.), аналогичное постпозитивному слиянию артикля в других балканских языках.

9. Подобные разделы, посвященные артиклю как показателю класса слов см. прежде всего в работах: M. T p i a u t a φ ν λ λ ί δ η ς. Νεοελληνική γραμματική (τῆς δημοτικῆς). 'Αθήνα, 1941; 'Α. T ζ α ρ τ ζ ά ν ο ς. Νεοελληνική σύνταξις, I. 'Αθήνα, 1946, см. также специально: A. M i r a m b e l. Remarques de syntaxe néogrecque: l'emploi de l'article défini. - BSL, t. 40, 1939, N 1-2; O n ж e. Morphologie et rôle fonctionnel de l'article dans les parles néo-helléniques. - BSL, t. 51, 1955, N 1; O n ж e. The Expression of the "Determinate". Aspect in Modern Greek. "The Link", 1938-1939, N 1, 2. См. у него же перечисление основных сочетаний Subst. + Art. с попыткой формально семантической классификации; La langue grecque moderne. Description et analyse. Paris, 1959, стр. 192-195.

10. См. преимущественную роль Art.d.n. Sing. и реже n.Pl. при субстантивации Adj. во-первых, и при оформлении заимствований, во-вторых, (τὸ ἑτάιντε, τὸ ραυτεβοῦ и под.).

нонимичным или антонимичным значением: τὸ γράφε γράφε = ἡ πολυγραφία 'многписание'; τὸ πάρε δῶσε=ἡ βοσοληφία 'сделка'; Adv. σπᾶ πεταχτά 'поспешно',¹¹

все неполнозначные классы слов (предлоги, союзы, частицы и др.): τὸ νά, τὸ πῶς, τὸ πότε, τὰ ὑπέρ καὶ τὰ κατά, δὲ μ'ἄρесе. αὐτὸ τὸ γιατί 'не нравится мне это почему' (Subst.) и т.д.¹²

См. также более сложные сочетания: ὁ ἔξω ἀπὸ ἐδῶ 'сагана' (табуированное название, дословно 'вне от здесь', построенное по универсальной семиотической оппозиции внутренний (здешний, свой)/внешний (тамосный, чужой); τὸ κάλλα ζῆτα '27' (буквенное обозначение цифр); τὸ καλῶς ὤρισα - οἱ χωρικοὶ ἤρσαν νὰ μοῦ εὐχέθωῦν τὸ καλῶς ὤρισα 'крестьяне пришли пожелать мне добро пожаловать', τὸ ἔχετε γειά 'будьте здоровы' (Subst.), νὰ λές τὸ "πῶς ὀνομάζεσαι καὶ ποῦ κατοικεῖς" 'Надо сказать "как тебя зовут и где ты живешь"' (Subst.) и т.д.

Характерно, что и сам нгр. артикль в ряде случаев обнаруживает зыбкость морфосинтаксических границ, тенденцию к смещению в сторону класса местоимений. См. так называемые самостоятельные употребления Art.d.: τὸ καὶ τὸ, τὰ καὶ τὰ, ὁ μὲν, ὁ δέ (τὰ προϊόντα τῆς βιομηχανίας, γεωργίας καὶ κτηνοτροφίας '[продукция] промышленности, земледелия и скотоводства'); Art.d. в качестве указательного местоимения: γετόνισσεσ καὶ βγῶμεσ, τὰ δὲν ἴδῆτε λέτε (= ἐμεῖνα ποῦ) 'соседки злонравные, чего не видели, говорите'. Очевидно, к этой же группе следует отнести и те употребления Art.d., которые в греческой грамматической традиции принято называть плеонастическими. Речь идет как об Art.d. при отдельных местоимениях (τὸ τί; 'que?' или 'se que?', τὸ τινός; 'de qui?' или 'à qui?' и др.), входящих в состав более сложных конструкций, вплоть до предложения (τὸ τί εἶδες; 'что (ты) увидел?', τὸ ποῦ εἶν'οἱ ἄντρες μας; 'где наши мужья?', τὸ τί τράβηξα 'что я перенес'), так и о возможности появления Art.d., преимущественно в форме τὸ, перед любым союзом или союзным словом, вводящим придаточное предложение: καταλαβαίνει τὸ τί γίνεται μέσα του 'понимает, что происходит в нем', ... νὰ ρωτάει τὸν Νικόλα... γιὰ τὸ πῶς πᾶνε ρευματισμοῦ του ... '... спросить у Николаса... как его ревматизм', αὐτοῖ

¹¹ Ср. также субстантивацию Adv. в сочетании с Praep. ὡς: ὡς τὰ χτές 'до вчерашнего', ὡς τὰ τώρα 'до теперешнего' и т.д.

¹² Субститутами Art. в субстантивирующей функции могут быть некоторые местоимения, обычно неопределенные, в конструкции с Adj., например, κάποιο καὶ 'что-то плохое', 'какое-то зло', καὶ πολυβένιο 'что-то свинцовое' и т.п., ср. καὶ τὸ θυρίο 'что-то дикое', καὶ τὸ σκληρό 'что-то жесткое' и др.

εἶδανε καὶ ξέρουνε τὸ τί ἔχω περασμένα 'они видели и знают, что у меня в прошлом', φέρε μου γλυκὸ κρασί... τὸ ποῦ (=δπου, γιατί) 'μαὶ λαβωμένος 'принеси мне сладкого вина ... потому что я ранен', ξεχνῶ τὸ ποῦ μὲ τρώει σαράκι 'я забываю, что меня гложет недуг' и т.д.

Плеонастическими эти употребления артикля считаются потому, что, по крайней мере, в синхронном плане, они не несут ни формальной, ни смысловой нагрузки. В работе, посвященной относительно предложению и способам его присоединения к главному, Э. Бенвенист¹³ говорит, в частности, о зыбкости границ между местоимением и определенным артиклем. Основная группа приводимых им примеров относится к диахроническому плану, когда речь идет о переходе местоимений в артикль. Однако соответствующие случаи обнаруживаются и в синхронном срезе (ср., хотя и специально оговоренный Бенвенистом, пример двойной функции - артикля и относительного слова - местоименного ряда der, die, das в немецком языке, осложненной использованием этого местоимения как указательного). В нгр. формы Art.d. также совпадают с формами местоимения (личного), что актуализирует связь Art.d. < Pron. Этому способствует самостоятельное использование Art.d., исполнение им функции указательного местоимения, "плеонастическое" его употребление. С последним можно сопоставить "плеонастическое" употребление Acc. местоимения в формах τὸ и τὰ при глаголах, когда они не обозначают никакого реального объекта τὰ πηγαίνω (καλά) '(успешно) идти', τὰ χάνω 'be at loss', τὸ οκάνω 'run away' τὰ χαλάσανε 'they broke up' и т.д.¹⁴ Омонимич-

¹³ Э. Бенвенист. Относительное предложение как проблема общего синтаксиса. - В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1971.

¹⁴ См.: A. T. ζ α ρ τ ζ α ν ο ς. Указ. соч. стр. 136-137. О тенденции к постоянному сопровождению глагола местоименным объектом, т.е. о явлении, сходном с объектным спряжением, см., в частности: D. S. S w a n s o n. Vocabulary of Modern Spoken Greek. Minneapolis, 1959, стр. 49. - Отчасти здесь можно предполагать использование местоименной клитики в качестве формального показателя переходности при глаголе, если считать, что категория переходности/непереходности тяготеет к превращению из лексико-синтаксической в чисто грамматическую. Эта точка зрения высказана Г.А.Цыхуном в применении к балкано-славянским языкам: Г.А.Цыхун. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968, стр. 113-120.

ные формы и Pron. весьма часто сталкиваются в нгр. фразе, прежде всего благодаря плеонастическому использованию Pron.пов.¹⁵, которое практически может определять любое имя, а также благодаря местоименной репризе, по правилу связанной с Art.d., распространению так называемых релятивных конструкций типа τὸ παιδί πού τὸ εἶδα 'ребенок (который я его) увидел', и повторению Art.d. в атрибутивных синтагмах типа τὸ παιδί τὸ καλὸ, δ' Ἰουλιανὸς δ' παραβάτης. В результате можно говорить о своего рода недискретных ситуациях, в которых повторяющиеся элементы [t...] воспринимаются прежде всего как маркеры, членящие фразу¹⁶, и лишь на более продвинутом этапе отождествляются с Art.d. или с Pron. см., например, τὴν (Pron.) εἶδα τὴν (Art.) θανθοῦλα (ее) (я) увидел Ксантулу', τὸ (Art.) σπίτι τοῦ (Art.) πατέρα του (Pron.), 'дом его отца', γιὰ θες τὴν (Pron.) τὴν (Art.) Μαρίβλα στὸ (Art.) παράθυρο 'вот видишь ее, Мариолу, в окне', δ' Τώνης, ἕνας ἀπὸ τοῦς (Art.) τρεῖς γιουὺς τοῦ (Art.) φίλου του (Pron.) τοῦ (Art.) Λόγκα 'Тонис один из трех сыновей его друга Лангаса', καὶ παίρνοντας μαλακὰ μὲ τὸ (Art.) χέρι του (Pron.) τῆ (Art.) μία ἀπό τῖς (Art.) πλεξούδες της (Pron.), τῆς (Pron.) τὴν (Pron.) ἔδειχνε 'и нежно беря в (свою) руку одну из кос, ей ее показывал', τῶφερε, (Pron.) δ' ἴδιος τὸ (Art.) παιδί, τὴν (Art.) περασμένη βδομάδα καὶ τὸ (Pron.) παράθυρο στὴ (Art.) γιάτρίσα ' (его) привел он сам ребенка, на прошлой неделе и его передал врачу' и др.¹⁷ Что же касается случаев плеонастического употребления

¹⁵ См. об этом специально: E. M i h e v s - G a b r o v e s. L'emploi pléonastique du pronom possessif en grec. "Živa antika", 1964, XIII-XIV. Ср. примерн типа κάνω τὸ σταυρὸ μου 'крещусь, досл. делаю мой крест', νὰ παραμερίσης λιγάκι ἀπὸ τὸν ἥλιο μου 'посторонись немного от моего солнца' и т.д.

¹⁶ О характеристике речевого ритма балканских языков, в частности, в связи с использованием артикля как Signalmittel, см.: G. R e i c h e n k r o n. Die Bedeutung des Griechischen für die Entstehung des balkansprachlichen Typus. "Beiträge zur Südosteuropä-Forschung", München, 1966, стр. 10-11.

¹⁷ В. Дресслер справедливо указывает, что как графическая разница του и τοῦ, τους и τοῦς и т.д., так и фонетическая (что показано экспериментально), условны, и в этом смысле разные формы местоименных клитик (можно добавить - и артикля) полностью омонимичны: W. D r e s s l e r. Vom altgriechischen zum neugriechischen System der Personalpronomina. - IF, LXXI 1966, № 1/2, стр. 43 - См. λογοπαίγνια 'игру слов', основанную, в частности, на омонимии артикля и местоимения в форме τὸ: δ' ἄντρας μου τὸ ζώ... τὸ ζῶνει το σλαδί 'мой муж- животное (τὸ ζώ)... (его надевает (опоясывает) меч' (τὸ ζῶνει).

Art.d. и Pron., то на синхронном уровне конструкции типа τὸ τὶ εἶδες и καὶ τὸ ἔχουν τὰ βουνα различаются дистрибутивно, с помощью трансформаций, но не на смысловом уровне, где эти одинаковые формы одинаково не имеют позитивного значения. В этом смысле допустимо говорить примерно следующее: элементы τὸ и τὰ (без уточнения класса слов) могут появляться в позиции 1 (перед любым союзом и союзным словом, вводящим придаточное предложение) и в позиции 2 (перед глаголами, которые, может быть, целесообразно давать списком)¹⁸. Признав несущественность на определенном уровне и в определенных позициях разделять Art.d. и Pron., можно более свободно применять типологические критерии для описания соответствующих конструкций. Так, допустимо выделить специальную синтаксическую конструкцию Art.d. (или τὸ + Pron. v Conj., синонимичную конструкции Pron. v Conj. (или представляющую собой ее развертывание), вводящей придаточные предложения: εἶπε μου τί κάνεις = εἶπε μου τὸ τί κάνεις 'скажи мне, как ты поживаешь'. Тогда самостоятельные предложения, в начале которых стоит τὸ можно рассматривать как потенциальные изъяснительные, что вполне допускается их семантической (τὸ πὼς τοῦς εἶπε κουβέντες βαρείς. 'Что он сказал им грубые слова.'). В рамках предложенной А.А.Зализняком типологической классификации способов присоединения придаточных предложений различаются три вида связи: 1) Pron.rel. я знаю, что я делаю; 2) Pron.deict.* я знаю, то я делаю; 3) Pron.deict. + Pron.rel. я знаю то, что я делаю. Нгр. использует конструкцию 1) и 3), если принято допущение, что в данной позиции Art.d. изофункционален Pron.deict. В связи с этим можно заметить, что столь популярная в нгр. релятивная конструкция Pron.rel. + Pron.pers. (πού τὸ..., δ' ἄνθρωπος πού τὸν ξέρω 'человек, которого я знаю', τὸ παιδί πού τοῦ εἶπα 'ребенок, которому я сказал' и т.д.) в каком-то смысле зеркально повторяет конструкцию Art.d. + Pron. (ср. ...τὸ πού εἶπα λαφωμένος). Не переходя на уровень классов слов (πού τὸ... морфологически определимо), можно считать эти конструкции не только однотипными по структуре, но и "сборными" из ограниченного набора стандартных элементов. Промежуточные, связующие, служебные конструкции такого рода подробно описаны А. Дзардзаносом. При ограниченности исходного набора элементов (о высокой степени их омонимии уже говорилось), их блоки достаточно разнообразны и продуктивны, при том, что их морфологические характеристики менее существенны. Этот процесс не может не оказывать влияния на соответствующие фор-

¹⁸ Характерно, что все служебные элементы А. Дзардзанос объединяет под названием "Μέρια" - "Частицы", давая подробную классификацию их на более продвинутом уровне.

мальные классификации, по крайней мере, на уровне классов слов (но это — тема специальной работы). Можно лишь повторить, вслед за другими исследователями, что для нгр. во многих случаях синтаксическая функция превалирует над морфологической принадлежностью.

В некотором смысле можно говорить об адъективирующей функции артикля по отношению к так называемым предложным и местоименным наречиям: *ὁ κάτω κόσμος* 'подземный [нижний] мир', *τὰ πέρα μέρη* 'дальние края', *ὁ ποτὲ παράδεισος* 'когда-то рай', *τὰ γύρω καράβια* 'огибающие корабли'¹⁹ и т.д. Однако здесь большее значение имеет рамочная конструкция Art.-Adv.-Subst. и особенно положение наречия перед существительным, см. примеры с опущением артикля: *ἔξω φύλλο* 'ставень' ('снаружи створка'), *πίσω φῶς* 'задний свет' ('сзади свет') и т.д. Хотя и редко, адъективируются в той же рамочной конструкции и более протяженные последовательности элементов: *τὰ ἔως τὸ 1843 γεγονός* 'происшедшее до 1843 года', *ἡ μέσα μας θερμοκρασία* 'наша внутренняя температура' и под. В случаях, обусловленных семантически, позиционно, контекстом и т.п., когда субъективация и адъективация осуществляются и без артикля (*τὰ πῆγαίνε κ'ἔλα... νὰ χτυπήσει... κρᾶται* "στὸς μηχανές... отстучать... 'так держать' в машинное отделение', *πίσω φῶς* и под.; см. также: "Ἐχεῖς παράδες "Χριστὸς ἀνέστη"(Art.#). *Δὲν ἔχεις: εἶναι τὸ "Ἔρηψὼ καὶ δδύρομαι"* (Art.d.) 'Есть деньги: "Христос воскрес". Нету (денег): "Плачу и стенаю", *Ἐπιχειρήσεις "Ὀρμα χοντρή"* 'Предприятие "Китайся, толстый" (название фильма) и т.д. Вряд ли целесообразно говорить о субстантивирующей и адъективирующей роли Art.# как некоей материальной субстанции. Наблюдения над артиклем-субстантиватором приводят к заключению, что в этой функции его употребления принадлежат не к морфологическому, а, скорее, к синтаксическому уровню или даже уровню реального текста. Артикль-субстантиватор (и адъективатор), который может замещаться местоимением или вообще опускаться, по сути дела выделяет не Subst. и Adj., а основные синтаксические единицы предложения (Subj., Obj., Atr.²⁰) и более крупные конструкции. С помощью артикля, в частности и в субстантивирующей функции, происходит выделение элемен-

19 См. также субституцию артикля местоимением: *κάποιο γύρω καράβι* 'какой-нибудь (находящийся) около корабль'.

20 О том, что в нгр. различия классов слов реализуются прежде всего на синтаксическом уровне, неоднократно писали (см. работы А.Мирамбеля, Э.Михевц-Габровец). Об аналогичном подходе к балканским языкам вообще, в аспекте БЯС, см. недавнюю работу: Н.К u r z o v á. Strukturell-typologische Charakteristik der Balkansprachen. — ББ, XVII, 1, 1973, стр. 42.

тов предложения²¹. При этом целесообразно иметь в виду именно реальное предложение и реальный текст с индивидуальной расстановкой артиклей, поскольку, как будет показано далее, для нгр. трудно установить абсолютные правила употребления артикля.

Артикль при некоторых группах имен

В этом разделе рассматриваются регламентированные формально-грамматическими условиями употребления артикля: Art. при ограниченных группах Subst.; Art. в конструкциях с Pron., Adj. Перечисляемые ниже употребления Art. в наибольшей степени относятся к парадигматическому уровню грамматики²²: вид, место артикля определяется его грамматической позицией, отклонения от правил мотивированы (или должны быть мотивированы) формально. Как представляется на поверхности, именно в этих случаях употребление артикля предельно не зависит от семантики²³.

В данных конструкциях регулярно осуществляется оппозиция Art. d./Art.#.Art.ind. может заменять любой из двух других артиклей в семантически отмеченных случаях.

Art. d. при Subst: Art. d. выделяет из класса Subst. собственные имена. Не касаясь сложности свойства "быть собственным именем" (см. известную работу А.Гардинера), можно указать, что в нгр. эта категория весьма широка и в каком-то смысле открыта, особенно если учесть продуктивность эвентуальных образований типа *ἡ Τετάρτη Τάξη* 'Четвертый Класс' (школы), *ἡ Διευθύντρια* 'Начальница' (при *ἡ δασκάλα* 'учительница', *ἡ Σχολική* 'Епитроλή' 'Школьный Ко-

21 А.Мирамбель отводит артиклю основную роль в синтаксическом членении номинальной фразы, считая, что именно возможность смысловоразличительного использования артикля привела к ее широкому развитию в современном языке: A. M i r a m b e l. Syntaxe néo-hellénique et structure de la langue. "Mélanges Henri Grégoire". Bruxelles, 1955, стр.480.

22 Функции балканского артикля как показателя граммем рода, числа и падежа были рассмотрены автором в другом месте. Они принадлежат морфологическому, т.е. в данном случае иерархически более низкому уровню, и здесь не анализируются.

23 Отделение формально-грамматических от прочих употреблений артикля кажется целесообразным среди прочего и для целей обучения системе артикля в широком плане. Сфера фиксированных и формально обусловленных употреблений артикля представляет собой как бы некое ядро, основу, на которой можно надстраивать и укреплять более сложные и неявно мотивированные конструкции с артиклем.

митет', Γεωγραφία. 'География' (как школьный предмет), τὸ Σύνταγμα 'Конституция' и т.п. Можно выделить Subst. propr., где признак собственности особо отмечен: имена, фамилии, прозвища, топонимы и т.д. Кроме этого в категории Subst. propr. включены названия народов, национальностей, жителей различных мест, определенных групп населения, организаций (в том числе аббревиатуры); названия произведений, праздники, месяцы, дни, недели, события и др.²⁴ Обращение к тексту показывает, что для Subst. propr., которые можно отнести к периферийным, формальные правила соблюдаются не так строго и последовательно.²⁵ Здесь приводятся примеры наиболее несомненных и употребительных Subst. propr.²⁶): ὁ Δημήτριος 'Димитрис', ἡ Μαρία 'Мария', τὸ Νικόλαο 'Николаки', ὁ Μικροβαχτυλάκης 'Мальчик-с-Пальчик', ἡ "Ἄργω" "Арго", ἡ "Ἰλιάδα" "Илиада", ἡ "Ἐλευθερία" "Свобода" (название газеты), ὁ ΕΛΑΣ 'ЭЛАС' (Греческая Народно-Освободительная Армия), ἡ Ἀθήνα 'Афины', ὁ Ὀλυμπος 'Олимп', τὸ Μεσολόγγι 'Месолонги', οἱ Δελφοί 'Дельфы', ἡ Ἀκρόπολις 'Акрополь', ἡ Ἑλλάδα 'Греция', ἡ Ἰταλία 'Италия', ἡ Κρήτη 'Крит', ἡ Εὐρώπη 'Европа', ὁ Ἕλληνας 'грек', οἱ Ἄχαιοί 'ахейцы', ἡ Σουλιώτισσα 'сулиотка', οἱ Σπαρτιάτες 'спартанцы' и т.д. В дву- и более членных Subst. propr. (по крайней мере один элемент которых может быть нарицательным), Art.d. обычно ставится один раз в начале: ὁ Στράτης Μυριβήλης 'Стратис Миривилис', ὁ Κώστας Β. 'Костас В.', ἡ κυρὰ Μάρω 'госпожа Маро' (лиса в сказках), ὁ θεὸς Ἥλιος 'бог Гелиос', ὁ μάστορ-Νικόλαος 'мастер Николас', ὁ καπετὰν Κυρίσης 'капитан Ксирхис', ὁ μάντης Κάλχας 'прорицатель Калхас', ὁ "Προμηθεὺς Δεσμώτης" "Прометей прикованный", τὰ "Ἑλληνικά παραύθια" "Греческие сказки" (название сборника), ἡ Ἑλληνικὴ Ἀναστάσις 'Греческое восстание', ὁ Ἰνδιὸς Ὠκεανός 'Индийский океан', ἡ Μαύρη θάλασσα

²⁴ А.Тумб указывает, что с Art.d. постоянно употребляются личные имена, топонимы, названия месяцев и дней недели: A. T h u m b. Grammatik der neugriechischen Volkssprache. Berlin und Leipzig, 1915, стр. 18; А.Мирамбель называет личные имена, топонимы, названия народов. A. M i r a m b e l. L'emploi..., стр. 65.

²⁵ См., например: δὲν εἶχε Γερμανούς στὸ χωριό 'немцев не было в деревне', πρὶν 'ἀπὸ τὴν Πρωτοχρονιά 'до Нового года' и ἐμεῖς ... δὲ γινώσκαμε Χριστοῦγεννα καὶ Πρωτοχρονιᾶς 'мы... не знали Рождества и Нового года', ὁ Φλεβάρης ὁ κοῦτσός 'Февраль хромой' и Μάρτης γδάρτης 'Март живодер', ἦτανε 'Οχτώβρης μήνας 'был октябрь месяц' и т.д.

²⁶ В ряде нгр. диалектов (М.Азия), напротив, Art.d. не употребляется при Subst. propr., см.: A. M i r a m b e l. Morphologie et rôle fonctionnel..., стр. 74.

'Черное море' и т.д. См., с другой стороны, повторение Art. d.: ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Παλαιολόγος 'Константин Палеолог', ὁ Ἰουλιάνος ὁ παραβάτης 'Юлиан отступник', ὁ γέρος ὁ Τραμονιάνας 'старик Трамонданас', ἡ Δέσπω ἡ Σουλιώτισσα 'Деспо сулиотка', ὁ ποντικὸς ὁ Φαφούτης 'мышонок Фафутис' и т.п. Ср. также стилистически отмеченное употребление Art.ind. при Subst. propr., обозначающих особенно известных лиц — ἕνας Ναπολέων и под., а также возможность вариантного употребления артиклей при θεός 'бог' — ἕνας θεός, ὁ θεός и θεός (в конструкциях, например, πρὸς θεοῦ). См. еще Art.ind. при собственных именах в ситуациях, где подчеркивается признак неопределенности: μιά τεράστια μυθική Χαρύβδη (какая-нибудь) страшная мифическая Харибда, μιά ἄλλη Βηθλεέμ 'другой Вифлеем', ἐμεῖς ἔχομε καὶ μιά Μίκα στὸ σπίτι μας 'у нас в доме есть (одна) Мика' и т.д.

A r t. d. п р и A d j.: Art.d + Adj.comp. —> Adj.superlat. Art.d. в конструкции с Adj. в сравнительной степени образует превосходящую степень Adj.: ὁ πιὸ καλός, ὁ καλῆτερος, ὁ πιὸ καλῆτερος 'самый красивый'.

A r t. + P r o n. Особая область — сочетание групп местоимений и отдельных местоимений с артиклем²⁷. Обычная оппозиция Art. d./Art.#²⁸ (учитывая специфику местоимений, для Art.ind. более сложно подобрать соответствующую ситуацию, см. однако: τὸν ἄλλο χρόνο μιά ἄλλη βασίλισσα 'на другой год (одна) другая учительница' и под.). Местоимения могут сочетаться 1) только с Art.d.; 2) только с Art.#; 3) с Art. d и Art.#²⁹.

с Art.d: перифрастические формы личных местоимений τοῦ λόγου (μου, του, ...), ἡ ἀφεντιά (μου, σου, ...) и др.³⁰, возвратное ὁ ἐαυτός (μου, σου, ...), обоюдные ὁ ἕνας... ὁ ἄλλος 'один ... другой'; неопределенные ὁ τάδε (ς), ὁ δεῖνα 'такой-то, некий'; отно-

²⁷ О сочетании Art.d. с Pron. см., в частности; F. W. H o u s e - h o l d e r, K. K a z a s i s, A. K o u t s o u d a s. Reference Grammar of Literary Dhimotiki. - IJAL, 30, 1964, № 2, стр. 30-33.

²⁸ В данном случае целесообразно рассматривать Art. # как материальную реальность, поскольку он может быть показателем определенного вида местоимений и находится в оппозиции с Art.d.

²⁹ Исключаются из рассмотрения случаи субстантивации местоимения с помощью артикля.

³⁰ Среди прочего см. по этому поводу специальную работу А.Мирамбеля: A. M i r a m b e l. Remarques sur l'expression de la "personne" en grec moderne. "Journal de psychologie normale et pathologique", IV, 1947, Nr. 1, а также: H. P e r n o t. Grec moderne tou logou sou. "Neophilologus", VIII, 1922.

сительное δ $\delta\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$, определительное δ $\tau\delta\iota\omicron\varsigma$ и нек.др.;

с Art. #: личные местоимения $\acute{\epsilon}\gamma\omega$, $\acute{\epsilon}\sigma\upsilon$, ...; неопределенные $\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$, $\kappa\alpha\acute{\nu}\epsilon\iota\varsigma$, $\delta\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$, $\kappa\acute{\alpha}\tau\iota$, $\lambda\acute{\iota}\gamma\omicron\varsigma$, $\mu\epsilon\rho\iota\kappa\omicron\varsigma$, $\kappa\acute{\alpha}\mu\pi\omicron\varsigma\omicron\varsigma$, отрицательное $\tau\acute{\iota}\mu\omicron\tau\epsilon$, вопросительные $\tau\acute{\iota}$, $\kappa\omicron\iota\delta\epsilon\varsigma$, $\lambda\acute{\omicron}\sigma\omicron\varsigma$, относительные $\rho\omicron\upsilon$, $\delta\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$, δ $\tau\iota$, $\beta\acute{\alpha}\sigma\omicron\varsigma$ и нек. др.

с Art.d и Art. #: прочие местоимения (об указательных см. далее, особо), например, $\kappa\acute{\alpha}\theta\epsilon$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$ и $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\acute{\alpha}\theta\epsilon$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$ 'каждый ребенок', η $\delta\iota\kappa\eta$ $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\omicron\upsilon\tau\omicron\rho\alpha$ 'его собственная участь' и $\delta\iota\kappa\acute{\omicron}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\xi\upsilon\lambda\omicron$ 'его собственный (зд.) корабль'; $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\alpha$ $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\eta$ 'такое положение', $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\alpha$ $\phi\tau\acute{\alpha}\chi\epsilon\iota\alpha$ 'такая бедность'; $\omicron\iota$ $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\omicron\upsilon$ $\tau\acute{\iota}\pi\omicron\iota$ 'такие типы', δ $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$ $\chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\acute{\eta}\rho\alpha\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ 'такой ее характер', $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\alpha$ $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\sigma\eta$ 'такое состояние', $\mu\omicron\lambda\lambda\acute{\epsilon}\varsigma$ $\phi\omicron\rho\acute{\epsilon}\varsigma$ 'много раз', $\omicron\iota$ $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ $\acute{\alpha}\nu\theta\omega\rho\omicron\iota$ 'многие люди', δ $\lambda\omicron\varsigma$ δ $\kappa\omicron\sigma\omicron\varsigma$ 'весь мир', δ $\lambda\eta$ $\nu\acute{\upsilon}\chi\tau\alpha$ 'всю ночь' и т.д. См. даже: $\tau\acute{\omicron}$ $\tau\delta\iota\omicron$ $\beta\iota\beta\lambda\acute{\iota}\omicron$ 'та же самая книга' и $\tau\acute{\omicron}$ $\beta\iota\omicron\omicron$ $\rho\acute{\rho}\omicron\sigma\omega\lambda\omicron$ 'то же самое лицо'. Местоимение $\mu\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ сочетается с Art.d. в атрибутивном употреблении: $\tau\acute{\omicron}$ $\mu\acute{\omicron}\nu\omicron$ $\beta\iota\beta\lambda\acute{\iota}\omicron$ 'единственная книга', но η $\rho\acute{\epsilon}\epsilon$ $\mu\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ ($\tau\omicron\upsilon$) 'он пришел один'. Случаи, когда чередование Art.d./Art. изменяет смысл ($\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron$ $\kappa\rho\alpha\delta\acute{\iota}$ 'другое вино', η $\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta$ $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha$ 'остальная Греция' и под.) не рассматриваются, т.к. они выходят за пределы чисто грамматических.

Особую группу составляют местоимения, требующие Art.d. При существительном, к которому они относятся: указательные $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$, $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$, $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ - $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$ $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$, $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron$ $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$ 'этот ребенок', $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$ $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron$ 'тот ребенок'; притяжательные энклитики δ $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ $\mu\omicron\upsilon$ 'мой отец', η $\mu\eta\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ $\sigma\omicron\upsilon$ 'твоя мать', δ $\gamma\iota\omicron\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon$ 'его сын'. Существительное, определяемое местоимением $\rho\omicron\upsilon$ 'который', вводящим придаточные предложения, как правило, сочетается с Art.d. или с Art.ind.: δ $\acute{\alpha}\nu\theta\omega\rho\omicron\varsigma$ $\rho\omicron\upsilon$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\acute{\epsilon}\iota\delta\alpha$ $\chi\tau\acute{\epsilon}\varsigma$ 'человек, которого я видел вчера', $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ $\sigma\omicron\upsilon$ $\rho\omicron\upsilon$ $\mu\alpha\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\mu\eta\rho\epsilon$ η $\sigma\tau\rho\acute{\iota}\gamma\gamma\lambda\alpha$ $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ 'твоего отца, которого у нас взяло убийца море', δ $\kappa\alpha\phi\epsilon\tau\zeta\eta\varsigma$, $\rho\omicron\upsilon$ $\acute{\epsilon}\beta\alpha\zeta\epsilon$ $\tau\acute{\alpha}$ $\tau\rho\alpha\lambda\acute{\epsilon}\zeta\iota\alpha$ $\tau\omicron\upsilon$... 'хозяин кофейни, который расставлял свои столы...', $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\gamma\kappa\omicron\upsilon\beta\epsilon\rho\nu\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$, $\rho\omicron\upsilon$ $\delta\delta\eta\gamma\omicron\upsilon\sigma\epsilon$ $\sigma\tau\acute{\omicron}\nu$ $\mu\epsilon\rho\iota\kappa\omicron\varsigma$ $\delta\upsilon\delta$ $\mu\iota\kappa\rho\acute{\alpha}$ 'гувернантка, которая выводила на прогулку двух малышей', $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\kappa\alpha\iota\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha$..., $\rho\omicron\upsilon$ $\gamma\iota\alpha\tau\rho\delta\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\pi\iota\tau\iota\omicron\upsilon$ $\mu\alpha\varsigma$ η $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ 'девочка, чей отец был нашим домашним врачом'; см. однако: $\beta\omicron\sigma\omicron$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\nu$ $\upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\upsilon$ $\sigma\epsilon$ $\lambda\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\iota\varsigma$ $\rho\omicron\upsilon$ $\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\lambda\acute{\epsilon}\mu\epsilon$... '... хотя они и имеются в словах, которые мы говорим', или ... ν ' $\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\mu\acute{\omicron}\nu\epsilon\iota$ $\acute{\alpha}\nu\theta\omega\pi\omicron\upsilon\varsigma$ $\rho\omicron\upsilon$ δ $\chi\alpha\upsilon$ $\beta\omicron\upsilon\lambda\acute{\epsilon}\phi\epsilon\iota$ $\mu\alpha\zeta\acute{\iota}$ $\tau\omicron\upsilon$ '...чтобы встретить людей, которые работали с ним, $\sigma\acute{\alpha}\nu$ $\acute{\alpha}\nu\theta\omega\rho\omicron\varsigma$ $\rho\omicron\upsilon$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\rho\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ η $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\beta\epsilon\iota\alpha$ как человек, которому нравится точность и т.д. В этой группе местоимений артикль, появляющийся в конструкции с существительным не может стоять непосредственно перед Pron. ($\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$ $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$, $\tau\acute{\omicron}$ $\mu\alpha\delta\acute{\iota}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$, но не * $\tau\acute{\omicron}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota$; δ $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ $\mu\omicron\upsilon$, но не * $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ δ $\mu\omicron\upsilon$ и т.д.). Место артикля (не по-

ред Pron.) выделяет эту, лексически ограниченную группу местоимений, обладающих самостоятельной синтаксической функцией: в определенном смысле они осуществляют управляющую связь между элементами в конструкции.

Об обязательном употреблении Art.ind., пожалуй, имеет смысл говорить прежде всего на уровне текста. Такой подход, естественно, предполагает достаточно полное статистическое обследование. Это не входит в задачи представленной статьи и должно стать темой специального исследования. Однако можно высказать некоторые предварительные соображения. Существует особый род текстов, построенных таким образом, что в начале (абсолютном или в начале отдельных фрагментов) с помощью Art.ind. вводится впервые некий объект, который в том или ином виде будет повторен, по крайней мере, еще раз и притом в данной единице текста. Типичный пример - сказовые начала типа "Жил один царь. Царь был ...". В этом случае объект с Art.ind. является антецедентом, повторенный же с Art.d. (или иным способом), он, в сущности, выражает лишь отношение референциального тождества и не имеет дополнительных компонентов значения, помимо упоминания объекта³¹: $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ $\kappa\iota$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha\upsilon$ $\kappa\alpha\iota\rho\acute{\omicron}$ η $\tau\alpha\nu$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha$ $\mu\iota\kappa\rho\acute{\omicron}$ $\kappa\omicron\rho\iota\tau\acute{\omicron}\sigma\alpha\mu\iota$... $\tau\acute{\omicron}$ $\kappa\omicron\rho\iota\tau\acute{\omicron}\sigma\alpha\mu\iota$ $\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota\upsilon\epsilon$ $\delta\rho\phi\alpha\upsilon\omicron$. 'Однажды жила была (одна) маленькая девочка... Девочка осталась сиротой'. Часто названный объект не повторяется, но заменяется личным местоимением (которое в нгр. обычно опускается): ... η $\tau\alpha\nu\epsilon$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\gamma\rho\acute{\iota}\alpha$ $\rho\omicron\upsilon$ $\delta\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\epsilon}\iota\chi\alpha\upsilon\epsilon$ $\kappa\alpha\iota\delta\iota\alpha$. 'Олмерис и Донухтис паракалоуσαν $\tau\acute{\omicron}$ $\theta\epsilon\acute{\omicron}$ '... Были (один) старик и (одна) старуха, у которых не было детей. Ежедневно и еженощно (они) молили бога'. Вместо объекта с Art.ind. может вводиться другой объект с Art.d., референционно связанный с первым: $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ $\kappa\iota$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha\upsilon$ $\kappa\alpha\iota\rho\acute{\omicron}$ η $\tau\alpha\nu$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha$ $\mu\iota\kappa\rho\acute{\omicron}$ $\kappa\omicron\rho\iota\tau\acute{\omicron}\sigma\alpha\mu\iota$ $\rho\omicron\upsilon$ η $\tau\alpha\nu$ $\mu\omicron\lambda\acute{\omicron}$ $\delta\mu\omicron\rho\phi\omicron$... $\mu\acute{\alpha}$ η $\mu\acute{\alpha}\nu\alpha$ $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\acute{\epsilon}\theta\alpha\upsilon\epsilon$ 'однажды жила-была (одна) маленькая девочка, которая была очень красива... Но ее мать умерла'; $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ $\kappa\iota$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha\upsilon$ $\kappa\alpha\iota\rho\acute{\omicron}$ $\zeta\omicron\upsilon\sigma\epsilon$ $\mu\acute{\iota}\alpha$ $\mu\eta\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ $\mu\acute{\epsilon}$ $\tau\eta\nu$ $\kappa\omicron\rho\eta$ $\tau\eta\varsigma$. $\tau\acute{\omicron}$ $\sigma\acute{\iota}\tau\iota$

³¹ Поэтому отношение Art.ind. \rightarrow Art.d. можно уподобить отношению антецедентный терм \rightarrow (относительное) местоимение. См. прежде всего: Е.В. П а д у ч е в а. О семантике синтаксиса (М., 1974), гл. XII "Трансформационный анализ местоимений", откуда здесь заимствованы соответствующие определения. В более широком плане введение объекта с помощью Art.ind. и последующие преобразования можно рассматривать в рамках анафорических связей, см.: Е.В. П а д у ч е в а. Анафорические связи и глубинная структура текста". "Проблемы грамматического моделирования" (М., 1973). Сходные проблемы (способы синтагматической субституции) см.: R. H a - r w e g. Pronomina und Textkonstitution. München. 1968.

τους βρίσκονταν κοντά στο δάσος 'Однажды жила-была (одна) мать со своей дочерью. Их дом стоял возле леса'. Существуют и иные способы повторения antecedenta. Уже из перечисленных примеров можно заключить, что объект с Art.ind. создает после себя определенную сферу влияния, как бы сообщая признак определенности всем объектам, находящимся в пределах этой сферы. За ее границами возможно введение нового объекта с Art.ind., с новой сферой влияния и т.д. Далее можно говорить о существовании некоторых блоков, на которые членится текст с помощью Art.ind. В этом смысле появление каждого нового объекта с Art.ind. является своего рода Grenzsignale более или менее законченных по смыслу отрезков текста³². Естественно, что речь идет об ограниченном числе текстов, во-первых, и о членении отдельных фрагментов текста, чаще всего начальных. Тем не менее и эти первые замечания кажутся небесполезными хотя бы для постановки вопроса о роли артикля в достаточно протяженном отрезке текста: распространяется ли его действие на ЭСК, сочетания ЭСК, одну фразу, более чем одну фразу и т.п.; можно ли прогнозировать расположение артиклей в тексте и т.п.

ИЕРАРХИЯ АРТИКЛЕЙ В ТЕКСТЕ

Сочетание Art.d. с указательными и притяжательными местоимениями (αὐτός, μου, σου...) можно считать переходным случаем между прагматическими и употребленными артикля, связанными с классами слов или с ограниченными группами слов, и синтаксическими и употребленными артикля, связанными с его реализацией в тексте. Здесь следует ввести понятие иерархии, существенное при выборе артикля в тех сочетаниях ЭСК, когда одновременно должны действовать противоположные правила, и выбор делается, исходя из веса. Так Art.d. в конструкции с Pron.poss. обладает наименьшим весом и может опускаться, если Subst. занимает позицию предикатива, а также в конструкции οὖν + Subst.n., в конструкции Acc.duplex, в сочетании с Pron., требующим Art. # и в ряде других случаев, см., например: ἐτοῦτος εἶναι κληρονόμος μου 'он мой наследник', πατέρα σου εἶναι; '(он) твой отец?', νὰ τὸ κάμω παιδί μου 'чтобы сделать его моим ребенком', ἐσὺς ἔχω βασίλα μου '(досл.) вас я имею своей учительницей', ἐγὼ... σὰ βασίλα της 'я ... как ее учительница', ἐξ αἰτίας τους 'по их вине', κἀε μὰς τραγούδι 'каждая наша песня', κάποιος φίλος σας 'какой-то ваш друг', συχνὰ παίρνουν τ'ὰφτιά μου κουβέντες τις 'часто слышат мои уши их

³² Е.В. Падучева. О структуре абзаца. "Труды по знаковым системам", II, Тарту, 1965.

слова', πήγαίνα νύχτα σπίτι της 'шла ночью к себе домой' и т.д. Ср. также частое чередование Art.d./Art. # при δικός (μου, σου...) 'собственный': ἡ τύχη τῶν δικῶν τους 'судьба их близких', ἡ δική του μοῖρα 'его собственная участь', ἡ πολιτεία εἶταν δική μου 'государство было моим собственным', δικό της παιδί 'ее родное дитя' и т.д.. Местоимение τοῦ λόγου (μου, σου...) после предлогов употребляется с Art. # : γιὰ λόγου μου, ἀπὸ λόγου σας и т.д., за исключением предлогов μέ и σέ после которых равновозможны Art.d. и Art. # .

В позиции предикатива более или менее свободно чередуются Art.d. и Art. # : εἶμ' Ἕλληνας (Art.#) 'я - грек', ἐγὼ 'μ'ὸ γέρο *Ολυμπος (Art.d.) 'я - старик Олимп', ἡ υγεία εἶναι ὁ μεγαλύτερος πλοῦτος (Art.d.) 'здоровье самое большое богатство', αὐτὸ ἦταν τὸ μεγάλο μυστικό (Art.d.) 'это была большая тайна', δουλεύει μαραγκός (Art.#) 'работает плотником', ἦσαν γετόνισσες της (Art.#) '(они) были ее соседки'; см. также σκυλιὰ, κι'ὼν μὲ, σουβλίσετε, ἕνας Γραικός ἔχασε (Art.ind.) 'собаки, даже если вы меня посадите на кол, (я) погибну (зд. Fut.) греком'.

Безусловно употребление Art.# при voc.³³. Это в особенности касается Subst. propr., всегда меняющих Art.d. на Art.# в позиции voc. (но также и нарицательных Subst.): Γειά, χαρά σου, καπετὰν Λαμπρούση! 'Здравствуй, привет тебе, капитан Ламбрусис!', Παναγία μου! 'Матерь божья!', Τί δουλειὰ ἔχομε στὸ Παρίσι, Μαρώ μου... 'Что мы будем делать в Париже, моя Маро...', Πέτρο, Πέτρο μου, αγγονάκι μου! 'Петро, Петро мой, внучек мой', Σωγραφιστή, θέλεις νὰ γίνεις Τουρκίτσα; 'Зографисти, хочешь стать турчанкой?', Τί λές, παιδάκι μου; 'Что ты говоришь, детка моя?', Μπαρμποῦνι μου θαλασσινό, καλήτερό μου φάρι! 'Рыбка (краснобородка) моя морская, прекраснейшая моя рыбка!' (καλήτερό μου φάρι < τὸ καλήτερο..., Superlat.) и т.д. Вообще Subst. propr. легко теряют Art.d. как в регламентированных случаях, так иногда и немотивированно. Subst. propr. употребляются с Art. в конструкции Acc.duplex при глаголах со значением названия: μὲνα μὲ λένε Μυρτώ 'меня зовут Мирто', δὲν τῆνε λένε πιὰ Φωδώρα. Ντόρα τὴν ξέρει τώρα ἕλος ὁ κόσμος 'ее больше не зовут Фодорой. Все теперь знают ее как Дору'. В определенных условиях, диктуемых структурой текста, Subst. propr. также получают Art.# : названия, заглавия, подписи, указание авторства (в пос-

³³ Вместо voc. может использоваться форма nom., или они могут чередоваться: Γειά σας, χαρά σας, μάστοροι (voc.), καὶ σεῖς, οἱ μαθητὰ βες (nom.) 'Здравствуйте, привет вам, мастера, и вам, подмастерья'. В определенных случаях (см. далее, в связи с Pron. poss.) происходит нейтрализация форм voc. и nom.

леднем случае, кроме того, Subst.propr. ставятся обычно в Obl.: 'Α. Τζαρτζάνου, Χρήστου Λεβάντα). См. также употребление Art. # и Art.d при Subst.propr. В списке распределения ролей: 'Αγαμέμνωνας, ὁ Μανόλης Παξινοῦς; Μενέλαος, ὁ Σήσης 'Αλευράς, 'Ιφιγένεια, ἡ Δέσποινα Παλαβριτίου и т.д.

При характеристике иерархии артиклей в тексте следует остановиться на взаимодействии их грамматических и неграмматических употреблений. Последним обычно в соответствующих описаниях отводится главенствующая роль. Семантические классификации употреблений артикля стремятся к возможно большей подробности и тонкости. Высокая степень дифференциации употреблений невольно начинает навязывать артиклю обязательную семантическую мотивированность, а вслед за этим — обязательность единственного варианта в соответствующих ситуациях. Грамматическим употреблениям артикля отводится гораздо более скромное место в описаниях (обычно соответствующего специального раздела нет, и сведения о формальных употреблениях артикля разбросаны по морфологии и синтаксису). Между тем взаимодействие грамматических и неграмматических употреблений артикля небезынтересно, хотя бы с точки зрения семантики. Поскольку артиклю приписывается в основном функция семантического классификатора, можно было бы ожидать, что неграмматические употребления для сохранения заданного смысла должны превалировать над грамматическими. Однако в реальности можно говорить, скорее об обратной тенденции: грамматические употребления артикля, как правило, сильнее неграмматических. Если представить себе, что сначала дается некий текст, а потом в нем расставляются артикли, то в первую очередь ставятся грамматические артикли, а в пустых клетках остальные. Выделяется сравнительно немного правил формально-грамматического употребления артикля. Однако при их сопоставлении с неграмматическими надо принимать во внимание их статистическую частоту (например, в нгр. частота употребления Art.d. высока, в частности, из-за плеоназма Pron. poss.) Анализ достаточного числа текстов с точки зрения соотношения различных употреблений артикля может дать интересные сведения о его семантике³⁴.

³⁴ Ср. пример художественного текста (Πάννης Ψυχάρης. τὰ παλικάρια στὸ περὶ ἰάλι), где подчеркнуты грамматические употребления артикля: 'Εμεῖς, οἱ Ῥωμιοὶ μαλλώνουμε συχνὰ μεταξύ μας. Μάλιστα στὴ Χιὸ εἶναι πατροπαράδοτο, 'αντὶς νὰ πολεμοῦνε τῶν Τοῦρκο, νὰ πιάνονται οἱ Ῥωμιοὶ ὁ ἕνας μὲ τὸν ἄλλον. Γιὰ τοῦτο εὐμῶσα καὶ γὼ καὶ τῶβαλα στὸ βιβλίο μου. 'Αγάπη καὶ μίσος ζοῦνε πλάγι πλάγι στὴ καρδιά μας. Μὲ τὴν ἴδια δυνάμη μισοῦμε καὶ ἀγαποῦμε

АРТИКЛЬ В ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

В рамках грамматики БЭС синтаксическая система балканских языков описывается через посредство элементарных синтаксических конструкций (ЭСК). Для нгр. выделено 25 ЭСК, из них имя (зд. Subst.) входит в состав 18 ЭСК.

1. Nom. + Subst.obl.	τὸ σπίτι τοῦ πατέρα 'дом отца';
2. Nom. + Subst.acc.	'Ιταλίδα τὴν καταγωγή 'итальянка по происхождению', γεμάτος λουλούδια 'полный цветов';
3. V. + Subst.nom	ἔγινε γιατρός 'стал врачом';
4. V. + Subst.obl.	εἶπε τῆς μητέρας 'сказал матери';
5. V. + Subst.acc.	πῆρε γράμμα 'получил письмо';
6. Praep. + Subst.nom.	μέχρι ἡ ὥρα ὀχτώ 'до восьми часов';
7. Praep. + Subst.obl.	διὰ βίου 'для жизни';

με, καὶ κάποτες ἀπὸ τὴν μιὰ ὥρα στὴν ἄλλη ἀγαποῦμε ἢ μισοῦμε. 'Εμεῖς, οἱ Ῥωμιοὶ ἔχουμε καὶ κάτι ἄλλο; ξέρουμε τί μᾶς λείπει καὶ κάνουμε πῶς δὲν τὸ βλέπουμε. Τὰ φεγαδάκια μας τὰ γνωρίζουμε. Γιὰ τοῦτο καὶ γὼ δὲν εἶπα τῶνομα τοῦ 'αφιλόξενου τοῦ χωριοῦ.

'Мы греки часто ссоримся между собой. Особенно на Хиосе это традиционно, вместо того, чтобы воевать с турками, грекам схватываться друг с другом. Поэтому рассердился и я и поместил это в свою книгу. Любовь и ненависть живут бок о бок в нашем сердце. С одинаковой силой мы любим и ненавидим, и часто от часа к часу мы то любим, то ненавидим. У нас, греков, есть и нечто другое: мы знаем, чего нам не хватает, но делаем вид, что этого не видим. Недостатки свои знаем ... Поэтому я не назвал имени негостеприимной деревни'. — Ср., с другой стороны, стихотворение (Δ. Σολωμός. Γαλήνη.), где нет ни одного грамматического употребления артикля:

Δὲν ἀκούεται οὔτ' ἓνα κύμα	'Не слышно ни одной волны
Εἰς τὴν ἔρμι ἀκρογιαλιά	на пустынном берегу
Λὲς καὶ ἡ θάλασσα κοιμάται	Как будто море спит
Μὲς τῆς γῆς τὴν ἀγκαλιά .	В объятиях земли'.

Поэтические, в частности фольклорные, тексты содержат интересные данные об использовании артикля в качестве стилистического, ритмического и т.д. средства (ср. тексты с плеонастическим употреблением артикля, почти безартиклевые, наконец, с "непоследовательными" разными артиклями в одной позиции и т.п.).

8. Praep. + Subst. acc. για τὴν πατρίδα 'для родины',
'ἀπὸ τὴν Ἑλλάδα' 'из Греции';
10. Pcl. + Subst. Acc. μὰ τὸ θεὸ 'клянусь богом';
11. Subst. + Adj. ἡ ἑλληνικὴ γλῶσσα 'греческий язык';
ἡ κυρὰ Μάρω 'госпожа Маро',
ποτήρι νερό 'стакан воды';
12. Subst. + Subst. (аппозиция) φέγγοντας ἡ Κυριακὴ 'на рассвете воскресенья';
13. Subst. nom. + V. abs. ὁ ἥλιος λάμπει 'солнце сияет';
ὁ κάτω κόσμος 'нижний мир';
14. Subst. nom. + V. fin. μπρὲ παιδιὰ 'эй, ребята', νὰ
γιατρός 'вот врач';
17. Subst. + Adv. μὰ ὁ ἄνθρωπος 'но человек';
(ἦταν) ἑριό, δράκος '(он был) зверь, чудовище';
21. Pcl. + Subst. nom. voc. (καί) ὁ πατέρας καί ἡ μητέρα
'(и) отец и мать'.
22. Conj. + Subst.
24. Subst. + Subst.
25. Subst. (conj.) + Subst. (conj.)

18 ЭСК с Subst. можно разделить на две группы: I. Subst. + Subst. (ЭСК 1, 2, 12, 24, 25); II. Subst. + не-Subst. (ЭСК 2, когда Nom. = Adj., 3 -8, 10, 11, 13, 14, 17, 21, 22). Во II группе различаются: Subst. + Adj., Subst. + V.; Subst. + Z. (любой неполнозначный класс слов). Для I группы определяются артикли при обоих элементах ЭСК.

Универсальных формальных регламентаций для артиклей в пределах ЭСК, как будто, не существует (предполагается, что грамматические употребления артиклей выделены до уровня ЭСК). В принципе на парадигматическом уровне возможны любые сочетания любых артиклей, и ограничения вступают в силу уже на уровне текста.

В группе I (Subst. + Subst.) реализуются все 9 возможных вариантов сочетания артиклей.

А. Сочетание одинаковых артиклей

1. Art. d. + Art. d.: τὸ σπίτι τοῦ πατέρα 'дом отца',
τὸ τέλος τοῦ πολέμου 'конец войны',
τοῦ φτωχοῦ τ'ἄρνι 'баран бедняка',
ἡ γέφυρα τῶν στεναγμῶν 'мост вздохов',
ὁ γέρος ὁ Καφάλης 'старик Капсалис',
ὁ Πανάγος ὁ Τριβώνης 'Панагос Тривонис',
ὁ Χρῆστος ὁ ζητιανός 'Христос нищий',
τὸ κουτὶ τὰ σπέρτα

'коробка спичек', τὸ ποτήρι τὸ νερό 'стакан воды', τὸ σάνι τ'ἀλεῦρι 'мешок муки', ὁ πατέρας, ἡ μητέρα 'отец, мать'; (καί) ὁ πατέρας καί ἡ μητέρα '(и) отец и мать', τὴν ξενιτιά, τὴν ὄρφανιά 'чужбину; сиротство', ἡ βροχὴ καί τὸ χιόνι 'дождь и снег'.

2. Art. # + Art. #:

σημάδια ζωῆς 'признаки жизни',
σειρὰ παραδειγμάτων 'ряд примеров',
πλῆθος κόσμου 'множество народа',
σωρὸς ἐρωτήσεων 'масса вопросов',
(τρεις) ὥρες δρόμος '(трех) часовой путь',
τακοῦνι (δέκα) πόντους 'каблук (10) см.',
(σαράντα) χρόνια κλέφτης '(сорок) лет клефт',
φαλμός "Ἀλληλούια" 'псалом Аллилуйя',
ἐξπρές - τραῦνο 'поезд экспресс',
κομμάτι τυρί 'кусоч сыра',
ποτήρι νερό 'стакан воды',
κουτὶ σπέρτα 'коробка спичек',
δόντια μαργαριτάρια 'зубы - жемчуг',
βουλειά, δουλειά 'работа, работа',
δουλειὰ καὶ δουλειά 'работа и работа',
ἀεροπλάνο, ποδήλατο 'самолеты, велосипеды',
κορίτσι ἢ αγόρι 'девочка или мальчик',
σταλαματιά σταλαματιά 'по капле',
εἶτε βουνὸ εἶτε ρέμα 'гора ли, ручей ли',
καὶ σιτάρι καὶ κριθάρι 'и пшеница, и ячмень'.
προσοχή - προσοχή 'внимание, внимание'.

3. Art. i n d. + Art. i n d.: ἕνας γέρος καὶ μιὰ γριά 'старик и старуха',
ἕνας ἄνδρας καὶ μιὰ γυναίκα 'мужчина и женщина',
μιὰ Λαμπρή, μιὰ Κυριακὴ 'на Пасху',
в воскресенье, ἕνας αἰτός (περίφανος),
ἕνας αἰτός λεβέντης 'орел (славный), орел (удалой)'.

Б. Сочетание разных артиклей

4. Art. d. + Art. # :

οἱ τζάντες γυναικῶν 'женские сумки', ἡ πλάκα σοκολάτας 'плитка шоколада', τὸ κομπλὲ ἀσπρоруχῶν 'комплект белья', οἱ ζῶνες ἀσφαλεῖτας, 'предохранительные ремни', χίλιες ὀργυιῆς τὸ βάθος 'тысяча сажень в глубину', ὁ θεῖος Γιάννης 'дядя Яннис', ὁ βασιλιᾶς Δαρεῖος 'царь Дарий', ὁ θεὸς ἥλιος 'бог Солнце', τὸ μπουνάλι σπῖρτο 'бутылка спирта', τὸ δνομα ἄνθρωπος 'имя (=Subst.) человек', τὸ μάτσο χειροβομβίδες 'связка гранат', τὸ γάλα σιδῆνη 'поршковое молоко', τὸ διὰρι σπαθί 'двойка треф', τὰ μάγουλα τριαντάφυλλα 'щеки розы', (πάει) τὸ βουνὸ βουνό '(идет) все время по горе', τὴ μέση μέση 'по (самой) середине', τὰ γράμματα καὶ ἀριθμοὶ 'буквы и числа', ὁ κάθε μαχαλᾶς, κάθε σοκάκι 'каждый квартал, каждый переулок', τὴ χαρά, χαρὰ, γιὰ τὸν ὕγιό του 'свадьбу, свадьбу своего сына'.

5. Art. # + Art. d. :

φιλοξενία τῶν κατοίκων 'гостеприимство жителей', βιβλίο τῆς τσέλης 'карманная книга', γυαλιὰ τοῦ ἡλίου 'солнечные очки', θίασος τῶν πέντε 'труппа пятых', Ἰταλίδα τὴν καταγωγή 'итальянка по происхождению', τὸ μαῦρο καβαλάρης 'всадник на вороном (коне)', εὐτυχὲς τὸ (νέον) ἔτος 'пожелания к (новому) году', προσοχὴ πὰ χέρια(σας) 'берегите (внимание) руки', (δύο) φορὲς τὴν ἡμέρα '(два) раза в день'; συνοικία τὸ δνειρο 'квартал мечта', ξενοδοχεῖον ὁ Παράδεισος 'гостиница Парадиз'.

6. Art. d. + Art. i n d. :

φασοῦλι τὸ φασοῦλι (γεμίζει τὸ σακκοῦλι) 'фасоль к фасоли (наполняется мешочек)', στάλα τὴ στάλα 'капля к капле', καὶ σειρήνια καὶ τὰ τερτίρια 'и шнуры и канитель'.
τὰ κέρατα ἐνὸς (μεγάλου) τράγου 'рога (большого) козла', τὸ μυστικὸ μιᾶς μητέρας 'тайна матери', τὸ ἡμερολόγιο ἐνὸς καταδίκου 'дневник осужденного', τὸ σπίτι ἐνὸς κουμπάρου (μας) 'дом одного (нашего) кума', μιᾶς χῆρας ὁ γιός 'сын старухи', τὸ σπίτι ἐνὸς ἐργάτη 'дом рабочего', τὸν (ἄλλο) χρόνο μιὰ (ἄλλη) δασιάλα 'на другой год другая учительница', ὁ ποιητὴς ἕνα κενό 'поэт пустота', τὸ βουνό, ἕνα βουνό θεόρατο 'гора, громадная гора', τὸ Δημητράκι, ἕνα (ώρατο) 'αγοράκι' Димитраки, (красивый) мальчик'.

7. Art. i n d. + Art. d. :

ἕνας ὑπάλληλος τοῦ Καροῦσου 'служащий Карусоса', ἕνα χαρτὶ τῆς Ἑλλάδας 'карта Греции', μιὰ γωνιὰ τῆς κάμαρας 'угол комнаты', ἕναν 'αρχαιομαθῆ εὐνοῦχο, τὸ Μαρδόνιο 'одного знатока древностей евнуха Мардония', μιὰν ἀνοιξη καὶ τὴ χειμῶνα 'весной и зимой', μιὰ κασετίνα καὶ τὸ κλειδάκι τῆς 'коробочка и ключик от нее', μιὰ Κυριακὴ τὸ βράδυ 'в (одно) воскресенье вечером'.

8. Art. # + Art. i n d. :

Λυτρώτης μιᾶς χώρας 'освободитель земли', (γιά) ἐνὸς ἀγούρου ἀγάλλιασμα '(ради) объятия юноши', τετράδιο, πλάκα, ἕνα (κάταστρο) σφουγγαράκι 'тетрадь, доска, (белейшая) губка'.

9. Art. i n d. + Art. # :

ἕνα εἶδος στρατοῦ 'род войска', ἕνα εἶδος πλατείας 'вид площади'.

ἕνας κόκκος ἄμμου 'зерно песка',
 μιὰ στάλα κρασί 'капля вина',
 ἕνα ποτήρι μελάни 'стакан чернил',
 ἕνα κύμα βουνό 'волна (как) го-
 ра', μιὰ θάλασσα γυαλί 'море (как)
 стекло', ἕνα παιδί πατριώτης μου
 'один парень мой соотечественник',
 μιὰ λιθαριή ἄνθρωπος 'с дюйм че-
 ловек', ἕνα πουλί, (καλὸ) πουλί
 'птица, (красивая) птица', ἕνα
 Σαββάτο βράδυ 'а субботу вечером'³⁵.

Во II группе ЭСК S u b s t. + н е = S u b s t. возможны
 все три вида артикля.

1. A r t. d.: δόστε (μου) τὸ χέρι 'дайте (мне) руку', τὸ σπί-
 τι τὸ βρήκα 'дом я нашел', πηγαίνω τὸ βράδυ 'иду ве-
 чером', δείχνει τὰ δελτία 'показывает бюллетени',
 συναισθανομένος τὶς ἁμαρτίες 'сознающий грехи',
 λουομένη τὶς μυρουδιές 'купающаяся в ароматах',
 εἶναι ὁ δάσκαλος 'он учитель', ἀνθίζει τὸ Γενάρη
 'цветет в январе', τὸ πανόραμα ἦταν (ἡ Φοδώρα)
 'зрелищем была (Фодора)', περιμένοντας τοὺς βαρ-
 βάρους 'ожидая варваров', δίνω τῆς μητέρας 'даю
 матери', μοιάζει τοῦ πατέρα 'походит на отца',
 πεθαίνω τῆς πείνας 'умираю от голода', κατὰ τῶν
 Περσῶν 'против персов', μέ τὸν πατέρα 'с отцом',
 στὸ σπίτι 'домой, дома', ἀπὸ τὸ μοναστήρι 'из мо-
 настыря', γιὰ τὸ γάμο 'о браке', καλῶς τὸν πατέρα
 'добро пожаловать, отец', ἀνάθημα τὸν θάνατο 'про-
 клятие смерти', τὸ μεγάλο ἔργο 'великое произведе-
 ние', τὰ πικρὰ λόγια 'горькие слова', ἡ τελευταία
 νότα 'последняя нота', βγαίνοντας... οἱ Τοῦρκοι...
 'когда турки ... выходили', ὁ πατέρας
 γελοῦσε 'отец смеялся', τρέμει ἡ γῆ 'дрожит земля',
 ὁ δάσκαλος εἶπε 'учитель сказал', νωρὶς τὸ πρωί
 'рано утром', χθὲς τὸ βράδυ 'вчера вечером', νὰ ἡ
 Μαρία 'вот Мария', καὶ τοῦ χρόνου 'и в будущем го-
 ду (пожелание), μὰ ὁ ἄνθρωπος 'но человек', σὰν
 τὸ λόρδο 'как лорд'.

³⁵ См. также: μιὰ τουφεκιὰ τόπο 'ein Büchschenschuß Land', ἕνα πλῆθος
 ἀνθρώπους 'eine Anzahl Menschen'; E. S c h w y z e r. Neugri-
 echische Syntax und altgriechische. - Neue Jahrbüch. f.d. klas-
 sische Altertum. XI, 1908, S. 507.

2. A r t. #: ἔκαμε ράφτης 'сделался портным', ἔγινε καθηγητής
 'сделался преподавателем', ποταμοὶ φεύγουνε (τὰ
 δάκρυα) 'реками бегут (слезы)', ἔτρεχε μέλισσι (ὁ
 λαός) 'бежал (как) пчела (народ)', γράφει γράμμα
 'пишет письмо', πόδια καὶ χέρια (τρέμω) 'дрожу)
 руками и ногами', φοροῦσε γυαλιὰ ' (она) носила
 очки', δὲν ἔχω βιβλίο 'у меня нет книги', στεριάζω
 μὲ δέρνει 'обет меня с суши', γυναίκα μυστικὴ
 μὴν πῆς 'женщине тайну не говори', γεμίζω νερό
 'наполняю водой', γεμάτος περιέργεια 'полный лю-
 бопытства', κίτρινος λεμόνι 'желтый (как) лимон',
 πασαλειμμένη ποῦδρες 'обсыпанная пудрой', ἀπὸ
 φοιτητής 'из студента (сделался...)', ἐπὶ τουρκοκ-
 ρατίας 'при турецком владычестве', ἀπὸ μάρμαρο
 'из мрамора', μὲ λύπη 'с огорчением', σὲ σχέση 'в
 связи', χωρὶς νερό 'без воды', καλὸς φίλος 'хоро-
 ший друг', νύκτα σκοτεινὴ 'темная ночь', πράσινα
 φύλλα 'зеленые листья', μαῦρο καράβι 'черный ко-
 рабль', καράβι ἔρχεται 'корабль приходит', τρέχει
 αἷμα 'бежит кровь', νὰ λάμψει Λευτεριά 'пусть бли-
 стает Свобода', νὰ γιαιρός, νὰ μάλαμα 'вот врач, вот
 золото', ὡς γυναίκα 'как женщина', σὰν παιδί 'как
 ребенок'.

3. A r t. i n d.: φωτομένος ἕνα δοχεῖο 'нагруженный сосудом', (τὸ)
 βρήκαμε μιὰς ἀρχῆς '(это) мы нашли сразу', μιὰ
 μέρα μαζευτήκαμε 'однажды собрались', κόβει ἕνα
 ἔλατο 'срубает сосну', κρατεῖ ἕνα μαντήλι 'держит
 платок', παραγγέλλει ἕνα σπαθί 'заказывает меч',
 γύρευα νὰ βρῶ ἕναν ἄνθρωπο 'хотела найти человека',
 μ' ἕνα ξύλο 'палкой', σὲ μιὰ ναυμαχία 'в морской
 битве', σ' ἕνα ἐργόλαβο 'к подрядчику', ἀπὸ μιὰ
 σειρά 'из ряда', ἕνα ἀσημένιο κουδουνάκι 'серебря-
 ный колокольчик', μιὰ μεγάλη μασκαράτα 'большой
 маскарад', ἕνα ὄρατο ἔθιμο 'прекрасный обычай',
 μιὰ σοφὴ παροιμία 'мудрая пословица', λέγει μιὰ
 παροιμία 'говорит пословица', πέρασε μιὰ γριουλά
 'прошла старушка', ἀνοιξε μιὰ τρυπίτσα 'открылась
 дырочка', ἕνας μύθος λέγει 'миф говорит', ἕνα
 γελιὸ ἀκούστηκε 'послышался смех', οὔτε μιὰ στίγμη
 'ни на миг', μήτε μιὰ μάνα 'ни одна мать', ἕνας
 τόσος δα 'такой вот' и т.д.

Для того, чтобы с достоверностью говорить о том, как употребля-
 ются артикли в ЭСК, необходимо статистическое обследование. Тем

не менее, можно указать хотя бы некоторые тенденции, опираясь, в частности, на существующие наблюдения над нгр. артиклем. Так, отмечается сравнительно нечастое употребление нгр. Art.ind. как наиболее отмеченного и связанного с особыми текстовыми ситуациями. Соответственно в I группе (Subst. + Subst.) сочетание Art.ind. + Art.ind., нормальное для ЭСК 24 и 25 (сочинительная связь: *ἕνας γέρος καὶ μιὰ γριὰ*), редко для ЭСК с подчинительной связью: для некоторых оно невозможно — **ἕνα ποτήρι ἕνα νερό* и под.; на других, хотя и нет грамматического запрета — *ἕνα σπίτι ἐνδὸς πατέρα*, наложены ограничения иного рода. Менее распространены, как будто, и те сочетания артиклей, где Art.ind. занимает второе место (тῷ σπίτι ἐνδὸς πατέρα, σπίτι ἐνδὸς πατέρα), что также можно связать с особенностями antecedentного употребления Art.ind. в тексте. Более или менее регулярные употребления артиклем указываются для ЭСК 12 (аппозиция), где выделяются три группы: 1) господин учитель, 2) стакан воды, 3) зубы-жемчуг. Для первой группы обычно сочетание Art.d. + Art.# : *ὁ κύριος δάσκαλος* или Art.d. + Art.d. *ἡ γριὰ ἡ Μπουμπουλίνα* 'старуха Бурбулина' (но могут быть и другие варианты, с Art.ind., с Art.# : *μιὰ χήρα βουργάρα* 'старуха болгарка', 'Ахмет-ἄγας βγαίνει πεζός' 'Ахмет-Ага уходит пешком' и т.д.

Во второй группе возможны 4 сочетания артиклей: Art.d. + Art.d., Art.# + Art.#, Art.d. + Art.#, Art.ind. + Art.# τὸ ποτήρι τὸ νερό, ποτήρι νερό, τὸ ποτήρι νερό, ἕνα ποτήρι νερό. В третьей группе Subst., обозначающее собственно сравнение, употребляется с Art.# : *δόντια μαργαριτάρια* 'зубы жемчуг', *σπίτι παλάτι* 'дом дворец', *σκοτάδι πίσσα* 'темнота деготь', *ἕνα πρόσωπο φεγγάρι* 'лицо луна'.

Примечательна возможность сочетания разных артиклей в ЭСК 24 и 25 (сочинительная связь): *τὰ γράμματα καὶ ἀριθμοί* 'буквы и числа', *καὶ σείριτσια καὶ τὰ τριτίρια* 'и шнуры и канитель', *τὸ βουνό, ἕνα βουνό* *θεβрато* 'гора, громадная гора' и т.п. Среди них выделяются случаи, когда один артикль в начальной позиции определяет несколько объектов: *ἅλα τὰ ἱμάσματα καὶ ἐνδύματα καὶ ἐπιπλα* 'все ткани и одежда и мебель', см. также при повторении объекта (особенно в фольклорных текстах): *μιὰ μάνα, σκυλόμανα* 'мать, собака-мать', *ἕνα παιδί, καλὸ παιδί* 'парень, хороший парень', *ἔπὸ τὸ ἄγριο θερὶд καὶ ἐρίοντα μεγάλο* 'от дикого зверя и громадного дракона' (один и тот же объект). и т.п. Хотя такие употребления в этой позиции сравнительно редки на фоне обычных сочетаний одинаковых артиклей, тем не менее они заслуживают особого рассмотрения, о чем будет сказано далее.

В ЭСК Subst. + V. (3-5, 13, 14) возможны все три вида артикля. Едва ли не единственное формальное ограничение, более или менее

надежное, — Art.# при Subst.n. в адвербиальном употреблении: *τρῆχει ποτάμι 'бежит (как) река', σταλαματιὰ σταλαματιὰ τὸ μάρμαρο τρυπιεῖται 'каплями, каплями продавливается мрамор'*. Для других случаев, отмечаемых в грамматиках (или даваемых списками, например, Subst. с Art.# в конструкциях с *κάνω* и т.д.) — предикативного употребления³⁶, конструкций acc.duplex³⁷, где предполагается сочетание Art.d. и Art.# (называть кого Art.d., кем Art.#) и т.д. — допускаются варианты.

В ЭСК10, ограниченной сравнительно небольшим набором управляющих элементов и образующей фиксированные конструкции идиоматического характера, Subst. употребляются с Art.d.: *ἀνάθημα τὸν ἔρωτα* 'проклятие любви', *καλῶς τὰ τὰ παιδιὰ* 'привет, ребята' и т.д.

Определенные закономерности выводятся для конструкций прилагательного и существительного в ЭСК 2 (управление) и ЭСК 11 (согласование). В ЭСК 2, где Subst. обычно стоит на втором месте, оно употребляется с Art.# при собственно прилагательных — *γεμάτος λουλούδια* 'полный цветов', *κίτρινος λεμόνι* 'желтый (как) лимон', *γλυκὸ μέλι* 'сладкое (как) мед', *κόκκινος αἷμα* 'красный (как) кровь' и т.д., и принимает все три вида артикля при причастиях: *συναστανόμενος τὸς ἁμαρτίες* 'сознающий грехи', *φορτωμένο ἄλατι* 'нагруженная солью', *φορτωμένος ἕνα δοχεῖο* 'нагруженный сосудом'.

В ЭСК 11, где порядок элементов может меняться, артикль (любой), как правило, стоит на первом месте (конструкции типа *περιούσια τὰσημένια* 'серебряные вилки' А.Дзардзанос отмечает как редкие). Центральное место Art.d. может занимать в конструкциях с некоторыми местоимениями (*αὐτὸ τὸ βιβλίο, ὅλος, ὁ κόσμος*) Распространено повторение артикля перед каждым элементом ЭСК 11, в том числе и при ее циклическом развертывании: *ὁ ἀνθρώπος ὁ ἀγαθός* 'добрый человек', *τὸ παλληκάρι τὸ ὠραίο* 'прекрасный паликар', *τὸ παιδί τὸ μαῦρο, τὸ Δημήτρη* 'ребенка несчастного, Димитриса', *σὺν τὴν ἀγάπην τὴν κρυφὴ* 'как любовь тайную', *ὁ λύκος ὁ κουτός* 'волк глупый', *τὸ γαλάζιο τῆς κύμα*, *τὸ ἡμερο* 'ее голубая волна, спокойная'. Обычно повторяется артикль Art.d., см. однако повторение Art.ind: *θεέ μου, βρέξε μιὰ βροχή, μιὰ βροχή, μιὰ βροχίττα* *διανή* 'Боже, пролей дождь, Дождь тихий', *για μιὰ ξανθή, για μιὰ λιγνή μιὰ χαμηλοβλεπούσα* 'для (одной) белокурой, для (одной) стройной, (одной) спокойно

36 Возможность употребления Art.d. при Subst. в предикативной функции отмечается в грамматиках специально как особенность нгр. синтаксиса.

37 О чередовании артиклей при acc.duplex см. в частности: G.S o y-t e r. Grammatik und Lesebuch der Neugriechischen Volks- und Schriftsprache. Wiesbaden, 1958, стр. 92.

глядящей', *μία βοσκολόβα, μία ζηλεμένη κόρη* 'пастушка, желанная девушка'.

ЭСК 17, 21, 22 слишком тесно связаны с лексическим набором и семантикой соответственно наречий, частиц и союзов (для некоторых из них могут быть составлены более или менее достоверные списки), чтобы выводить какие-либо общие правила употребления артиклей (тем более, что и хрестоматийное правило чередования *ὄν* + Subst. acc. → Art. d. и *ὄν* + Subst. nom. → Art. # в текстах нередко нарушается).

Весьма существенно было бы провести последовательный анализ взаимоотношений нгр. артиклей с предлогами. Положение в других балканских языках (албанский, румынский), где эти взаимоотношения выражены достаточно четко, заставляют предполагать аналогии и в нгр.³⁸ Некоторые случаи уже зафиксированы в грамматиках (Art. # в конструкции *Ἦσαρ. + λῶου μου*, кроме предлогов *μέ* и *σέ*, преимущественное употребление Art. # при предлогах со значением без — *χωρίς, δίχως*, тенденции к сочетанию *σέ* + Art. d., очевидно, из-за его слияния с Art. d. — *στέ, στή, στός* и под.). Можно высказать предположение, что эта, пока еще не затронутая область, заключает в себе много существенного для раскрытия системы нгр. артикля.

Различные преобразования ЭСК — циклическое разворачивание, сочетания друг с другом и далее образование предложения, — оказывают влияние на употребление артиклей, вернее, на заполнение тех пустых клеток, которые остаются после применения указанных грамматических правил. Возникают фиксированные конструкции, например, для обозначения времени (*στὶς πέντε ἡ ὥρα* 'в пять часов', *στὶς τριάντα τοῦ δεκεμβρίου* 'тридцатого декабря', *στὰ χίλια ἐνιακόσια λεπτὰ τρία* 'в 1953 (г.) и т.д. При стремлении нгр. к конструкциям соположения, чередование артиклей (обычно Art. d. / (Art. # =) способствует синтаксическому членению фразы³⁹. Однако в нгр. дейст-

вует принцип "каждое действие равно противодействию" — едва ли не на каждое правило существует как бы его опровержение, что в конце концов заставляет принять особый подход к системе нгр. артикля.

Здесь не будут разбираться употребления артикля в ограниченном отрезке связного текста: это слишком сложный вопрос, для которого прежде всего надо определить, можно ли установить закономерность расстановки артиклей для всего текста, считая, что в законченном фрагменте любой артикль выступает как элемент некоей целостной системы. Альтернатива этому — предположение, что взаимосвязь артиклей не выходит за пределы ЭСК, сочетаний ЭСК, максимум за пределы двух-трех предложений. Наконец, следует учитывать структуру текста в широком смысле (объем, жанр, сочетание прямой и непрямо́й речи, распределение классов слов, грамматических категорий, отдельных граммем и т.п.). Все это слишком сложные вопросы, к тому же выходящие за пределы объявленной темы. Поэтому здесь сочтено возможным ограничиться соображениями об антецедентной роли Art. ind. как одного из средств членения текста определенного жанра⁴⁰.

В задачи представленной работы входило дать по возможности более полный анализ формально-грамматических функций артикля. Описание употреблений артикля доводилось до той точки, за которой вступали в действие иные — логико-грамматические, семантические, лексические и под. факторы. Естественно, актуальна проблема взаимоотношения формальных и неформальных употреблений артикля, места и веса формальных употреблений в общей системе артикля. Уже было отмечено, что при более или менее строгом иерархическом расположении языковых уровней, каждый из которых последовательно конституируется единицами предыдущего (фонологический → морфологический → синтаксический), формальные ресурсы системы языка используются частично и выборочно. Построить симметричную систему соответствий ф о н о л о г и я — м о р ф о л о г и я — с и н т а к с и с практически невозможно. Выделяются лишь некоторые узлы соприкосно-

³⁸ На это обратил внимание, в частности Г. Рейхенкрон (Указ. соч., стр. 12), указав основное общее правило: "В период образования артикля ... существительные после предлога употребляются без артикля, с артиклем только после предлога 'о'. — Небезынтересна актуальная связь предлогов в балканских языках с местоимениями: возникновение предлогов из местоименных наречий, см. F. K o p e č n ý. O homonymii pronomínálnich adverbii a předložek. — "Studia balkanica bohemoslovaca". Brno, 1970.

³⁹ А. Мирамбель неоднократно писал о тяготении нгр. языка к номинальной фразе, где артикль играет смыслообразительную роль. Помимо грамматических очерков нгр. языка с многочисленными при-

мерами см. также: A. M i r a m b e l. Expression littéraire et caractères spécifiques du grec moderne. "Revue de l'École nationale des langues orientales", v. 5, 1969, стр. 147.

⁴⁰ Предполагается, что сюда входят не только "сказовые" зачины — жил-был один царь..., царь был..., но и другие способы введения антецедента: *τὸ θέμα μιᾶς παραφασμένης αὐτοκρατορίας* 'тема приходящей в упадок империи', *γύρευα νὰ βρῶ ἕναν ἄνθρωπο, νὰ τοῦ ἀνοίξω τὴν καρδιά μου, νὰ τοῦ πῶ τὸν πόνο μου* 'я хотела найти человека, чтобы открыть ему свое сердце, чтобы рассказать ему свое горе', *ἡ σιωπή, μιὰ σιωπὴ τοῦ σφίγγει τὴν καρδιά* 'молчание, молчание, которое сжимает сердце' и др.

вения и переходы, на первый взгляд, кажущиеся непоследовательными (ср. хотя бы сосуществование экономии и избыточности, распределенных в языке как бы случайно: в пределах предложения одна граммема может выражаться несколько раз, повторяясь в разных элементах, в то время как другая имеет нулевой показатель и т.п.). Та же картина представляется при первом взгляде на систему нгр. артикля: установить сколько-нибудь последовательное и равномерное распределение артикля на морфосинтаксическом уровне не удастся (не говоря о том, что встает проблема различения артикля и не-артикля, см. выше о формах, начинающихся с [t]). В результате формально-грамматические употребления артикля выглядят достаточно разрозненными и случайными. Однако включение системы артикля в гораздо более широкую абстрактную схему языковых отношений создает иную перспективу. Более основательный анализ заставляет предполагать за видимой непоследовательностью действие направляющих процессов, соответствующих некоторым общим закономерностям. Реконструкция глубинной системы, определяющей устройство языка в широком смысле, позволяет по-иному интерпретировать манифестирующиеся на поверхности явления. Так, парадигматические употребления артикля при определенных классах или группах слов, как будто, случайны и не соотносимы с семантикой. Случайность подтверждается и тем, что на синтагматическом уровне эти употребления подвергаются также случайным и немотивированным изменениям. Однако типологическое сравнение (нгр. и другие балканские, в цитированной анкете И.И.Ревзина – любые артиклевые языки) приводит к иным выводам. Формальные употребления артикля охватывают: существительные собственные, местоимения и предлоги, т.е. именно те классы слов, которые связаны (генетически, исторически, семантически и т.п.) с категорией определенности/неопределенности по преимуществу. В этом смысле язык решает проблему семантики артикля весьма остроумно и почти парадоксально: там, где употребления артикля представляются максимально освобожденными от семантики и чисто формальными, они недвусмысленно выделяют те языковые классы, которые по своей сути наиболее тесно связаны с определенностью/неопределенностью.

Очертив область определенности/неопределенности, язык стремится уйти от буквализма, от примитивной непротиворечивости, как бы обучая носителя языка более общему и широкому взгляду, позволяющему большую маневренность на формальном уровне и тем самым более совершенное и гарантированное сохранение смысла. Так, и внутри выделенных групп непоследовательность применения артикля снимается на уровне семантики. На синтагматическом уровне, нгр. Subst.propr. употребляются то с артиклем, то без артикля. Без артикля они выступают в voc., в конструкциях со значением названия, в названиях, титулах, подписях и т.д., т.е. везде, где выделение признака соб-

ственности становится основной целью. В повествовательном тексте, где значение собственности может ослабляться и на первый план выходит референционное значение (так, что данное Subst. в принципе может быть заменено Pron.), артикль сохраняется⁴¹. См. характерный в этом смысле пример: $\Sigma\tau\delta\nu\ \kappa\alpha\iota\rho\theta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \rho\alpha\lambda\alpha\iota\omega\nu\ 'Ε\lambda\lambda\eta\gamma\omega\nu\ \eta\tau\alpha\nu\ \mu\iota\alpha\ \kappa\iota\theta\rho\eta\ \rho\omicron\upsilon\ \tau\eta\nu\ \xi\lambda\epsilon\gamma\alpha\nu\ \Phi\lambda\alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\ (Art.\ \#)\ .\ \Phi\lambda\alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\ (Art.\ \#)\ \theta\acute{\alpha}\ \rho\epsilon\tau\ \mu\iota\alpha\ \rho\omicron\upsilon\ 'α\gamma\alpha\pi\acute{\alpha}\ \tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\tau\rho\alpha\ \tau\eta\varsigma.\ \Phi\lambda\alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\ (Art.\ \#)\ \tau\eta\nu\ \epsilon\iota\pi\alpha\nu,\ \Phi\lambda\alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\ (Art.\ \#)\ \beta\gamma\eta\iota\epsilon\ .\ .\ .\ \epsilon\nu\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\rho\alpha\beta\omicron\kappa\upsilon\rho\eta\varsigma\ .\ .\ .\ 'α\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\sigma\epsilon\ \tau\omicron\ \Phi\lambda\alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\ .\ .\ .\ (Art.\ d)\ .$

'Во времена древних греков была одна девушка, которую звали Фландро. Фландро будут звать ту, которая любит своего мужа. Фландро ее называли, Фландро она стала ... один корабельщик ... полюбил Фландро...'. В этом тексте противопоставление имени Фландро как символа (Art.#) Фландро – носительнице имени (Art.d.) выражено максимально отчетливо (и подкреплено соответственным расположением слов в предложении). Как уже отмечалось; более свободно употребляется Art.d. при периферийных Subst.propr., в частности, при названиях народов, жителей определенных мест и под. (ср. σκλάβος Τουρκῶν 'рабы турок' и ...νὰ 'μαί σκλάβος τῶν Τουρκῶν '...чтобы я стал рабом турок' и т.п.). Подобный анализ можно провести и на примере сочетания артикля с местоимениями, где кажущаяся случайность распределения Art. и Pron. может зависеть, в частности, от их взаимозаменяемости (см. соответствующий вопрос в анкете И.И.Ревзина, стр. 52). В этом смысле характерна легкость опущения Art.d. при энклитических формах Pron.poss., в нгр. (ὁ πατέρας μου > πατέρας μου). Вполне возможно, что это вызывается особой ролью Pron.poss., плеонастическое употребление которых в тексте дает возможность в каком-то смысле говорить о явлении, сходном с местоименным склонением. Pron.poss. обладает признаком определенности (притом более специально выраженным, поскольку он указывает и на участника речи), и потому функционально может замещать артикль. Возникает примечательная ситуация: более специальный показатель (Pron.poss.) вытесняет более универсальный (Art.) и появляется в ситуациях, где указание принадлежности не существенно по меньшей мере. В результате Pron.poss. ослабляет собственное значение, приближаясь к нейтральному указанию определенности. Если предполагать, что Pron.poss. мо-

41 Сходная мысль содержится в статье Х.Гальтона: H.G a l t o n . On the function of the definite article in some indo-european languages. "Folia linguistica", V, 1969, № 1-2. – Разбирая распределение артикля при Subst.propr. в частности, в балканских языках, автор приходит к выводу, что грамматическое выражение сферы онтологической определенности может использовать эффект намеренного отклонения от немаркированного правила (см. стр. 154).

жет заменить Art.d., то тем самым увеличивается число "недискретных ситуаций": например, в обращении, где наряду с уос. может употребляться и ном., в сочетании Art.# + Subst + Pron.poss. синтаксически нельзя определить падеж у существительных, не различающих ном. и voc. на морфологическом уровне (παιδιά μου, μητέρα μου и т.д.). Ср. также: αὐτός είναι πατέρας μου 'он - мой отец' (< ὁ πατέρας μου, возможное опущение артикля при предикативном употреблении Subst.?) и т.п. Может быть те же тенденции действуют и при модификации сочетания Art.d. с местоименными клитиками (местоименная реприза): Art.d., в принципе обязательный, достаточно часто заменяется Art.#.

Подобные рассуждения подводят к мысли, что формально-грамматические, т.е. максимально отстоявшиеся употребления артикля, по своей сути наиболее тесным и существенным образом связаны с семантикой. Семантическая связь такого рода тем более важна, что она принадлежит не данной группе, классу слов, ЭСК, фразе, тексту и т.п., но гораздо более общей системе, в конце концов восходящей к членению мира явлений вообще и к восприятию его человеком. Что касается не-грамматических употреблений артикля, т.е. случаев, когда грамматика разрешает вариантные способы его расстановки, то они могут относиться к уровню в определенном смысле иерархически более низкому, в частности, к уровню эвентуального воплощения. Может быть, это и является одной из причин свободного, нефиксированного употребления артикля, вплоть до индивидуальных вариантов. Другими словами, артикль наиболее фиксирован там, где фиксированы его связи с семантикой общего и абстрактного уровня. Артикль менее фиксирован там, где связи такого рода ослаблены и где речь идет о выражении данного смысла (имеется в виду не конкретный текст, но специфика и особенности языка в той части, где они выходят за пределы некоторых универсальных категорий).

Анализ грамматических и не-грамматических употреблений нгр. артиклей в тексте обнаруживает достаточно большую степень вариативности, в том числе и за счет нарушения формальных правил. К уже приведенным примерам см. еще: τὰ 'βλέπα σὰν ἐχθρούς τοῦ σπιτιοῦ μας (τοὺς ἐχθρούς) 'я смотрела на них как на врагов нашего дома'; δύο φάρια ἐτιγανίζονταν καὶ ἕνα τὸ ἄλλο δὲν πίστευε (τὸ ἕνα?) 'две рыбы (вместе) жарились, и одна другой не верила'; οὔτε τσουκάλι ἔμεινε οὔτε καὶ Νικολάκης (ὁ Νικολάκης?) 'ни горшка не осталось, ни Николакиса'; ἔχουν κρίνους δάχτυλα - ἔχει τὰ μάγουλα τριαντά - φυλλα 'у них пальцы лилии' - 'у нее щеки розы'; δὲν γύριζε νὰ κοιτάξει ἀδερφὸς τὸν ἀδερφὸ (ὁ ἀδερφός?) 'не оборачивался посмотреть брат на брата'; ср. особенно в фольклоре, в гномических выражениях, построенных на параллелизме; ὁ γεωργὸς ἐλέει βροχή

(Art.#) καὶ ὁ κεραιεὺς τὴν ξέρη (Art.d.) 'пахарь хочет дождя, а горшечник суши'; νὰ γίνεи μιὰ ἄνοιξη καλὴ (Art.ind.), νὰ γίνеи καλοκαίρι (Art.#) 'пусть будет хорошая весна, пусть будет лето'; ἀπὸ τὴ γῆ βγαίνει νερό (Art.#) καὶ 'ἀπ'τὴν ἐλιά τὸ λάδι (Art.d.) 'из под земли выходит вода, а из маслины масло'; ὁ Κίσαβος ρίχνει βροχή (Art.#) καὶ 'ὁ Ὀλυμπος τὸ χιόνι (Art.d.) 'Кисав сбрасывает дождь, а Олимп снег'; τὰ ὄρη (Art.d) ἐδιασκελίζε, βουνοῦ κορφές (Art.#) ἐπήδε 'через скалы (он) перешагивал, (через) вершины гор перепрыгивал'. Ср. также равноправные варианты: Γαμπρὸς υἱὸς δὲν γίνεиται и ὁ γιὸς γαμπρὸς δὲ γίνеиται 'зять не становится сыном', ἦλεαν τ'ἄγρια (Art.d.) νὰ βγάλουν ἡμερα (Art.#) - ἦρεαν τ'ἄγρια νὰ διώξουν τὰ ἡμερα 'пришли дикие прогнать ручных' и т.д.; σῆμερα φάλλουν ἐκκλησιές (Art.#) φάλλουν τὰ μοῦσθήρια (Art.d.) 'сегодня поют церкви, поют монастыри', τ'ἀδέρφια σκίζουν τὰ βουνα (Art.d.) καὶ δένδρα (Art.#) ξεριζώνουν 'братья раскалывают горы и вырывают деревья', λέφτουν τὰ βόλια (Art.d.) σὰ βροχή, κανόνια (Art.#) σὰ χαλάζι 'падают пули дождем, (зд.) снаряды градом', Γιάννος (Art.#) μαθαίνει γράμματα κ'ἡ Μαρουδιώ (Art.d.) τραγοῦδια 'Яннос изучает науки, а Марудио песни', Τοῦρκος (Art.#) 'ἀγάπησε μιὰ Ρωμιοπούλα (Art.ind.) 'турок полюбил (одну) гречанку', ср. ἕνα μικρὸ Βλαχόπουλο (Art.ind.) μιὰ Βλάχα (Art.ind.) ν'ἀγαπάει 'маленький валах любит валашку', κλαῖνε μανοῦλες γιὰ παιδιὰ (Art.#), γυναῖκες γιὰ τοὺς ἀντρες (Art.d.) 'плачут матери о детях, жены о мужьях' и т.д. А.Дзардзанос отмечает возможность Art.# при терминах родства, ср. в пределах одной фразы: ὄρφανος ἀπὸ μητέρα ... ἔχασε καὶ τὸν πατέρα σου 'осиротев без матери ... он лишился и своего отца' и т.п.

Можно думать, что в сфере применения нгр. артикля манифестируется та принципиальная свобода и неединственность выбора, которая приписывается языкам БЭС (и которая компенсируется жесткостью и не-свободой в других звеньях системы). Естественно, существует такой набор ситуаций (текстов и т.п.), в которых возможен лишь единственный вариант расстановки артиклей. Наряду с этим предполагается существование такой области, где тексты, отличающиеся только постановкой артикля, остаются тождественными самим себе⁴². Другими словами, есть ситуации, допускающие мену артиклей при сохранении заданного смысла (можно считать также, что параметры за-

⁴² Ср. редактуру артиклей в тексте. Варианты редакторов (или разных носителей языка), совпадая в основном объеме, тем не менее обнаруживают и различия. Специфика артикля позволяет думать, что таким образом, в частности, выделяется область разрешенной вариативности и проявления индивидуального в построении текста.

данного смысла в нгр. разрешают достаточно высокую степень расхождения). По традиции артикль предъявляются, пожалуй, слишком строгие требования, любое его употребление считается мотивированным, в сомнительных случаях предпочитают приписывать артикль многозначность, но не отсутствие значения. Между тем, общая схема устройства языка — несимметричность отношений **фонология — морфология — синтаксис**, выборочное использование различных категорий, сочетание плеоназма и эллипсиса и под., — дает возможность взглянуть на артикль по-иному. Кажется допустимым, во всяком случае для нгр. артикля, выделять некоторую область "нейтрального" употребления артикля, сохраняющего общее значение абстрактного классификатора, но не привязанного слишком сильно к данной ситуации.

Балканский артикль обычно типологически противопоставляется артиклю в основных западноевропейских языках (прежде всего английский, французский, немецкий), которым приписываются отлитые и однозначные правила постановки артикля — в отличие от непоследовательности и неопределенности, существующей в балканских языках. Соображения общей типологии позволяют выйти за пределы традиционных взглядов на не-балканский артикль. Прежде всего, для описания артикля в западноевропейских языках подходят те же типологические критерии: артикль при собственных именах, местоимениях, предложениях; артикль при определенных морфологических категориях (вос., степени сравнения, предикативные конструкции, адвербиальные употребления Subst. и др.), Art.ind. как средство членения текста и т.п. Конкретные ответы на эти вопросы, т.е. выбор самой формы артикля, не столь важны. Система языка строится таким образом, что более существенным оказывается сам факт принципиального различия или сходства, но не его материальное выражение. Такое свойство сообщает системе большую прочность и устойчивость, с одной стороны, и большую гибкость и приспособляемость, с другой. В этом смысле становится возможным говорить об универсальной типологии артикля в том плане, в каком она соответствует универсальной классификационной схеме, в конце концов, моделирующей мир. Тогда, сравнивая западноевропейские языки с балканскими, следует иметь в виду разницу в степени обязательности выполнения соответствующих правил. Как кажется, эти свойства могут связываться не только (или не столько) именно с артиклем, сколько с языковой нормой вообще. Западноевропейские языки выработали соответственно более отлитую и жесткую форму литературного языка, основанную на усовершенствовании и развитии некоего инварианта, как бы очищаемого от случайностей и нерегулярностей и имплицитующего большую обязательность в употреблении отдельных категорий (литературный язык такого типа по

сути адекватен нормативной грамматике и в каком-то смысле ориентируется на нее). Балканские литературные языки складывались на основании конгломерата местных и т.п. вариантов, т.е. не столько на отборе, предполагающем ограничения и стремление к однозначности, сколько на обогащении, предполагающем принципиальную открытость и разнообразие. Естественно, что при этом увеличивается степень свободы, приводящая к многоплановости и неоднородности распространяющихся на способы реализации различных языковых категорий. На этом фоне и артикль получает иное распределение, так что не кажется еретической мысль, что, по крайней мере для некоторых ситуаций (некоторых видов текста и т.п.) равновозможны несколько видов артиклей и замена одного артикля другим не значима (одна из иллюстраций — разнообразное стилистическое использование артиклей, например, в поэтических текстах, где артикль может опускаться или, напротив, употребляется плеонастически и т.д.).

Эти свойства нгр. артикля заставляют обратиться и вообще к грамматической системе нгр. языка в поисках аналогий на материале иных категорий. Действительно, сходное положение наблюдается и там. Современные грамматики нгр. языка невольно (и естественно) приходят к описанию нескольких сосуществующих грамматических систем: аналитические и синтетические конструкции, координация и субординация, конструкция и соположение и т.п. В результате получается нечто вроде языка с несколькими грамматиками. Следующий этап анализа приводит к заключению, что эти отдельные "грамматики" не только не делят сферы влияния, но, напротив, взаимопроницаемы, влияют друг на друга и расшатывают друг друга. В итоге возникает ситуация не только свободы выбора конструкций, но и свободы оформления самой конструкции. Отсюда — нестабильность, принципиальная неоднозначность употребления различных грамматических категорий, что в конце концов приводит и к принципиальной смысловой неоднозначности, отказа от выбора единственного решения. Это относится и к артиклю, который (как отмечалось выше) в ряде случаев неразличим даже морфологически, совпадая по форме с местоимением. Впрочем, связь нгр. артикля с местоимением, различные формы сочетания, взаимозаменяемость и т.д. могут оказаться более значимыми, чем это представляется традиционно. Отношения нгр. артикля с местоимением кажутся достаточно актуальными, распределение артикля в тексте находится в определенной связи с местоимениями. Может быть, и местоименное значение (в широком смысле) присутствует в нгр. артикле в большей степени, чем это вообще приписывается категории артикля? При этом допущении вариантность употреблений нгр. артикля получает поддержку в свободе употребления местоимений, которые далеко не во всех случаях несут на себе отмеченную смысловую нагрузку, но напротив, могут по-

являться и исчезать без особого ущерба для данного текста (в нгр. особенно Pron. poss., Pron. deict.).

В данной работе анализируется артикль только в нгр. Представляется, что многое из сказанного применимо и к другим балканским языкам в рамках БЯС. Вариативность, отказ от окончательного и единственного выбора характерны и для других балканских языков и, может быть, соответствуют некоторым специфическим свойствам балканской модели мира, о чем будет сказано в свое время в более широком контексте. Поэтому можно думать, что принятый здесь подход небесполезен хотя бы для описания системы артиклей балканских языков в будущей грамматике БЯС. Более системный и более формальный подход к категории определенности/неопределенности и, в частности, к артиклю, предпринимаемый в последнее время, уже на первом этапе позволяет предположить достаточно цельную типологию артикля (см. прежде всего анкету И.И.Ревзина, применимую к широкому кругу языков), не зависящую от разрозненного набора различных конкретных ситуаций. Принято строить систему артикля на первичной семантике, сводимой к объяснению каждого данного употребления, и потому открытой и неопределенной. Формально-грамматические употребления артиклей тем самым остаются в стороне или доводятся до уровня обозначения граммем рода, числа и падежа. Обратное направление – от формальной грамматики артикля – представляется плодотворным для дальнейшего развития типологии артикля, по крайней мере, в следующем: оно способствует раскрытию основоположных связей грамматических употреблений с общей семантикой артикля; оно тем самым вводит категорию артикля в круг гораздо более общих закономерностей и делает возможным более широкий подход к категории артикля. Наконец, непоследовательные, немотивированные и даже противоречивые употребления артикля могут рассматриваться в рамках более общих закономерностей. Разумеется, все сказанное выше приобретает вес и доказательность только после исследования возможно большего языкового материала.

К.И.ЛОГАЧЕВ

О МОРФЕМНОМ СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ «СЛОВ» И «СЛОВОФОРМ» В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Еще в начале XX в. отдельными лингвистами выдвигалось предложение о пересмотре традиционных взглядов на выделение словоформ в речевом потоке, или, говоря иначе, традиционных взглядов на отношения различных речевых сегментов на синтагматическом уровне. Такие предложения выдвигались в результате рассмотрения материала новых языков, в том числе индоевропейских (из последних чаще всего рассматривался материал французского языка). Наблюдения над этим материалом показывали, что в рассматривавшихся языках отдельные сегменты, традиционно считаемые отдельными словоформами, а именно формами как именительного, так и косвенных падежей личных местоимений, лишены таких характеристик (свойственных другим словоформам на синтагматическом уровне), как возможность самостоятельного появления в речи и позиционная свобода. На основании подобных наблюдений предлагалось не считать традиционное изображение этих сегментов на письме в виде отдельных слов решающим фактором для определения их "словоформного" статуса, а трактовать их как морфемы – префиксальные (по преимуществу) личные показатели. Тем самым предлагалось изменить традиционные представления о структуре глагольных форм и о парадигмах глагольного спряжения в рассматривавшихся языках. Так, А.Мейе считал французское *tu as laissé* 'ты оставил' одним "словом", поскольку "ни один из трех... элементов, которые только по традиции пишутся отдельно, не имеет ни собственного смысла, ни отдельного существования"¹. Ж.Вандриес писал по поводу французского *je ne l' ai pas vu* 'я его не видел', что здесь лишь "школьная грамматика насчитывает шесть отдельных слов. В действительности налицо только одно слово, но сложное, образованное из ряда морфем, переплетенных одна с другой", которые "не существуют самостоятельно"². Следовательно, Вандриес считал, что во французском языке есть словоформы с префиксальными субъектными и объектными личными показателями, а значит и префиксальное субъектно-объектное спряжение. Ш.Балли полагал, что "французский язык стре-

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, стр. 359–360.

² Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 89.

мится к устранению послекорневых флексий и постепенно заменяет их префиксальными элементами", что он "все более стремится группировать слова в компактные синтаксические молекулы" и "находится на пути к новой форме синтеза" (одним из факторов формирования которого является "постоянство последовательностей"), что он "движется по пути к флексийному строю" и что "французская синтаксическая молекула готова вновь стать столь же синтетической, как и склоняемая или спрягаемая индоевропейская и латинская форма"³. Для Балли *j' ai souffert* 'я страдал' и *je vois* 'я вижу' – это грамматические синтагмы, синтаксические молекулы, хотя их члены и могут быть разединены⁴. Таким образом, Балли утверждал, что во французском языке сильна тенденция к созданию синтетических словоформ с префиксальными субъектными личными показателями и тем самым префиксального субъектного спряжения. О наличии во французском языке словоформ с префиксальными субъектными и объектными личными показателями и, следовательно, префиксального субъектно-объектного спряжения неоднократно говорил в своих работах И.И. Мещанинов⁵.

Показательно, что принципы, по которым вышеназванные исследователи выделяли новые словоформы, в сущности идентичны изложенным Ю.А.Найдой принципам, по которым в речевом потоке должны выделяться морфологические структуры в противоположность синтаксическим структурам. Согласно Найде, компонентам, образующим морфологические структуры, свойственны именно такие характеристики, как невозможность самостоятельного появления в речи и отсутствие позиционной свободы⁶.

Возможность трактовки некоторых сегментов, традиционно считаемых словоформами, как морфем рассматривалась и на материале современных балканских языков. Сообщения об этом имели место на I балканистическом конгрессе (София, 1966 г.).

В предлагаемой работе будет сделана попытка пересмотреть традиционные взгляды на синтагматику и парадигматику ряда сегментов речевого потока, общих практически всем идиомам греческого языка нового времени. Если при таком пересмотре взять в качестве отправной точки один из ведущих сейчас в Греции письменных языков, а именно

³ Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 29, 216, 314, 331.

⁴ Там же, стр. 185-186, 317.

⁵ См. И.И. М е щ а н и н о в. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, стр. 25, 32, 173, 257-259; О н ж е. Глагол. М.-Л., 1948, стр. 155.

⁶ E.A.N i d a. Morphology, 2 ed. Ann Arbor, 1965, стр. 102-106.

современную димотики, то можно сказать, что рассматриваться будет синтагматика и парадигматика следующих трех рядов сегментов.

1) *μου, μου, μέ; με, σου, σου, σέ, σε, του, του, της, της, τόν, του, την, την, τό, το, μάς, μας, σάς, σας, τους, τους, τίς, теs, τά, та* в их употреблении при глаголах и деепричастиях.

2) *νά, θά, άς, δέν, μήν* в их употреблении при глаголах и деепричастиях (при деепричастиях употребляется только *μήν*),

3) *μου, σου, του, της, μας, σας, τους, των* в их употреблении при существительных, субстантивированных словах и словосочетаниях и наречиях.

2. Члены ряда *μου, μου, μέ* в их употреблении при глаголах и деепричастиях по традиции считаются в грамматиках современной димотики "слабыми" формами косвенных падежей личных местоимений *εγώ* "я", *έσύ* "ты" и *αύτός* "он". Эти "слабые" формы местоимений считаются соотносящимися с "сильными" формами последних: *μου, μου, μέ, με* считаются соотносящимися с *εμένα*; *σου, σου, σέ, σε* – с *έσένα*; *του, του* – с *αύτού*; *της, της* – с *αύτης*; *τόν, τον* – с *αύτόν*; *την, την* – с *αύτην*; *τό, το* – с *αυτό*; *μάς, μας* – с *έμάς*; *σάς, σας* – с *έσάς*; *τους, τους* – с *αύτων* и *αύτούς*; *τίς, теs* – с *αύτέс*; *τά, та* – с *αύτά* ?

Этот взгляд отражается и в стандартной орфографии. В стандартном словоделении письменного текста эти сегменты выделяются с обеих сторон пробелами.

Кажется, однако, более вероятным, что члены ряда *μου, μου, μέ* являются не формами личных местоимений, а приглагольными личными показателями, имеющими статус морфем. Это подтверждают прежде всего единые для всех членов рассматриваемого ряда синтагматические характеристики – отсутствие самостоятельности употребления и полное отсутствие позиционной свободы. Ни один из членов этого ряда не появляется в речи без формы глагола или без деепричастия. Члены этого ряда могут появляться в речи возле глагольных форм или деепричастий либо по одному, либо по два. Как один такой сегмент, так и их пара должны находиться в контактной позиции по отношению к форме глагола или деепричастия. Рассматриваемые сегменты находятся в контактной препозиции при всех формах глагола неповелительных наклонений и в контактной постпозиции при всех формах повелительного наклонения, а также при деепричастии. Взаиморасположение двух сегментов – когда они появляются по два – стабильное (исключая те случаи, когда они появляются при формах второго лица повелительного

⁷ Νεοελληνική γραμματική (της δημοτικής). 'Αθ ηναί, 1941, стр. 286-287.

наклонения)⁸. Так, конструкция типа $\mu\acute{\epsilon}$ βλέπει 'он меня видит' может встречаться и в одиночку (в виде отдельной реплики, отдельного высказывания), и – с тем же смыслом – в сочетании с другими конструкциями в речевом потоке (можно сказать и $\mu\acute{\epsilon}$ βλέπει 'он видит меня', и δ πέτρος $\mu\acute{\epsilon}$ βλέπει $\kappa\alpha$ φεύγω 'Петрос видит, что я убегаю'), однако эта конструкция не состоит из частей, каждая из которых может встретиться в одиночку (нельзя, например, сказать просто $\mu\acute{\epsilon}$ 'меня'). Иными словами, конструкции типа $\mu\acute{\epsilon}$ βλέπει являются репликами, высказываниями, не делимыми хотя бы на две меньших реплики, на два меньших высказывания. Такие конструкции не допускают нормально ни отрыва своих составляющих друг от друга (нельзя сказать $\mu\acute{\epsilon}$ δ πέτρος βλέπει 'меня Петрос видит'), ни изменения взаиморасположения этих составляющих (нельзя сказать βλέπει $\mu\acute{\epsilon}$ 'он видит меня').

Далее, за то, что члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$ являются не формами личных местоимений, а приглагольными личными показателями, имеющими статус морфем, говорит слишком противоречивый характер парадигмы, включающей и "сильные" словоформы (члены ряда $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\epsilon}\nu\alpha$), и "слабые" словоформы (члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$). Неясно, прежде всего, в чем заключается "сила" членов ряда $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\epsilon}\nu\alpha$ и "слабость" членов ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$. С точки зрения диахронии, например, члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$ не могут рассматриваться как результат "ослабления" членов ряда $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\epsilon}\nu\alpha$, так как последние являются в большинстве своем более новыми, чем первые. С точки же зрения синхронии необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что "слабость" членов ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$ не есть "синтагматическая слабость". Это подтверждается следующим: а) в контактной позиции по отношению к глагольной форме может находиться "сильная" словоформа ($\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\nu\epsilon$ $\mu\iota\lambda\acute{\alpha}\varsigma$; 'ты мне говоришь?')⁹, б) "синтагматическая слабость" "сильных" словоформ имеет, как правило, иной вид ($\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\sigma\acute{\epsilon}\nu\alpha$), в) "синтагматическая слабость" присуща и "слабым" словоформам ($\mu\acute{\epsilon} \rightarrow \mu'$, $\mu-$; $\sigma\acute{\epsilon} \rightarrow \sigma'$, $\sigma-$). Затем, если ряд "слабых" словоформ со смысловой и функциональной точек зрения является единообразным, то считаемый соответствующим ему ряд "сильных" словоформ подобным единообразием не обладает. Так, если формы $\acute{\epsilon}\gamma\acute{\omega}$ и $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\upsilon}$ функционируют только как формы личных местоимений, то формы $\alpha\acute{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ функционируют и как формы личного местоимения, и как формы указательного местоимения; "сильные" словоформы могут иметь как эмфатизированное, так и не

эмфатизированное значение (например, в сочетаниях с предложениями). Наконец, значение "слабых" словоформ может не совпадать со значением считающихся соотнесенными с ними "сильных" словоформ (например, $\tau\omicron\upsilon$, του, $\tau\eta\varsigma$, της имеют значение дательного падежа как основное значение, в то время как считающиеся соотнесенными с ними "сильные" словоформы $\alpha\acute{\upsilon}\tau\omicron\upsilon$, $\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$ имеют в качестве основного значения значение родительного падежа). Все это заставляет сделать вывод, что между "сильными" словоформами с одной стороны и "слабыми" с другой нет ни четкого параллелизма, не четкой дистрибуции, и что объединение "сильных" и "слабых" словоформ в одну парадигму носит во многом искусственный характер. Странным, среди всего прочего, представляется то, что основой парадигмы, ее основными членами, сделаны словоформы, встречающиеся реже и употребляющиеся, как правило, лишь с целью эмфазы (то есть "сильные" словоформы), в то время как словоформы, встречающиеся чаще и употребляющиеся во всех обычных, неэмфатизированных случаях¹⁰ (то есть "слабые" словоформы) сделаны в парадигме разновидностями основных членов.

Все, изложенное выше, позволяет, как кажется, думать, что сегменты ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$ не являются формами личных местоимений и что орфография этих сегментов не отражает их действительного статуса. Действительный их статус, определяемый их синтагматическими характеристиками – это статус морфем, формирующих на синтагматическом уровне формы глагола новой (по сравнению с предыдущими периодами истории греческого языка) структуры. С переходом же на парадигматический уровень становится возможным говорить о наличии в рассмотренном идиоме современного греческого языка нового префиксально-суффиксального глагольного спряжения со старыми субъектными суффиксальными ($-\omega$, $-\epsilon\iota\varsigma$) и новыми объектными амбификсальными¹¹ ($\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$) личными показателями.

3. $\acute{\nu}\alpha$, $\theta\acute{\alpha}$, $\acute{\alpha}\varsigma$, $\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\mu\eta\nu$ в их употреблении при глаголах и деепричастиях по традиции считаются в грамматиках современной димотики неизменяемыми словами, относимыми к разным, частично перекрещивающимся, классам – наречиям, союзам, частицам¹².

Взгляд на $\acute{\nu}\alpha$, $\theta\acute{\alpha}$, $\acute{\alpha}\varsigma$, $\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\mu\eta\nu$ как на слова отражается в стандартной орфографии. В стандартном словоделении письменного текста эти сегменты выделяются с обеих сторон пробелами.

⁸ См. Νεοελληνική γραμματική, стр. 287, 291, 'Α. 'Α. Τ ζ ά ρ τ ζ α-ν ο ς. Νεοελληνική σύνταξις (της κοινής δημοτικής), 2 έκδ., ΙΙ. 'Αθήναι, 1963, стр. 271-273.

⁹ A. M i r a m b e l. Anthologie de la prose néo-hellénique, 2 éd. Paris, 1962, стр. 241.

¹⁰ Ср. Νεοελληνική γραμματική, стр. 287.

¹¹ Термин предложен Л. Ньюмарком для албанских аналогов членам ряда $\mu\omicron\upsilon$, μου, $\mu\acute{\epsilon}$ (См. L. N e w m a r k. Structural Grammar of Albanian, Indiana University Publications, Slavic and East European Series, v. 8, Bloomington, 1957.

¹² Νεοελληνική γραμματική, стр. 382, 399.

Кажется, однако, более вероятным, что α , $\theta\acute{\alpha}$, $\alpha\varsigma$, $\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\mu\acute{\eta}\nu$ являются не словами, а частями глагольных форм, имеющими статус морфем. Для всех членов рассматриваемого ряда характерны единые синтагматические характеристики – отсутствие самостоятельности употребления и полное отсутствие позиционной свободы (эти синтагматические характеристики аналогичны синтагматическим характеристикам членов ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$). Ни один из пяти рассматриваемых сегментов (если их отличать от их омонимов) не появляется в речи вне сочетания со спрягаемой формой глагола или деепричастием. Эти сегменты могут появляться в речи возле глагольных форм или деепричастий либо по одному, либо по два. Как один такой сегмент, так и их пара должны находиться в контактной препозиции по отношению к форме глагола (одной или в сочетании с членами ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$) или по отношению к деепричастию. Взаиморасположение двух сегментов – когда они появляются по два – стабильное¹³. Так, конструкция типа $\delta\acute{\epsilon}\nu \theta\acute{\alpha} \kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ 'я не буду смотреть' может встречаться и в одиночку (в виде отдельной реплики, отдельного высказывания), и – с тем же смыслом – в сочетании с другими конструкциями в речевом потоке, но эта конструкция не состоит из частей, каждая из которых может встретиться в одиночку (нельзя, например, сказать просто $\delta\acute{\epsilon}\nu \theta\acute{\alpha}$ или $\delta\acute{\epsilon}\nu$). Иными словами, конструкции типа $\delta\acute{\epsilon}\nu \theta\acute{\alpha} \kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ являются репликами, высказываниями, не делимыми хотя бы на две меньших реплики, на два меньших высказывания. Такие конструкции не допускают ни отрыва своих составляющих друг от друга (нельзя сказать $\delta\acute{\epsilon}\nu \theta\acute{\alpha} \mu\acute{\epsilon}$ $\kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ 'я не буду больше смотреть'), ни изменения взаиморасположения этих составляющих (нельзя сказать $\delta\acute{\epsilon}\nu \kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega \theta\acute{\alpha}$ или $\theta\acute{\alpha} \delta\acute{\epsilon}\nu \kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$).

Можно, поэтому, думать, что сегменты α , $\theta\acute{\alpha}$, $\alpha\varsigma$, $\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\mu\acute{\eta}\nu$ не являются словами и что орфография этих сегментов не отражает их действительного статуса. Действительный их статус, определяемый их синтагматическими характеристиками – это статус морфем, формирующих на синтагматическом уровне словоформы новой структуры. Перейдя же на парадигматический уровень, становится возможным говорить, что эти сегменты являются частями глагольных основ – ввиду того, что они не передают значения лица – и следовательно возможным говорить о наличии в рассмотренном идиоме современного греческого языка новых глагольных основ (основ со значением будущности – $\theta\acute{\alpha}$ $\gamma\rho\alpha\phi$ – 'писать в будущем', $\theta\acute{\alpha}$ $\gamma\rho\alpha\phi$ – 'написать в будущем', основ со значением отрицательности – $\delta\acute{\epsilon}\nu$ $\gamma\rho\alpha\phi$ – 'не писать в настоящем', $\delta\acute{\epsilon}\nu$ $\beta\rho\eta\kappa$ – 'не найти в прошедшем' и т.д.).

¹³ Νεοελληνική γραμματική, стр. 376; 'Α. Α. Τζάρτζανος, Νεοελληνική σύνταξις, II, стр. 270–272.

4. Члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ в их употреблении при существительных, субстантивированных словах и словосочетаниях и наречиях по традиции считаются в грамматиках современной димотики (как и члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$) "слабыми" формами косвенных падежей личных местоимений $\acute{\epsilon}\gamma\omega$ "я", $\acute{\epsilon}\sigma\upsilon$ "ты" и $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ "он". $\mu\omicron\upsilon$ считается соотносящимся с "сильной" словоформой $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\sigma\upsilon$ – с "сильной" словоформой $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\epsilon}\nu\alpha$, $\tau\omicron\upsilon$ – с "сильной" словоформой $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$, $\tau\eta\varsigma$ – с "сильной" словоформой $\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$, $\mu\alpha\varsigma$ – с "сильной" словоформой $\acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}\varsigma$, $\sigma\alpha\varsigma$ – с "сильной" словоформой $\acute{\epsilon}\sigma\alpha\varsigma$, $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ и $\tau\omega\upsilon$ – с "сильной" словоформой $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$ ¹⁴.

Взгляд на члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ как на словоформы отражается в стандартной орфографии. В стандартном словоделении письменного текста эти сегменты выделяются с обеих сторон пробелами.

Кажется, однако, более вероятным, что члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ являются не формами личных местоимений, а омонимичными отдельным членам ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$ сегментами с каким-то иным статусом. На эту мысль наводит прежде всего отсутствие у них самостоятельности употребления.

Другие синтагматические характеристики членов ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ зависят от того, с чем они употреблены.

В принаречном употреблении у членов ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ полностью отсутствует позиционная свобода. Появляясь в речи в качестве сопровождающего наречия, каждый из членов этого ряда должен находиться в контактной постпозиции по отношению к последнему ($\mu\propto\rho\omicron\sigma\acute{\alpha}$ $\mu\omicron\upsilon$ 'передо мной', $\mu\omicron\tau\acute{\epsilon}$ $\mu\omicron\upsilon$ 'я никогда'¹⁵). Такую же синтагматическую характеристику имеют члены этого ряда, появляясь в речи в качестве сопровождающего лишенных каких-либо определений (кроме артикля) имени существительного, субстантивированного слова или субстантивированного словосочетания ($\tau\acute{o}$ σ' $\acute{\delta}\gamma\alpha\lambda\acute{\iota}\omega$ $\sigma\upsilon$ 'твое "я люблю тебя"').

Но если члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ появляются в речи в качестве сопровождающего имеющих какие-либо определения (помимо артикля) имени существительного, субстантивированного слова или субстантивированного словосочетания, то есть если члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\upsilon$ появляются в речи в качестве сопровождающих группу имени существительного, группу субстантивированного слова или группу субстантивированного словосочетания, у них появляется ограниченная позиционная свобода. Так, $\mu\omicron\upsilon$ появляясь в речи в качестве сопровождающего δ $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ 'хороший друг', может занять два места (можно сказать и δ $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ $\mu\omicron\upsilon$ $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ 'мой хороший друг', и δ $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ $\mu\omicron\upsilon$ 'мой хороший

¹⁴ Νεοελληνική γραμματική, стр. 286–287, 292.

¹⁵ Ср. 'Α. Α. Τζάρτζανος, Νεοελληνική σύνταξις (της κοινής δημοτικής), 2 έκδ., I. 'Αθήναι, 1946, стр. 116–119.

друг')¹⁶. Нельзя, однако, ни оторвать μου от ὁ καλὸς φίλος (нельзя сказать ὁ καλὸς φίλος ἦρθε μου), ни поместить μου в какое-либо третье место при ὁ καλὸς φίλος (нельзя сказать, например, ὁ μου καλὸς φίλος).

Объединение членов ряда μου, σου в одну парадигму с членами ряда ἐμένα, ἐσέμε столь же мало оправдано, сколь и объединение в одну парадигму с последними членов ряда μου, μου, μέ. Об этом уже говорилось выше.

Можно, поэтому, думать, что члены ряда μου, σου не являются формами личных местоимений и что орфография этих сегментов не отражает их действительного статуса. Однако тот факт, что у этих сегментов есть ограниченная позиционная свобода, не позволяет считать, что у них есть статус морфем. Возможно, очевидно, говорить лишь о полусловоформах-полупоказателях со значением притяжательности, омонимичных амбификсальным объектным личным показателям – членам морфемного ряда μου, σου, μέ. Так как отдельное имя существительное, субстантивированное слово или субстантивированное словосочетание можно считать частным случаем группы имени существительного, группы субстантивированного слова или группы субстантивированного словосочетания, то можно рассматривать члены ряда μου, σου как групповые полусловоформы-полупоказатели. Поскольку же на синтагматическом уровне члены ряда μου, σου выступают как групповые полусловоформы-полупоказатели, нельзя при переходе на парадигматический уровень говорить о наличии в рассмотренном идиоме современного греческого языка притяжательного словоизменения.

Показательно, что один из новогреческих ученых – И. Какридис – пытался в своей орфографической системе отразить не-словоформный статус членов ряда μου, σου, когда писал το νόμα-του 'его название', στη δημόσια ζωή-μας 'в нашей общественной жизни' и т.д.¹⁷

5. Подводя итог всему вышеизложенному, представляется, как кажется, возможным не без основания полагать, что в современной димотики на синтагматическом уровне (на уровне речи) имеются, во-первых, словоформы нового типа, а во-вторых синтагмы, включающие в свой состав полусловоформы-полупоказатели со значением притяжательности, на парадигматическом же уровне (на уровне языка) в ней имеются, во-первых, новое, субъектно-объектное спряжение, а во-вторых глагольные основы нового типа.

6. Выше уже говорилось, что рассмотренные три группы сегментов присутствуют практически во всех идиомах греческого языка нового

¹⁶ 'Α. 'Α. Τ ζ ά ρ τ ζ α ν ο ς. Νεοελληνική σύνταξις, II, стр. 278.

¹⁷ S. A n t o n i a d i s. Het nieuw-griekse leerboek. Utrecht, стр. 309.

времени (это, разумеется, не означает, что их фонетический облик во всех идиомах абсолютно одинаков).

Во втором ведущем сейчас в Греции письменном языке – простой кафаревусе – все рассмотренные выше сегменты имеют те же самые синтагматические характеристики, что и в современной димотики¹⁸. Такие же синтагматические характеристики имеют рассмотренные выше сегменты и в новогреческом койне¹⁹. Можно, поэтому, полагать, что и в простой кафаревусе, и в новогреческом койне налицо глагольные формы нового типа, синтагмы, включающие в свой состав полусловоформы-полупоказатели со значением притяжательности, новое субъектно-объектное спряжение, глагольные основы нового типа.

Что касается новогреческих диалектов, то не во всех из них все рассмотренные выше сегменты имеют те же самые синтагматические характеристики, что и в современной димотики.

Те же самые синтагматические характеристики, что и в современной димотики, рассмотренные выше сегменты имеют в большинстве так называемых западных новогреческих диалектов. Греки, говорящие на этих диалектах, живут к западу от диалектной границы, проходящей приблизительно по 44 меридиану, – на Балканском полуострове, на находящихся в непосредственной близости от Балканского полуострова островах и в Южной Италии²⁰. Ниже дан ряд примеров словоформ нового типа из западных новогреческих диалектов²¹.

морайтский: δὲ μάς ἀφήνανε 'нам не давали', ἂν σοῦ τὰ μολοήσω 'мне рассказать тебе об этом';

маниатский: τὸν κρούει 'его бьет', ἂν τὴν ἐβγάλωμ 'чтобы мы ее вынули';

эфтанисиотский: δὲν τὸ πίνω 'я не пью ее', ἂν φτάσωμε '(пока) мы достигли';

мегароэгинитский: δὲ σοῦ κάμει 'не делает тебе', ἂν λέη 'как говорит';

¹⁸ 'Α. 'Α. Τ ζ ά ρ τ ζ α ν ο ς. Γραμματικὴ τῆς νέας ἑλληνικῆς γλώσσας (τῆς ἀπλῆς καφαρευούσης), 2 έκδ. 'Αθήναι, 1954, стр. 80–81, 83, 157, 159; Δ. Ν. Μ ο ν ο γ υ ι ὀ ς, Β. 'Ε. Μ ο σ κ ὀ β η ς, 'Ε. Γ. Π ρ ε β ε λ ᾶ κ η ς, Γ. Σ. Φ υ λ α κ τ ὀ π ο υ λ ο ς. Συντακτικὸν τῆς νέας ἑλληνικῆς γλώσσας, I. Ἀθήναι, 1969, стр. 48, 124, 157.

¹⁹ Γ. Μ π α μ π ι ὠ τ η ς, Π. Κ ο ν τ ὀ ς. Συγχρονικὴ γραμματικὴ τῆς κοινῆς νέας ἑλληνικῆς. 'Αθήναι, 1967, стр. 9–10, 18, 37.

²⁰ Μ. 'Τ ρ ι α ν τ α φ υ λ λ ῖ δ η ς. Νεοελληνικὴ γραμματικὴ, I, Ἀθήνα, 1938, стр. 66–68.

²¹ Здесь и далее диалектные примеры взяты из текстов, приведенных в Μ. 'Τ ρ ι α ν τ α φ υ λ λ ῖ δ η ς, Νεοελληνικὴ γραμματικὴ, I, стр. 235–308.

румелиотский: τς τοῦ δῶν 'даёт ей его', νὰ τοῦ κοῦλ 'μῆρσ' 'что-бы он погрузил его в купель';

ипиротский: δὲ θὰ μὴ βρῆτι 'вы меня не найдете', νὰ μὴ μ' ἀφῆνιτι 'не отпускайте меня';

фессалийский: δὲ σ' ἤλιγα 'я не говорила тебе', νὰ γένε 'чтобы он стал';

македонский: δὰ τοῦ κάμου 'я ему сделаю', νὰ μὴ τοῦ χαρίσῃ 'пусть дарует мне это';

фракийский: μὲ γέτε 'сказал мне', νὰ μὲ τὸ πῆς 'сказать мне это';

самофракиотский: ἀὰ τοῦ χαβάς 'ты его испортишь', νὰ μὴ ντοῦν γιῖα 'чтобы над ним не смеялся';

скирианский: δὲν ντιν ἄφνε 'не отпускал ее', νὰ μᾶς λέφης 'дошли нам';

бовецкий: ἐν τὸ λαίρω 'я не беру его', νὰ γιωμασῆ 'наполнить';

отрантинский: ἐ τῆ σούρω 'я ее не вытаскиваю', νὰ μὴ τὸ φσε-ρουνε 'чтобы они его не понимали'.

Но в восточных новогреческих диалектах и в некоторых западных диалектах члены ряда μου, μου, μέ не обладают такой синтагматической характеристикой, как полное отсутствие позиционной свободы по отношению к сопровождаемым ими словоформам (позиционная свобода у членов этого ряда проявляется здесь по-разному²²). Поэтому нельзя говорить о наличии в таких диалектах словоформ с объектными личными показателями, а следует говорить о наличии в них синтагм, включающих в свой состав объектные личные полусловоформы-полуказатели. Ниже дан ряд примеров таких синтагм из диалектов, в которых нет словоформ с объектными личными показателями:

кикладокритский: δὲ τῆ θέλω 'я не хочу ее' - δὲν ἔχομε τες 'мы не имеем их';

критский: τὴν ἔκαμε 'ее сделал' - δοῦβει τοῦ το 'даёт ему его';

хиотский: σοῦ τὸ γνέφανε 'тебе это подсказали' - βλέπετέν τον 'видите его';

калимниотский: ἔσ σ' ἔσει 'не имеет тебя' - πῆρε σ' 'взял тебя';

котский: μου κλοῦθηξε 'последовала за мной' - ἤφερᾶ σου 'я принес тебе';

карпафиотский: τοῦ λέει 'говорит ей' - ρίχτω τη 'я бросаю его';

киприотский: μου τὴν παίρνει 'берет у меня ее' - παίρνει τοῦ το 'берет у него это';

²² A. M i r a m b e l. Dialectes néo-helléniques et syntaxe, Bulletin de la Société de linguistique de Paris, LVIII, 1. Paris, 1963, стр. 98-103.

силиотский: ρὲν τς ἦν ἀγάπησι 'не полюбила ее' - 'αν' οἰζ' εἰ του 'открывает ему';

каппадокийский: τὰ πῆρε 'взял их' - ἀκουσά τα 'я услышал их';

понтский: τὸ θέλ' 'желает это' - βοηθοῦνε με 'помогают мне'.

Что касается сегментов νὰ, θὰ, ἄς, δὲν, μὴ и членов ряда μου, σου, то они и в тех новогреческих диалектах, в которых нет словоформ нового типа, имеют те же синтагматические характеристики, что и в современной димотики.

7. Из рассмотренных выше новых явлений греческого языка - синтагм с полусловоформами-полуказателями притяжательности, глагольных основ нового типа и субъектно-объектного спряжения - последнее является наиболее поздним. Данные истории греческого койнэ нового времени показывают, что современные словоформы с объектными личными показателями появились в этом идиоме новогреческого языка в конце XVII - начале XVIII в. на базе предшествовавших им синтагм с объектными личными полусловоформами-полуказателями. До конца XVII - начала XVIII в. члены ряда μου, μου, μέ имели в греческом койнэ те же синтагматические характеристики, которые они имеют в восточных и некоторых западных новогреческих диалектах: отсутствие самостоятельности употребления и ограниченную позиционную свободу. Так, в текстах XVII в. находятся με ἔβαλεν 'он меня заставил' и λεγει μου 'он говорит мне', τὸν ἔβλεπαν 'они его видели' и εἶπέν του 'он сказал ему', τὰ ἔγραψαν 'они написали их' и ἔγραψέν του 'он написал его'²³. В конце же XVII - начале XVIII в. члены ряда μου, μου, μέ в греческом койнэ приобрели новую синтагматическую характеристику - лишились полностью позиционной свободы - и стали объектными личными показателями. В части новогреческих диалектов эти сегменты также изменили свой статус, но есть немало и таких диалектов, где их статус остался прежним.

Поскольку появление в ряде идиом греческого языка нового времени новых, объектных личных показателей не влекло за собой исчезновение старых, субъектных суффиксальных личных показателей, можно сказать, что новое, субъектно-объектное суффиксально-префиксальное спряжение возникло как расширение старого, субъектного суффиксального спряжения. Этим новое спряжение греческого языка существенно отличается от нового спряжения французского языка.

Глагольные основы нового типа появились в греческом языке гораздо раньше субъектно-объектного спряжения. Это подтверждается тем, что уже в текстах XII-XIV в. такие сегменты, как νὰ и δὲν имеют те же синтагматические характеристики, какие они имеют во

²³ M. A. T p i α ν τ α φ υ λ λ ι δ η ς. Νεοελληνική γραμματική, I, стр. 344, 328, 330.

всех идиомах греческого языка нового времени ($\nu\acute{\alpha}$ ζῶ 'чтобы я жил', $\epsilon\tilde{\nu}$ ἤλπορεῖς 'ты не можешь'²⁴).

Интересно отметить, что с XII–XIV в. члены ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$, появляясь в речи как непосредственно связанные по смыслу с новыми глагольными основами, имеющими в своем составе сегмент $\nu\acute{\alpha}$, почти всегда ставились непосредственно после этого сегмента ($\nu\acute{\alpha}$ τὰ ἔχη 'чтобы он их имел'²⁵), то есть оказывались в таком случае почти лишенными позиционной свободы. Возможно, что именно конструкции с $\nu\acute{\alpha}$ и членами ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$ послужили отправной точкой при формировании нового, субъектно-объектного спряжения.

Столь же (если не более) древними, как и глагольные основы нового типа, являются синтагмы с полусловоформами-полуказателями притяжательности. Они также засвидетельствованы в текстах XII–XIV в. ($\mu\omicron\tau\acute{\epsilon}$ τοῦ 'он никогда'²⁶).

8. В заключение посмотрим, какие синтагматические характеристики в других балканских языках имеют сегменты, аналогичные рассматривавшимся выше греческим сегментам.

Группе сегментов $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$ аналогичны в болгарском группа сегментов ми, ме, в сербскохорватском – группа сегментов ми, ме, в македонском – группа сегментов ми, ме, в румынском – группа сегментов îmi, mă, в албанском – группа сегментов më. В македонском, румынском и албанском сегменты, аналогичные членам ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$, не имеют ни самостоятельного употребления, ни позиционной свободы²⁷. Поэтому можно допустить наличие в македонском, румынском и албанском языках субъектно-объектного спряжения. Что же касается болгарского и сербскохорватского, то здесь сегменты, аналогичные членам ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\acute{\epsilon}$, не имея самостоятельного употребления, имеют ограниченную позиционную свободу²⁸ (ср. положение в восточных новогреческих диалектах и в новогреческом койне до конца XVII – начала XVIII века). Поэтому в болгарском и сербскохорватском языках можно допустить наличие лишь синтагм с объектными личными полусловоформами-полуказателями.

²⁴ Там же, стр. 206, 209.

²⁵ М. ' Τ ρ ι α ν τ α φ υ λ λ ι β η ς, Νεοελληνικὴ γραμματικὴ, I, стр. 208.

²⁶ Там же, стр. 206.

²⁷ Ср. Г.А. Цыху н. Синтаксис местоименных клитик в южно-славянских языках. Минск, 1968; Т.А. Репина. Румынский язык. М., 1968, стр. 61–62; Краткий албанско-русский словарь, М., 1951, стр. 486.

²⁸ Ср. примеры: Г.А. Цыху н. Указ. соч., и В.П. Гудков. Сербскохорватский язык. М., 1969, стр. 96.

Отдельным сегментам второго из трех рассмотренных выше рядов греческих сегментов, а именно сегментам $\nu\acute{\alpha}$ и $\theta\acute{\alpha}$, имеются аналоги во всех балканских языках (ср. болгарское да, ще, сербскохорватское да, македонское да, ке, румынское să, албанское të, do të). Все эти аналоги не имеют ни самостоятельного употребления, ни позиционной свободы. Можно, поэтому, допустить наличие во всех балканских языках глагольных основ нового типа.

Наконец, членами ряда $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\omicron\upsilon$ имеются аналоги только в болгарском (ми, ти), сербскохорватском (ми, ти) и македонском (ми, ти). В румынском и албанском аналогов членам этого ряда нет. Следовательно, наличие синтагм с полусловоформами-полуказателями притяжательности можно допустить лишь для болгарского, сербскохорватского и македонского языков.

Обобщая все сказанное о балканских аналогах членам рассмотренных выше трех рядов греческих сегментов, можно предположить, что одной из характерных черт балканского языкового союза является наличие во всех составляющих этот союз языках, во-первых, глагольных основ нового типа, а, во-вторых, далеко продвинувшейся тенденции к созданию новых синтетических форм – словоформ субъектно-объектного спряжения – на базе синтагм с объектными личными полусловоформами-полуказателями.

К ТИПОЛОГИИ ИНФИНИТИВА В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Особенности категории инфинитива в балканских языках представляют значительный интерес с точки зрения общей типологии инфинитива — как синхронной, так и диахронической; последний аспект связан со сравнительно-историческим изучением эволюции инфинитива, в частности, в индоевропейских языках.

Инфинитив (например, в русском языке) рассматривали вслед за Карцевским¹ как нулевой, полностью немаркированный член системы глагола. Инфинитив считался "простым голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями"², это — "действие, представленное безлично в виде абстракции"³; поэтому инфинитив лишен обычно грамматических признаков сказуемых форм. Соответственно, например, в кетском языке под инфинитивом понимается особое глагольное слово, являющееся именем действия и лишенное показателей времени, лица и числа субъекта действия⁴. Так же объясняется и тот "отрицательный признак — отсутствие показателей настоящего времени"⁵, благодаря которому в общеславянском инфинитив позднее соотносится с аористом⁶.

На признании полностью немаркированного характера инфинитива, свободного от выражения синтагматических отношений, основывалось предположение о том, что и в динамике (например, в случае афазии) должна наблюдаться тенденция к увеличению употребительности инфинитива за счет других форм⁷. Но почти во всех подобных случаях речь идет о замене инфинитивом личных форм глагола в составе элементарных ядерных (базисных) конструкций языка, например, *Mademoiselle courire* 'Барышня бежит' в языке глухонемого⁸. Соответствующие явления можно было бы связать с наличествующей при определенных видах афазии тенденцией к аграмматическому уменьшению роли глагола; поэтому инфинитив, ближе всего стоящий к имени, распространяется в телеграфном стиле за счет личных форм глагола, ср. в речи больных, исследованных автором, примеры, где инфинитивные формы появляются в большем количестве наряду с личными: Они работают эту штучку. Как включить, как перевести, сколько вывести... Работать, работать. Добавлять, добавлять, писать я ... пишет ... тетрадь⁹.

От этих фактов, существенных для определения роли инфинитива в элементарных конструкциях, по своей сути отличны явления, связанные с функционированием инфинитива в качестве семантического эквивалента придаточного предложения. На основании этих последних делается вывод о трансформационном характере инфинитива, имеющего высокий иерархический ранг и занимающего соответственно периферийное положение в системе¹⁰. При склеивании в одно предложение двух ядерных конструкций, одна из которых в глубинной структуре рассматривается как подчиненная по отношению к другой, может осуществляться номинализация подчиненной конструкции, частным случаем которой иногда считается введение в поверхностной структуре инфинитивного оборота¹¹. Однако ввиду того, что инфинитив как таковой в известной мере нейтрален по отношению к модальности¹², в тех случаях, где модальность подчиненной конструкции не выводится однозначно из мо-

¹ S. K a r c e v s k i. Système du verbe russe. Prague, 1927, стр. 18, 158.

² А. М. Пешковски Й. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 143.

³ I. P o l d a u f. Děj v infinitivu. "Slovo a slovesnost", 20, 1959, стр. 201.

⁴ Э. И. Белимов. Способы выявления инфинитива в кетском языке. "Языки и топонимия Сибири", V, Томск, 1972, стр. 68.

⁵ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 193.

⁶ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 104–105. — Ср. Б. М. Г а с п а р о в, П. С. С и г а л о в. Сравнительная грамматика славянских языков. II. Тарту, 1974, стр. 437–442.

⁷ R. J a k o b s o n. Zur Struktur des Russischen Verbumb. "Selected Writings", II. The Hague-Paris, 1971, стр. 14.

⁸ H. D e l a c r o i x. Le langage et la pensée. Paris, 1924, стр. 562–563, n. 3.

⁹ См. В. В. Иванов: Лингвистика и изучение афазии. "Структурно-типологические исследования", М., 1962, стр. 85. — Характерно, что личные формы тех же глаголов, выступающие в этих случаях рядом с инфинитивами, лишены правильных форм лица (я... пишет при писать) и правильного управления (работают... штучку при работать).

¹⁰ J. K u r i Ź o w i c z. The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964, стр. 158–170.

¹¹ Ср. Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка), М., 1974, стр. 194.

¹² Ср. там же, стр. 200, пример 2 и комментарий к нему.

дальности подчиняющей, инфинитивные трансформации оказываются менее ясными по сравнению с такими трансформациями, благодаря которым в подчиненной конструкции в личной форме выражена модальность как таковая. Эти теоретические соображения хорошо согласуются с данными тех балканских языков и языков прилегающих ареалов (в частности, жжно-итальянских диалектов), где после глагола со значением 'мочь' в подчиняющей конструкции возможен и инфинитив в подчиненной конструкции, тогда как после глагола со значением 'хотеть' в подчиняющей конструкции во всех языках балканского языкового союза употребляется подчиненная конструкция с личной формой глагола в косвенном наклонении подчиненной конструкции¹³. То обстоятельство, что аналогичное семантико-синтаксическое различие двух типов поверхностных структур подчиненной конструкции (с союзом *quod* и с сослагательным наклонением) в зависимости от семантики глагола подчиняющей конструкции обнаруживается и в латинском языке, говорит, по-видимому, не об отражении в румынском соотношений, унаследованных от общероманского состояния¹⁴, а об общезыковых предпосылках рассматриваемого семантического противопоставления¹⁵. Можно указать, следовательно, такой тип подчиненных конструкций, для которого замена инфинитива личными формами глагола в косвенном наклонении представляется семантически закономерной с точки зрения порождающей грамматики. Последовательное устранение в балканских языках инфинитива и в других типах подчиненных конструкций (ср., например: рум. *fata lucra fără să vorbească* 'девочка работала не разговаривая' при ит. *la ragazza lavorava senza parlare*, фр. *la jeune fille travaillait sans parler*¹⁶) можно считать косвенным подтверждением гипотезы, по которой речь идет об устранении в балканских языках

13 M. I l i e s c u. Encore sur la perte de l'infinifit en roumain.- "Actes du premier congrès International des études balkaniques et Sud-Est européennes". VI. Linguistique. Sofia, 1968, стр. 115-116.

14 Там же, стр. 117-118; ср. A. R o s e t t i. Cu privire la tendenta încoluirii infinitivului cu conjunctivul în limba româna. "Studii și cercetări lingvistice", anul XXIII, 1972, N 3, стр. 308, n. 10.

15 Ср. также в этой связи В. Б. Р о з е н ц в е й г. Инфинитивные конструкции и балканские языковые контакты. "Slavia", 1969, N 2.

16 K. K a z a z i s. On a generative grammar of the Balkan languages. "Foundations of Language", 3, 1967, стр. 117-123.
Ср. также Н. В и р н б а у м. Problems of typological and genetic linguistics viewed in a generative framework. The Hague-Paris, 1970, стр. 54-56.

инфинитивной номинализации при склеивании двух ядерных конструкций, одна из которых в глубинной структуре подчинена другой.

Из более отдаленных параллелей к соотношению инфинитивных и личных модальных (конъюнктивных) форм глагола в балканских языках можно указать на развитие новоегипетского и котского конъюнктива, обычно продолжающего в последующих (подчиненных) предложениях глагольную форму сказуемого предшествующего предложения. Согласно гипотезе Гардинера¹⁷, принятой и многими другими учеными¹⁸, эти конъюнктивные формы развились из среднеегипетских сочетаний предлога *hn'* с инфинитивом (к семантике предлога *hn'* 'с' ср. любопытную аналогию в алб. *me 'c'*, предположительно связываемом с *me* в албанском инфинитиве типа *me ba*). Согласно Гардинеру, в текстах можно найти следы следующих этапов развития:

- 1) *hn' šdm* 'со слушанием' (буквально 'слушать')
- 2) *hn' šdm ntk* 'со слушанием тебя' (= 'твоим')
- 3) *hn' ntk šdm* 'вместе с твоим (=тебя) слушанием'
- 4) *ntk(-mtw.k) šdm* '(что) ты (бы) слушал' (новоегипетский конъюнктив).

Исключительный интерес для типологического сопоставления с балканскими фактами представляют те новоегипетские предложения, где конъюнктивные формы продолжают инфинитив, употребленный только в первой из нескольких конструкций, ср. из примеров, собранных акад. М. А. Коростовцевым¹⁹: *smi, p3j.f pt...mtw.f htm n3j.f sb3 r-h3t.f mtw.f t3 w^c inr wtw.f s3 n3j.f sb3 mtw. tw di rmtj hr rs N* 'Обвинение (p3j.f pt) против него... (возведенное Неферхотепом связано с тем) что он (Неферхотеп) закрыл (*mtw.f htm* - конъюнктив) дверь перед ним и в том, что тот (преступник - Пенеб) взял (*mtw.f t3* - конъюнктив) камень и разбил (*mtw.f s3* - конъюнктив) дверь перед ним и тогда поставили (*mtw.tw di* - безличная форма конъюнктива) людей сторожить Неферхотепа'. Из этого примера хорошо видно, что в отличие от первой инфинитивной формы (выступающей в конструкции с определяющим словом, типичной для имени) для каждой из форм конъюнктива существенно то, что она соотносится с разными субъектами. Поэтому та мотивировка употребления именно конъюнктива, а не

17 A. G a r d i n e r. An Egyptian split infinitive and the origin of the Coptic conjunctive sense. "Journal of Egyptian archeology", v. 14, 1928, стр. 86-89.

18 Č e r n ý. On the origin of the Egyptian conjunctive.-"Journal of Egyptian archeology", vl. 35, 1949, стр. 25 и сл. М. К о - р о с т о в т с е в. Grammaire du neo-egyptien. Moscou, 1973, стр. 329.

19 М. К о р о с т о в т с е в. Указ. соч., стр. 332-333.

инфинитива, которая связана с возможностью употребления различных субъектов в каждом из соединяемых предложений, остается в силе и здесь.

Ср. из других новоегипетских примеров, где конъюнктив употребляется вслед за инфинитивом: $\text{ḫ} \text{w} \text{nwj} \text{t} \text{zj.t} \text{mhi} \text{'n} \text{rmt} \text{wtw.tw} \text{di.tw} \text{sḫ.w} \text{wc} \text{m} \text{ar}$ 'Это заслуживало бы того, чтобы собрали людей твоей семьи и чтобы позвали (безличный конъюнктив) крокодила'.

К новоегипетским конъюнктивным формам этого типа восходит коптский конъюнктив, при употреблении которого не обязательно тождество субъекта подчиненной конструкции с конъюнктивом субъекту подчиняющей конструкции²⁰, ср. $\text{tetinwōḥ} \text{se} \text{takō} \text{nētīn} \text{ebol} \text{īmpirro}$ 'так вы хотите, чтобы я отпустил вам царя' (соответствует греч. $\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\omicron\theta\epsilon \text{ o}\ddot{\upsilon}\nu \text{ } \lambda\omicron\lambda\upsilon\tau\omega \text{ } \delta\mu\acute{\iota}\nu \text{ } \tau\acute{\omicron}\nu \text{ } \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\alpha$ (Евангелие от Иоанна, 18, 39), $\text{īna}\ddot{\iota}\text{r} \text{u} \text{takl}\ddot{\epsilon}\text{ronomei}$ 'что я должен сделать, чтобы унаследовать' (соответствует греч. $\tau\acute{\iota} \text{ } \rho\omicron\iota\eta\tau\acute{\alpha}\varsigma \dots \text{ } \kappa\lambda\pi\rho\nu\omicron\nu\acute{\omicron}\eta\tau\omega$. Евангелие от Луки, 10, 25); в обоих случаях вероятно синтаксическое воздействие греческого оригинала²¹.

Поскольку развитие как в балканских языках, так и в новоегипетском, можно описать как вытеснение инфинитива в части конструкций синонимическими модальными формами, к тому же кругу явлений можно отнести и редкость предикативного употребления инфинитивных конструкций в тохарском, в этой функции вытесняемых отглагольными именами на -1-, часто имеющими в тохарском модальное значение. В медицинских фрагментах на кучанском ("тохарском В") языке рядом используются в предикативной функции инфинитивные формы на -1, причем писец отдает явное предпочтение этим последним²², ср. $\text{r}\ddot{\alpha}\text{k}\ddot{\epsilon}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\epsilon} \text{ḡ}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\upsilon}\text{r}\ddot{\epsilon} \text{lip}\ddot{\alpha}\text{tsi}$ 'Это надо сварить (модальная форма на -1), масло оставить (инфинитив)'; ... $\text{ḡ}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\upsilon}\text{r}\ddot{\epsilon} \text{ḡ}\text{eme} \text{r}\ddot{\alpha}\text{k}\ddot{\epsilon} \text{malkw}\ddot{\epsilon}\text{r}\ddot{\epsilon}\text{wa} \text{r}\ddot{\alpha}\text{k}\ddot{\epsilon}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\epsilon} \text{se} \text{ḡ}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\upsilon}\text{r}\ddot{\epsilon} \text{r}\ddot{\alpha}\text{s}\ddot{\alpha}\text{ne} \text{wan}\ddot{\alpha}\text{r}\ddot{\alpha}\text{tsi} \text{te} \text{no} \text{s}\ddot{\alpha}\text{r} \text{tsuw}\ddot{\alpha}\text{s}\ddot{\alpha}\text{l}\ddot{\epsilon}$ '... масло в равных долях с молоком надо варить (модальная форма на -1), это масло в грудь втирать (инфинитив); это же однако надо сверху добавить' (модальная форма на -1). Приведенные тохарские тексты представляют интерес в двух отношениях. Во-первых, в них и те формы инфинитива, которые сохраняются в предикативной функции, приобре-

тают модальное значение форм на -1; в качестве одной из многочисленных типологических параллелей можно указать на модальное употребление русских форм инфинитива на -ти, -ть (возможно, родственных тохарским на -tsi), в том числе и в предписаниях типа цитированных тохарских²³. Поэтому можно высказать гипотезу, что в тех языках, где инфинитив не вытесняется (или не полностью вытесняется) модальными формами, он сам в известной мере приобретает модальное значение.

Во-вторых, с точки зрения типологии семантической эволюции форм, имеющих общее индоевропейское происхождение, существенно то, что тохарские формы на -1 соответствуют формам, также имеющим наряду с другими функциями модальное значение в анатолийском и славянском (возможно, и в балтийском)²⁴, тогда как в древнеармянском из родственных форм на -1 (вероятно, в результате развития, первоначально близкого к тохарскому) образовались инфинитивы, участвующие в модальных конструкциях, главным образом аналитических²⁵ (ср. также вероятный след модального значения в др.-арм. sireli 'того, кого нужно любить; милый'), а в албанском соответствующие имена на $-\text{l}\ddot{\epsilon} > \text{j}\ddot{\epsilon}$ не претерпевали подобной трансформации.

Возможность развития языка в направлении утраты инфинитива (как в греческом, болгарском и македонском, а также в грузинском²⁶) или значительного статистического ограничения употребления инфинитива, вытесняемого в определенных контекстах модальными формами, как в некоторых других балканских языках и в новоегипетском и коптском, представляется целесообразным поставить в связь с типологическим выводом о необязательности наличия инфинитива в системе

²³ См. очень обстоятельное изложение в специальном параграфе о модальных значениях инфинитива в кн.: В.В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, стр. 604-606; ср. А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. ч. II. Братислава, 1960, стр. 570.

²⁴ См. В.В. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. "Славянское языкознание. VI. Международный съезд славистов. Доклады советской делегации", М., 1968, стр. 270-272 (там же литература вопроса).

²⁵ Э.Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971. стр. 356-357.

²⁶ Относительно сопоставления развития в грузинском с балканскими явлениями см. М.А. Габинский. К новой этиологии балканской утраты инфинитива. "Балканская филология" Ученые записки ЛГУ, № 343, серия филологических наук, вып. 73. Л., 1970, стр. 33.

²⁰ См. W.C. Till. Koptische Grammatik (Säidischer Dialekt). Leipzig, 1955, стр. 163-164.

²¹ Этим, однако, не снимается вопрос о независимости развития в новоегипетском, которому лишь могло способствовать в коптском воздействие греческого языка Нового Завета.

²² W. Thoma. Die Infinitive im Tocharischen. "Asiatica. Festschrift Friedrich Weller". Leipzig, 1954, стр. 746-748 и 763.

глагола²⁷. В этом случае направление грамматической эволюции оказалось бы возможным сопоставить с частой фонологической эволюцией в сторону утраты тех именно "необычных" фонем, которые типологически реже представлены (или статистически редко встречаются) в системах разных языков мира. Характерными языками, где полностью отсутствует инфинитив, являются эскимосский, где "нет глагольных образований, существующих независимо от выполняемой глаголом предикативной функции"²⁸, и родственный ему алеутский, где конструкции со значением типа 'я даже видеть его не захотел' передаются такими сложными глагольными формами, как укухта-ту-да-льи-на-гула-к' (укухта - глагольная основа со значением 'видеть', -ту- - суффикс с модальным значением желания²⁹). Инфинитив отсутствует в тунгусо-маньчжурских языках; функциям инфинитива других языков в них соответствуют деепричастия (а также супин, кондициональ и некоторые особые глагольные формы). Вытеснение инфинитива причастием наблюдается в восточно-хантыйских диалектах, ср. *jeŋk lit3 jəyəm* 'пить хочу' буквально 'воду едящий хочу-я', *wəjat3 jəyəm* 'спящий хочу-я'³⁰.

В северо-западно-кавказских языках формы, функционально сходные с инфинитивами других языков, не отделены обычно от личных глагольных форм (или - в случае маедаров - от падежных именных форм). Так, в абхазском языке инфинитивами называют образования, всегда имеющие модальное значение³¹. В адыгейском языке обнаруживается отмеченная выше для балканских языков дихотомия двух типов склеивания элементарных конструкций в зависимости от семантики глагола подчиняющей конструкции; при глаголах со значениями типа 'мочь' ('знать' и др.) употребляется в подчиненной конструкции личная форма глагола с суффиксом будущего времени -н (Іашэр ы-шІы-н ыльэ-кІышт 'оружие сделать он сможет - ыльэ-кІышт'; в формы ы-шІы-н ы- показатель 3 л. субъекта), тогда как при глаголах со значениями типа 'желать' используется оформленная личным префиксом основа гла-

²⁷ Э.И. Белимов. Типологическая характеристика кетского инфинитива. "Происхождение аборигенов в Сибири и их языков". Томск, 1973, стр. 41.
²⁸ Г.А. Меновщикова. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II, Л., 1967, стр. 7.
²⁹ Г.А. Меновщикова. Алеутский язык. "Языки народов СССР", т. 5, Л., 1968, стр. 397.
³⁰ E. S c h i e f f e r, Zur Konkurrenz zwischen Infinitiv und Partizip Präsens im Ostjakischen. "Journal de la Société finno-ougrienne", 72. Helsinki, 1973.
³¹ Л.П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970, стр. 207.

гола с нулевым временным суффиксом сы-кІо хьуштыгьэп 'мне пойти (сы-кІо, где сы - аффикс 1 л., субъекта) было нельзя'³².

В свете данных таких языков, где отсутствует инфинитив, типологически вполне вероятной оказывается сравнительно-историческая реконструкция, предполагающая отсутствие единообразного инфинитива в общеиндоевропейском³³. Этот вывод предполагается данными таких древних индоевропейских языков, как ведийский и древнеирландский, в каждом из которых используется значительное число (более 15) различных способов образования глагольных имен, выступающих в функции инфинитивов. Эти имена в древних индоевропейских языках иногда могут склоняться (в древнеармянском и тохарском), иметь зависящие от них слова в родительном падеже (древнеирландский, древнеармянский) и обнаруживать другие явные синтаксические следы своего именного происхождения. Но хотя единая форма инфинитива, отличного от отглагольного имени, для общеиндоевропейского не может быть реконструирована, тем не менее еще до своей письменной фиксации все древние индоевропейские языки начали развитие в сторону создания инфинитива. Даже кельтские языки, обычно выделяемые в этом отношении, тоже начинали уже отличать имя-инфинитив от других имен в конструкциях с предлогом *do* предшествующим отглагольному имени-инфинитиву и следующим за его субъектом или объектом; *is béis leo-som in daim de thúarcuin 'y* у них обычай, что быки молотят (зерно) (буквально 'молотить', имя-инфинитив *tuarcum* от глагола *to-org-* 'со-

³² В.Г. Рогова, З.И. Керашева. Грамматика адыгейского языка, Краснодар-Майкоп, 1966, стр. 328-329 (изложение в этой книге недостаточно отчетливо, так как не отмечено наличие личных префиксов при данной форме, которую, следовательно, нельзя называть "чистой основой"). Там же см. примеры употребления построения второго типа при несовпадении субъектов подчиняющей и подчиняемой конструкции.

³³ Вопреки недостаточно аргументированным выводам статьи: J. V o y l e s. The infinitive and participle in Indo-European. A syntactic reconstruction. "Linguistics", 1970, N 58, стр. 57-58. К позднеиндоевропейскому относят инфинитивы В. Томас (W. T h o m a s Указ. соч.) и А. Камменхубер (A. K a m m e n h u b e r. Studien zum hethitischen Infinitivsystem. "Mitteilungen des Instituts für Orientforschung", Bd. II-IV, 1954-1956). Ср. также гипотезу о наличии двух хронологических пластов инфинитивов в древнеиндийских и других родственных языках R. J. Jeffers, Remarks on Indo-European infinitives. "Language", v. 51, 1975, N 1.

крушать'), *dénun maith ocus imgabáil uile do dénum* 'делание добра и избегание делать зло' (в одном предложении противопоставлено *dénun* 'делание' – отглагольное существительное и *do dénum* – конструкция с именем-инфинитивом 'делать')³⁴. Для восстановления наиболее раннего состояния таких индо-европейских балканских языков, как албанский, особенно существенно то, что в древнейших письменных памятниках индоевропейских языков II тысячелетия до н.э. инфинитивы определенных морфологических типов выступают в качестве форм, уже отличных от тех общиндоевропейских отглагольных имен с гетероклитической парадигмой на *ter/*-ten, *-cer/-cen, *-ser/*-sen, к которым восходят эти инфинитивы. Хеттские инфинитивы на -atar и -цар являются в качестве словарных представителей всей глагольной лексики переводными эквивалентами аккадских инфинитивов в шумеро-аккадско-хеттских словарях, где о глагольном характере хеттских инфинитивов говорит их сочетание с превербам и частицами типа *ra-a-ka-ka ra-a-ka* 'выходить'³⁵. Эти инфинитивы (по терминологии Лароша, отглагольные члены по терминологии Камменхубер) соотносятся соответственно с супином (по Ларошу, инфинитивом по Камменхубер) – древними формами локальных падежей. С инфинитивом на -atar (древний именительный – винительный падеж единственного числа среднего рода) соотносится старая форма направительного падежа на -anna < *-atna, ср. сочетание форм на -atar a-ku-ца-tar 'питье' ('-пить') и a-da-tar 'еда' ('-есть') в *KuV XXXIII 71 III 12* и аналогичное сочетание форм на -anna в мифологических текстах: *nu-ца a-da-an-na a-ku-ца-an-na e-ju* 'и приходи де есть и пить', *KuV XVII 6 I 3* (древнехеттский миф о демоне-змее и Боге Грозы, ср. в следующих строках того же мифа личные формы *nu-za e-te-ir e-k -ir* ('и они ели и пили'), *KuV XVIII 6 I 5*, *a-da-an-na-ua-aš-š-* [i a]-ku-ца-an-na u-da-an-du 'пусть они принесут ему есть и пить' (= 'то, что нужно для еды и питья'), поэма об Улликуми, 1 табл., II 25. Аналогичное сопоставление оказывается возможным и по отношению к употреблению

³⁴ R. Thurneysen. A grammar of Old Irish, Dublin, 1946, стр. 445. О некоторых других вопросах употребления отглагольных имен ср. В.Н.Ярцева. Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке. "Ученые записки ЛГУ", № 58, 1940. Ср. гипотезу об исчезновении древнего инфинитива в кельтском: J. Sagnier. Le syntaxe du nom verbale dans les langues celtiques, I: Irlandais Paris, 1963, стр. 399; R. J. Jeffers. Указ. соч., стр. 147.

³⁵ См. собрание соответствующих примеров: F. J. O'Sullivan. The function of the sentence particles in Old Middle Hittite (Acta universitatis Upsaliensis. Studia Indoeuropea Upsaliensis, 2). Uppsala, 1972.

формы на -anna (старый направительный падеж) и древней формы родительного падежа от основы *hargatar (хет. *hark-* 'гибнуть', *hark-nink-* и *harganu-* 'губить', родственно ирл. *org-* 'губить'), ср. с одной стороны, а-ра-а-аš-та-му *har-kán-na... ša-an-aš-ta* 'этот же меня погубить (форма на -anna) старался' (Автобиография Хаттусилица III, 63–64), с другой стороны: *na-a-na-aš har-kán-na-aš na-aš har-ak-du* 'если он заслуживает гибели (родительный падеж от *hargatar*), то пусть он погибнет', *KuV IV 10 I 10*, ср. также формы локатива *harkanni KuV XXIII 71, 5*, и отложительного падежа *harkannaza I Vo T I 33, 73*, удостоверяющие значительную развитость парадигмы этого имени, но соответствующая форма на -atar не была употребительной. Такая же асимметрия (вырожденный или дефектный характер парадигмы) обнаруживается и по отношению к форме *datar от глагола *da-* 'брать' (ср. родственную основу от глагола со значением 'давать' в других индоевропейских языках: вед. *dātra*, *dātra* 'дар'³⁶): в древнехеттском представлена только старая форма направительного падежа – *danna-na-za le ilialiaši* 'ты же не должен хотеть взять себе'³⁷. С хеттским инфинитивом на -цар соотносятся старе гетероклитические формы направительного падежа на -а в лувийском (-una)³⁸ и старый локатив хат. *uānzi* < *-dōnt-i, ср. инфинитив из локатива на -i основы на -t в балтийском и возможно в славянском, где следы древней функции инфинитива обнаруживаются в конструкциях с модальными глаголами³⁹ и в отдельных архаичных конструкциях, где инфинитив еще сохраняет следы происхождения из имени существительного⁴⁰; возможно, что к таким же формам на *-ti восходят и то-

³⁶ L. R. E. n o u. Etudes védiques. 1. Les noms pour 'don' dans le Rgveda. – "Bulletin of the School for Oriental and African Studies v. XX, 1957, стр. 473. Ср. о формах типа *datar*: E. V. e n v e n i s t e. Noms d'agents et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948 (там же о типологии инфинитива).

³⁷ См. E. L. a r o s h e. Etudes de linguistique anatolienne. III, 9. Le directif. "Revue hittite et asiatique", t. XXVII, 1970, особенно стр. 41–42.

³⁸ См. там же, а также В. В. И в а н о в. Хеттский язык, М., 1963, стр. 152–154.

³⁹ J. M. a r v a n. Verbum infinitum в балтийских языках и его отношение к славянскому состоянию. "Slavica Pragensia", II. Praha, 1960.

⁴⁰ P. T r o s t. K historii infinitivu. – "Philologica. Zborník filozofickej fakulty University Komenského", ročník XXIII–XXIV. Bratislava, 1974, стр. 213.

харские инфинитивы на *-tsi*⁴¹, упоминавшиеся выше. Хеттская форма на *uānzi *uonti* (как и особый тип склонения хеттских инфинитивов на *-uān*, род.пад. *-uāñ*) удостоверяет дописменную дату образования этих инфинитивов, так как в хеттском в исторический период его развития чередование типа **uor/*uont* (соответственно *-*r/*-nt-*) не засвидетельствовано. Древность некоторых из хеттских инфинитивных форм подтверждается и их этимологией, ср. хет. *i-tar* 'ходить; хождение' (встречается только в одном ритуальном тексте в качестве инфинитива к корневому глаголу *i-*, вытесненному приставочными производными), лат. *iter* 'путь', тох. А *utār* с вероятным соответствием в индо-иранском⁴², хет. *tarhuān* 'побеждать, победа' (род.пад. *tarhuāñ*, КУВ XIII 20 I 36), др.-хет. *tarhuān* (в мифе о демоне-змее; *nam-ma muš-il-lu-ia-an-ka-a [n] tar-ah-hu-u-ua-an da-a-iš* 'потом демона-змею побеждать стал', КВо III 7 III 24-25), авест. *taurvan*⁴³, *taurvar-*, др.-инд. инфинитив *turvāne* (старый падеж вед. *turvan-* 'победа').

Вывод о древности инфинитива, в частности, для самых ранних письменных памятников балканских индоевропейских языков следует из микенских текстов, где уже представлены инфинитивы типа *e-ke-e-ēχeev*, возводимые к именным основам на **-sen* (ср. хеттский гетероклитический тип имен на *-ešsar*, *-ešn-*, имеющий соответствия в славянских и балтийских языках: хет. *hanēšar*, род.пад. *hanēšnaš* 'суд', ст.-слав. ПСНЬ, прус. *bišnan* 'страха', лит. *degnis* 'горение'). Следовательно, гипотеза об отсутствии инфинитива в древних индоевропейских языках Балканского полуострова, во всяком случае, не может быть обоснована сравнением с другими родственными языками; сохранение этого общеиндоевропейского архаизма в одном не дошедшем до нас балканском языке не кажется вероятным. По отношению к албанскому нужно учитывать и достаточно долгое сохранение в нем целой группы старых индоевропейских отглагольных имен, в частности,

⁴¹ К фонетической возможности возведения тохарского инфинитива на *tsi* к **ti* см. E. W i n t e r. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen. "Indogermanische Forschungen", Bd. LXVII, 1962, n. 1, стр. 17, 21-22.

⁴² См. литературу в статье: В. В. И в а н о в. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь'. "Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского". М., 1974, стр. 118, примеч. 128.

⁴³ См. Chr. V a r t h o l o m a e. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стр. 643. Ср. об авестийских инфинитивах E. V e n e n i s t e. Les infinitifs avestiques. Paris, 1935.

изученных в последнее время вслед за А. Джувани причастий на *-m-*.

В недавней статье Эрика Хэмпа высказано обоснованное предположение, согласно которому балтийские и славянские пассивные причастия на *-m-* типа лит. *vedamas*, латыш. *vedams* стсл. ВЕДОМЬ родственны этим албанским причастиям на *-m*⁴⁴; эти последние (на основании той же работы А. Джувани, чьи выводы широко использовал Хэмп) детально изучены М. А. Габинским⁴⁵, показавшим их архаический характер. Для выяснения древности данного типа индоевропейских медиопассивных причастий и его диалектных отражений значительный интерес представляют анатолийские данные. Как давно уже было установлено⁴⁶, ближайшую параллель к балтийским и славянским пассивным причастиям представляют лувийские (клинописные и иероглифические) медиопассивные причастия с суффиксом *-ma-* < **-mo-*. Можно думать, что этот тип был общеанатолийским. В пользу этого говорит, во-первых, сохранение архаического предикативного употребления хеттского *lalukkima* в значении 'лучезарный' в среднехеттском⁴⁷ стихотворном гимне Солнцу: *ne-pi-ša-aš ta-ak-na-aš-ša hu-u-la-le-eš-ni zi-ik-pāt dUTU-uš la-lu-ki-ma-aš* 'В кругозоре, где земля и небо, лучезарно, Солнце, только ты'⁴⁸, КУВ XXXI 127 I 15. О древности такого употребления свидетельствует метрический характер текста, который скорее всего в самом размере (как и в некоторых деталях образ-

⁴⁴ Eric P. H a m p. On Baltic, Luwian and Albanian participles in **-m-*. "Baltistica" IX (I), 1973.

⁴⁵ М. А. Г а б и н с к и й. Появление и утрата первичного албанского инфинитива, Л., 1970, стр. 84-89. Э. Хэмпу, чья статья закончена еще в 1968 г., эта книга была еще не известна.

⁴⁶ В. В. И в а н о в. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. "Вопросы славянского языкознания", вып. 2, М., 1957, стр. 24; E. V e n e n i s t e. - "Festschrift Johannes Friedrich", 1959, стр. 53-59. О н ж е: Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 27-32 (см. также: [рец.] В. В. Иванов. "Вопросы языкознания", 1963, № 4); В. В. И в а н о в. Хеттский язык, стр. 152; Chr. S. S t a n g. Vergleichen de Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 446; E. P. H a m p. Указ. соч.

⁴⁷ Датируется временем Кантуцилиса (перед Амарнским периодом). см. H. G. G ü t e r b o s k. The composition of Hittite prayers to the Sun. "Journal of the American Oriental Society", v. 78, 1958, стр. 238, 242.

⁴⁸ Ср. о грамматической структуре этого предложения H. A. H o f f n e r. On the use of Hittite *-za* in nominal sentences. "Journal of Near Eastern Studies", v. 28, 1969, N 4, стр. 227.

ности⁴⁹) отражает старую индоевропейскую традицию: девятисложный метр гимна скорее всего отвечает древним типам индоевропейского стиха⁵⁰. К тому же типу, что и хет. *lalukkima-*, древность которого подтверждается и сравнением с таким же образованием от того же корня с суффиксом *-mo- в кучанском ("тохарском В") прилагательном *luukemo* и вед. *rukma* 'блестящий', 'золото', 'золотое украшение', принадлежит ряд других производных на -m от глаголов: *ueritema* - 'страх' (неоднократно в древнем ритуале KUB XXXIX 1) при глаголе *uerite* - 'бояться' (KUB VIII 1 II 4), *uantenma-* 'тепло' при *uante* (eš) - 'теплеть', *hahlimmaš* 'желтизна' ('желтуха'), *ešunima-* - 'холод'⁵¹ (антоним по отношению к *uantenma-* и *lalukkima-*). Можно думать, что архаичное производное, родственное по суффиксу этим формам, лежало и в основе хет. *Kartimmiša-* 'сердиться', соотносящимся с хет. *kir* 'сердце', *karat-* 'внутренности'⁵², ср. аналогичный по этимологии, значению и суффиксу глагол в балтийских и славянских языках - лит. *širdytis* 'сердиться', латыш. *širsties* 'сердиться', ц.-слав. СРЪДИТИ при др.-арм. *ertnim*, *ertnem* 'я сержусь' при типологических параллелях в алб. *zemër* 'сердце, воля, тело', *zëmëratë*

⁴⁹ В.В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. "Балто-славянский сборник", М., 1972, стр. 196.

⁵⁰ Ср. о восьмисложном стихе (из которого десятисложник может образовываться простой трансформацией): Г.В. Ц е р е т е л и. Метр и ритм в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации. "Контекст. 1973. Литературно-теоретические исследования". М., 1974, стр. 131-133.

⁵¹ Об исконно отглагольном характере этих производных см. C. W a t k i n s. The denominative statives in -e-. "Indo-European Studies". Cambridge, Mass. 1972, стр. 175-179.

⁵² В.В. Иванов. Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой. 2. Балтийские и индоевропейские названия 'сердца'. - "Zeitschrift für Slawistik", Bd XIX, 1974, N 2, стр. 198 и след. Предположенная там же значимость данных хеттского языка для обоснования этимологии лат. *crēdo* 'верю' (см. также В.В. Иванов. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. ("Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков". М., 1973, стр. 55-56) может быть теперь подтверждено благодаря обнаружению в древнехеттском рассказе о детях царицы Канеса-Несы конструкции *karātan dair* '(боги) вложили внутренность': H. O t t e n. Ein althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (Studien zu den Boğazköy-Texten, 17), Wiesbaden, 1973.

'гнев'⁵³, а также в тарасконском *hata- ŋ i-a-sa-ku-ni* 'сердиться', *ik'i-mi-ŋan-i* 'сердиться', включающих -ŋ- 'внутренность, сердце'⁵⁴, эве *dziḃibi* 'гнев' при *dzi* 'сердце'⁵⁵. С архаической производной основой **karti-m* - от *kart-* представляется возможным сравнить и древнюю основу **kisri-m* - от *kešsar* 'рука', которую выделяют в ряде архаических текстов⁵⁶. К семантике хеттских форм на *-mo- типа хет. *uantenma-* 'тепло', *lalukkima-* 'лучезарный, светлый, тепло' близкую параллель представляет и греч. *θερμός* 'теплый', арм. *ĵerm*, лат. *formus*, др.-внем. *warm*, соответствующие алб. *zjarm*, *zjarr* 'огонь'. Если в албанском языке сохранилось значительное число индоевропейских (причастных) отглагольных имен на *-i, *-m, *-t, *-n, то нет основания думать, что в нем ранее не было тех отглагольных имен, которые в других индоевропейских языках в период их ранней письменной истории развились в инфинитивы. В этом случае последнее развитие в албанском можно было бы сравнить с утратой инфинитива, достоверно прослеживаемой по греческим, македонским и болгарским, а также румынским и другим восточно-романским данным, равно как и при сопоставлении цыганского языка с другими индоарийскими.

При объяснении утраты инфинитива в цыганском особенно наглядно выступает роль двуязычия. Возможность исчезновения инфинитива, определяемая с точки зрения трансформационной грамматики отсутствием инфинитива в элементарных ядерных конструкциях и относительной сложностью вывода этой категории по сравнению с другими глагольными, может привести к его утрате в условиях устного общения, которое, видимо, и определяло ситуацию балканского языкового союза. В этих условиях сокращение числа и соответственно уменьшение сложности правил для каждого из контактирующих языков при интенсивном двуязычии осуществляется прежде всего за счет трансформационных правил, в частности, тех, которые дают синтаксические структуры, получаемые при склеивании ядерных элементарных конструкций. При этом может происходить замена инфинитива формами косвенных накло-

⁵³ Об этой группе албанских слов и их возможных этимологиях ср. E. C a b e j. Über einige mit z-anlautende Wörter des Albanischen. - "Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft", Bd 9, N. 3, 1965, 212-214.

⁵⁴ P. F r i e d r i c h. The Tarascan suffixes of locative space; meaning and morphotactics. Bloomingen, 1971, стр. 25, 72, 218, 311.

⁵⁵ D. W e s t e r m a n n. Wörterbuch der Ewe-Sprache, Berlin, 1954, стр. 106.

⁵⁶ Г.Г. Г и о р г а д з е. Очерки по социально-экономической истории Хеттского царства. Тбилиси, 1973, стр. 192-193.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ БОЛГАРСКОМ ГОВОРЕ

нений, ср. в кяхтинском языке конструкции типа за ево белинеки рубаха показывай надо 'они должны показать белую рубаху'⁵⁷.

Периферийная система отглагольных имен, функционирующих в качестве эквивалента отглагольной группы подчиненного предложения, в большей степени, чем ядро грамматики, затрагивается изменениями и в случаях письменного взаимодействия языков при массовых переводах текстов, как это можно показать на примере языков, входивших в центрально-азиатский культурно-языковой круг к концу I тысячелетия н.э. (санскрит, тибетский, древнетюркский, тохарский). Но направление развития в этом случае оказывается обратным: под вероятным воздействием санскритских оригиналов, в которых широко использовались абсолютные конструкции, увеличивается употребительность древнетюркских конвербов⁵⁸, тибетских и тохарских абсолютивов⁵⁹ (последние восходят к индоевропейским отглагольным именам с суффиксом, родственным хет. - цаг в инфинитивах). Сопоставление с подобными процессами позволяет более отчетливо отграничить последствия письменного контакта языков от устного двуязычия (или многоязычия), с которым была связана утрата инфинитива в балканских языках.

В настоящей статье дается синхронное описание словоизменения глагола и его морфологической структуры (т.е. фонемных и акцентных чередований) в современном юго-восточном говоре села Широка Лыка Смолянской околии¹. Предложенный здесь метод описания уже был нами подробно обоснован и применен при исследовании морфологии глагольного словоизменения в говорах сел Падез, Лешко (Благоевградская околия), Лопян (Ботевградская околия), Былгарене (Ловчанская околия) и в литературном болгарском языке².

Известно, что современный болгарский язык представляет собой собрание необычайно многообразия диалектных типов. В связи с этим одной из актуальных задач болгарской диалектологии можно считать описание е д и н ы м методом каждого фрагмента языковой системы на материале максимального количества диалектов. Использование унифицированной методики описания можно было бы рассматривать, по сути дела, как инструмент для типологического сопоставления болгарских диалектов.

Представление о морфологической структуре болгарского языка следует строить, по нашему мнению, также на базе унифицированной методики описания и на основании изучения как можно большего количества диалектных систем. Поэтому считаем целесообразным обратиться к анализу морфологии глагольного слово-

⁵⁷ И.Ш. К о з и н с к и й. К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка. "Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки". М., 1973, стр. 37.

⁵⁸ Ср. о конструкциях с конвербами А. von G a b a i n . Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр.152.

⁵⁹ E.S a p i r. Tibetan influences on Tocharian. I. "Selected writings of E.Sapir in language, culture and personality". Berkeley-Los Angeles, 1951.

¹ Материал собран автором совместно с сотрудницей Института болгарского языка БАН Еленой Кяевой летом 1973 г. Используются, кроме того, работы Л.Милетича "Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache" (Wien, 1912, стр. 169-191) и "Редукцията на гласните в Широколыкия говор" (Сп БАН, III. София, 1912, стр. 1-10), а также материалы картотеки № 4198 БДА ("Български диалектен атлас"), составленной в июле 1963 г. Х.Топаловой, Л.Поповой, Й.Поповым и П.Петковым.

² См.: Т.В.П о п о в а. Морфологические чередования глагола в одном из западно-болгарских говоров. "ОЛ. Материалы и исследования. 1972". М., 1974, стр.49-90) и О н а ж е: Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфологический аспект). М., 1975.

изменения еще в одном говоре (родопском), тем более, что данный говор давно и справедливо признается болгарскими диалектологами и историками языка одним из интереснейших среди болгарских диалектов.

Остановимся вкратце на основных исходных положениях, легших в основу настоящего анализа.

Под глагольным словоизменением понимаем совокупность парадигм всех глаголов. Понятие полной парадигмы одного глагола ограничиваем набором следующих 28 синтетических форм: 1) шести форм настоящего времени (далее наст.), 2) шести форм имперфекта (далее имп.), 3) шести форм аориста (далее аор.), 4) двух форм повелительного наклонения (далее повел.), 5) четырех форм имперфектного причастия (далее имп. пр.), 6) четырех форм аористного причастия (далее аор. пр.)³. Явления глагольного видообразования исключаются из данного исследования. Поскольку бесприставочные и однокоренные приставочные глаголы в говоре имеют различную акцентную характеристику, рассматриваем их как разные глагольные лексемы.

В своем анализе морфонологической структуры глагольного словоизменения мы исходим из того, что в каждой глагольной форме можно выделить основу, грамматические морфемы (флексии, причастные суффиксы, связочные морфемы) и приставку (в приставочных глаголах). Парадигма одного глагола содержит поэтому набор грамматических морфем, который должен быть одинаков у ряда аналогичных парадигм, и набор основ.

При рассмотрении фонемных чередований учитываем, что все варианты основы, относящиеся к одной парадигме, могут: 1) иметь тождественный фонемный состав, т.е. состоять из одной постоянной части (например: гледá-м, гледá-х, гледá-й...), 2) иметь нетождественный фонемный состав, т.е. состоять из постоянной и изменяемой частей (например, плá/ч/-еш, плá/к/-ах, пла/ч/-й...); набор изменяемых частей всех вариантов основы одного глагола может совпадать с набором изменяемых частей других глаголов с аналогичными парадигмами. Именно изменяемые части основы глагола, формирующие морфонологические чередования, и являются предметом настоящего анализа.

В зависимости от установления тождественности/нетождественности фонемного состава вариантов основы в рамках одной гла-

³ Интерес с точки зрения морфологии и морфонологии представляет и образование форм страдательного причастия (далее стр. пр.). Но поскольку эти формы собраны лишь от незначительного количества глаголов, мы приводим зафиксированные нами формы стр. пр. только в сносках как материал, дополнительно характеризующий соответствующий глагол.

гольной парадигмы, констатируется или наличие чередования или его отсутствие.

Фонемный состав всех вариантов основы полной парадигмы одного глагола признается тождественным и констатируется о т с у т с т - в и е чередования при наличии следующих условий: а) все звуки, формирующие варианты основы, в своей линейной последовательности являются идентичными; б) звуковой состав одного варианта основы может не совпадать со звуковым составом другого варианта, но различия в звуках вызваны только фонетическими условиями (т.е. не выходят за рамки фонетического уровня).

Фонемный состав вариантов основы признается нетождественным и, как следствие этого, констатируется н а л и ч и е чередования в том случае, если звуковой состав одного варианта основы не совпадает со звуковым составом другого варианта основы, и эти различия не обусловлены фонетическими причинами, т.е. выходят за рамки только фонетического уровня. Это значит, что при осуществлении морфонологического анализа все позиционно обусловленные звуковые модификации основы в границах тех форм, которые составляют объем одной глагольной парадигмы, признаются не обладающими морфонологической значимостью и элиминируются на этом уровне анализа. Предметом морфонологического изучения мы признаем, следовательно, лишь те звуковые изменения в морфах одной морфемы, которые не относятся к автоматическим альтернациям: данные изменения связаны со следующим, морфонологическим уровнем.

При выявлении а к ц е н т н ы х чередований учитывается полная акцентная характеристика всех форм парадигмы одного глагола (или нескольких глаголов с тождественной акцентной характеристикой).

Для удобства описания морфонологических чередований глагола реализацию глагольной основы в формах наст., имп., имп. пр., повел. будем называть у с л о в н о "презентная основа" (далее през. осн.); реализацию глагольной основы в формах аориста и аористного причастия будем называть также у с л о в н о "аористная основа" (далее аор. осн.).

В статье употребляются следующие обозначения:

- а - контур a (ударение на основе);
- б - контур b (ударение на одной из грамматических морфем);
- с - контур c (ударение на приставке);
- ∅ - альтернант, реализованный нулем звука в результате усечения основы;
- * - альтернант, реализованный нулем звука внутри основы в чередовании 'гласный ~ нуль звука';
- ~ - знак чередования (например, [к] ~ [ч], а ~ б);
- = - знак, при помощи которого соотносится формальное (материаль-

ное) содержание чередования (слева от знака) с его функциональным содержанием (справа от знака), например: [к] ~ [ч] = [през.осн.] ~ [аор.осн.] ;

// - обозначение звуковой реализации (фонетическая транскрипция), например, /ъ/, /бер/;

[] - обозначение сильной фонемы, например, [л], [л'], [а];

< ^ - обозначение слабой фонемы и архифонемы, например, <ê>, <α>;

|| - морфологическая запись морфемы, например, |б # р|, |плеѝ|.

Ниже приводится схема единиц описания морфологической структуры языка (см. табл. 1); на подробном определении и объяснении каждой единицы описания мы здесь специально не останавливаемся, так как это дано уже в упомянутых выше работах автора (см. сноску 2).

Для единообразного описания морфологических признаков глагольного словоизменения используем таблицу идентификации этих признаков (см. табл. 2а и табл. 2б); принципы составления таблицы также объяснены нами ранее в указанных работах.

Т а б л и ц а 1

Фонемные чередования	Акцентные чередования
1. Альтернант	1. Контур ударения
2а. Звено чередования (чередование)	2. Акцентная кривая
2б. Тип чередования	
3. Альтернативный ряд	3. Акцентологическая модель

Т а б л и ц а 2а

Характер чередования	Фонемный состав основы		
	Чередование 'гласная фонема ~ нуль звука' (y ~ *)	Чередование согласных фонем в исходе основы (например, [с] ~ [к])	Усечение исхода основы (x ~ ∅)
№ признака	1	2	3

Употребляемые в этой таблице знаки + и - означают: наличие и отсутствие данного вида чередования.

Грамматическая форма	Акцентологическая характеристика												
	Настоящее время 1 л.ед.			Настоящее время (кроме 1 л.ед.), имперфект, имперф. прич.		Аорист		Аористное причастие			Повелительное наклонение		
Контур ударения	с	а	ь	а	ь	а	ь	а	ь	ь ₁	с	а	ь
№ признака	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14

В клетках этой части таблицы употребляются знаки + и -, которые означают: наличие и отсутствие данного контура ударения*.

Примечание: * В том случае, когда форма глагола является односложной, и ударение в силу этого положения может падать только на ту морфему, которая оказывается слоговой, плюсы и минусы в таблицах будут даны в скобках.

Классификация глагола строится по формальным морфологическим и морфонологическим признакам, характеризующим его словоизменение. В основу деления глагола на спряжения кладется такой морфологический признак, как тип набора флексий в формах настоящего времени. Установление разрядов, выделяемых в каждом спряжении, происходит также по морфологическому признаку (характеру реализации аористной связочной морфемы). подразряды выделяются по морфонологическим признакам (варьирование фонемного состава основы и характер ударения глагльного слова). В соответствии с выделением данных признаков в работе применяется следующая иерархическая система обозначения спряжений, разрядов и подразрядов. Для указания на спряжение употребляются римские цифры (I, II, III, IV). Разряды обозначаются арабскими цифрами (1, 2, 3...). Подразряды - строчными буквами славянского алфавита (а, б, в...). Например, II 1м), I 3а). В выделении отдельного подразряда наряду с морфологическими участвует и совокупность всех морфонологических признаков. Следовательно, такие морфологические и морфонологические признаки, как наборы грамматических морфем, наборы изменяемых частей основы, характер ударения в парадигме глагола - входят в понятие определенного образца (типа) глагольного словоизменения (спряжение, разряд, подразряд); каждая единица деления включает в свой состав парадигму одного глагола или несколько однотипных парадигм разных глаголов.

Остановимся на описании фонологической системы ширококолышского говора. Это описание дается в том объеме, который является необходимым и вполне достаточным для интерпретации морфонологических явлений.

1. Фонологическая система вокализма

1. В сильной позиции, которой является слог под ударением после твердых согласных, различается семь гласных фонем (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Ряд Подъем	нелабиализованные		лабиализованные	
	Передний	Передне-средний	Средне-задний	Задний
Верхний	и			у
Средний	е			о
Средне-нижний		ê	ô	
Нижний		а		

Данные фонемы реализованы следующими гласными:

- [и] – ударными /и/ и /ы/⁴: стри́га, шти́пыш, си́н, мышка, кы́тка, сырѣнь «сирѣнь», разл'у́тыла «разл'ути́ла»;
 [е] – ударным /е/: пре́да, клет, де́н', це́пѣл;
 [ê] – ударным /ê/: се́к'а, наде́нах, саце́х, де́л, та́рпѣх, бре́к, бле́йа;
 [ô] – ударным /ô/: ро́ка, во́рх, кро́к;
 [о] – ударным /о/: но́га, зно́й, го́ра, ко́ра;
 [у] – ударным /у/: плу́к, су́рвак, ру́ба;
 [а] – ударным /а/: ва́р'а, ца́ц, влакнѹ⁵.

2. В слог под ударением после мягких согласных различаются три фонемы:

⁴ Различие между гласными /и/ и /ы/ лишено функциональной значимости; поэтому далее в целях упрощения транскрипции будет употребляться только знак /и/.

⁵ Фонема [а] после согласных /ш, ж, ч, ф/ не употребляется: ше́пка, же́ба, че́нта, уфе́к.

- [у]
- [о]
- [ô]

Данные фонемы реализованы гласными:

- [ô] – ударным /ô/: уп'ôньш, путл'ôдньш, з'ôк', к'ôвну;
 [о] – ударным /о/: к'ошк';
 [у] – ударным /у/: л'у́дѣ, кл'у́чувѣ, л'у́, вр'у́, к'у́н'к.

3. В слог под ударением после /й/ различаются следующие фонемы:

- [у]
([e]) [о](?)
[ê] [ô]

Они реализованы гласными:

- [e] – ударным /е/: й'эла «эла»;
 [ê] – ударным /ê/: й'ê, й'êм, Сту́йѣн, й'êб'ошк'а;
 [ô] – ударным /ô/: ол'êйôт, п'êйôт;
 [у] – ударным /у/: й'ум'а;

4. Безударная позиция является позицией нейтрализации гласных фонем по подъему. Так, после твердых согласных оппозиция [e] ~ [и] нейтрализуется в архифонеме <ъ>, реализованной безударным /ъ/; оппозиция [у] ~ [о] нейтрализуется в архифонеме <у>, реализованной безударным гласным /у/; оппозиция [ô] ~ [а] нейтрализуется в архифонеме <а>, представленной гласным /а/ (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Ряд Подъем	Средний ряд	Задний ряд	
		нелабиал.	лабиализ.
Верхний		ъ	у
Нижне-средний	а		

- Ср.: <а> – рако́на, вархо́с, крато́с, вари́ш, цацо́с, влакна́;
 <ъ> – прѣдѣш, пыпѣлѣс, кльѣтѣн, дѣн'ôн, стрѣжѣш, ôштѣп'а;
 <у> – нуго́са, гурѣна, знуйо́с, куру́ку, плуго́с.

5. В безударной позиции после мягких согласных оппозиция [у] ~ [о] нейтрализуется в архифонеме <у>, реализованной безударным гласным /у/. Сильной фонеме [ô] соответствует слабая фонема <а>, представленная безударным гласным /а/. В этой позиции употребляется и слабая фонема <ê>, реализованная безударным /ê/, которая соответствует сильной фонеме [ê] (см. табл. 5).

Таблица 5

Ряд Подъём	нелабиализованные		лабиализованные
	Передне-средний	Средний	Задний
Верхний			у
Нижне-средний	ê	α	

Ср.: <ê> - с'êчеш, бл'êйт, хог'êх, нап'êна, цеп'êх, г'êлос, бр'ê-
жштá;

<α> - басул'ас, байр'ас, кок'а, мул'а, ск'авни са, уп'ана,
погл'адна;

<у> - л'удемн'ам, кол'уву, коз'у, прог'умь, к'ошк'увь, з'ок'-
увь, ас'утчийа.

6. Позиционные чередования гласных фонем с гласными архифонемами являются автоматическими альтернативами и не включаются в состав морфонологических чередований.

II. Фонологическая система консонантизма

1. В позиции наибольшего различия (перед ударным /б/) употребляются следующие согласные фонемы: губные - п, п', б, б', в, в', ф, ф', м, м'; зубные - т, д, с, с', з, з', ц, дз, н, н', л, л'; переднеязычные - ш, ч, ж, дж, р, р'; среднеязычные - й; заднеязычные - к, к', г, г', х.

2. В позиции перед гласными, перед сонорными согласными и /в/ реализуется оппозиция глухих (п, п', ф, ф', т, с, с', ц, ч, ш, к, к') и звонких (б, б', в, в', д, з, з', дз, дж, ж, г, г') согласных фонем. Ср.: бех - пех, дойа - тойа, горп - корс, зоп - сот, брэк - прела, два - твор'а, агл'ок - кльшник.

3. В позиции конца слова и перед шумными согласными оппозиция глухих и звонких фонем нейтрализуется. В конце слова и перед глухими согласными употребляются только глухие согласные, реализующие непротивопоставленные по глухости-звонкости архифонемы <п>, <ф>, <т>, <с>, <с'>, <ц>, <ч>, <ш>, <к>, <к'>, например: снопъ - сно<п>, гарбон - гор<п>, браван - бра<ф>, г'ус'а - г'ус'с', йозас - йо<с>, дождувь - до<ш>, ви<ш>, гла<к'>, назá<к'>, мравил'ок - мрá<ф>ка, кулиба - кули<п>ка, ви<ш>ть, й<с>купом. Перед звонкими согласными употребляются только звонкие согласные, реализующие непротивопоставленные по глухости-звонкости архифонемы <б>, <в>, <д>, <з>, <дз>, <дж>.

<ж>, <г>: развал'а<д>ж'вок'ас, дру<г>, <з>б'ира, й<з>гур'а, мб'ж>.
да, воль, ра<ж>дб.

4. В позиции перед [у], [о], [б], <у>, <а> и отчасти в конце слова реализуется оппозиция твердых ([п, б, в, ф, м, т, д, с, з, н, л, р]) и мягких ([п', б', в', ф', м', к', г', с', з', н', л', р']) согласных фонем. Особого замечания требуют взаимоотношения фонем [т, д], [к, г] и [к', г']. В говоре фонемы [к', г'] функционально связаны с [т, д], а не с [к, г], поскольку в тех позициях, где должна происходить замена мягких согласных на твердые (например, перед <ъ>) и твердых согласных на мягкие (например, перед <ê>), отмечается альтернатива не только /п/ - /п'/, /л/ - /л'/ и т.п., но и /т/ - /к'/, /д/ - /г'/, ср.: б/л'ейа - б/л'ей-
еш, /с'êка - /с'êчеш, на/д'енсх - на/г'êна, пьро/н'/ - пьро/н'ъ,
буна/р'/ - буна/р'ъ, ме/л'/а - ме/л'ъш, сй/п'/а - сй/п'ъш, дука/к'/,
дука/к'/ан - дука/т'ъ, кла/к'/а - кла/т'ъш, ва/г'/а - ва/д'ъш. Тогда как такие изменения согласных в одной морфеме, как куйру/к/ - куйру/ц'ъ, кула/к/ - кула/ц'ъ, к'ун'/к'/ - к'ун'/ц'ъ, пе/к'/а - пе/ч'ъ/, пь/ч'êх, стрй/г'/а - стръ/ж'êх, стрй/ж'ъ - не являются позиционными и не свидетельствуют о функциональной фонологической оппозиции фонем [к] - [ц], [к'] - [ц], [к] - [ч], [г] - [ж]. Поэтому считаем, что согласные фонемы [к, г] не используют твердость как функциональный признак и являются внепарными по твердости-мягкости.

Противопоставление твердых и мягких согласных фонем иллюстрируют следующие примеры: перед [у]: л'удь, л'ул'ка, л'ут, л'уса - цолуа, лук; р'укам, вр'у - чьрупкь, руба; з'унк'а - кузум 'обращение к молодому человеку'; турма - к'ун'к'; перед [о]: к'ошк' - стол; перед [б]: м'бсу, зьм'бн - мб'ка, кумбн; сп'б - пок'; р'бсьм - рбш; каф'б - фбльм; гуг'бт - йедбт; утмьск'бт - пручьтбт; к'бнкь - луйтб; перед <у>: нос'ух - осуць, готв'ух - провудь, коз'у - флэзух, ушер'ух - дворувь, смел'ух, мал'у, питаш - служил, исклак'ух - сметух, потун, г'ушьм'б - дуйдэ; перед <а>: свина - мина, варх - вера, сег'а - преда, сек'а - мета; в конце слова: тьбон', оган' - хачман; фьтил' - дэл; бунар', сьнфир' - двор, вар; г'ус' - пбрс; з'бк', пок', дукак', к'урк' - думат, клет; корф' - браф.

5. Перед [и], [е], [ê], <ъ>, <ê> и перед согласными оппозиция твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется. В позиции перед [и], [е], [ê], <ъ> и согласными⁷ употребляются только твердые со-

⁶ Фонема [л] реализуется как /л/ и /л': мэльш, куш, кутул, умрел, легнал. В транскрипции используем только знак /л/, так как различие между /л/ и /л' лишено функциональной значимости.

⁷ Из мягких согласных в позиции перед согласными отмечены только /л'/ и /н'/: к'ун'к', к'ун'цъ, вбл'завница, мохал'чувьна и др.

Т а б л и ц а 6

гласные, реализующие непротивопоставленные по твердости-мягкости архифонымы <п>, <б>, <в>, <ф>, <м>, <т>, <л>, <с>, <з>, <н>, <л>, <р>. Ср.: перед [и]: тѳрп'а - тарпиш, вѳрн'а - варвиш, гѳрм'а - гармиш, камѳ - комиш, карѳ'ѳ - кардиш, сѳг'а - сѳдиш, бразн'а - бразниш, бол'а - булиш, вѳзвр'а - вазвриш; перед [е]: горѳа - гарѳѳш, ѳхтѳ - ѳхтѳш, вѳда-вѳдѳш, клаг'а - кладѳш, нѳса - нѳсѳш, ѳра-ѳрѳш; перед [ѳ]: лѳв'а - лѳвѳш, снѳва - снѳвѳш; гѳск'а - гѳстѳш, чѳта - чѳтѳш; грат'а - градѳш, прѳда - прѳдѳш; гѳр'а - гурѳш, ѳѳра - ѳѳрѳш; перед <ѳ>: кѳп'а - кѳпѳш, гѳѳ'а - гѳѳѳш, дав'а - давѳш, гѳтѳ'а - гѳтѳѳш, мам'а - мамѳш, дукѳк'а - дукѳкѳш, дѳмѳт - дѳмѳтѳш, варѳ'а - варѳѳш, ѳѳс'а - ѳѳсѳш, мраз'а - мразѳш, вѳрѳа - вѳрѳѳш, ѳран'а - ѳранѳш, к'ѳс-на - к'ѳснѳш, гал'а - галѳш, гѳгла - гѳглѳш, дѳр'а - дѳрѳш, сѳнѳѳр'а - сѳнѳѳрѳш, кундѳр - кундѳрѳш; перед согласными: кѳрѳ'а - кѳрѳѳш, чѳвал'а - чѳвалѳш.

В позиции перед <ѳ> употребляются только мягкие согласные, реализующие непротивопоставленные по твердости-мягкости архифонымы <п'>, <б'>, <в'>, <ф'>, <м'>, <т'>, <с'>, <з'>, <н'>, <л'>, <р'>: кѳп'а - кѳп'ѳш, вѳз'а - вѳз'ѳш, вѳрѳа - вѳрѳѳш, дѳр'а - дѳр'ѳш, идѳа - идѳѳш, пѳг'а - пѳг'ѳш, ѳѳтна - ѳѳтн'ѳш, жѳн'а - жѳн'ѳш, з'ѳма - з'ѳм'ѳш, мам'а - мам'ѳш.

6. Чередования между согласными фонемами и архифонамами представляют собой автоматические альтернативы и не включаются в состав морфологических чередований.

7. К автоматическим альтернативам относится также вставка /ѳ/ или /а/ в сочетании шумного согласного с сонорным в конце слова (/tɬa/ → /tɬɬɬ/, /tɬa/), например: душлѳ - душлѳл, напѳслѳ - напѳслѳл, и утраты (факультативная) /й/ в интервокальной позиции, когда один из гласных является гласным переднего ряда (/ajɬa/, /ujɬa/ → /ajɬe/ || /ujɬe/), например: чѳйѳа - чѳѳѳш чѳйѳѳш, ѳройѳа - ѳруѳѳш ѳруйѳѳш.

* * *

Рассмотрим образование форм глагольного словоизменения в говоре с. Широка Лыка с морфологической точки зрения, так как разнообразие глагольных типов складывается из совокупности как морфологических, так и морфологических признаков (в приводимых ниже таблицах все морфологические элементы, реализованные нулем звука, обозначены знаком ѳ).

Распределение глаголов по спряжениям происходит на основе наборов флексий настоящего времени каждого глагола. В говоре выделяется четыре набора данных флексий, и, соответственно, четыре спряжения (см. табл. 6).

	I спряжение	II спряжение	III спряжение	IV спряжение
1 л. ед.	ѳ(а ам)*	ѳ(а ам)*	а ам*	м
2 л. ед.	ѳш	ѳш	ѳш(ш**)	ш
3 л. ед.	ѳ	ѳ	ѳш(ѳ**)	ѳ
1 л. мн.	ѳм	ѳм	ѳм(мѳ**)	мѳ
2 л. мн.	ѳтѳ	ѳтѳ	ѳтѳ(тѳ**)	тѳ
3 л. мн.	ѳт ѳ	ѳт ѳ	а а	т

Примечания: *1) Незначительное количество глаголов I, II и III спряжений могут иметь в форме 1 л. ед. флексию /ам/ наряду с более употребительной флексией /а/. Так, например, Л. Милетичем зафиксированы следующие формы с флексией /ам/: gɔtv'am, vɔz'am, d'ajam, rɔvn'am || rɔvn'am || rɔvn'a, z'aral'am, rɔigr'am. Картоотека и собранные нами материалы почти не содержат подобных форм. 2) С флексией /м/ употребляются глаголы I спряжения -дам и -ѳѳем, а также глаголы III спряжения - знам, -ѳграм, -кѳпам.

** Указанные флексии могут употребляться наряду с обычными глаголах с основами на -й/: -сѳйѳа, -лѳйѳа.

Например, I спряжение: 1 л. ед. кѳва, ѳзура, ѳѳра, ѳспѳра, влѳка, пѳстрѳѳа, прѳда, дѳнѳса, клаг'а, грѳѳа, дам, спѳм'ѳна, ѳлѳй'а, пѳйѳа, жѳва, мрѳ, ѳмра, спр'ѳ; 2 л. ед. кувѳш, ѳзурѳш, ѳѳрѳш, ѳспѳрѳш, вл'ѳчѳш, пѳстрѳѳѳш, прѳдѳш, дѳнѳсѳш, кладѳш, грѳѳѳш, дадѳш, спѳм'ѳнѳш, ѳл'ѳѳѳш, пѳѳѳш, жѳвѳш, мрѳш, спрѳш; 3 л. мн. кувѳ(т), ѳзурѳ(т), ѳѳрѳ(т), ѳспѳрѳ(т), вл'ѳкѳ(т), пѳстрѳѳѳ(т), прѳдѳ(т), дѳнѳсѳ(т), кладѳ(т), грѳѳѳ(т), дадѳ(т), спѳм'ѳнѳ(т), ѳл'ѳѳѳ(т), пѳѳѳ(т), жѳвѳ(т), мрѳ(т), спр'ѳ(т); II спряжение: 1 л. ед. вар'а, ѳзрг'а, ѳлаѳа, ѳрѳйѳа, лѳшк'а, ѳѳл'а, лѳк'а, гѳл'ѳча, сп'ѳ, насп'а; 2 л. ед. варѳш, ѳзградѳш, ѳлаѳѳш, ѳруѳш, лѳштѳш, булѳш, л'ѳѳѳш, гал'ѳѳш, наспѳш; 3 л. мн. вар'ѳ(т), ѳзрг'ѳ(т), ѳлаѳѳ(т), ѳруйѳ(т), лѳшк'ѳ(т), бул'ѳ(т), л'ѳк'ѳ(т), гал'ѳѳ(т), насп'ѳ(т); III спряжение: 1 л. ед. ѳрѳс'а, ѳзѳа, наваг'а, ѳзѳлаѳа, ѳда, наѳда, ѳлѳѳа, дѳйда, глоѳ'а, ѳѳг'а, ѳча, дрѳѳм'а, ѳрѳѳѳа, пѳлаѳа, дрѳшк'а, ѳѳтна, кѳпѳна, вѳрѳа, мѳл'а, вѳг'а, дѳйѳа, ѳйѳа, з'ѳѳма, ѳтн'ама; 2 л. ед. ѳрѳсѳш, ѳзѳѳш, наваѳѳш, ѳзѳлаѳѳш, ѳдѳш, наѳдѳш, ѳлѳѳѳш, дѳйдѳш, глоѳѳш, ѳѳдѳш, ѳчѳш, дрѳѳмѳш, ѳрѳѳѳш, пѳлаѳѳш, дрѳштѳш, ѳѳтнѳш, кѳпѳнѳш, вѳрѳѳш, мѳлѳш, вѳдѳш, дѳйѳш, ѳйѳш, ѳѳѳш, ѳѳѳш, з'ѳѳмѳш,

УТН'ОМЪШ; Зл.мн. брус'а(т), вóз'а(т), наваг'а(т), извлáча(т), идá(т), най-да(т), флѣза(т), дойда(т), глоб'а(т), буг'а(т), уча(т), дрѣм'а(т), бришá(т), плача(т), драшк'а(т), бóтна(т), кипна(т), вóрза(т), мѣ-л'а(т), виг'а(т), дуйá(т), бийá(т), з'бма(т), утн'бма(т); IV спряжение: 1л.ед. бáрам, побáрам, обрзам, заббрзам; 2л.ед. бáраш, пубáраш, обрзаш, заббрзаш; Зл.мн. бáра(т), пубáра(т), обр-за(т), заббрза(т).

Формы имперфекта образуются от презентной основы⁸ с имперфектной связочной морфемой и имперфектными флексиями (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

	Имперфектная связочная морфема			Флексии
	I, II спр.	III спр.	IV спр.	
1л.ед.	é	ê	∅	х ф
2л.ед.	é	ê	∅	шь
3л.ед.	é	ê	∅	шь
1л.мн.	é	ê	∅	хмь фмь мь
2л.мн.	é	ê	∅	хть фть ть
3л.мн.	é	ê	∅	ха а

Например: I спряжение: 1л.ед. кувѣх |кувѣф, бърѣх, вл'ѣчѣх, стрѣжѣх, прѣдѣх, нъсѣх, кладѣх, грѣбѣх, ладѣх, спум'ѣнѣх, бл'ѣй'ѣх, пѣ'ѣх, жвѣх, мрѣх, спрѣх; II спряжение: 1л.ед. варѣх, градѣх, блажѣх, бру'ѣх, лаштѣх, булѣх, л'ѣтѣх, гол'чѣх, спѣх; III спряжение: 1л.ед. брус'ѣх, вóз'ѣх, ваг'ѣх, вла-чѣх, иг'ѣх, флѣз'ѣх, глоб'ѣх, буг'ѣх, учѣх, дрѣм'ѣх, бри-шѣх, плачѣх, драшк'ѣх, бóтн'ѣх, вóрз'ѣх, мѣл'ѣх, виг'ѣх, дуйѣх, бий'ѣх, з'бм'ѣх; IV спряжение: 1л.ед. бáрах, обрзах.

Формы имперфектного причастия образуются от презентной основы, к которой присоединяются: 1) имперфектная связочная морфема, 2) причастный суффикс /л/ и 3) флексии ∅ (м.р.ед.), /а/ (ж.р.ед.), /у/ (ср.р.ед.), /ъ/ (мн.), например: I спряжение - вл'ѣчѣл, -а, -у, -ъ; II спряжение - варѣл, III спряжение - вóз'ѣл, IV спряжение - бáрал. Ударение в формах имперфекта

⁸ Презентную основу получаем из формы 2л.ед.наст. путем отбрасывания флексии.

и имперфектного причастия соответствует ударению в парадигме настоящего времени (исключая форму 1л.ед.наст.): в глаголах I и II спряжений оно падает на связочную морфему (контур в), в глаголах III и IV спряжений - на основу (контур а).

Формы аориста образуются от аористной основы путем присоединения к ней аористной связочной морфемы и флексий (см. табл. 8).

Например, I спряжение: 1) изурáх, набрáх; 2) извлѣ-кух, извлѣчь; нагрѣдух, нагрѣдь; нагрѣбух, нагрѣбь; прудáдух, прудáдь⁹; 3) заблѣх, напѣх, прѣжих; 4) умрѣх, спрѣх; 5) спум'ѣнѣх; II спряжение: 1) сварѣх, избруѣх, ублжѣх; 2) разбулѣх, изгал'чѣх; 3) излошк'ух, излоштѣ; 4) наспáх; III спряжение: 1) извóз'ух, извóзь; извлáчух |извлáчѣх, извлáчь¹⁰; 2) задрѣмах, заплáках, убрáсах, удрáсках, искипнáх, вбрáх; 3) заглубѣх, раз-будѣх, изучѣх; 4) избѣх, сабѣх, узрѣх; 5) найдух, найдь; флѣзѣх, флѣзь; 6) дуйдѣх, дуйдѣ; 7) смлѣх; 8) виг'ѣх; IV спряжение: пубáрчх, заббрзчх.

Формы аористного причастия образуются путем присоединения к аористной основе аористной связочной морфемы (см. табл. 9), причастного суффикса /л/¹¹ и причастных флексий -∅ (м.р.ед.), /á/ и /а/ (ж.р.ед.), /ó/и/у/ (ср.р.ед.), /и/и'ъ/ (мн.). Напри-мер, I спряжение: изурáл (-а, -у, -ъ); извлѣкол, извлѣкла; нагрѣл, прудáл, заблѣл, умрѣл, спум'ѣнѣл; II спряжение: сварѣл, излжѣл, разбулѣл, наспáл, III спряжение: из-вóзъл, извлáчъл, заглубѣл, задрѣмáл, искипнáл, избѣл, напáл, на-шлá; флѣл, смлѣл, виг'ѣл; IV спряжение: пубáрал, заббр-зал.

Ударение в формах аористного причастия соответствует ударению в формах аориста (за исключением глаголов с основой на /л/, относящихся к III спряжению 5 и 6 разрядам).

Формы повелительного наклонения образуются от презентной основы, к которой присоединяются следующие наборы флексий:

- ⁹ У Л.Милетича зафиксированы формы гѣкън, гѣсь, ма аdvѣдаѣн; даáбнме, даáа; јаáаѣн. В картотеке (ответ на вопрос 96а) даны формы дадох, отѣдох, плѣдох, чѣдох, мѣдох, пѣдох, рѣдох.
- ¹⁰ Глаголы III спряжения 1 разряда с основой на /ш, ж, ч/ образуют формы аориста 1л.ед. и 1,2,3л.мн. двумя способами: с аористной связочной морфемой /у/ и с аористной связочной морфемой /ъ/.
- ¹¹ В глаголах I спряжения 2 разряда и III спряжения 5 и 6 разрядов с основой на согласный причастный суффикс -л- в форме м.р.ед. выступает в своем фонетическом варианте /бл/и(/а/л/).

	Аористная связочная морфема									
	I спряжение					II спряжение				
	1 разряд	2 разр.	3 разр.	4 разр.	5 разр.	1 разр.	2 разр.	3 разр.	4 разр.	
1л.ед.	á	у	∅	é	ó	í	é	'у	á	
2л.ед.	á	ъ	∅	é	ó	í	é	ъ	á	
3л.ед.	á	ъ	∅	é	ó	í	é	ъ	á	
1л.мн.	á	у	∅	é	ó	í	é	'у	á	
2л.мн.	á	у	∅	é	ó	í	é	'у	á	
3л.мн.	á	у	∅	é	ó	í	é	'у	á	

1) /ъ/ «реже ∅ (ед.), /ъть/ «реже /ть/ (мн.). Эти флексии присоединяются к слоговой презентной основе глаголов I спряжения (1, 2, 4, 5 разряды), II спряжения и III спряжения (исключая 4 разряд). Ударение на первом слоге словоформы (т.е. а-ударение в бесприставочных и с-ударение в приставочных глаголах). Например: ед. бёръ «бер, гóръ «гор, пóстръжъ «пóстръш; мн. бёръть «бёрть, гóръть «гóръть, пóстръжъть «пóстръштъ, живъть.

2) /й/ (ед.), /ить/ (мн.). Эти флексии присоединяются к неслоговой презентной основе глаголов I и II спряжений (мрδ, спр*δ, сп'δ), ср.: ед. мри, спри, спи; мн. мрйтъ, спрйтъ, спитъ.

3) /й/ (ед.), /ить/ (мн.). Эти флексии присоединяются к презентной основе глаголов IV спряжения и к усеченной презентной основе глагола -дам. Ударение в глаголах IV спряжения (как бесприставочных, так и приставочных) наосновное, за исключением небольшого количества глаголов, составляющих второй и третий подразряды IV спряжения (см. ниже), и форм повелительного наклонения от глагола -дам, где ударение фиксируется на первом слоге словоформы (т.е. а-ударение в бесприставочных и с-ударение в приставочных), ср.: ед. дай, прóдай, побарай, прътиской, нагрйбай; мн. дайтъ, прóдайтъ, побарайтъ, прътискойтъ, нагрйбайтъ.

4) ∅ (ед.), /ть/ (мн.). Эти флексии присоединяются к презентной основе глаголов I спряжения 3 разряда, III спряжения 4 разряда и глагола -йём, в котором презентная основа выступает в варианте /йеш/; ударение на первом слоге словоформы. Ср.: ед. пий, напъй, бий, сбóуй, йеш, прé'еш; мн. пийтъ, напъйтъ, бийтъ, сбóуйтъ, йештъ, прé'ештъ. Глагол виг'а образует формы повелительного наклонения двумя способами: с флексиями ∅, /ть/ (виш, виштъ) и с флексиями /ъ/, /ъть/ (видъ, прóвьдъ; видътъ, прóвьдътъ).

	Аористная связочная морфема								IV спряжение	Флексии
	III спряжение									
	1 разряд	2 разр.	3 разр.	4 разр.	5 разр.	6 разр.	7 разр.	8 разр.		
'у(у ъ)	α	й	∅	у	ó	é	ê	∅	х ф	
ъ	α	й	∅	ъ	é	é	ê	∅	∅	
ъ	α	й	∅	ъ	é	é	ê	∅	∅	
'у(у ъ)	α	й	∅	у	ó	é	ê	∅	хмъ «фмъ «мъ	
'у(у ъ)	α	й	∅	у	ó	é	ê	∅	хтъ «фтъ «тъ	
'у(у ъ)	α	й	∅	у	ó	é	ê	∅	х а а	

* * *

Рассмотрим морфологическую структуру глагольного словоизменения в широколышском говоре. Для этого приведем таблицы идентификации морфологических признаков (см. табл. 2а и 2б) с необходимыми комментариями. Морфологические чередования в каждой конкретной таблице будут обозначены, как правило, фонемами, отражающими единство фонем и архифоном одного фонемного ряда. К обозначению той или иной ступени чередования через архифонему прибегаем лишь в том случае, когда соответствующий альтернант реализуется в пределах парадигмы только архифонемой.

I спряжение

1 разряд. Аористная связочная морфема представлена гласным /á/.

Зафиксированы следующие глаголы: 1) бóхта (набóхта), гóрба (прéгарба), звó са¹², кóва (закóва, накува, пóткува)¹³, кóлва (ókóлва), óра (ízура), рéва (ízрéва), смóхта 'высасывать мозг из кости' (исмухта, óсмухта), снóва (наснува), тóпта (йстапта) 2) бéра (збéра, избéра, прибéра, сбéра, разбéра)¹⁴, дéра (óдэра)¹⁵, пéра (испэра).

¹² Ср.: Клйн го звéхмэ (картотека); звáла са Кáн'а.

¹³ Стр.пр. закóван.

¹⁴ Л.Милетичем отмечены следующие формы: наст. да са прéбера, тóј да бéръ, да набéрéме; имп.пр. набéраъ са; аор. разбэра, са эвэра; повел. идъ набэръ!

¹⁵ Стр.пр.: удрэна кóжа.

Аористная связочная морфема причастий								
I спряжение					II спряжение			
1 разряд	2 разряд*	3 разряд	4 разряд	5 разряд	1 разряд	2 разряд**	3 разряд	4 разряд
á	ø	ø	é	ó	í	é	ъ	á

Примечания: * 1) В глаголах на /к, г, х/* в образовании форм аористного причастия участвует тот вариант аористной основы, который обнаруживается в формах аориста 1л.ед. и 1,2,3л.мн. 2) В глаголах на /д, т, с, г'/ в формах аористного причастия обнаруживается усеченный вариант аористной основы без конечных согласных (исключение составляет глагол паса).

Данные глаголы распадаются на четыре подразряда. Распределение морфологических признаков этих глаголов показано на таблице 10, которую можно проиллюстрировать следующими примерами:

Наст.2л.ед.: набoхтéш, закувéш, изурéш, сoбьрéш;
Зл.мн.: набoхтб(т), закувб(т), изурб(т), сoбьрб(т);
Имп.1л.ед.: oхтéх, кувéх, урéх, бьрéх;
Имп.пр.: oхтéл, -а, -у, -ъ; кувéл, урéл, бьрéл;
Аор.1л.ед.: набoхтáх, закувáх, изурáх, сoбьрáх;
Аор.пр.: набoхтáл, -а, -у, -ъ; закувáл, изурáл, сoбьрáл;
Повел.ед.: oхть, набoхть, орь, изурь, кoвь, закувь, берь, сoбьрь, oбьрь.

Фонемные чередования, участвующие в оформлении оппозиции между формами, образованными от презентной основы, с одной стороны, и формами, образованными от аористной основы, с другой, характеризуют небольшую группу глаголов (-бeрa, -дeрa, -пeрa), составляющую подразряды I 1в) и I 1г). Глаголы, входящие в подразряды I 1а) и I 1б), имеют неизменный фонемный состав основы.

По акцентным чередованиям глаголы первого разряда подразделяются на две группы, которые имеют разное материальное выражение акцентных кривых при одинаковом функциональном содержании: акцентная кривая а ~ в (бесприставочные глаголы, I 1а), I 1в) и акцентная кривая а ~ в (приставочные глаголы, I 1б), I 1г) = [1 л.ед.наст., повел.наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.]. И только глагол звб са характеризуется фиксированным в=ударением.

* Это означает: в глаголах, основа которых в форме 1л.ед.наст. оканчивается на /к, г, х/.

Аористная связочная морфема причастий								
III спряжение								IV спряжение
1 разряд**	2 разр.	3 разр.	4 разр.	5 разр.***	6 разр.****	7 разр.	8 разр.	спряжение
ъ	а	й	ø	ø	ø	é	é	ø

** В образовании форм аористного причастия участвует тот вариант аористной основы, который обнаруживается в формах 2 и 3л.ед. аориста.

*** 1) В глаголах от лeзa в формах аористного причастия находим усеченный вариант аористной основы (без конечного согласного).

2) В глаголах на /д/ в формах аористного причастия находим аористную основу на /ш/.

**** В формах аористного причастия употребляется аористная основа на /ш/.

2 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласным /у/(формы аориста 1л.ед., 1,2,3л.мн.), гласным /ь/(формы аориста 2,3л.ед.) и ø(формы аористного причастия).

Зафиксированы глаголы: 1) влéка (завл'ека, извл'ека, одвл'ека, обл'ека)¹⁶, вóрха (наварха, поварха)¹⁷, пéка (испéка, опéка)¹⁸, рéка¹⁹, сéка (ис'ека, отс'ека, рас'ека)²⁰, стрига (острьга, пострьга)²¹, тéка (истéка, стéка); 2) бóда (набудa, обудa), вéда (дóвьда, дóвда, завьда, одвьда, развьда)²², мéта (измьта, смéта), нéса (дóньса и дóнса, зánьса, изньса, отньса, снéса)²³, плéта (на-

¹⁶ Зафиксировано две формы стр.пр.: ублéчьна и ублéкoчa.

¹⁷ Глагол вóрха образует формы наст. 2, 3л.ед. и 1, 2л.мн. от двух основ: варшéш и варшéйш, варшé и варшéй, варшém и варшéймь, варшéть и варшéйтъ. Л.Милетич приводит приставочную форму 1л.ед.наст. с ударением на корне: da navórhа.

¹⁸ Зафиксировано две формы стр.пр.: лéчьну и испéкан.

¹⁹ Формы аористного причастия имеют ударение на флексии: рькóл, рьклá, рьклó, рьклí; однако в картотеке зафиксирована форма рэк-ла. Л.Милетич приводит следующие формы: 1л.мн.наст. рэкéч, аор.ед. рэкьh, рэкъ, аор.пр. рэкбъ, рэклí и рэклí.

²⁰ Стр.пр.: сéчьнь.

²¹ Зафиксировано две формы стр.пр.: устричьна и устригoчнъ.

²² Стр.пр.: удвэг'эна. Л.Милетич отмечает форму аориста с "аканием": ma advédghа.

²³ Стр.пр.: зачéс'эна. Формы аористного причастия употребляются только от приставочных глаголов. Эти формы употребляются как с

Т а б л и ц а 10

	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
I 1a) обѣта, гѣрба, звѣсѣ, кѣва, кѣва, ѡра, рева, смѡхта, снѡва, тѡпта	
I 1б) нѡбахта, прѣгарба, закува...	
I 1в) бѣра, дѣра, пѣра	[е] ~ * = [през.осн.] ~ [аор.осн.]
I 1г) ѡзѣра, ѡдѣра, ѡспѣра	

П р и м е ч а н и е*. Глагол звѣсѣ характеризуется фиксированным ъ-ударением

Т а б л и ц а 11

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
I 2a) влѣка, пѣка, сѣка, тѣка; стрѣга; вѣрха	[к] ~ [ч] [наст.(1л.ед.,3л.мн.), аор.(1л.ед., [г] ~ [ж] = 1,2,3л.мн.), аор.пр.] ~ [наст. [х] ~ [ш] (2,3л.ед.,1,2л.мн.), имп., имп. пр., повел., аор.(2,3л.ед.)]
I 2б) заэл'ѣка, ѡспѣка..., пѡстрѣга, наварха	
I 2в) рѣка	[к] ~ [ч] = (см. I 2a и I 2б)
I 2г) бѡда, вѣда, мѣта, неса, плѣта, прѣда, рѡста, чѣта	[д] ~ ∅ [т] ~ ∅ = [наст., имп., имп.пр., повел., аор.]
I 2д) нѡбуда, дѡвѣда, ѡзмѣта, дѡнѣса...	[с] ~ ∅ ~ [аор.пр.]
I 2e) клѡг'а, крѡг'а	[г'] ~ [д] ~ ∅ = [1л.ед.наст.] ~ [наст.(кро- ме 1л.ед.), имп., имп.пр., повел., аор.] ~ [аор.пр.]
I 2ж) нѡклад'а, ѡкрат'а	
I 2з) грѣба, пѡса	
I 2и) загрѣба, напаса	
I 2к) дам	[д] ~ ∅ = [наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр. аор.] ~ [1л.ед.наст., повел., аор.пр.]
I 2л) продѡм	
I 2м) ѡѣм	[д] ~ [ш] ~ ∅ = [наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор.] ~ [повел.] ~ [1л.ед.наст., аор.пр.]
I 2н) нѡѡѣм са, прѣѡѣм	

Фонологи- ческие признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4a	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13a	13	14	
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	
+	-	-		+	-	-	+	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)		+	-	
+	-	-	+	-	-	-	+	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	+	-	-	

Фонологи- ческие признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4a	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13a	13	14	
-	+	-		+	-	-	+	+	-	+		-		+	-	
-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	+		-	+	-	-	
-	+	-		+	-	-	+	+	-	-		+		+	-	
-	-	+		+	-	-	+	+	-	+		-		+	-	
-	+	+		+	-	-	+	+	-	+		-	+	-	-	
-	-	-		+	-	-	+	+	-	+		-	+	-	-	
-	-	+		(+)	(-)	-	+	+	-	(+)		(-)		(+)	(-)	
-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	(+)		(-)	+	-	-	
-	+	+		(+)	(-)	-	+	+	-	(+)		(-)		(+)	(-)	
-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	(+)		(-)	+	-	-	

пльта), прѣда (испрѣда, запрѣда, опрѣда, припрѣда, попрѣда)²⁴, рѣста (нарѣста), чѣта (причѣта)²⁵; 3) клѣг'а (наклѣг'а)²⁶, краг'а (украг'а), 4) грѣба (загрѣба, огрѣба, погрѣба), пасѣа (напасѣа, опѣса, прѣпасѣа)²⁷; 5) йѣм (прѣйѣм)²⁸; 6) дам (прѣдам)²⁹.

Во втором разряде выделяется тринадцать подразрядов. Распределение морфологических признаков в данных глаголах показано на таблице 11, которую иллюстрируют следующие примеры:

<u>Наст.2л.ед.:</u>	наваршѣш, испьчѣш, рьчѣш, пустрьжѣш; убудѣш, нъсѣш, нарастѣш; клѣдѣш, украдѣш; загрѣбѣш, пасѣш; йѣдуш; дадѣш;
<u>Зл.ед.:</u>	навархѣ(т), испькѣ(т), рькѣ(т), пустрьгѣ(т); убудѣ(т), нъсѣ(т), нарастѣ(т); клѣдѣ(т), украдѣ(т); загрѣбѣ(т), пасѣ(т); йѣдѣ(т); дадѣ(т);
<u>Имп.1л.ед.:</u>	варшѣх, пьчѣх, рьчѣх, стрьжѣх; будѣх, нъсѣх, растѣх, клѣдѣх, крадѣх; грѣбѣх, пасѣх; йѣдѣх;
<u>Имп.пр.:</u>	варшѣл, -а, -у, -ь; пьчѣл, рьчѣл, стрьжѣл; будѣл, нъсѣл, растѣл; клѣдѣл, крадѣл; грѣбѣл, пасѣл; йѣдѣл;
<u>Аор.1л.ед.:</u>	навархух, испѣкух, рѣкух, пустригух; убѣдух, утнѣсух, нарастух; наклѣдух, украдух; загрѣбух, напасух; найѣдух, прудѣдух;
<u>2л.ед.:</u>	наваршъ, испѣчь, рѣчь, пустрижь, убѣдъ, утнѣсь, нарасть; наклѣдъ, украдъ; загрѣбъ, напасъ; найѣдъ, прудѣдъ;
<u>Аор.пр.:</u>	наваршал, наваршла, -у, -ь; испѣкал, испѣкла; рькѣл, рьклѣ, рьклѣ, рьклѣ; пустригал, пустригла, убѣл, убѣла, утнѣл, напасал, нарасла; наклѣл, наклѣла; укрѣл, укрѣла; загрѣбал, загрѣбла; напасал, напасла; найѣл са, найѣла са, прудѣл, прудѣла;
<u>Повел.ед.:</u>	варшъ, испьчь испьч, пострьжь; бѣдъ, набудъ, ѣтнѣсь ѣтнѣс, нѣсь, нарасть; клѣдъ, наклѣдъ, крадъ, украдъ; грѣбъ, загрѣбъ, пасъ, напасъ; йѣш, изъѣш, прѣйѣш; дай, прѣдай.

корневым/е/, так и с корневым/ѣ/: утнѣл, дунѣл || снѣла йицѣ; в картотеке отмечена форма донѣл.

²⁴ Стр.пр.: прѣпрѣдѣну. Записано выражение запрѣла да пѣе.

²⁵ Стр.пр.: пручѣтънь.

²⁶ Л.Милетич приводит формы: Зл.мн.наст. kládət, аор.пр. kládъ.

²⁷ Стр. пр.: прѣпасѣа. Л.Милетич приводит инфинитив pas.

²⁸ У одного информатора зафиксирована форма аор.пр. найѣль са.

Л.Милетич приводит следующие формы: наст.Зл.ед. sa naadé, наст.

Зл.мн. jādō || jādō || jādōt || jēg'ō (с.Стойките), аор. jādāhə, рѣ-
naādāhə, аор.пр. izéli, rōjōt.

²⁹ Формы имп. и имп.пр. не употребляются. Л.Милетич приводит следующие формы аориста: dādъhə, dāde, dādāa.

Фонемные чередования характерны для большинства глаголов I спряжения 2 разряда (кроме подразрядов I 2з) и I 2и). В чередованиях с усечением усеченный альтернант выделяет формы аористного причастия (см. глаголы из подразрядов I 2г), I 2д), I 2е), I 2ж), I 2к), I 2л), I 2м) и I 2н). В глаголах из подразрядов I 2а) и I 2б) чередования участвуют в оформлении грамматической оппозиции по лицу и числу в пределах двух частных временных парадигм: внутри парадигмы настоящего времени и внутри парадигмы аориста:

По акцентным чередованиям все глаголы второго разряда распределяются в три группы: 1) акцентная кривая а ~ б = [1л.ед.наст., повел., аор., аор.пр.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.] – подразряды I 2а), I 2г), I 2е), I 2з), I 2к), I 2м); эта акцентная кривая свойственна бесприставочным глаголам; 2) акцентная кривая с ~ б ~ а = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.] ~ [аор., аор.пр.] – приставочные глаголы, подразряды I 2б), I 2д), I 2ж), I 2и), I 2л), I 2н); 3) акцентная кривая а ~ б = [1л.ед.наст., повел., аор.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор.пр.] – подразряд I 2в). Итак, для глаголов второго разряда характерно движение ударения от конца словоформы (контур б) в формах наст. (исключая 1л.ед.), имп. и имп.пр. к началу словоформы (контур а) в формах аор. и аор.пр.

3 разряд. Аористная связочная морфема представлена нулем звука (∅).

Зафиксированы глаголы: 1) блѣйа (забл'ѣйа, избл'ѣйа, на бл'ѣйа), зрѣйа, (узр'ѣйа)³⁰, клѣйа 'тлеть' (закл'ѣйа)³¹, пѣйа (зап'ѣйа, исп'ѣйа, нап'ѣйа), смѣйа са (засм'ѣйа са, на см'ѣйа са, на тсм'ѣйа са); пийа (испийа, напийа), 2) жива (прѣжва) (ср. глагол жъвѣйа в III 4а и III 4б).

Данные глаголы составляют четыре подразряда. Распределение морфологических признаков показано на таблице 12, которую иллюстрируют следующие примеры:

Наст.2л.ед.: забл'ѣйѣш, исп'ѣйѣш, напийѣш, прѣжъвѣш;

Зл.мн.: забл'ѣйѣ(т), исп'ѣйѣ(т), напийѣ(т), прѣжъвѣ(т);

Имп.1л.ед.: бл'ѣйѣх, п'ѣйѣх, пийѣх; жъвѣх;

Имп.пр.: бл'ѣйѣл, -а, -у, -ь; п'ѣйѣл, пийѣл, жъвѣл;

Аор.1л.ед.: заблѣх, испѣх, напих, прѣжих;

Аор.пр.: заблѣл, -а, -у, -ь; испѣл, напил, прѣжил;

Повел.ед.: блѣй, забл'ѣй, напий, пий, исп'ѣй, пѣй, живъ, прѣжъв.

³⁰ В картотеке в ответах на вопросы 30б и 46 приведена форма Зл.ед.наст. узрѣй.

³¹ Записано выражение: заклѣха ма бѣзъсь 'вспьхнули щеки'.

Фонемные чередования маркируют формы, образованные от презентной основы (неусеченный альтернант), и формы, образованные от аористной основы (усеченный альтернант).

По акцентным чередованиям все глаголы распадаются на две части: 1) бесприставочные глаголы (подразряды I 3а) и I 3в), характеризующиеся акцентной кривой $a \sim b = \{1л.ед.наст., повел., аор., аор.пр.\} \sim \{наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.\}$ и 2) приставочные глаголы (подразряды I 3б), I 3г), характеризующиеся акцентной кривой $c \sim b \sim a = \{1л.ед.наст., повел.\} \sim \{наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.\} \sim \{аор., аор.пр.\}$.

4 разряд. Аористная связочная морфема представлена гласным /é/.

Зафиксированы глаголы: 1) мрб³², спр'б, штб³³; 2) измра, умра, прóстра. Глаголы измра, умра, прóстра интерпретируем в синхронном плане как бесприставочные: /измр/, /умр/, /простр/ - основы, /а/ - флексия 1л.ед.наст. Морфологическая структура данных глаголов показана на таблице 12, которую иллюстрируют следующие примеры:

Наст. 2л.ед.: мрэш, умрэш, спрэш, прустрэш, штеш;
Зл.мн.: мрб(т), умрб(т), спр'б(т), прустрб(т), штб(т);
Имп. 1л.ед.: мрэх, спрэх, штэх;
Имп.пр.: мрёл, -а, -у, -ь, спрёл, штёл;
Аор. 1л.ед.: умрэх, спрэх, прустрэх, штэх;
Аор.пр.: умрёл, -а, -у, -ь, спрёл, прустрёл, штёл;
Повел.ед.: мри, спри, умръ, прóстръ, (шти).

Глаголы, составляющие четвертый разряд (глаголы: 1) мрб, умра, измра, прóстра, 2) спр'б; 3) штб), характеризуются неизменным фонемным составом основы и следующими автоматическими альтернативами (т.е. позиционным чередованием между фонемами и архифонемами) в исходе основы: [р], [р'], [т] ~ <р>, <р>, <т> = {наст. (1л.ед., Зл.мн.)} ~ <наст. (2, Зл.ед., 1, 2л.мн.), имп., имп.пр., аор., аор.пр., повел.>.

По акцентной характеристике все глаголы распадаются на две группы. Одну составляют глаголы из подразряда I 4а) и характеризуются фиксированным b -ударением, другую - глаголы из подразряда I 4б), для которых характерна акцентная кривая $a \sim b = \{1л.$

³² Л.Милетич приводит следующие формы: наст. умръ, мрót, аор. умрэ, умрэа, аор.пр. умрэа, умрэли, измрálъ. В с.Пештера им зафиксированы следующие формы наст.: мрó, мријеш, мрије, мријат.

³³ Л.Милетич приводит следующие формы этого глагола: наст. штó || дѣстó || стб, штеš || šk'eš, нѣштé || sk'é, нѣштъм, штót; имп. и аор. šk'ea || šk'áa, šk'áhme.

ед.наст., повел.) ~ {наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.}.

5 разряд. Аористная связочная морфема реализована гласным /ó/.

Зафиксирован только один глагол спóm'ѣна³⁴, который мы интерпретируем как приставочный: /спо/ - приставка, /м'ѣн/ - основа, /а/ - флексия 1л.ед.наст. Формы имп. и имп.пр. не употребляются. Распределение морфонологических признаков этого глагола показано на таблице 12. См. примеры:

Наст. 2л.ед.: спум'ѣнэш,
Зл.мн.: спум'ѣнб(т),
Аор. 1л.ед.: спум'ѣнох,
2л.ед.: спум'ѣно
Аор.пр.: спум'ѣнол, -а, -у, -ь.
Повел.: спóm'ѣнь, спóm'ѣньтъ.

Фонемный состав основы этого глагола неизменен. Его парадигму характеризует акцентная кривая $c \sim b = \{1л.ед.наст., повел.\} \sim \{наст. (кроме 1л.ед.), аор., аор.пр.\}$.

Дополнение. К I спряжению относится и зафиксированный глагол кблна (прéкална), который характеризуется образованием форм аориста и аористного причастия от двух аористных основ: полной /калн/ и усеченной /кл'/ (морфонологически {ккл'Ø}). От полной основы формы аориста образуются с аористной связочной морфемой, реализованной /а/ (ср. глаголы первого разряда); от усеченной основы эти формы образуются с аористной связочной морфемой, представленной гласным /ó/. Ср.: наст. 2л.ед. калнэш, прéкалнэш, Зл.мн. калнб(т), прéкалнб(т); имп. 1л.ед.: калнэх; аор. 1л.ед. прéкалнах || прéкл'ох, 2л.ед. прéкална || прéкл'о; аор.пр. прéкалнал, -а || прéкл'ол, -а; повел. кблнь, прéкалнь.

II спряжение

1 разряд. Аористная связочная морфема реализована гласным /й/.

Зафиксированы следующие глаголы: 1) блiзн'а 'родить близнецов', вáл'а (рáзвал'а, свáл'а)³⁵, вáр'а (iзвар'а, нáвар'а, свáр'а)³⁶, нáварв'а³⁷, вóрк'а (рáзварк'а, уварк'а), дѣл'а (iзг'ѣл'а, рáзг'

³⁴ Ср. зафиксированную Л.Милетичем аористную форму от глагола мина: миноh.

³⁵ Стр.пр.: развалéна.

³⁶ Стр.пр.: наварѣнь. Л.Милетич отмечает форму аориста svár'uh и форму аористного причастия svár'uл.

³⁷ Стр.пр.: наварв'ѣнь (?).

Таблица 12

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
I 3а) блѣйа, зрѣйа, клѣйа, пѣйа, смѣйа са, пійа	[й] ~ Ø = [през. осн.] ~ [аор. осн.]
I 3б) забл'ѣйа, узр'ѣйа, напѣйа...	
I 3в) жива	[в] ~ Ø = [през. осн.] ~ [аор. осн.]
I 3г) прѣжва	
I 4а) мрд, спр'ѣ, штѣ	
I 4б) измра, умра, прѣстра	
I 5. спѣм'ѣна	

ѣл'а)³⁸, глав'а (оглав'а 'помолвить')³⁹, гог'а (згог'а, загуг'а, огуг'а, нагуг'а), гор'а перех. (изгур'а)⁴⁰, госк'а (нагуск'а), граг'а (изграг'а, ограг'а), дар'а (подар'а), забур'а, заскром'а са 'вспотеть'⁴¹, позлак'а, извьн'а, каг'а (воскаг'а, окаг'а)⁴², фкамѣн'а, кос'а, (накус'а), корм'а (накарм'а), ск'ѣвнѣ са, лов'а (излув'а, налув'а), смѣн'а, примьн'а са, мѣр'а (прим'ѣр'а), мор'а, (измур'а, поизмур'а), обькул'а (заубькул'а, наубькул'а)⁴³, осьгур'а, отьмьск'а, пазар'а (напазар'а)⁴⁴, плак'а (заплак'а, наплак'а, отплак'а)⁴⁵, пок'а (испук'а), прѣск'а⁴⁶, рѣг'а (нар'ѣг'а), рог'а⁴⁷,

38 Стр. пр.: разг'ѣлѣнь. Л. Милетич приводит следующие формы: наст. 1л. ед. d'álat, 3л. ед. g'elí, 3л. мн. g'el'ót, аор. izg'elín, аор. пр. razg'el'ět, g'el'ět, повел. d'el'ěte gǒ!

39 Стр. пр.: углавѣнь.

40 Ср.: изгурѣх крогѣхас.

41 Ср.: заскрамѣх са, кпцнѣх знѣй.

42 Стр. пр.: укѣдѣн.

43 Л. Милетич приводит форму аор. 1л. мн.: zab'kǒl'ímь.

44 Стр. пр.: напазарѣна.

45 Формы имп. и имп. пр. не собраны. Зафиксирована форма стр. пр. с наосновным ударением: плат'ѣну. Л. Милетич отмечает форму повел. р'á-т'ь (по-видимому, от глагола платѣм, который нами не зафиксирован).

46 Записано выражение бѣг да прѣсть с наосновным ударением.

47 Формы имп. и имп. пр. не собраны.

Фонологические признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14	
-	-	+		+	-	-	+	(+)	(-)	(+)		(-)		(+)	(-)	
-	-	+	+	-	-	-	+	(+)	(-)	(+)		(-)	+	-	-	
-	-	+		+	-	-	+	(+)	(-)	(+)		(-)		+	-	
-	-	+	+	-	-	-	+	(+)	(-)	(+)		(-)	+	-	-	
-	-	-		(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)		(-)	(+)	
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	

слѣбуг'а (ослѣбуг'а), сол'а (досул'а, насул'а, посул'а, усул'а), сбг'а (отсаг'а, присаг'а), сбрн'а (присарн'а), спас'а, топ'а, (стѣп'а раступ'а); истаркак'а, цѣн'а (оцѣн'а), цвѣк'а (расцв'ѣк'а), чўзг'а (очўзг'а), 2) блажа (ублажа), ближа са (наблѣжа са), бройа (прѣбруйа, прибруйа), дойа (издуйа)⁴⁸, кройа (скройа), пойа (напуйа), рѣша (разрѣша), слўжа, стрѣйа (поструйа), сўша (исўша)⁴⁹, тѣча (истуча), трѣша (раструша), ўча са (наўча са)⁵⁰.

Данные глаголы распределяются в 4 подразряда. Их морфологическая структура представлена на таблице 13, которую можно проиллюстрировать следующими примерами:

Наст. 2л. ед.: г'ѣлѣиш, насулиш, дариш, изгурѣиш, блѣзніш, прѣсарниш, лувѣиш, наварвиш, кормиш, заскрамиш са, тупиш, раступиш, спасѣиш, накусиш, прустѣиш, нагустѣиш, градиш, воскодиш, служиш, ублажиш, трушиш, исушиш, тучиш, нсучиш са, пуиш, издуйиш;

48 Стр. пр.: дуйѣнь.

49 Стр. пр.: исушѣи ну гроздѣ.

50 Глагол ўча са (наўча са) в наст., имп., имп. пр. и стр. пр. изменяется как по II, так и по III спряжению: учиш « учьш, учи « учѣ, учим « учѣм, учить « учѣть, учѣт « учѣт; учѣх « учѣх...; учѣн « учѣна (картотека). Л. Милетич отмечает следующие формы: наст. da naučis, da nauči, da sa nauči da zdi, стр. пр. naučenǒ.

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1, 2, 3)
II 1а) в ^а л'а, д ^е л'а, о ^б ък ^у л'а, со ^л 'а; в ^а р'а, г ^о р'а, д ^а р'а; м ^е р'а, м ^о р'а, п ^а з ^а р'а; с ^л изн'а, с ^м е ^н 'а, с ^о рн'а, с ^к 'е ^в н ^и с ^а , ф ^а ма ^н 'а, ц ^е н'а; г ^л ав'а, л ^о в'а; т ^о п'а; к ^о р ^м 'а; к ^о с'а, сп ^а с'а; в ^о рк'а, г ^о ск'а, п ^л ак'а, п ^о к'а, п ^р оск'а, ц ^в е ^к 'а; г ^о г'а, г ^р аг'а, к ^а г'а, р ^е г'а, р ^о г'а, с ^а г'а, с ^о г'а, ч ^у зг'а	
II 1б) р ^а зв ^о л'а, и ^з м ^у р'а, о ^ц е ^н 'а, и ^з л ^у в'а, з ^а ск ^р ам'а с ^а , р ^а ст ^у п'а, н ^а к ^у с'а, н ^а г ^у ск'а, в ^о ск ^а г'а ...	
II 1в) б ^л а ^ж а, б ^л и ^ж а с ^а , с ^л у ^ж а; р ^е ш ^а , с ^у ш ^а , т ^р о ^ш а; т ^о ч ^а , у ^ч а с ^а ; б ^р о ^й а, д ^о й ^а , к ^р о ^й а, п ^о й ^а , с ^т р ^о й ^а	
II 1г) у ^б л ^а ж ^а , и ^с у ^ш а, и ^с т ^у ч ^а , п ^р е ^б р ^у й ^а	

Зл.мн.: г'е^л'о(т), н^асу^л'о(т), д^ар'о(т), и^зг^ур'о(т), б^льз^н'о(т), п^рьс^ар^н'о(т), л^ув'о(т), н^ав^ар^в'о(т), к^ар^м'о(т), з^а-с^кр^ам'о(т), т^уп'о(т), р^аст^уп'о(т), сп^ас'о(т), н^а-к^ус'о(т), п^ру^ск'о(т), н^аг^уск'о(т), г^раг'о(т), в^аск^а-г'о(т), с^луж^о(т), у^бл^аж^о(т), т^руш^о(т), и^суш^о(т), т^у-ч^о(т), н^ауч^о(т) с^а, п^уй^о(т), и^зд^уй^о(т);

Имп.1л.ед.: г'е^ле^х, д^аре^х, б^льз^не^х, л^уве^х, к^ар^ме^х, т^упе^х, сп^асе^х, п^русте^х, г^раде^х, с^луже^х, т^руше^х, т^уче^х, п^уе^х;

Имп.пр. г'е^ле^л, -а, -у, -ь; д^аре^л, б^льз^не^л, л^уве^л, к^ар^ме^л, т^у-п^ел, сп^асе^л, п^русте^л, г^раде^л, с^луже^л, т^руше^л, т^уче^л, п^уе^л;

Аор.1л.ед.: н^асу^ли^х, и^зг^ури^х, п^рьс^ар^ни^х, н^ав^ар^ви^х, з^аск^рам^их с^а, р^аст^уп^их, н^ак^уси^х, н^аг^усти^х, в^аск^ади^х, у^бл^ажи^х, и^су^ши^х, н^ауч^их с^а, и^зд^уи^х;

Аор.пр.: н^асу^ли^л, -а, -у, -ь; и^зг^ури^л, п^рьс^ар^ни^л, н^ав^ар^ви^л, з^аск^рам^ил с^а, р^аст^уп^ил, н^ак^уси^л, н^аг^усти^л, в^аск^ади^л, у^бл^ажи^л, и^су^ши^л, н^ауч^ил с^а, и^зд^уи^л;

Фонологические признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14	
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-			+	-
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-			+	-
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-

Повел.ед.: д^ел^ь, н^асу^ль, д^ар^ь, и^зг^ур^ь, л^ов^ь, н^ав^ар^вь, к^ор^мь, п^рос^ть, н^аг^ус^ть, г^ра^дь, в^оск^ад^ь, с^луж^ь, и^су^шь, п^ой, и^зд^уй.

Все эти глаголы характеризуются неизменным фонемным составом основы глагола и следующим позиционным чередованием фонем и архифоном (т.е. автоматической альтернативой) в исходе основы: [л', р', н', в', м', п', с', к', г'] ~ <л, р, н, в, м, п, с, т, д> = [наст. (1л.ед., Зл.мн.)] ~ <наст. (кроме 1л.ед., Зл.мн.), имп., имп.пр., повел., аор., аор.пр.>. По акцентным чередованиям данные глаголы подразделяются на две группы, которые имеют разное материальное выражение акцентных кривых при одинаковом функциональном содержании: акцентная кривая а ~ в (бесприставочные глаголы, II 1а), II 1в) и акцентная кривая с ~ в (приставочные глаголы, II 1б), II 1г) = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.]

2 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласным /é/.

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
II 2а) бѡл'а, вѡл'а; вѡзвр'а, гѡр'а; гѡрм'а; вѡрв'а; тѡрп'а; лѣк'а; пѡршк'а; сѣг'а	
II 2б) зѡбул'а, изгур'а, изгарм'а, зѡварв'а, прѣтарп'а, зѡл'ѣк'а, пѡсѣг'а	
II 2в) вр'ѡ	
II 2г) дѡржа, лѣжа; гѡл'ча, мѡл'ча, тѡрча, фѡрча; бѡй а са, стѡй а	
II 2д) задаржа, исфарча...	
II 3а) бразн'а, лѡшк'а са, пѡск'а	
II 3б) набразн'а, излошк'а са	
II 4а) сп'ѡ	[п'] ~ [п] = [през.осн.] ~ [аор.осн.]
II 4б) засп'а, насп'а са, пѡспа	[п'] ~ [п] = [през.осн.] ~ [аор.осн.]

Зафиксированы глаголы: 1) бѡл'а (зѡбул'а, прѣбул'а, рѡзул'а са), вѡл'а (завѡл'а, превѡл'а)⁵¹, вѡрв'а (зѡварв'а, изварв'а)⁵², вр'ѡ (вѡзвр'а)⁵³, гѡр'а неперех. (изгур'а), гѡрм'а (изгарм'а), лѣк'а (зѡл'ѣк'а)⁵⁴, пѡршк'а 'слабить (мед.)' (прѣпаршк'а), сѣг'а 'сидеть, стоять, жить' (пѡсѣг'а)⁵⁵, тѡрп'а (прѣтарп'а)⁵⁶; 2) бѡй а са, гѡл'ча (нагал'ча), дѡржа (задаржа), лѣжа⁵⁷, мѡл'ча (умал'ча), стѡй а 'стоять, сидеть', тѡрча (зѡтарча), фѡрча (исфарча).

- 51 В картотеке зафиксирована форма аориста (слѡнцето) превѡл'а.
52 Ср.: вѡрв'а дѡй! вѡрв'а тѣ, данѡ са нѣ вѡрнѣтѣ! Стр.пр.: зѡварвѣнѣтѣ.
53 Глагол вѡзвр'а интерпретируем как бесприставочный.
54 Ср.: лѣтѣ дѡш (картотека), зѡл'ѣк'ѡ дѡждувѣ, зѡл'ѣтѣха дѡждувѣ.
55 Ср.: кѡдѣ сѣдѣ? 'где живѣшь?', сѣдѣ! 'стой!' Этот глагол имеет две вариативные основы: наст. пѡсѣг'а || пѡсѣг'а, сѣдѣ || зѣдѣ; имп. сѣдѣх || зѣдѣх; аор. пусѣдѣх || пуздѣх. Ср. у Л.Милетича: наст. сѣг'а, зѣдѣ, сѣг'от || сѣг'ѡ; имп. аор. сѣд'аһмѣ, зѣд'аһа.
56 Ср.: прѣтарпѣла - млогу трѣмьрѣла.
57 Л.Милетич приводит форму 2, Зл.ед.аор. лѣжѣ.

Фонологические признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14	
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	
-	-	-		(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)		(-)	(+)	
-	-	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	
-	-	-		+	-	-	+	+	-	+	-	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-	
-	+	-		(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)		(-)	(+)	
-	+	-		+	-	-	+	-	+	-	+	-		+	-	

Данные глаголы составляют пять подразрядов. Распределение их морфонологических признаков см. на табл. 14, которую иллюстрируют следующие примеры:

- Наст.2л.ед.: булѣш, завѡлѣш, врѣш, вѡзврѣш, гѡрмѣш, изгармѣш, вѡрвѣш, зѡварвѣш, тѡрпѣш, прѣтарпѣш, л'ѣтѣш, прѣпаршѣш, сѣдѣш, пусѣдѣш, гал'чѣш, задаржѣш, стѡйѣш;
Зл.мн.: бул'ѡ(т), завѡл'ѡ(т), вр'ѡ(т), вѡзвр'ѡ(т), гарм'ѡ(т), изгарм'ѡ(т), варв'ѡ(т), зѡварв'ѡ(т), тарп'ѡ(т), прѣтарп'ѡ(т), л'ѣк'ѡ(т), прѣпаршк'ѡ(т), сѣг'ѡ(т), пусѣг'ѡ(т), гал'чѡ(т), задаржѡ(т), стѡйѡ(т);
Имп.1л.ед.: булѣх, врѣх, гармѣх, варвѣх, тарпѣх, л'ѣтѣх, сѣдѣх, гал'чѣх, стѡйѣх;
Имп.пр.: булѣл, -а, -у, -ѣ; врѣл, гармѣл, варвѣл, тарпѣл, л'ѣтѣл, сѣдѣл, гал'чѣл, стѡйѣл;
Аор.1л.ед.: завѡлѣх, вѡзврѣх, изгармѣх, зѡварвѣх, прѣтарпѣх, прѣпаршѣх, пусѣдѣх, задаржѣх, стѡйѣх;
Аор.пр.: завѡлѣл, -а, -у, -ѣ; вѡзврѣл, изгармѣл, зѡварвѣл, прѣтарпѣл, прѣпаршѣл, пусѣдѣл, задаржѣл, стѡйѣл;

Повел.: бо́ль || бол, заво́ль, ври́, вбъвь, гѣрмь, изгѣрмь, вѣрвь
вѣрь || вор, зававь, тѣрь || тѣри, прѣтѣрь, лѣть, прѣ-
пѣрь || сѣть, по́сьдь, гѣльчъ || гѣльч, за́дарь ||
за́дарш, сто́й.

Данные глаголы характеризуются неизменным фонемным составом основы и следующими чередованиями фонем и архифоном (т.е. автоматическими альтернативами) в исходе основы: {л', р', м', в', п', к', г'} ~ <л, р, м, в, п, т, д> = {наст.(1л.ед., Зл.мн.)} ~ <наст.(кроме 1л.ед., 3 л.мн.), имп., имп.пр., повел., аор., аор.пр.1.

В отношении ударения глаголы второго разряда распадаются на три группы: 1) бесприставочные глаголы, 2) приставочные глаголы, 3) глагол с неслоговой основой (один глагол вр'ѣ). Глаголы, составляющие первую и вторую группы, имеют разное материальное выражение акцентных кривых при одинаковом функциональном содержании: акцентная кривая а ~ в (бесприставочные глаголы, подразряды II 2а), II 2г) и акцентная кривая с ~ в (приставочные глаголы, подразряды II 2б), II 2д) = {1л.ед.наст., повел.} ~ {наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.1}. Парадигма глагола вр'ѣ (подразряд II 2в) характеризуется фиксированным в-ударением.

3 разряд. Аористная связочная морфема представлена гласными /'у/ (формы аориста 1л.ед., 1, 2, Зл.мн.) и /ь/ (формы аориста 2, Зл.ед., формы аористного причастия).

Зафиксированы глаголы бразн'а (набразн'а), лѣшк'а са (излѣшк'а са) и пѣск'а. Их морфонологическая структура показана на табл.14, которую иллюстрируют примеры:

Наст.2л.ед.: лаштиш са, излаштиш са, пустиш, бразниш;
Зл.мн.: лашк'ѣт са, излашк'ѣ(т) са, пуск'ѣ(т), бразн'ѣ(т);
Имп.1л.ед.: лаштѣх са, пустѣх, бразнѣх;
Имп.пр.: лаштѣл са, -а, -у, -ь; пустѣл, бразнѣл;
Аор.1л.ед.: излѣшк'ух са, пѣск'ух, набразн'ух;
2л.ед.: излѣшть са, пѣсть, набразнь;
Аор.пр.: излѣштьл са, -а, -у, -ь; пѣстьл, набразньл;
Повел.ед.: лѣшть са, излѣшть са, пѣсть, бразнь, набразнь.

Данные глаголы характеризуются неизменным фонемным составом основы и позиционным чередованием фонем {к', н'} с архифонами <т, н> в исходе основы: автоматическая альтернатива {к', н'} ~ <т, н> = {наст.(1л.ед., Зл.мн.)} ~ <наст.(кроме 1л.ед., Зл.мн.), имп., имп.пр., повел., аор., аор.пр.1.

Акцентные чередования: 1) акцентная кривая а ~ в = {наст.(1л.ед.), аор., аор.пр., повел.} ~ {наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.1}. (подразряд II 3а); 2) акцентная кривая с ~ в ~ а =

{наст.(1л.ед.), повел.} ~ {наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.1} ~ {аор., аор.пр.1} (подразряд II 3б).

4 разряд. Аористная связочная морфема представлена гласным /'а/.

Этот разряд составляют глаголы сп'ѣ и засп'а, насп'а са, посп'а. Глаголы засп'а, насп'а са, посп'а интерпретируем в синхронном плане как бесприставочные: /засп'/, /насп'/, /посп'/ - основы, /а/ - флексия 1л.ед.наст.

Распределение морфонологических признаков этих глаголов показано на табл. 14, которую иллюстрируют примеры:

Наст.2л.ед.: спиш, пуспиш;
Зл.мн.: сп'ѣ(т), пусп'ѣ(т);
Имп.1л.ед.: спѣх;
Имп.пр.: спѣл, -а, -у, -ь;
Аор.1л.ед.: пусп'ах;
Аор.пр.: пусп'ал, -а, -у, -ь;
Повел.: спи, поспи.

Фонемный состав основы. Указанные глаголы характеризуются следующим непозиционным чередованием фонем и позиционным чередованием архифоном в исходе основы: {п'} ~ <п> ~ {п} = {наст.(1л.ед., Зл.мн.)} ~ <наст.(кроме 1л.ед., Зл.мн.), имп., имп.пр., повел.> ~ {аор., аор.пр.1}, что можно преобразовать в морфонологическое чередование таким образом: {п'} ~ {п} = {наст., имп., имп.пр., повел.} ~ {аор., аор.пр.1}.

Акцентная характеристика. Глаголы со слоговой основой (подразряд II 4б) характеризуются акцентной кривой а ~ в = {1л.ед.наст., повел.} ~ {наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.1}. Глагол с неслоговой основой (подразряд II 4а) во всех формах парадигмы имеет фиксированное в-ударение.

III спряжение

1 разряд. Аористная связочная морфема реализована гласными /'у/ (формы аориста 1л.ед., 1, 2, Зл.мн.) и /ь/ (формы аориста 2, Зл.ед., формы аористного причастия).

Зафиксированы глаголы: 1) бѣл'а (об'ѣл'а), бѣо'а (об'ѣс'а), бран'а (забран'а, обран'а)⁵⁷, брус'а (набрус'а, обрус'а), ваг'а, 'делать борозду'⁵⁸ (изваг'а, наваг'а, проваг'а), вагрг'а (увагрг'а)

⁵⁷ Л.Милетич отмечает формы bràn'āa (имп.) и zabranīhā (аор.)

⁵⁸ Наряду с ваг'а в том же значении употребляется, правда, реже, и глагол бразн'а (см. выше, подразряды II 3а и II 3б). Л.Милетич

вoг'а (привуг'а, провуг'а 'отправить')⁵⁹, вoз'а⁶⁰, врeг'а (пoврeг'а)⁶¹, гaл'а (нaгaл'а)⁶², гнeзг'а (нaгн'eзг'а 'разместить'), гoн'а⁶³, гoтв'а (изгyтв'а, нaгyтв'а, пoдгyтв'а)⁶⁴, гyб'а (зaгyб'а, изгyб'а), дaв'а (yдaв'а)⁶⁵, дiр'а, жeл'а (зaжeл'а), жeн'а (oжeн'а)⁶⁶, зaбaбул'а 'закутать', зaтвур'а, згoлупар'а сa 'раздеться', зoб'а (нaзyб'а), изврaк'а, иeгн'а сa, кaн'а (пoкaн'а), квaс'а (нaквaс'а), клaк'а (зaклaк'а), кoл'а (дoкyл'а, зaкyл'а)⁶⁷, к'oгл'а (пpик'oгл'а)⁶⁸, кoп'а (oкaп'а), кoрск'а (пpeкaрск'а)⁶⁹, кpак'а сa, кpок'а, кyп'а, (нaкyп'а), кyс'а (зaкyс'а), лoм'а (нaлyм'а), л'yб'а (зaл'yб'а, пoл'yб'а)⁷⁰, л'yп'а (изл'yп'а), л'yк'а (paзл'yк'а), мaм'а, мисл'а, (измьсл'а, пoмьсл'а), мeл'а (смeл'а)⁷¹, мeс'а (измьс'а, oмьс'а,

приводит следующие формы: наст. vág'at || vág'zt, aop. izvádsh || izvád'uh || izvág'uh, izvádš, aop. пр. pǝvadaǝ, стр. пр. izvá-
g'ēnǝ.

59 Л. Милетич отмечает следующие формы; наст. Зл. ед. vódx, имп. vó-
g'taše, pǝvǝg'ǝǝ, aop. vóg'uf, aop. пр. vódxǝ.

60 У Л. Милетича находим формы: наст. лл. ед. vóz'ǝm, имп. vóz'ǝh,
aop. vóz'uh.

61 Л. Милетич приводит форму стр. пр. pǝvrég'en.

62 Л. Милетич фиксирует следующие формы: наст. лл. ед. gál'ǝm, имп.
лл. мн. gál'ǝhǝmé || sǝ gál'ǝhǝmé.

63 Л. Милетич отмечает аористную форму gón'uf || gón'uh.

64 Л. Милетич фиксирует формы: наст. лл. ед. gótvam, стр. пр.
kotv'ēnu.

65 Л. Милетич приводит форму аориста лл. ед. udávǝh.

66 Стр. пр.: жeн'ēn.

67 Глагол kól'а образует две вариантные аористные парадигмы: за-
кoл'yx || заклaх, закoлb || заклa, закoл'yxмb || заклaхмb, закoл'yxтb
|| заклaхтb, закoл'yxa || заклaxa, закoлbл || заклaл, закoлbлa || за-
клaлa; кoл'ēna, || дуклaтa || клaн. Л. Милетич приводит формы
наст. и повел. только с /л'/: kól'ǝǝ, kól'ǝ, kól'ǝt; zá-
kol'ǝtǝ!

68 Ср.: к'oгл'ьлa кaжoр 'страдала, мучилась'. Л. Милетич фиксирует
форму имп. лл. мн. k'ógl'ǝme.

69 Л. Милетич отмечает форму стр. пр. kórsk'en.

70 Ср.: пoл'yбь pакoнa 'поцелуй руку'.

71 Глагол мeл'а образует две вариативные аористные парадигмы: смe-
л'yx || смлeх, смeлb || смлe, смeл'yxмb || смлeхмb, смeл'yxтb || смлeхтb,
смeл'yx || смлexa; смeлbл || смлeл. Л. Милетич приводит форму аорис-
та 2, Зл. ед. только с неслоговой основой: mlé (см. ниже,
разряд III 7).

мeск'а (пpем'eск'а), млaшк'а (зaмлaшк'а), мoл'а (пoмyл'а)⁷², мoк'а
(измак'а), мpаз'а (нaмпpаз'а), нoмeр'а, нoс'а (дoнyс'а)⁷³, oтвyр'а,
пaз'а (зaпaз'а), пaк'а, пaл'а (зaпaл'а)⁷⁴, пap'а (oпap'а), плoг'а
сa (нaплyг'а сa), пoвн'а || пoмн'а (зaпyвн'а, пoзaпoвн'а)⁷⁵, пoшк'а
(зaпyшк'а, oпyшк'а, пoпyшк'а)⁷⁶, пoфтyр'а, пoп'а, (испaг'а, пpепaг'а,
пpопаг'а, pаспaг'а), пoл'н'а (нaпaл'н'а, пpепaл'н'а), пpав'а (нaп-
pав'а, oпpав'а)⁷⁷, пpак'а (испpак'а), pабyк'а (изpабyк'а)⁷⁸, pов'а,
(oдpув'а, зapyв'а, изpув'а), p'бс'а сa, oсaкaк'а (2л. ед. yсaкaтbш),
свeк'а (нaсв'eк'а, пoсв'eк'а)⁷⁹, свир'а (пoсвир'а), сeк'а сa (yс'e-
к'а сa), слeг'а сa (зaслeг'а сa), cбг'а (пpисaг'а), cбрг'а сa (pá-
сapг'а сa)⁸⁰, cтaв'а (oстaв'а), cтeл'а (пoстeл'а)⁸¹, cтop'а (пpес-
тyр'а), cтoп'а (нaстaп'а, oтстaп'а), тpов'а (oтpув'а, нaтpув'а),
тpос'а⁸² (истpас'а 'пocтeлить пocтeль', páстpас'а), тpьпep'а,
(páстpьпep'а), тyвap'а (нaтyвap'а)⁸³, тyрмoз'а (пoтyрмoз'а), тyр'а⁸⁴,

72 Л. Милетич дает в форме аор. лл. ед. две флексии: mól'uh || pǝmól'uh ||
mól'uf.

73 Л. Милетич приводит следующие формы: наст. nós'ǝm, nǝǝǝ,
nǝǝǝ, dǝnesót; имп. nós'ǝh; aop. nós'uf; повел. dǝnǝǝǝ, dǝnse-
te gǝ.

74 Л. Милетич отмечает форму лл. ед. наст. zápal'ǝm.

75 У Л. Милетича приведены следующие варианты для форм лл.
ед. наст. и 2 л. ед. наст.: pǝvn'ǝ || pǝvn'ǝm || pǝvnǝm; pǝvn'ǝǝ
|| pǝvnǝǝ || pǝmǝǝǝ.

76 Этот глагол образует две аористные парадигмы: зaпoсkax || yпoшк'yx,
зaпoсkax || yпoшк'yx; зaпoсkaxмb || yпoшк'yxмb, зaпoсkaxтb || yпoшк'yxтb,
зaпoсkaxxa || yпoшк'yxa; зaпoсkaxлa || yпoштeлa.

77 Л. Милетич приводит две формы лл. мн. наст. napǝvǝm || oǝpǝvǝm
и форму лл. ед. аор. pǝv'uf.

78 Л. Милетич фиксирует следующие формы: наст. rǝbótǝ || rǝbǝtǝ,
rǝbt'ǝt; имп. rǝbǝtǝǝ || rǝbotǝǝ; aop. пр. rǝbǝtǝǝ. В картотеке
даны формы: жа páботи, нeма да páботи, ишта да páбок'а. Нами
зафиксировано выражение: ишк'а дp páбyк'а.

79 Стр. пр.: св'етeнb вyдa.

80 Л. Милетич отмечает форму Зл. ед. наст. sórg'i sǝ.

81 Этот глагол образует две аористные парадигмы: пyстeл'yx || пyст-
лaх, пyстeлb || пyстлa, пyстeл'yxмb || пyстлaхмb, пyстeл'yxтb ||
пyстлaхтb, пyстeл'yxa || пyстлaxa; пyстeлbл || пyстлaл.

82 От глагола тpос'а 'искать' формы аориста тpос'yx, тpосb... обра-
зуются крайне редко; вместо них употребляются формы аориста от
глагола нaйда: нaйдуx, нaйдb, нaйдуxмb, нaйдуxтb, нaйдуxa.

83 Л. Милетич приводит форму лл. мн. аор. tǝvǝrǝǝme.

84 Стр. пр.: тyр'ēn.

удар'а⁸⁵, фак'а, фал'а (зафал'а), фир'а (доф'р'а) 'гнать', фбрл'а, (префарл'а), фсоп'а са 'чавкать, икать', хал'а (ухал'а)⁸⁶, хол'а, (нахуг'а, дохуг'а)⁸⁷, храл'а (нахран'а), цеп'а (нащп'а, оцп'а), черн'а (защрн'а)⁸⁸, чиск'а (ощск'а)⁸⁹, чбрп'а || черп'а (пощарп'а), чуг'а са (защуг'а са, пощуг'а са 'задуматься'), шер'а 'вязать' (нащр'а 'исцарапать, исчертить', ошр'а); 2) ближа (наблжа), влача (извлача), гбрча (згбрча), кича са (закчса са, накчса са, окчса са), кл'уча (закл'уча), кульнича, лича (прильча), мбча са, (измача са), плаша (пощплаша, уплоша)⁹⁰, пбржа (испаржа, опаржа), праща (испраща, напраща), точа (натуча, растуча)⁹¹, тбжа (затожа, приатожа)⁹², уча са (науча са).

Все глаголы распределяются в четыре подразряда. Морфологическая структура данных глаголов показана на таблице 15, которую можно проиллюстрировать следующими примерами:

Наст.2л.ед.: губьш, назобьш, купьш, ровьш, готфьш, мамьш, гальш, каньш, турьш, квасьш, пазьш, мотьш, вадьш, ближьш, точьш, плашьш;

Зл.мн.: губ'а(т), назоб'а(т), куп'а(т), ров'а(т), готф'а(т), мам'а(т), гал'а(т), кан'а(т), тур'а(т), квас'а(т), паз'а(т), мок'а(т), ваг'а(т), ближа(т), точа(т), плаша(т);

Имп.1л.ед.: губ'ех, куп'ех, ров'ех, готф'ех, мам'ех, гал'ех, кан'ех, тур'ех, квас'ех, паз'ех, мок'ех, ваг'ех, ближех, точех, плашех;

Имп.пр.: губ'ел, -а, -у, -ь, куп'ел, ров'ел, готф'ел, мам'ел, гал'ел, кан'ел, тур'ел, квас'ел, паз'ел, мок'ел, ваг'ел, ближел, точел, плашел;

⁸⁵ Л.Милетич отмечает формы этого глагола, записанные в с.Пештера: наст. uđraŋ, udriješ, udrije, udrijaŋ; имп. uđri-jeŋme.

⁸⁶ Л.Милетич фиксирует следующие формы: Зл.мн.наст. hapat, Зл.ед.наст. uħara.

⁸⁷ Этот глагол в повел.мн. образует форму хоттъ! Л.Милетич приводит следующие формы аориста: hōg'uf || hōd'uf || dōhōd'ŋh, hōg'uhme || hōg'ihme || hōg'ufme.

⁸⁸ Л.Милетич отмечает форму Зл.ед.наст. eŋ černěj.

⁸⁹ У Л.Милетича зафиксирована форма Зл.мн.аор. očist'uhā sa.

⁹⁰ Л.Милетич приводит форму 1л.ед.аор. upāš'ŋh sa.

⁹¹ Стр.пр.: точѣнх.

⁹² Зафиксирована форма аориста 1л.ед. с двумя флексиями: затожух || затожьх.

Аор.1л.ед.: назоб'ух, ухап'ух, удров'ух, изготф'ух, налом'ух, зажел'ух, ужен'ух, дуфир'ух, истрбс'ух, намраз'ух, испрак'ух, зачут'ух са, испоржух || испоржьх, извлачух || извлачьх, путплашух || путплашьх;

Аор.2-Зл.ед.: назобь, ухапь, удровь, изготфь, наломь, зажель, ужень, дуфирь, истрбсь, намразь, испрать, зачудь са, испоржь, извлачь, путплашь;

Аор.пр.: назобьл, -а, -у, -ь; ухапьл, удровьл, изготфьл, наломьл, зажельл, уженьл, дуфирьл, истрбсьл, намразьл, испратьл, зачудьл са, испоржьл, извлачьл, путплашьл;

Повел.ед.: губь || гуп, назубь, купь || куп, ровь || роф, готфь, налумь || налум, галь, кань || кан, турь || тур, доф'р'ь || доф'р, квась || квас, пазь || пас, моть || мот, вадь || ват, ближь, извлачь || извлач, потплашь || потплаш.

Данные глаголы характеризуются неизменным фонемным составом основы. В глаголах из подразрядов III 1а) и III 1б) можно отметить следующие чередования фонем и архифонем (т.е. автоматические альтернативы) в исходе основы: [б', п', в', ф', м', л', н', р', с', з', т, д] ~ [б, п, в, ф, м, л, н, р, с, з, т, д] ~ [б', п', в', ф', м', л', н', р', с', з', т, г'] = [наст.(1л.ед., Зл.мн.), аор.(1л.ед., 1, 2, Зл.мн.)] ~ [наст.(2, Зл.ед., 1, 2л.мн.), аор.(2, Зл.ед), аор.пр., повел.] ~ [имп., имп.пр.].

По ударению все глаголы распадаются на две группы: бесприставочные (подразряды III 1а) и III 1в), парадигмы которых характеризуются фиксированным а-ударением, и приставочные (подразряды III 1б) и III 1г), парадигмы которых характеризуются акцентной кривой с-а=[1л.ед.наст., повел.] ~ [наст.(кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.].

2 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена безударным гласным /а/.

Зафиксированы следующие глаголы: 1) б'утна (наб'утна)⁹³, в'орна са (заварна са), п'огл'една, гл'отна (преглатна), п'огална, г'обна, д'игна, (вд'игна, зад'ыгна, повд'ыгна са), в'оздажна (отв'озд'ожна), д'ремна (зад'ремна), д'р'опна (издрапна), д'уйна, в'жолтна, ж'она (ожана), з'асуна, й'ст'ьна, й'ст'ьтна са 'опуститься, расслабиться', к'имна⁹⁴, к'ипна⁹⁵, к'ихна, к'лейна, к'опна (искупна), ск'обна, к'радна (открадна), к'удна 'поцеловать', к'усна 'боднуть, кольнуть', л'егна, ф'лезна, л'етна⁹⁶, л'обна (ол'акна), махна (одмахна), метна, мина (замьна),

⁹³ Л.Милетич приводит форму аор.1л.ед. b'utnāh.

⁹⁴ Стр.пр. кимнат 'озабоченный, задумавшийся'.

⁹⁵ Ср.: кипнах зной 'я вспотел (-а)'.

⁹⁶ Ср.: летнаха дождувь.

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
III 1а) губ'а, л'уб'а, зоб'а, куп'а, фсоп'а са, кбп'а, хап'а, готв'а, готф'а, ров'а, тров'а, став'а, мам'а, лом'а, гал'а, фбрл'а, к'фгл'а, жел'а, кан'а, жен'а, черн'а, бразн'а, пар'а, фир'а, стор'а, тур'а, брус'а, квас'а, трфс'а, воз'а, паз'а, турмоз'а, мраз'а, клак'а, мок'а, млашк'а, прак'а, ваг'а, слэг'а, са, хог'а, чуг'а са (примечание к табл см. в конце статьи)	
III 1б) загуб'а, накуп'а, изгуть'а, нагуть'а, налум'а, загал'а, ожн'а, дофр'а, набрус'а, запаз'а, испрак'а, засльг'а...	
III 1в) ближа, пбржа, влача, точка, плаша	
III 1г) набльжа, испаржа, извлача, натуча, потплаша	

премьна)⁹⁷, мокна 'выдернуть, ободрать, опипать' (измакна, намакна), м'бкна (ом'акна), мблкна, мбркнъ са, м'бна, мушна, наг'ена (наде-ньш)⁹⁸, никна (понткна, унькна), обарна, падна, помугна, почна (запучна), п'бна (исп'ана, нап'ана, оп'ана 'выдернуть', сп'бна), пбрдна, пбрсна, пукна, пусна, рипна (изрпна), р'укна, сипна, совна упул'ен 'не спать ночь' (усавна), сбрна, ср'бшна, с'бдна (вбс'адна, пос'адна), стана (вбстана, остана)⁹⁹, стигна, стбпна, посуна¹⁰⁰, сурна са (исурна, пресурна), токна (фтокна), торгна, торна (потарна), трбпна, турна (вбстурна), ублагна, фана (зафана, позафана), фбркна (отфаркна), фчбсна 'сгустить', шбпна, 2) вбрза, (заварза, наварза, разварза)¹⁰¹; 3) сैया (нас'ейа), слабейа (отслаб'ейа), мутайа, байа || байам¹⁰²; 4) дрём'а (задр'ём'а), сип'а¹⁰³,

⁹⁷ Л. Милетичем приведены следующие формы: наст. minъ, mьneъ, mьne, minot || mino sa; аор. mьnobmъ; аор.пр. pьemьnobъ, zamьnobъ. Ср. парадигму глагола спом'ена (разряд I 5).

⁹⁸ Ср.: наг'енъ сайа дрипа!

⁹⁹ Л. Милетич приводит формы повел.ед. и мн.: stan, stanъtъ.

¹⁰⁰ Ср.: посунеть са л'удь.

¹⁰¹ Стр.пр.: завбрзану, развбрзана.

¹⁰² Ср. ниже словоизменение глаголов на /й/ (III спряжение, 4 разряд).

¹⁰³ Л. Милетич приводит форму Зл.мн.наст. sipъt.

Фонологи-ческие признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14	
-	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	
-	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	

трён'а (истрпн'а), трбп'а (истрап'а), хрип'а (захрпн'а), штпн'а (оштпн'а); 5) брпша (обрпша), кажа (покажа, прикажа, раскажа), мьриша (замьриша), нижа (наньжа), ппша (напша || напша), рёжа (за-р'ёжа, изр'ёжа, одр'ёжа, пор'ёжа, ур'ёжа)¹⁰⁴, харйжа¹⁰⁵, чеша (почьша, рашчьша, шчеша); 6) дбфча (издафча), лбжа (излажа), плача, (заплача), стбржа (настаржа, остаржа), суча (насуча, осуча) при-суча)¹⁰⁶, рача¹⁰⁷; 7) драшк'а (одрашк'а).

Здесь выделяется 15 подразрядов. Распределение морфонологических признаков показано на таблице 16; см. пример:

Наст. Зл.ед.: бутьнъш, пугл'бднъш, вбръшъш, навбръшъш, сैयाш || сैयाш, мутайъш || мутайш, дрёмъш, задрёмъш, сипъш, истрпнъш, мьришъш, убришъш, нижъш, пукажъш, плачьш, издбфчьш, лбжъш, устбржъш, драштъш, удраштъш;

¹⁰⁴ Стр.пр.: урёзана, изрёзанъ.

¹⁰⁵ Стр.пр.: харизан.

¹⁰⁶ Ср.: осучъ са с кбрпаса, суча прелу; прьсукану прелу.

¹⁰⁷ Глагол рача образует формы аориста со связочной морфемой /а/ (раках, рака, ракахмь, ракахть, ракаха) и формы аористного причастия со связочной морфемой, реализованной нулем звука (ракал, ракла, раклу, раклъ). Ср.: йе нь ракла, йе нь хтёла.

Т а б л и ц а 16

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
III 2а) б ^у тна, п ^о чна, ф ^а на; в ^о рза; с ^е йа, слаб ^е йа, байа; байам, мут ^а йа	
III 2б) наб ^у тна, за ^ф ана...; заварза; нас ['] ейа, о ['] тслаб ['] ейа	
III 2в) др ^е м'а, сип'а, тр ^е п'а, тр ^о п'а, хр ^и п'а, шт ^и п'а	$\begin{bmatrix} \text{м}' \\ \text{п}' \end{bmatrix} \sim \begin{bmatrix} \text{м} \\ \text{п} \end{bmatrix} = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2г) задр ['] ем'а, истр ['] еп'а, истрап'а, захр ['] еп'а, ошт ['] еп'а	$\begin{bmatrix} \text{м}' \\ \text{п}' \end{bmatrix} \sim \begin{bmatrix} \text{м} \\ \text{п} \end{bmatrix} = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2д) бриша, м ['] риша, пиша, ч ['] еша	$[\text{ш}] \sim [\text{с}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2е) об ['] ръша, зам ['] ръша, нап ['] ъша, п ['] очъша	
III 2ж) кажа, нижа, р ['] ежа, хар ['] ижа	$[\text{ж}] \sim [\text{з}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2з) по ['] кажа, нан ['] ъжа, од ['] р ['] ежа	
III 2и) д ['] офча, пла ['] ча, с ['] уча	$[\text{ч}] \sim [\text{к}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2к) из ['] дофча, за ['] плача, о ['] суча	
III 2л) л ['] ожа, ст ['] оржа	$[\text{ж}] \sim [\text{г}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2м) из ['] лажа, на ['] старжа	
III 2н) драшк'а (ср. пошк'а в III 1а)	$[\text{шк}'] \sim [\text{ск}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$
III 2о) од ['] рашк'а	
III 2п) ра ['] ча	$[\text{ч}] \sim [\text{к}] = [\text{през.осн.}] \sim [\text{аор.осн.}]$

Зл.мн.: б^утна(т), пугл[']одна(т), в^орза(т), нав^орза(т), с^ейа(т), мут^айа(т), др^ем'а(т), задр[']ем'а(т), сип'а(т), истр[']еп'а(т), м[']риша(т), уб[']риша(т), нижа(т), уст[']оржа(т), драшк'а(т), уд[']рашк'а(т);

Имп.1л.ед.: б^утн'ех, в^орз'ех, с^ей'ех || с^еех, 'ут[']а'й'ех || мут[']а'ех, др[']ем'ех, сип'ех, м[']риш'ех, ниж'ех, плач'ех, л[']ож'ех, драшк'ех;

Имп.пр.: б^утн'ел, -а, -у, -ъ; в^орз'ел, с[']еел, мут[']а'ел, др[']ем'ел, сип'ел, м[']риш'ел, ниж'ел, плач'ел, л[']ож'ел, драшк'ел;

Фонологи- ческие признаки	Акцентологические признаки															
	1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14
-	-	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-
-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	+	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-

Аор.1л.ед.: пугл[']одна, нав^орза, с[']ейа, мут[']а'йа, задр[']ема, истр[']еп[']а, уб[']риса, пук[']аза, изд[']офка, уст[']орга, уд[']раска;
Аор.пр.: пугл[']одна, -а, -у, -ъ; нав^орзал, с[']ейал, мут[']а'йал, задр[']емал, истр[']епал, уб[']рисал, пук[']азал, изд[']офкал, уст[']оргал, уд[']раскал;

Повел.ед.: б^утн['], погл[']одн['], в^орз['], с[']ей, мут[']а'й, др[']ем['] || др[']ем, задр[']ем['], сип['] || сип, истр[']еп['], м[']риш['], об[']ръш['] || об[']ръш, ниж['], по[']каж['] || по[']каш, плач['] || плач, изд[']офч['], л[']ож['], оста[']рж['], драшт['], од[']рашт['].

Фонемные чередования глаголов этого разряда участвуют в оформлении грамматической оппозиции между формами, образованными, с одной стороны, от презентной основы, и формами, образованными, с другой, от аористной основы. Это чередования: [ш] ~ [с] (подразряды III 2д), III 2е); [ж] ~ [з] (подразряды III 2ж), III 2з); [ч] ~ [к] (III 2и), III 2к), III 2п); [ж] ~ [г] (подразряды III 2л), III 2м); [шк'] ~ [ск] (подразряды III 2н), III 2о); [м'] ~ [м] и [п'] ~ [п] (подразряды III 2в) и III 2г). В подразрядах III 2в), III 2г), III 2н) и III 2о) исход основы глаголов характеризуется чередованием фонем и чередованием фонем с архифонами (т.е. автоматическими альтернативами): [м', п', шк'] ~ <м, п, шт,> ~ <м', п', шк'> ~ [м, п, ск] = [наст. (1л.ед., 3л.мн.)] ~ <наст. (2, 3л.ед., 1, 2л.мн.), повел.> ~ <имп., имп.пр.> ~ [аор., аор.пр.] , которые оформляются в следующие морфологические чередования: [м', п', шк'] ~ [м, п, ск] = [наст., имп., имп.пр., повел.] ~ [аор., аор.пр.]. Глаголы из подразрядов III 2а) и III 2б) характеризуются неизменным фонемным составом основы и чередованием в исходе основы фонем и архифоном (т.е. автоматической альтернативой): [н, з] ~ <н, з> ~ <н', з'> = [наст. (1л.ед., 3л.мн.), аор., аор.пр.] ~ <наст. (2, 3л.ед., 1, 2л.мн.), повел.> ~ <имп., имп.пр.>.

По ударению все глаголы распределяются в две группы: бесприставочные, характеризующиеся фиксированным а-ударением во всех формах парадигмы каждого глагола, и приставочные, парадигмам которых свойственна акцентная кривая с ~ а = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.] .

3 Р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласным /й/.

Зафиксированы следующие глаголы: 1) глоб'а (разглуб'а), буг'а, (набуг'а, сбуг'а)¹⁰⁸, наварв'а 'вдеть резинку'; 2) уча са (науча, са)¹⁰⁹.

Морфологическая структура данных глаголов представлена на таблице 17, которая иллюстрируется следующими примерами:

Наст. 2л.ед.: глоб'ыш, разглуб'ыш, буг'ыш, набуг'ыш, наварв'ыш, науч'ыш са;
3л.мн.: глоб'а(т), разглуб'а(т), буг'а(т), набуг'а(т), наварв'а(т), науч'а(т) са.

Имп. 1л.ед.: глоб'эх, буг'эх, наварв'эх, уч'эх са,

Имп.пр.: глоб'ёл, -а, -у, -ь; буг'ёл, наварв'ёл, уч'ёл са,

Аор. 1л.ед.: разглуб'их, сабуд'их, наварв'их, науч'их са;

108 Стр.пр.: сабуг'эна.

109 См. выше словоизменение этого глагола по III спряжению (1разряд).

Аор.пр.: разглуб'ил, -а, -у, -ь; сабуд'ил, наварв'ил, науч'ил са,
Повел.ед.: глоб'ь, разглуб'ь, буг'ь, сабуд'ь, наварв'ь, науч'ь са.

Глаголы данного разряда характеризуются неизменным фонемным составом основы во всех формах парадигмы и позиционным чередованием фонем и архифоном в исходе основы каждого глагола, ср.: [б', в', г'] ~ <б, в, д> ~ <б', в', г'> = [наст. (1л.ед., 3л.мн.)] ~ <наст. (2, 3л.ед., 1, 2л.мн.), повел., аор., аор.пр.> ~ <имп., имп.пр.>.

По ударению все глаголы распадаются на бесприставочные, характеризующиеся акцентной кривой а ~ в = [наст., имп., имп.пр., повел.] ~ [аор., аор.пр.], и приставочные, которым свойственна акцентная кривая с ~ а ~ в = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.] ~ [аор., аор.пр.] .

4 Р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена нулем звука (∅).

Зафиксированы глаголы: 1) бл'ел'ейа (поб'ел'ейа), бл'ед'ейа (избл'ед'ейа), бл'ед'нейа (избл'ед'нейа, приобл'ед'нейа), бурч'ейа (забурч'ейа 'быть должным'), вич'ейа¹¹⁰, гр'ейа (изгр'ейа)¹¹¹, гув'ейа (оц-гув'ейа), обдув'ейа, жалт'ейа (пожалт'ейа)¹¹², жв'ейа¹¹³ (зажв'ейа), ижв'ейа (прежв'ейа), окуц'ейа, к'авн'ейа (зак'а вн'ейа, прик'а вн'ейа), л'ейа (зал'ейа, изл'ейа, нал'ейа, пол'ейа)¹¹⁴, пышт'ейа (испыт'ейа, с'ейа 'сеять, сосать' (нас'ейа)¹¹⁵, слаб'ейа (отслаб'ейа)¹¹⁶; 2) наг'а 'надеяться' (над'ейш || над'ейш), изнаг'а, 3) знайа || знаа || знам (познайа)¹¹⁷; 4) игр'а || играм редко (играйш || играйш), обьгра, поигра¹¹⁸.

110 Л.Милетичем отмечены следующие формы стр.пр.: vāncāt, nъ vēncētъ, vēncētu.

111 Ср.: māšcinъ grāj (Л.Милетич).

112 Стр.пр.: пужалтэнь.

113 Ср. глагол жива, который является более архаическим и реже употребляется (см. подразряды I 3в) и I 3г).

114 Стр.пр.: излэта.

115 Ср.: насэлу са дэк'ану; стр.пр. сэт. Реже этот глагол может образовывать формы аориста с аористной связочной морфемой, реализованной гласным /а/, насэйах, насэйа (ср. подразряды III 2а) и III 2б).

116 Реже этот глагол может образовывать формы аориста и с аористной связочной морфемой /а/: слабэйах...

117 Нами у одного информатора зафиксированы формы: знэх (аор.1л.ед.) и знёл (аор.пр.). Л.Милетич приводит следующие формы наст.: znāje || znāe || znāj || zna, znājete || znājte, znāt.

118 Л.Милетич отмечает форму 1л.ед.наст. роиграм.

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
III 3а) глоб'а, буг'а, уча са	
III 3б) разглуб'а, оббуг'а, наварв'а, науча са	
III 4а) б'елѣйа, бл'едѣйа, бл'еднѣйа, бурчѣйа, вьнчѣйа, грѣйа, гувѣйа, жолтѣйа, жьвѣйа, куцѣйа, к'а- внѣйа, лѣйа, пѣштѣйа, сѣйа, сла- бѣйа; наг'а, знайа знам, игр'а игра м, копам; лайа, мутайа, ткайа, дуяа, чуйа, бийа, вийа, гнийа, крийа, мийа, трийа, шийа	[и]~∅ = [през.осн.]~[аор.осн.]
III 4б) нал'ѣйа, исткайа, сбуйа, завьяа, познайа, пуигра пуигра м, искупам ...	[и]~∅ = [през.осн.]~[аор.осн.]
III 4в) збма з'бма	[м]~∅ = [през.осн.]~[аор.осн.]
III 4г) найама, отн'ама	

5) копам (купайш || купаиш), искупам; 6) лайа (излайа)¹¹⁹, мутайа¹²⁰,
ткайа (исткайа, поткойа)¹²¹; 7) дуяа (надуяа), сбуйа, чуйа (до-
чуйа), 8) бийа (добьяа, побьяа, убьяа)¹²², вийа (завьяа, изьяа,
свийа)¹²³, гнийа (изгньяа), крийа (накрьяа, покрьяа, прикрьяа),
скрийа)¹²⁴, мийа (умьяа)¹²⁵, трийа (затрьяа), шийа (ушьяа).
II. збма || з'бма¹²⁶ (найама, отн'ама).

119 Ср.: кучасу изладу.

120 Ср. выше образование форм аориста со связочной морфе-
мой /а/.

121 Стр.пр.: поткоань.

122 Ср.: бих пок'за ништу'ходил(-а) напрасно'. Стр.пр.: убит.

123 Стр.пр.: извит.

124 Стр.пр.: пръкрит. Л.Милетич отмечает форму отглагольного суще-
ствительного крѣжань.

125 Стр.пр.: умит.

126 Ср.: жа та збма на Горгуч. Л.Милетич приводит следующие формы:
наст. збѣмъ || збѣмъ || з'бѣмъ (1л. ед.), да збѣме || збѣмъ (Зл.
ед.);

Фонологи- ческие признаки			Акцентологические признаки													
1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13	14	
-	-	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		+	-	
-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	
-	-	+		+	-	+	-	+	-	+		-		+	-	
-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+		-		+	-	
-	-	+		+	-	+	-	+	-	+		-		+	-	
-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+		-	+	-	-	

Перечисленные глаголы распадаются на четыре подразряда. Распре-
деление морфологических признаков этих глаголов показано на таб-
лице 17, которая иллюстрируется следующими примерами:

Наст.Зл.ед.: сѣйш || сѣиш, насѣйш || насѣиш, надѣйш || надѣиш, лайшш
лайш, исткайшш || исткайшш, дуишш || дуишш, сабуишш || сабуишш,
бийшш || бишш, завийшш || завийшш, знайшш || знаишш, играйшш ||
играишш, пуиграйшш || пуиграишш, купаишш || купаишш, искупаишш ||
искупаишш; з'бмьш, утн'бмьш;

Зл.мн.: сѣйа(т), насѣйа(т), слабѣйа(т), надѣйа(т), лай-
а(т), исткайа(т), дуяа(т), сабуяа(т), бийа(т),
завийа(т), знайа(т), пузнаа(т), играйа(т), пуиг-
райа(т), купаа(т), искупаа(т); з'бма(т), утн'б-
ма(т);

Имп.1л.ед.: сѣѣх || сѣѣх, надѣѣх, слабѣѣх, лаѣх || лаѣх, дуѣх, би-
ѣх, знаѣх, играѣх, купаѣх, з'бм'ѣх;

Имп.пр.: сѣѣл, -а, -у, -ь, надѣѣл, слабѣѣл, лаѣл, биѣл, знаѣл,
играѣл, купаѣл, з'бм'ѣл;

Аор.1л.ед.: насѣх, изнадѣх, излаѣх, исткаѣх, сабуѣх, завѣх, пузнаѣх,
убьграѣх, искупаѣх, утн'бѣх;

Аор.пр.: насёл, -а, -у, -ь; изнащёл, излал, исткал, собул, завил, пузнал, уььграл, иступал, утн'бл;
 Повел.ед.: сэй, наг'ей, изнаг'ей, нас'ей, лай, исткай, дуй, сбуй, бий, завьй, знай, познай, играй, объграй, купай, иступай, з'омь, отн'амь.

Фонемные чередования в данных глаголах участвуют в оформлении грамматической оппозиции между наст., имп., имп.пр., повел., с одной стороны, и аор. и аор.пр., с другой. Это чередования [й] ~ Ø - подряды III 4а) и III 4б) и [м] ~ Ø - подряды III 4а) и III 4г).

Акцентная характеристика. Бесприставочные глаголы характеризуются фиксированным а-ударением. Приставочным глаголам свойственна акцентная кривая с ~ а = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л. ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.].

5 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласными /у/ (формы аориста 1л.ед. и 1, 2, 3л.мн.), /ь/ (формы аориста 2, 3 л.ед.) и Ø (формы аористного причастия).

Зафиксированы глаголы: 1) ида¹²⁷, отьда¹²⁸; 2) найда¹²⁹, пойда¹³⁰; 3) флэза (изл'эза, слэза)¹³¹. Глаголы найда и пойда, пода, интерпретируем в синхронном плане как бесприставочные: /найд/ и /пойд || под/ - основы, /а/ - флексия 1л.ед.наст.

повел. z'ómь sь n'zómi; аор. z'óh || z'óh, z'óh || z'ó, z'óh, prez'óh; аор.пр. z'óh, priz'óh; инфинитив prez'ó.

127 Глагол ида употребляется только в настоящем и будущем времени, а также в повелительном наклонении. Формы имперфекта могут быть образованы, но употребляются крайне редко.

128 Глагол отъда употребляется только в будущем времени и в аористе, от него могут быть образованы также формы аор.пр. В наст., имп., имп.пр. и повел. вместо отъда употребляется глагол вөрв'а (см. подразряд II 2а), который образует и формы аор. и аор.пр. (изварв'ех, варв'ел). Л.Милетич приводит следующие формы: наст.3л.ед. ótídz, аор. ótídzh, ótídz, utídzha || ótídzha; аор.пр. ótídzal.

129 Формы имп. и имп.пр. от глагола найда не образуются. Вместо них употребляются формы имп. и имп.пр. от глагола трбс'а (подразряд III 1а). Л.Милетич приводит форму аор. 1л.ед. nájda. Нами один раз зафиксирована форма аор. найд'ох.

130 Л.Милетич приводит следующие формы: наст. (будущее) že p'ódq, имп. p'óg'äh, p'óg'ähme || p'óg'ehme.

131 Л.Милетич отмечает следующие формы: аор. vl'äz'ähme, повел. fläz.

Морфологическая структура этих глаголов показана на табл. 18.

Ниже приводится иллюстративный материал.

Наст.2л.ед.: идьш, утидьш, найдьш, поидьш, излэзьш;

3л.мн.: ида(т), утида(т), найда(т), пойда(т), излэза(т);

Имп.1л.ед.: иг'ех, пог'ех || поиг'ех, излэз'ех;

Имп.пр.: иг'ел. -а, -у, -ь; поиг'ел, излэз'ел;

Аор.1л.ед.: утидух, найдух, поидух, излэзух;

2-3л.ед.: утидь, найдь, поидь, излэзь;

Аор.пр.: утьшбл, утьшла, утьшло, утьшли; нашбл, нашла; пушбл, пушла; излэл, -а, -у, ь;

Повел.: идь, отьдь, найдь, поидь, изл'эз || изл'ес, флэз || флэс.

Фонемные чередования. Глагол ида (III 5а), не имеющий форм аор. и аор.пр., характеризуется неизменным фонемным составом основы и следующим чередованием фонем и архифонем (т.е. автоматической альтернативой): [д] ~ <д> ~ <г'> = наст. (1 л. ед., 3 л. мн.) ~ <наст. (2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.), повел.> ~ <имп., имп.пр.>. Глагол отъда (III 5б) характеризуется следующим чередованием фонем и архифонем: [д] ~ <д> ~ [ш] = [наст. (1 л. ед., 3 л. мн.), аор. (1 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.)] ~ <наст. (2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.), аор. (2, 3 л. ед.), повел. ~ <аор.пр.>; которое преобразуется в морфологическое: [д] ~ [ш] = [наст., повел., аор.] ~ [аор.пр.] (от данного глагола формы имп. и имп.пр. не образуются). Глаголы найда и пойда (III 5 в), от которых могут быть получены все формы глагольной парадигмы, характеризуются четырехчленным чередованием фонем и архифонем: [йд] ~ <йд> ~ <йг'> ~ [ш] = [наст. (1 л. ед., 3 л. мн.), аор. (1 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.)] ~ <наст. (2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.), аор. (2, 3 л. ед.), повел.> ~ <имп., имп.пр.> [аор.пр.]; эта альтернатива преобразуется в морфологическое чередование [йд] ~ [ш] = [наст., имп., имп.пр., повел., аор.] ~ [аор.пр.]. Глаголы группы -лэз (III 5г и III 5д) характеризуются автоматической альтернативой [з] ~ <з> ~ <з'> = [наст. (1 л. ед., 3 л. мн.), аор. (1 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.)] ~ <наст. (2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.), аор. (2, 3 л. ед.), повел.> ~ <имп., имп.пр.> и морфологическим чередованием [з] ~ Ø = [наст., имп., имп.пр., повел., аор.] ~ [аор.пр.].

Акцентная характеристика. Акцентная кривая а ~ в = [наст., имп., имп.пр., повел., аор.] ~ [аор.пр.] свойственна глаголам из подразряда III 5в). Акцентную кривую с ~ а ~ в = [1 л. ед. наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1 л. ед.), аор.] ~ [аор.пр.] находим в подразряде III 5б). Акцентная кривая с ~ а = [1 л. ед. наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1 л. ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.] характеризует глаголы из подразряда III 5д). Фиксированное а-ударение находим в подразрядах III 5а) и III 5г).

Подразряд	Тип фонемного чередования (объяснение клеток 1,2,3)
III 5а) <i>йда</i>	
III 5б) <i>отъда</i>	[д]~[ш]=[наст., повел., аор.]~[аор.пр.]
III 5в) <i>найда, пойда</i>	[йд]~[ш]=[наст., имп., имп.пр., повел., аор.]~[аор.пр.]
III 5г) <i>флѣза</i>	[з]~[∅]=[наст., имп., имп.пр., повел., аор.]~[аор.пр.]
III 5д) <i>изл'ѣза</i>	
III 6. <i>дойда</i>	[йд]~[ш]=[наст., имп., имп.пр., повел., аор.]~[аор.пр.]
III 7. <i>мѣл'а (смѣл'а)</i>	[е]~[∅]=[през.осн.]~[аор.осн.]
III 8. <i>виг'а</i>	[г']~[ш]=[наст. имп., имп.пр., аор., аор.пр.]~[повел.]
IV 1. <i>обрзам, вазривам, га йбсвам...</i>	
IV 2. <i>побарам, докарам...</i>	
IV 3. <i>заобрзам, испукам...</i>	

6 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласными /о/ (формы аориста 1л.ед., 1, 2, 3л.мн.), /ѣ/ (формы аориста 2, 3л.ед.) и ∅ (формы аористного причастия).

К этому разряду относится только один глагол *дойда*¹³², который мы интерпретируем в синхронном плане как бесприставочный. Распределение его морфонологических признаков показано на таблице 18.

Наст.2л.ед.: *дойдыш* Аор.пр.: *душол, душлѣ, душлѣ, души*

3л.мн.: *дойда(т)* Повел.ед.: *дойды*.

Аор.1л.ед.: *дуйдох*

2-3л.ед.: *дуйде*

¹³² Формы имперфекта от этого глагола нами не собраны. Л.Милетич отмечает следующие формы: наст.3л.ед. *дѣдѣ* и *дѣждѣ*, аор. 2-3л.ед. *дѣдѣ*, имп.1л.мн. *дѣггѣнѣ*, аор.пр. *дѣдѣ*, *дѣдѣ*, инфинитив *to šk'āhne dō*.

Фонологические признаки	Акцентологические признаки														
	1	2	3	4а	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13а	13
-	-	-		+	-	+	-							+	-
-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	-		+		+	-
-	+	-		+	-	+	-	+	-			+		+	-
-	-	+		+	-	+	-	+	-	+		-		+	-
-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+		-		+	-
-	+	-		+	-	+	-	-	+			+		+	-
+	-	-		+	-	+	-	(-)	(+)	(-)	(+)	(-)		+	-
-	+	-		+	-	+	-	+	-	+	-	-		(+)	(-)
-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-
-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-
-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-

Исход основы этого глагола характеризуется теми же автоматическими альтернативами и морфонологическими чередованиями, которые свойственны и глаголам из подразряда III 5в). Акцентная кривая $a \sim b \sim b_1 = [\text{наст.}, \text{имп.}, \text{имп.пр.}, \text{повел.}] \sim [\text{аор.}] \sim [\text{аор.пр.}]$.

7 р а з р я д. Аористная связочная морфема представлена гласным /ѣ/.

К этому разряду относится лишь один глагол *мѣл'а (смѣл'а)*; выше показано и его изменение по разряду III 1. Распределение морфонологических признаков см. на таблице 18.

Наст.2л.ед.: *мельш*

3л.мн.: *мѣл'а(т)*

Имп.1л.ед.: *мѣл'ех*

Имп.пр.: *мѣл'ѣх, -а, -у, -ѣ*

Аор.1л.ед.¹³³: *смлѣх*

¹³³ Ср. параллельное образование форм аориста и аористного причастия по правилам, характеризующим подразряд III 1а).

Аор.пр.: смёлл, -а, -у, -ь
Повел.ед.: мёлъ, смёлъ.

Этот глагол характеризуется чередованием [e] ~ * = [през.осн.] ~ [аор.осн.] внутри основы. Исходу основы свойственна автоматическая альтернатива [л'] ~ <л> ~ <л'> = [наст.(1л.ед., 3л.мн.)] ~ <наст.(2, 3л.ед., 1, 2л.мн.)>, аор., аор.пр., повел.> ~ <имп., имп.пр.>. Акцентная кривая а ~ в = [през.осн.] ~ [аор.осн.]

8 р а з р я д. Аористная связочная морфема реализована гласным /ё/.

В этот разряд входит лишь один глагол виг'а¹³⁴. Распределение его морфологических признаков показано на табл. 18.

Наст.2л.ед.: видъш

3л.мн.: виг'а(т)

Имп.1л.ед.: виг'эх

Имп.пр.: виг'ёл, -а, -у, -ь

Аор.1л.ед.: виг'эх

Аор.пр.: виг'ёл, -а, -у, -ь

Повел.ед.: виш || видъ

Исход основы этого глагола характеризуется автоматической альтернативой [г'] ~ <д> ~ <г'> = [наст.(1л.ед., 3л.мн.)] ~ <наст. 2, 3л.ед., 1, 2л.мн.> ~ <имп., имп.пр., аор., аор.пр.> и морфологическим чередованием [г'] ~ [ш] = [наст., имп., имп.пр., аор., аор.пр.] ~ [повел.]. Парадигме этого глагола свойственно фиксированное а-ударение

IV спряжение

Аористная связочная морфема во всех глаголах IV спряжения реализована нулем звука. Акцентная характеристика данных глаголов позволяет распределить их в три группы. В п е р в у ю, самую многочисленную группу, входят глаголы, во всех формах парадигмы которых представлено фиксированное наосновное ударение (контур а). В т о р у ю группу составляют приставочные глаголы, характеризующиеся акцентной кривой с ~ а, которая маркирует формы 1л.ед.наст. и повел. (контур с). Т р е т ь я группа представлена также приставочными глаголами с акцентной кривой с ~ а, выделяющей, с одной стороны, формы повел. (контур с), а с другой, - все остальные формы глагольной парадигмы (контур а).

Зафиксированы следующие глаголы: 1) артисам, артисвам, бегам (избегам, разбегам са), брзсам, брксам са (збрксам са), буйадисам,

букайосам, буздисам са 'портиться', бьльндисам 'понять', бьндисам 'нравиться', бьндисувам, вазвирам, вазривам, варосам, везам, вёрвам, виг'увам, виждам, викам(свикам), вбрзсам(навбрзсам), вьчёр'увам, вьнчёмвам, гадльичкам, глождам, гл'бдам, гл'бдвам(загл'бдвам, пугл'бд-вам), гл'бждам, гуштáвам, гризам(угризам), гайбоссам 'насмеяться', давам(надавам, пудавам са, раздавам), давовам, даровам, дигам(пуд-дигам), дукáвам(закáвам), думам(издумам), дунáсам, дунисам са, (прънисам, фнисам), драпам, духодам, дучáвам, завар'ам, забёл'вам, забурчэсам 'быть должным', пръвивам, загбл'увам, загувёвам, задевам са, зайнайтисам, заклáвам, закачом, закашл'увам, закан'увам, зак'ах-чёмвам, заклёвам, заливам(наливам), замлáском, запáл'увам, з'áпам, запувёдам, засёлвам, засмалёвам, зб́ирам(изб́ирам, пръб́ирам, разб́и-рам), згáдам(нагáдам), здравовам, з́имам, идвам, изб́ор'ам(навбрв'ам), изгладам, изидам, изуграфисам, изуграфисвам, ймам(наймам са нъ са наймам 'не сьм', нъ наймам са да му прав'а измék' 'не в состоянии работать'), искавардисвам, йскам, исписвам, испичом, испликнувам, исплúвам, истуштáвам, йёдóсам, йёдóсвам, йёхам, казам, казвам (заказвам, пръказвам), карам, кихам(искихом), клáн'ам са, купó-вам, кб́лщам(скб́лщам), кб́цамикб́сам(уткб́сам, раскб́сам), кб́рстам(пръкб́рстам), краштáвам, крэскам(искрэскам), калэсувам, куртулисам(куртулуш 'спасение'), кашмёрóвам, курдисам, кб́снувам, лахам са, личка дош 'ливень', л'б́скам са(изл'б́скам са), л'ул'ам са, махам, мацам(умацам), мьновам, мёркнувам, мёсам, набл'удавам, наву́пкам 'напол-нять', нагр́исам, надёвам, назландисвам 'ничего не хотеть', назб́р-кувам, накр́швам, налэгам, намазвам, намёск'увам, номёрисувам, на-пат́исам, напо́мн'увам, нат́искам(прът́искам), нёмсам, ньфэйлам, паза-рóвам, панак'б́сам, пийнвам, п́итам, пишкам(напишкам, уп́ишкам), пла-днóвам, плáтам, плúвам, прáтам, прб́скам, прубáдам, прухóг'увам, пруштáвам, пръвáдам, пръкалнáвам, пръкб́рск'увам са, прпáсвам, прпулв́вам, пръсúквам, пуб́ивам, пув́иквам, пуглиштам, пугр́исам, пудр́итвам, пубзб́рквам(разбзб́рквам, убзб́рквам са), пузнáвам, пúкам(спúкам), пукр́ивам, пума́гам, размáчком(пумáчком), пупáрвам, пупкá-вам са, пусáждам, пус́ирам са, пúскам, пусрештам, пукáр'ам 'назы-вать', путсм́ивам, путупёвам, путúрчам, путúрчвам, пуфтáр'ам, пуч́и-вам, радам са 'родиться', раждам, развал'ам, разрышевам, распб́г'у-вам, растрб́сам, растрб́свам, растршúвам, расхóждам, рашчóкувам, рипкам,(пудрипкам, зарипкам, прърипкам), ритам, рудёвам, р'úкам, рúхам са, рúчам, сабличам са(убличам), сасичам, свиркам, свб́ркам, свб́ршувам, сёйкам са 'скользить', сёвам(пусёвам), сёдам(насёдам), сётам, скáчым, ф́лизам(слизам), слúшам, смб́рцом, сб́внува са, сб́рсам, снасёвам, спл́итам, спум́инам, срамóвам са, стáвам, стáнвам, стáнувам, ст́ипам, ст́ипам(заст́ипам), ст́искам, сурвáкам, тáчам, талóвам, тан-цúвам, тб́рнувам, трéсам, тръмирам 'не есть три дня', уб́ичам, ублáж-

¹³⁴ Л.Милетич приводит следующие формы: имп. víg'āh, víg'āha, аор. tój víg'è, zāv'g'āha, аор.пр. sē víg'elā, tó víg'ēto..

вам, убрáштам, ут'ёл'ам, удáрвам, удврбáштам, удрав'ам, уздравéвам, узрéвам, укл'úмам, укушурéсам са, умирам, униквам, уйíнам, уйíшк-вам 'уколоть' (напíшквом 'оклеветать'), уплáквом са, упутр'бéвам, утíвам, утлáвом, утпáром, ушьндíсам, фáтом(зафáтом, исфáтом), фáштом, фбркам(исфбркам, прьфбркам), фсóp'увам са, фтáсам, фчбснுவам, харé-сам, хр'бскам, хлбáсам, хлбцáсам(захлбцáсам), цéлувам, цбнкам, цьрйкам(нацьрйкам 'всунуть с трудом'), чéкам, чбкам, чúвам, чúкам, чьс-товам, шбáтам.

Глаголы этой группы имеют неизменный фонемный состав основы и фиксированное а-ударение.

2) пбáрам, забáркам (рáзбáркам), íзв'ёрвам, пбдрáтам, нáзв'ё-кам са 'напиться', дбáрам (искáрам, бткарáм, прéкарáм), зál'ул'ам са, рáзмьтам, íзмохам, припрьдáм, íзр'укам (пбр'укам, рáзр'укам), пбсьйкам са, стрбгусáм 'ударять', пбсарбáм (исарбáм), пбчб́кам.

Глаголы данной группы характеризуются неизменным фонемным составом основы и акцентной кривой с ~ а = [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр., аор., аор.пр.].

3) заббрáсам, пунаббрáсам, загл'б́дам (угл'б́дам, разгл'б́дам), из-лй́сам, уйтáм (пупйтáм), напíшквом, испукáм, зарб́чам (нарб́чам, пурб́чам), из-р'укам, скулапéсам 'сгибать'. Глагол скулапéсам интерпретируем как приставочный.

Глаголы данной группы характеризуются неизменным фонемным составом основы и акцентной кривой с ~ а = [повел.] ~ [наст., имп., имп.пр., аор., аор.пр.]. Глаголы излй́сам, зарб́чам, нарб́чам, пурб́чам образуют формы повелительного наклонения с вариативным ударением: на приставке (контур с) и на корне (контур а).

Распределение морфонологических признаков глаголов IV спряжения показано на табл. 18.

* * *

Морфонологическая характеристика глагольного словоизменения в родопском говоре с. Широка Лыка отличается от известных нам уже ранее западной и восточной морфонологических характеристик глагола. Если западным системам свойственно многообразие акцентологических моделей и сравнительная бедность альтернативных рядов, а восточным системам – обратное соотношение этих двух сторон морфонологической структуры глагола, то рассмотренный родопский говор отличается довольно простым составом как акцентологических моделей, так и альтернативных рядов.

Основное количество фонемных чередований участвует в выделении форм, образованных, с одной стороны, от презентной осно-

вы, а с другой, – от аористной основы. Это чередования типа:

[x] ~ Ø (см. подразряды I 3а, I 3б, I 3в, I 3г, III 4а, III 4б, III 4в, III 4г)

[t'] ~ [t] (см. подразряды II 4а, II 4б, III 2а, III 2г)

[š] ~ [s] (см. подразряды III 2д, III 2е, III 2ж, III 2з)

[ç] ~ [k] (см. подразряды III 2и, III 2к, III 2л, III 2м, III 2п)

[št'] ~ [sk] (см. подразряды III 2н, III 2о)

[el] ~ # (см. подразряды I 1в, I 1г, III 7)

С помощью фонемного чередования (ср. чередования типа [x] ~ Ø в подразрядах I 2г, I 2д, I 2е, I 2ж, III 5г, III 5д) маркируются и формы аор.пр., в которых находим усеченный альтернант.

Значительное количество глаголов имеет неизменный фонемный состав основы. Это глаголы из подразрядов I 1а, I 1б, I 4а, I 4б, I 5, II 1а, II 1б, II 1в, II 1г, II 2а, II 2б, II 2в, II 2г, II 3а, II 3б, III 1а, III 1б, III 1в, III 1г, III 2а, III 2б, III 3а, III 3б, IV.

При анализе акцентных чередований обнаруживается, что большая часть бесприставочных глаголов имеет особую акцентную характеристику в отличие от приставочных глаголов. Из акцентологических моделей можно выделить:

1) [1л.ед.наст., повел.] ~ [все остальные формы]. Это бесприставочные глаголы из подразрядов I 1а, I 1в, I 2в, I 4б, II 1а, II 1в, II 2а, II 2г, II 4б (акцентная кривая а ~ б), приставочные глаголы из подразрядов I 1б, I 1г, I 5, II 1б, II 1г, II 2б, II 2д (акцентная кривая с ~ б), все приставочные глаголы III спряжения 1, 2 и 4 разрядов, а также глаголы из подразрядов III 5д и IV 2 (акцентная кривая с ~ а);

2) [1л.ед.наст., повел.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.] ~ [аор., аор.пр.]. Это глаголы из подразрядов I 2б, I 2д, I 2ж, I 2и, I 2л, I 2н, I 3б, I 3г, II 3б (акцентная кривая с ~ б ~ а), глаголы из подразряда III 3б (акцентная кривая с ~ а ~ б);

3) [1л.ед.наст., повел., аор., аор.пр.] ~ [наст. (кроме 1л.ед.), имп., имп.пр.]. Это глаголы из подразрядов I 2а, I 2г, I 2е, I 2з, I 2к, I 2м, I 3а, I 3в, II 3а (акцентная кривая а ~ б);

4) Фиксированное а-ударение характеризует все бесприставочные глаголы III спряжения и основную массу глаголов IV спряжения (IV 1).

Фиксированное б-ударение свойственно небольшому количеству глаголов с неслоговыми основами (см. подразряды I 4а, II 2в, II 4а).

Приложение

Е́шь уткóл'а агá са мб́чель да путурчáт селусу л'удéть са гл'б́даль
пу мло́гу о́фць, кóзь и крáвь. И мб́ськь и жéньскь са пáсьль кóзьнь и
уфчéнь. Ваф́ нашу сéлу имáлу й'ьднб́ мумá, звáль й'са Кáн'а, тá ут'шлá

ОБ ОДНОМ ЯВЛЕНИИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Да пасе уфцеть и козьтъ нъз рѣка, дѣну хѣй карала катѣ дѣн'. Пу
пал дѣн' пѣла и прѣла, пак козьнъ и уфцѣнъ са ^йѣлъ прѣсна шума
и зълѣна тр'авѣца. анѣй хѣ са са низоль дѣнънъ мирну и спѣкуйну
съ са жъвѣлъ л'удеть. а дѣн' кан'а занѣс'ѣна ф'пѣснънъ ут ад-
нош чѣла близак конскъ трѣпук' и чълѣштъ дѣф р'укук'. Уплашъла сѣй
кан'а, запрѣла да п'ѣе, уобрнала сѣй и виг'ѣла турѣцъ и паничаръ,
цѣла ѡрда да варв'ѡт нах нѣя. Уплашъль са са и уфчицънъ и кузи-
цънъ, укушурѣсалъ са са ѡкулу нѣя и заблѣлъ жѣлну. Каматнай ѡблѣ
кан'а - к'ѡнка, вѣсока катѣ карлацка ^йѣла, с чѡрнъ ѡчь, катѣ чьрѣшь;
чьрвѣна катѣ ^йѣбалка, прѣпасана сас шѣр'ѣн мѣндилчак, койту ^йгрѣл
катѣ слѡнцъ, с фѣрка на поѣас, ѡдѣла ^йкатѣ излѣта ут камън'. Тур-
цънъ са тѡрналь нах нѣя, ала нъ мугли да ^йѣ наблѣжѡт, ут уфцѣнъ и
козьнъ. Виг'ѣла ^й кан'а, чь нѣма да са куртулиса ут путурчванъ нъ,
^йимѣлу к ак да избѣга и сѣй пумѡльла сѣму на гѡспуг'а, ут нѣгу
трѡсѣла помѡш: "Гѡспуг'о, ф'камънъ ма, та да нъ стѣна за рѣзил' на
сѣлусу!" Ду анѡлкува ^й ѡблѣ силна вѣрата на кан'а, чь гѡспук' ф'ту-
такан ^йѣ ^йстѡръл на камън' и нѣя и уфцѣнъ. Зачѣдъль са са тур-
цънъ, ага са виг'ѣль на мѣстуну на хубавана мумѣ, чь сѣй пѣбъл
камън', пак уфчицънъ - дрѣбнъ камънъ.

Ут там сѣкн'а ^й устанѡлу "Мумѣта" да напѡмн'ува на малу и гулѣ-
му, как са бранъ болгарска вѣра.

Текст записан от Марии Славчевой. 52 лет.

Примечание к табл. 15: Следующие глаголы наряду с па-
радигмами без фонемного чередования могут образовывать парадигмы
и с чередованием:

- 1) пѡшк'а (зѡпѡшк'а, ѡ-, по-): [шк'] ~ [ск] = [през.осн.] ~ [аор.осн.];
- 2) кѡл'а (дѡкул'а, за-): [л'] ~ [л] и [ѡ] ~ # = [през.осн.] ~ [аор.осн.];
- 3) мѣл'а (смѣл'а): [е] ~ # = [през.осн.] ~ [аор.осн.] (см. ниже разряд III 7);
- 4) стѣл'а (пѡстъл'а): [л'] ~ [л] и [е] ~ # = [през.осн.] ~ [аор.осн.]

В аспектологической литературе известно сформулированное Л.Андрей-
чиним правило, согласно которому приставка за- в начинательном значе-
нии не соединяется с основами совершенного вида¹. Л.Андрейчин
указывал только одно исключение из этого правила - глагол започна
'начать', где за-, по его мнению, "употреблена тавтологически"².
Занимаясь образованием глаголов с двумя приставками в болгарском
языке, мы обратили внимание на то, что за- в начинательном значе-
нии, в отличие от других приставок, соединяющихся с приставочными
глаголами совершенного вида (до + изгасна и т.п.), соединяется с
приставочными глаголами несовершенного вида (за + оглеждам), но в
глаголах заизмъкна, занаслѣгна, запокатѣря се, заизвѣя³ она со-
единена с основами совершенного вида. Отмечалось также, что отте-
нок начинательности чувствуется и в глаголе завтека се⁴. Имея в
виду эти глаголы, мы и пришли к общему заключению, что "в ряде слу-
чаев приставка за- в значении начала действия, очевидно, все-таки
может соединяться и с основами совершенного вида"⁵, и потому такие

- 1 L. A n d r e j c z i n. Kategorie znaczeniowe koniugacji buł-
garskiej. Kraków, 1938, стр.19; Л. А н д р е й ч и н. Основная
болгарска граматика, София, 1944, стр.198 (русский перевод:
Л. А н д р е й ч и н. Грамматика болгарского языка. М., 1949,
стр.139). См. также: Л.А н д р е й ч и н, М. И в а н о в, К.П о-
п о в. Съвременен български език, ч.ІІ, София, 1957, стр.26.
- 2 L. A n d r e j c z i n. Указ. соч., стр.19.
- 3 Этот глагол был указан на основании заизвивам несов.в., который,
как имперфективный глагол, может быть образован путем имперфети-
зации от соответствующего глагола совершенного вида, коим и
является заизвѣя. В случае префиксации (за + извивам) получился
бы глагол совершенного вида. Сейчас глагол заизвѣя(се) фиксирует-
ся и толковыми словарями болгарского языка.
- 4 Г.К. В е н е д и к т о в. К вопросу о глаголах с двумя пристав-
ками в современном болгарском языке. - "Ученые записки ЛГУ",
т.180. Серия филол.наук, вып.21. Исследования по грамматике.
Л., 1955, стр. 184-185.
- 5 Г.К. В е н е д и к т о в. Указ. соч., стр.185.

глаголы характеризовались как "факты, противоречащие положению Л.Андрейчина", поскольку за- в начинательном значении присоединена в них к одноприставочным глаголам явно совершенного вида⁶. Других глаголов, подтверждающих это положение, в нашей коллекции примеров, составленной в начале 50-х годов, т.е. еще до выхода в свет известных ныне толковых словарей болгарского литературного языка, не было.

Сказанное в упомянутой статье о приставке начинательного значения за-, сочетающейся с глаголами совершенного вида, и приведенные примеры Л.И.Ройзензоном недавно были восприняты как якобы не выраженное нами прямо утверждение ошибочности сформулированного Л.Андрейчиным правила. "Общая закономерность, установленная Л.Андрейчиным, - констатирует Л.И.Ройзензон, - остается в силе"⁷. Цитируемая здесь заметка Л.И.Ройзензона дает нам повод рассмотреть более подробно вопрос о глаголах с начинательной приставкой за-, сочетающейся с основами совершенного вида.

Прежде всего следует отметить, что в упомянутой статье 1955 г. нами утверждается, как это видно и из сказанного выше, только то, что имеются глаголы с за-, противоречащие правилу Л.Андрейчина, и что, следовательно, это правило нельзя считать абсолютным. Из этого, однако, совсем не следует, что данное правило вообще ошибочно и нами полностью отвергается. Л.И.Ройзензон тоже не отрицает наличия в болгарском языке глаголов, образованных присоединением начинательной приставки за- к одноприставочным основам совершенного вида, поскольку, по его мнению, образование таких глаголов - спорадических и в известном смысле аномальных - возможно "только в исключительных случаях, связанных с особыми условиями употребления глаголов"⁸. Таким образом, расхождений между нами и Л.И.Ройзензоном в отношении к самому правилу, установленному Л.Андрейчиным, по существу нет.

Рассмотрим теперь вопрос о том, насколько действительно спорадичны и аномальны глаголы с начинательной приставкой за-, сочетающейся с глаголами совершенного вида.

Прежде всего следует подчеркнуть, что таких глаголов не четыре (занаблегна, заизъмкна, запокатеря се, заизвия), как можно заключить из заметки Л.И.Ройзензона, а гораздо больше. Многие из них были указаны другими лингвистами уже после опубликования упомяну-

той нашей статьи: несколько глаголов, как увидим ниже, фиксируются толковыми словарями, но еще не попали в поле зрения исследователей. Так, П.Петков, опираясь уже на вышедшие в 50-е годы толковые словари - однотомный⁹ и трехтомный (академический)¹⁰, кроме уже отмеченного ранее заизвия, указал следующие глаголы: зазахълтам, заизвия се, занагласям, зауслушам се, запрелистя, заусуча, заразмахам, завъзкача се, захвърля, а также занадея се¹¹. Четыре других глагола - запристыя, заздрависам, засвия и зачумосам - привел Ю.С.Маслов¹², а еще два - заподкня и запреваря се - С.Иванчев¹³. Совсем недавно Л.Андрейчин обратил внимание на употребление и глагола заобикна¹⁴ (он отмечен и в БТР). Перечисленными здесь глаголами, однако, не исчерпывается список глаголов, в которых за- в начинательном значении предшествует основе совершенного вида и которые составляют исключение из названного выше правила Л.Андрейчина. В словарях РСБКЕ и БТР зафиксированы еще 10 глаголов, толкование значений которых с помощью глагола фазовости почна 'начать' (БТР)¹⁵ или почвам 'начи-

⁹ Български тълковен речник. София, 1955 (далее в тексте: БТР).

¹⁰ Речник на съвременния български книжовен език, т. I-III. София, 1955-1959 (далее в тексте: РСБКЕ).

¹¹ П е т к о в. Някои наблюдения върху взаимоотношенията между категориите начин на действие, вид и време. "Български език", 1961, кн. 4, стр. 324.

¹² Ю. С. М а с л о в. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л., 1963, стр. 21.

¹³ С. И в а н ч е в. Българските дистрибутивни глаголи във видово отношение. - Известия на Института за български език, кн. XIX, 1970, стр. 109; О н ж е. Проблеми на аспектиалността в славянските езици. София, 1971, стр. 215. В сноске вместо заизъмкна, отмеченного в цитируемой здесь нашей статье, ошибочно указан глагол занаъмкна.

¹⁴ Л. А н д р е й ч и н. Има ли глагол заобиквам в нашия език? "Български език", 1974, кн. 3, стр. 268.

¹⁵ Следует отметить, что в самих толкованиях лексических значений рассматриваемых здесь глаголов в БТР используется сочетание почна сов.в. + соответствующий глагол несовершенного вида (например: зачумосам - почна да чумосвам), а не почна сов.в. + глагол совершенного вида (в данном случае: *почна да чумосам). Это объясняется несомненно тем, что почна, как и другие глаголы фазовости, с глаголами совершенного вида в болгарском языке невозможны (см. подробнее об этом: Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и функционирование). - "Вопросы грамматики болгарского литературного

⁶ Г.К. В е н е д и к т о в. Указ. соч., стр. 184.

⁷ Л.И. Р о й з е н з о н. Еще раз о болгарских многоприставочных ингрессивах с за-, образованных от моноплексов совершенного вида. "Исследования по русскому и славянскому языкознанию", III. Самарканд, 1971, стр. 434.

⁸ Л.И. Р о й з е н з о н. Указ. соч., стр. 434.

нать' (РСБЖЕ, в соответствии с принятым здесь принципом толкования имперфективного члена видовых корреляций) как будто не оставляет сомнения в том, что они также входят в число интересующих нас исключений. Это глаголы: закръстосам, закръстосам се, заплесенясам, загноясам, закупа, западна, закажа, запратя, запримигам, заподозра. Всего, таким образом, в аспектологической литературе и толковых словарях современного литературного языка отмечен 31 глагол с начинательной приставкой за-, сочетающейся с основами совершенного вида. В действительности, однако, как это станет ясно из дальнейшего изложения, число бесспорных глаголов такого образования несколько меньше. Здесь же отметим сразу, что приведенные П.Петковым занадея се и занагласям в числе "отдельных исключений" из правила Л.Андрейчина, на самом деле таковыми не являются, поскольку оба они образованы присоединением приставки за- в начинательном значении к основам несовершенного вида надея се и нагласям (такое видовое значение этих глаголов фиксируют РСБЖЕ и БТР)¹⁶.

Из перечня глаголов видно, что приставка за- в начинательном значении сочетается с глаголами совершенного вида двух типов: а) не имеющих приставки (заздрависам) и б) имеющих приставку (заизвия).

Рассмотрим сначала глаголы, в которых за- предшествует бесприставочной основе совершенного вида. Таких глаголов 11: заздрависам, загноясам, зачумосам, закръстосам, закръстосам се, заплесенясам, запратя, захвърля, закажа, западна, закупа. Простые основы гноясам, чумосам, кръстосам(се), плесенясам, хвърля, купа и падна, с которыми сочетается за- в начинательном значении, имеют в современном литературном языке только значение совершенного вида. Следовательно, не может быть сомнений в том, что приставочные глаголы с этими основами и за- в начинательном значении представляют собой сочетание последней именно с основами совершенного вида. Что касается кажа и пратя, то эти основы в редких случаях выступают или выступали прежде и как основы несовершенного вида, и потому глаголы закажа и за-

языка", М., 1959, стр.218-222; см. также: С. И в а н ч е в. Проблемы на аспектуалността в славянските езици, стр.214) – В русском языке, как известно, сочетания типа *начать (начинать) переписать также абсолютно невозможны. Сказанное необходимо иметь в виду при толковании рассматриваемых глаголов с за- на русском языке и при переводе их на русский язык.

¹⁶ Глагол нагласям несов.в. указывает и П. Петков (Указ.соч., стр.325), который приводит также и другие глаголы совершенного вида, образованные префиксацией с помощью за- приставочных глаголов несовершенного вида (заиздигам, засвалям, заразглеждам и др.).

пратя в принципе можно рассматривать и как результат обычной перфективации основ несовершенного вида (см.ниже).

Поскольку не все перечисленные глаголы иллюстрируются в словарях (и в названных работах) убедительными примерами, а некоторые из них приводятся вообще без текстовых примеров, то для более обоснованного суждения о них представляется целесообразным привести весь соответствующий иллюстративный материал.

Заздрависам. Заздрависали са живо / кат приятели добри (Вазов – РСБЖЕ; в БТР этот глагол отсутствует).

Зачумосам. Закарала се и зачумосала като вещица (БТР, с пометой "разговорное"; в РСБЖЕ отсутствует).

Закръстосам, закръстосам се. БТР приводит закръстосам и закръстосвам несов.в. без примеров; РСБЖЕ иллюстрирует двумя примерами только закръстосвам и закръстосвам се, указанные в качестве имперфективного коррелята к закръстосам, закръстосам се, но в обоих примерах он употреблен скорее в значении совершенного вида¹⁷; ср.: От рани

¹⁷ К сожалению, в определении видового значения этого и других глаголов с начинательной приставкой за- и суффиксами имперфективации мы не можем опереться и на недавно вышедшую интересную и полезную во многих отношениях книгу К.Ивановой "Начини на глаголното действие в съвременния български език" (София, 1974). В этой работе детально проанализированы способы действия, имеющие формальное (в основном – посредством приставок) выражение, и приведены (в рамках РСБЖЕ, с привлечением некоторых дополнительных материалов из архива этого словаря) полные списки глаголов каждого из способов действия, сгруппированных по приставкам, в том числе и список глаголов с за- в ингрессивном (начинательном) значении (стр.94-97). "Поскольку глаголы двух видов, образованных посредством рассматриваемых приставок принадлежат к одному и тому же способу действия", К.Иванова приводит только формы несовершенного вида соответствующих глаголов (стр.41, сноска). Это замечание сделано в параграфе, где рассматриваются глаголы с приставками о- и у-, и относится, по видимому, к глаголам и со всеми другими приставками, в том числе и с за-, потому что иных оговорок относительно вида к спискам глаголов с этими приставками в работе нет. В числе глаголов с начинательной за-, однако, мы находим не только глаголы несовершенного вида, но и многие глаголы, которые в РСБЖЕ приведены только как глаголы совершенного вида. Таковы, например: завдигам, задохождам, заизваждам, заоблизвам, заогъвам, заоглеждам се, заповтарям, заподскачам, запозлत्याвам, заразказвам, заслизам и др., в том числе и даже запротестирам (стр.96) – глагол

зори е закръстосвал Голо бърдо Шербакът (Чудомир); Влажният ветрец... донесе ситни трошици снежец; те се последваха от по-едри парцали, които безредно се закръстосваха из въздуха (И.Вазов).

Загноясам. РСБКЕ приводит этот глагол и его имперфективный коррелят загноясвам без примеров; в БТР не указан. Начинательное значение этого глагола следует из его толкования глаголом загноясвам 'начинать гноиться' ("почвам да гноя").

Заплесенясам. РСБКЕ приводит этот глагол и его имперфективный коррелят заплесенясвам тоже без примеров; БТР этого глагола не фиксирует.

Закупя. РСБКЕ приводит этот глагол как перфективный коррелят к закупувам и закупвам, оба несов.в., но значение 'начинать покупать' ("почвам да купувам") иллюстрирует только примером с глаголом закупувам, выступающим здесь скорее в значении совершенного вида; срв.: Откакто свършихме житото, закупувахме готов хляб, т.е. "С тех пор, как у нас кончилось зерно, мы стали (едва ли: начинали) покупать готовый хлеб". В БТР закупя в значении 'начать покупать' не фиксируется, а приведенный в таком лексическом значении закупувам указан только как глагол несовершенного вида, хотя в иллюстративном примере он имеет скорее значение совершенного вида; ср.: От заранта съм закупувал и още не съм привършил, т.е. "С утра я начал покупать (вряд ли: начинал покупать) и еще не кончил с покупками".

Западна. РСБКЕ иллюстрирует значение 'начать слабеть (физически), становиться немощным' этого глагола следующим примером (с пометой "народное"): Тъй беше отпаднала в първите дни след като осъдиха Ивана на смърт! После тя...се посъвзе и напоследък пак западна, грохна, отчая се (Г. Караславов). БТР указывает несколько иное значение с начинательным оттенком - 'начать терять свое прошлое значение, силу, влияние', иллюстрируя его таким примером: След Освобождението нашите подбалкански градчета западнаха. (Пример, вероятно, составителей словаря). Несмотря на совершенно ясное указание словарей на начало действия, обозначаемое данным глаголом, все же представляется, что в обоих этих примерах глаголом западна передается скорее не начинательное, а результативное значение: 'осла-

вно совершенного вида. Имеющиеся при многих глаголах пояснения типа "почвам да вия" при завивам, ясно указывающие на несовершенный вид соответствующих глаголов, приводятся только в тех случаях, когда глаголы с за-, кроме ингрессивного, выражают и другой (другие) способы действия, например: завивам 'начинать вить' и 'поворачивать, менять направление', 'покрывать, накрывать, укутывать', 'завинчивать' и др.

беть, потерять силы' (буквально: 'свалиться') в первом и 'обеднеть; прийти в упадок' - во втором.

Закажа. РСБКЕ приводит этот глагол без примеров (в БТР он отсутствует), иллюстрируя только его имперфективный коррелят заказвам: - Омаял ги? - Тъй. И най-после заказвал открито, че наближавал вече денят да стане цар (И.Вазов); Заказваха бедите си / през тая разлъка: / Руска свойто дълго теглю, / Ангел - свойта мъка (И.Вазов). В обоих примерах, правда, не исключается полностью и перфективное значение глагола заказвам, если допустить (а контекст это позволяет), что им передается однократное действие: "...и, наконец, стал открито говорить, что приближается день, когда он станет царем"; "Начали рассказывать о своих бедах за время этой раздуки..." Словарями заказвам сов.в. не фиксируется, и поскольку имперфективное значение этого же глагола, указанное в РСБКЕ, приведенными примерами подтверждается, то следует признать, что заказвам несов.в. служит хотя и косвенным, но убедительным доказательством наличия в литературном языке закажа сов.в.с начинательной приставкой, соединенной с кажа сов.в. Нужно, впрочем, иметь в виду, что кажа в современном литературном языке, вопреки показаниям толковых словарей, очень редко, в особых случаях может выступать и как глагол несовершенного вида¹⁸, и закажа сов.в., таким образом, в принципе можно рассматривать и как регулярное префективное образование в результате префиксации кажа несов.в. Видовой (имперфективный) "статус" производного заказвам от этого, естественно, не меняется.

Запратя. РСБКЕ приводит запратя и имперфективный коррелят запращам без примеров. В БТР значение начала действия иллюстрируется примером на запращам несов.в., в котором, однако, нельзя исключить и перфективное значение этого глагола; ср.: Отдавна са ни запращали разни вестници и списания, т.е. "Давно уже стали (или: начинали?) посылать нам разные газеты и журналы". Относительно запратя сов.в. следует также заметить, что, поскольку пратя в недалеком прошлом был глаголом двувидовым¹⁹, его, как и закажа, в принципе можно рассматривать и как обычный приставочный глагол совершенного вида, образованный путем префиксации от глагола пратя несов.в.

Захвърля. БТР приводит пример только на указанный имперфективный коррелят захвърлям, который в данном контексте может рассматриваться и как глагол совершенного вида; ср.: Опълченците захвърляха телата на убитите, т.е. "Ополченцы начинали (или: стали?) бросать тела убитых". РСБКЕ фиксирует захвърля сов.в. только в значении 'бросать в сторону; оставлять'.

¹⁸ Ю.С. Маслов. Морфология глагольного вида..., стр.34-35.

¹⁹ Указ. соч., стр.46.

Глаголы, начинательная приставка за- в которых сочетается с приставочными глаголами совершенного вида, следующие: започна, запокатеря се, заизвия, заизвия се, засвия, заизъмкна, занаблегна, завтека се, занахълтам, зауслушам се, запрелистя, заусуча, заразмахам, завъзкача се, запристыля, запреваря се, заподканыя, запримигама, заобикна, заподозра. Перфективное значение производящих основ, с которыми сочетается за-, в большинстве этих глаголов очевидно уже из самой их структуры и подтверждается словарями БТР и РСБКЕ. Особых замечаний требуют только две основы: услушам се и примигама. Первая из них ни в БТР, ни в РСБКЕ не приводится. Однако вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что услушам се – глагол совершенного вида, поскольку он образован префиксацией простой основы слушам (при одновременном присоединении к ней частицы се), которая, как известно, сопровождается и изменением несовершенного вида (простых основ) в совершенный (приставочных основ). Косвенным свидетельством перфективности глагола услушам се служит суффиксальный глагол услушвам се несов.в., приведенный в РСБКЕ в дефиниции значения в статье зауслушвам се (ср.: Почвам да се услушвам), но не указанный в самостоятельной статье. Глагол услушвам се – несомненно производный от услушам се сов.в., образованный в результате имперфективации. Что касается примигама, то это тоже глагол совершенного вида (РСБКЕ). Правда, БТР указывает для него несовершенное видовое значение (ср. пример: Нецо му стана на очите, та примига като пълх в брашно"), но это, вероятно, явная ошибка. В 3-м издании этого словаря (София, 1973) этот же глагол, иллюстрируемый этим же примером, квалифицируется как глагол совершенного вида.

Не все из перечисленных выше двупривставочных глаголов с начинательной за- иллюстрируются в словарях примерами на употребление именно этих глаголов, а не их имперфективных коррелятов. Приведем сначала те из них, которые документированы примерами из литературных источников.

Запокатеря се. РСБКЕ иллюстрирует его таким примером: Минаха едно малко поточе в дъното на дольт, дето конят пи, на се запокатериха по отсрещното възвишение (И.Вазов). В БТР этот глагол отсутствует.

Запристыля. РСБКЕ приводит следующий пример: Всички се заловиха за ръце..., в такта на свирнята запристыляха леко (Йовков). Об употреблении этого глагола может свидетельствовать и его производный, имперфективный коррелят запристылвам, указанный в этом же словаре: Дигат се старейшините, начело с кмета, и тежко-тежко запристылват към Станини (Чудомир). Отметим попутно, что приведенный в РСБКЕ с несовершенным видовым значением в самостоятельной сло-

варной статье глагол запристылям, тождественный лексически глаголу запристылвам, в иллюстративном примере имеет явно значение совершенного вида: Старата не обърна внимание на детето, вървеше и викаше. А то, някак уплашено, някак засрамено, се притисна по-близо до нея и запристыля ситно-ситно с малките си крачки (Елин Пелин), т.е. "... А ребенок прижался к ней ближе и часто-часто зашагал своими маленькими шагами". БТР глагола запристыля не приводит.

Заизвия. Этот глагол фиксируют РСБКЕ и БТР, но пример дан только в БТР: Жълтварките заизвиха тъжна песен. (Вероятно, пример самих составителей словаря). РСБКЕ же иллюстрирует только имперфективный коррелят этого глагола – заизвивам: Птеката бързо заизвива нагоре (Вазов); Сладък и треперлив глас заизвива тъжна прочувствена песен (Елин Пелин). Ср. также и пример, приведенный нами ранее: В стихналия салон се сипват тихи звуци, заизвиват цигулки, като славейчетата (Ст.Даскалов).

Заизвия се. Этот глагол приводит РСБКЕ, иллюстрируя его следующим примером: От невиделица по снежните гърди /на стихналия Балкан мъгли се заизвиха (Пенчо Славейков). Ср. также пример на его имперфективный коррелят заизвивам се, указанный в РСБКЕ: Отново колоната на нашата дружина се заизвива нагоре из пътя (Йовков). Впрочем, пример этот не очень показателен, так как в данном контексте заизвивам можно рассматривать и как глагол совершенного вида, образованный префиксацией (за + извивам): "Снова колонна нашего отряда стала извиваться вверх по дороге". БТР глагола заизвия се не приводит.

Засвия. Этот глагол дан в БТР со следующими примером: Засвиха го в корема. (Пример, вероятно, составителей словаря). РСБКЕ этого глагола не фиксирует, а приводит засвивам (и возвратный засвивам се) с несовершенным и совершенным видовым значением, который в БТР указан только в качестве имперфективного коррелята к засвия.

Занахълтам. РСБКЕ иллюстрирует этот глагол примером: Занахълтаха във вагоните, музиката засвири, навалицата извика (И.Вазов). БТР этого глагола не содержит.

Заподозра. РСБКЕ приводит этот глагол без иллюстрации, а БТР дает пример с формой страдательного причастия заподозрян: Той е заподозрян в незаконно забогатяване. Оба словаря указывают на выражаемое этим глаголом значение 'начать подозревать'. Иначе объясняется значение глагола заподозра составителями языка Хр.Ботева: 'усомниться в чьих-либо намерениях, действиях, поступках, заподозрить кого-либо в чем-либо'²⁰. Ср. и приведенные ими оба случая упот-

²⁰ С. Божков, З. Генadieva. Речник на езика на Христо Ботев, т. I. А-К. София, 1960, стр. 419.

ребления этого глагола Хр. Ботевам; Ако не можете, то ние имаме пълно право да ви заподозрime в клеветничество; Но преди сичко аз ще да ви кажа, че мене никои не може да заподозри в пристрастие.

Заобикна. БТР приводит этот глагол без иллюстративных примеров, а в РСБКЕ он вообще не фиксируется. Л. Андрейчин отмечает, что заобикна встречается в речи лиц, "механически смешивающих две видо-вые пары - обикна и обиквам, заобичам и заобичвам, которые выражают лексическое означение 'начать / начинать любить', и присоединяющих начинательную приставку за- к глаголу обикна, который передает и без этой приставки указанное значение"²¹. Относительно имперфективного коррелята заобиквам Л. Андрейчин пишет, что он "встречается в речи лиц, которые, вероятно, находят его более оригинальным", чем обиквам, выражающий то же лексическое значение"²². Л. Андрейчин, правда, объясняет образование глагола заобиквам не имперфективацией заобикна сов.в., а заменой звука ч на к в глаголе заобичвам несов.в., образованного от заобичам сов.в. и кажущегося некоторым более странным - именно из-за ч - по сравнению с заобиквам"²³.

Започна - настолько широко употребительный глагол, что иллюстрировать его примерами нет необходимости. Его фиксируют все словари современного языка. К. Иванова, правда, относит этот глагол не к начинательным, а к общерезультативным"²⁴.

Завтека се. БТР и РСБКЕ дают этому, довольно употребительному, глаголу несколько разные толкования, но в каждом из них явно чувствуется значение начала действия, хотя сама начинательность действия и не определена здесь посредством глагола почна или почвам, как это делается при других глаголах с начинательной приставкой за-. Ср.: "отправлям се тичешком", т.е. 'отправляться бегом', в примере "Завтекох се веднага към него" (БТР) и "спускам се тичешком до някое близко място", т.е. 'пускаться бегом в какое-либо близкое место', в примере "Слугата разчисти, нареди масата и бързо се завтече да донесе гозбите" (Т. Влайков - РСБКЕ)"²⁵. Поскольку

²¹ Л. А н д р е й ч и н. Има ли глагол заобиквам в нашия език?, стр.268.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ К. И в а н о в а. Указ.соч., стр.97.

²⁵ Отметим, что толкование в РСБКЕ, на наш взгляд, менее точно, так как содержащееся в нем указание на движение в близлежащее место не охватывает всех случаев употребления глагола завтека се: им может быть обозначено движение не только к месту, но и к лицу (при этом, кажется, не обязательно к месту или лицу,

Поскольку глагол втека се значения начала действия не имеет (БТР и РСБКЕ для него фиксируют только 'втечѣ'), то ясно, что это значение в завтека се придается приставкой за-. В подтверждение здесь сказанному отметим, что К. Иванова включает завтека се в группу глаголов с приставкой за-, выступающей в качестве "носителя ингрессивного значения"²⁶.

Укажем также два двухприставочных глагола, отсутствующие в БТР и РСБКЕ (оба они приведены в цитируемой выше нашей статье).

Заизмъкна. - Няма кой да го чака - извърна с остриите мустачки черният и заизмъкна книги единият от едното крило, другият от другото (Ст. Даскалов), т.е. - "Нечего его ждать - повернулся черненький [офицер] с острыми усиками, и они начали вытаскивать книги один из одного крыла, другой - из другого". БТР, правда, приводит заизмъквам несов.в., который, будучи имперфективным коррелятом к заизмъкна, подтверждает, что последний действительно употребляется в болгарском языке и что в цитируемом здесь примере из романа "Път" Ст. Даскалова нет опечатки или описки (например, заизмъкнаха вместо более обычного заизмъкнаха сов.в.)"²⁷.

Занаблегна. - Ама че си смешна, знаеш ли - смутено занаблегна Гарчо, неочаквал никак тая развързка (Ст. Даскалов), т.е. "-Ну и смешная же ты, знаешь. - Смущенный начал настаивать Гарчо, совсем не ожидавший такой развязки".

Рассмотрим теперь те из указанных выше двухприставочных глаголов совершенного вида, которые иллюстрируются в словарях только примерами (как увидим ниже, не всегда бесспорными) на их имперфективные корреляты.

Заразмахам. РСБКЕ дает пример только на заразмахам - имперфективный коррелят этого глагола: Тя се съвзима, събира всички сили и... пак заразмахва мотиката (Влайков), т.е. "...собирает все силы...

находящемуся вблизи); кроме примера из БТР, ср. также: Това беше в понеделник, а в събота, като си дойде братчето ѝ от града, завтече се право към нея и ѝ каза радостен (Ст. Даскалов).

²⁶ К. И в а н о в а. Указ.соч., стр.94-95. - В соответствии с принятым в работе принципом подачи примеров К. Иванова приводит завтичвам се - имперфективный коррелят к завтека се, указанный в РСБКЕ, на котором и базируется ее работа. БТР фиксирует завтичвам се несов.в.

²⁷ Ср., однако, запромъквам се сов.в. (РСБКЕ), который, как глагол совершенного вида, образован путем обычной перфиксации за- + глагол несов.в. промъквам се и по своей морфемной структуре (приставка + приставка + корень + суффикс -ва-), совпадает, если отвлечься от возвратной частицы се, с заизмъквам несов.в.

и вновь начинает размахивать мотыгой". Контекст не оставляет сомнений в том, что заразмахвам здесь – глагол несовершенного вида (ср. в частности употребление его в одном ряду с явно имперфективными глаголами съзвима се и събира), что также подтверждает наличие в языке заразмахам сов.в. БТР глагола заразмахам не фиксирует.

Запримигам. РСБКЕ приводит пример только на имперфективный коррелят этого глагола – запримигвам: Той бързо запримигва, заслепен от ярката слънчева светлина (Хар.Русев). Пример этот сам по себе не очень показателен ввиду краткости контекста, допускающего двойное толкование видового значения глагола запримигвам: несов. вид – 'начинать моргать' ("Он начинает быстро моргать, ослепленный ярким солнечным светом") и совершенный вид – 'заморгать, начать моргать' ("Он быстро заморгал, ослепленный ярким солнечным светом"). БТР глагола запримигам не указывает.

Запреваря се. РСБКЕ иллюстрирует только имперфективный коррелят этого глагола – запреварям се: Ей и куршумите един след други плахо / се запреваряха сред гърлестий сплестен / вой на гранатите (Пенчо Славейков). Пример этот сам по себе также не показателен для иллюстрации видового значения глагола запреварям се, ибо в данном контексте се запреваряха можно рассматривать как имперфект глагола запреварям се несов.в. ("Вот и пули одна за другой пугливо начинали обгонять друг друга...") и как аорист глагола запреварям се сов.в. ("Вот и пули одна за другой пугливо стали обгонять друг друга..."). Последний, правда, словарями не фиксируется, но образование его путем обычной префиксации (за + преварям се несов.в.; РСБКЕ приводит преварям несов.в.) едва ли может вызвать какое-либо сомнение. Ср. и отмеченный в РСБКЕ глагол занадпреварям се, образованный таким же путем: за + надпреварям се несов.в. БТР глагола запреваря се не фиксирует.

Зауслушам се. РСБКЕ приводит пример только на имперфективный коррелят этого глагола – зауслушвам се: Както си приказваха, облетнати на дългите си геги, изведнџ младите козари се зауслушваха (Чудомир), т.е. "...молодые пастухи коз вдруг начинали вслушиваться". Пример этот для уяснения видового значения глагола зауслушвам се не вполне показателен, так как в нем форму се зауслушваха можно рассматривать и как аорист глагола совершенного вида зауслушвам се ("... молодые пастухи коз вдруг начали вслушиваться"), не отмеченного словарями, но, видимо, свободно образуемого в языке. Ср. и глагол заподслушвам сов.в. (РСБКЕ), образованный путем префиксации подслушвам несов.в. В БТР глагол зауслушам се не дается.

Заусуча. БТР приводит пример только на имперфективный коррелят этого глагола заусуквам: "Вместо да отговори направо, ще го заусуква" (пример, вероятно, составителей словаря). Для иллюстрации ви-

догового значения глагола заусуквам пример этот тоже недостаточно показателен, поскольку краткий контекст позволяет рассматривать его и как глагол несовершенного вида ("Вместо того, чтобы ответить прямо, начинает выкручиваться") и как глагол совершенного вида ("... начнет выкручиваться"). РСБКЕ глагола заусуча не приводит.

Запрелистя. РСБКЕ дает пример только на имперфективный коррелят этого глагола – запрелиствам: Филип запрелиства тефтерите си и се приготи да затваря" (Йовков). Пример этот, видимо, скорее иллюстрирует запрелиствам сов.в. (его отмечает БТР): "Филипп начал (едва ли: начинал) перелистывать счетоводные книги и приготовился закрывать [свое заведение]". РСБКЕ приводит в отдельной статье также и запрелистям несов.в. (с пометой "областное"), но без указания при нем перфективного коррелята. В приведенном примере запрелистям, однако, выступает скорее как глагол совершенного вида; ср.: Мъглов дойде пред бюрото си, но не седна, а прав запрелистя разни книжа (Йовков), т.е. "М. подошел к своему столу, но не сел, а стоя начал (едва ли здесь: начинал) перелистывать разные бумаги". БТР глагола запрелистя сов.в. не указывает.

Завъзкача се. РСБКЕ дает пример только на имперфективный коррелят этого глагола – завъзкачвам се, который употреблен в нем скорее в значении совершенного вида; ср.: Спуснаха се в един дол, завъзкачвах се нагоре и стигнаха зелена елова гора (Йовков), т.е. "Спустились в долину, стали (едва ли в данном контексте: начинали) подниматься вверх и добрались до зеленого ельника". В БТР глагола завъзкача се нет.

Заподканя. РСБКЕ приводит в одной словарной статье с этим глаголом и его имперфективный коррелят заподканвам. В иллюстративном примере к этим глаголам, однако, фигурирует заподканям, который в отдельной статье (без перфективного коррелята) дается как глагол несовершенного вида и поясняется глаголом заподканвам, но в данном примере имеет скорее значение совершенного вида; ср.: После коларите станаха и с високи непрекъснати викове ... заподканяха тежките биволи (Йовков), т.е. "Затем возчики встали и громким непрерывным криком... стали (едва ли в таком контексте: начинали) подгонять тяжелых буйволов". В БТР глагола заподканя нет.

Таковы известные нам глаголы с начинательной приставкой за-, сочетающейся с основами – приставочными и бесприставочными – совершенного вида. Из сказанного видно, что все они (за исключением заизъмкна и занаблетна) зафиксированы в толковых словарях, но далеко не все документированы примерами на их употребление в литературных или иных сочинениях. Относительно 12 из них следует твердо сказать, что их реальное употребление в языке (даже если оно окказионально) не может быть поставлено под сомнение, поскольку

оно подтверждается конкретными примерами из сочинений писателей и других авторов, включая и составителей словарей. Таковы заздрави-сам, зачумосам, запокатеря се, запристыпя, заизвья, заизвья се, засвья, занахълтам, заподозра, завтека се, заизъмкна, занаблегна. К ним следует добавить еще два глагола: заобикна, употребление которого в живом языке авторитетно подтверждается Л.Андрейчиным в цитируемой выше его заметке, и започна, если за- в нем действительно имеет начинательное, а не общезначительное значение. О 12 других глаголах – закръстосам, закръстосам се, закупя, захвърля, заприми-гам, запреваря се, зауслушам се, заусуча, запрелистя, завъзкача се, заподканя, заразмахам – можно сказать, что об их употреблении (по крайней мере потенциальном) говорят также приведенные в словарях их имперфективные корреляты, которые, правда, во многих из иллюстрирующих их примеров можно рассматривать не только как глаголы несовершенного вида, но и (или даже – скорее) как глаголы совершенного вида. Отсутствие соответствующих литературных подтверждений этой группе глаголов в словарях не может, естественно, свидетельствовать об их полной неупотребительности в языке, об их искусственном характере и т.п. Толковые словари составлены опытными коллективами лингвистов – носителей болгарского языка, которые несомненно не включили бы в словари эти глаголы, если бы они были совершенно противны их языковому чутью. Это же относится и к загноясам, заплесенясам, приведенным в словарях без примеров даже на их имперфективные корреляты. Что касается глаголов закажа и запратя, то они, как уже говорилось выше, возможно, образованы путем обычной префиксации глаголов несовершенного вида, и включение их в рассматриваемую группу глаголов с начинательной приставкой за- + основа совершенного вида, таким образом, не бесспорно. Глагол же западна, вопреки показаниям словарей, имеет, по-видимому, не начинательное, а результативное значение. Всего, следовательно, в болгарском литературном языке имеется по крайней мере 27 глаголов, в которых приставка за- в начинательном значении сочетается с основами совершенного вида и которые составляют исключение из названного правила Л.Андрейчина. Согласно данным К.Ивановой²⁸, в РСБКЕ всего приведено 736 глаголов с начинательной приставкой за-. Это значит, что каждый из рассмотренных выше глаголов приходится в среднем на 27 "нормальных" глаголов с этой приставкой, соединенной с имперфективной основой.

Авторы, писавшие о глаголах, составляющих исключение из упомянутого правила, дают им несколько различную количественную характеристику, хотя все они и подчеркивают неизменно, что таких глаго-

²⁸ К. И в а н о в а. Указ. соч., стр.94–97.

лов очень мало. Так, П.Петков говорит об "отдельных исключениях" из правила Л.Андрейчина²⁹, Ю.С.Маслов – о "редчайших исключениях, не меняющих общей картины"³⁰, "редких исключениях от нормы"³¹ и "немногих исключениях"³² (последнюю оценку разделяет и С.Иванчев³³), Л.И.Ройзензон – о "спорадических образованиях", встречающихся "только в исключительных случаях, связанных с особыми условиями употребления"³⁴. Думается, что правильнее всего почти три десятка глаголов с начинательной приставкой за-, соединенной с основами совершенного вида, рассматривать, вслед за Ю.С.Масловым, как редкие или немногие исключения из общего правила, сформулированного Л.Андрейчиным. Следует при этом иметь в виду, что перечисленные выше глаголы едва ли замыкают весь круг такого рода исключений. Есть основания предполагать, что и некоторые другие глаголы совершенного вида способны соединяться с начинательной приставкой за- (ср. хотя бы заплесенясам, загноясам и тревясам, брадясам, буренясам, мух-лясам и другие глаголы на -сам результативного способа действия, в принципе способные, вероятно, как и плесенясам, гноясам, сочетаться с этой приставкой).

Об условиях (особых, по мнению Л.И.Ройзензона) употребления пока что трудно сказать что-либо определенное, так как судить об этом неболгарину на основании ограниченного числа примеров весьма затруднительно и рискованно. Можно лишь утверждать, руководствуясь

²⁹ П. П е т к о в. Указ.соч., стр. 324.

³⁰ Ю.С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр.179.

³¹ Ю.С. М а с л о в. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, стр.21.

³² Ю.С. М а с л о в. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр.307.

³³ С. И в а н ч е в. Българските дистрибутивни глаголи във видово отношение, стр.109; о н ж е. Проблеми на аспектуалността в славянските езици, стр.214.

³⁴ Л.И. Р о й з е н з о н. Указ.соч., стр.434. – Свое мнение Л.И.Ройзензон основывает и на количественных данных, сопоставляя четыре глагола рассматриваемого типа (запокатеря се, занаблегна, заизъмкна, заизвья), указанные в упоминавшейся нашей статье, с 1204 примерами на употребление всех многоприставочных глаголов (отмеченных там же), в которых приставка (вторая) присоединяется к перфективной приставочной основе. Думается, что более показательным и правильным было бы сопоставление анализируемых глаголов совершенного вида не со всеми глаголами совершенного вида, а, как это сделано выше, только с теми из них, в которых за- имеет начинательное значение.

данными толковых словарей, что почти все они стилистически, видимо, нейтральны. БТР с пометой "разговорное" приводит только два глагола — заусуча и зачумосам, а РСБКЕ — только западна с пометой "народное", но в этом глаголе за- значения начала действия, видимо, не имеет и к рассматриваемой группе глаголов не относится (см. выше)³⁵. К стилистически характеризованным глаголам следует, видимо, отнести и заобикна, употребление которого (и его имперфективного коррелята заобиквам), судя по замечанию Л. Андрейчина, представляет отклонение от нормы³⁶. БТР, правда, фиксирует этот глагол без стилистической пометы (в РСБКЕ он не указан). Рассмотренные глаголы встречаются в языке произведений писателей нашего времени и классиков болгарской литературы XIX—XX в. Так, в произведениях И. Вазова употреблены заздрависам, запокатеря се, занахълтам, Х. Ботева — заподозра, Т. Влайкова — завтека се, Й. Йовкова — запристъпя, Пенчо Славейкова — заизвия се, Г. Караславова — западна, Ст. Даскалова — заизмъкна, занаблегна, завтека се. Употребление нескольких глаголов составители БТР иллюстрируют, вероятно, собственными примерами: зачумосам, заизвия, засвия, заподозра. Находим их и в авторской речи писателей, и в речи их персонажей, что также говорит об отсутствии какого-либо стилистического своеобразия в их употреблении (по крайней мере, большей их части). Таким образом, у нас как будто нет оснований говорить об употреблении анализируемых глаголов в целом преимущественно теми писателями, язык произведений которых насыщен диалектизмами (как, например, у С. Даскалова)³⁷. Но даже если данные глаголы действительно характерны для языка разговорного или близкого к диалектному, это не объясняет саму причину их возникновения. Преимущественное употребление их в этих сферах бытования болгарского языка могло бы свидетельствовать лишь о зарождении их в живой стихии народной речи, не стесненной ограничительными нормами языка литературного.

³⁵ РСБКЕ указывает с пометой "диалектное" завъзчачам се и запрелистям — глаголы несовершенного вида, но эта помета не распространяется на глаголы совершенного вида завъзкача се и запрелистя, стилистически нейтральными имперфективными коррелятами которых являются завъзкачвам се и запрелиствам.

³⁶ "В нашем литературном языке, — пишет он, — для выражения начинательного значения установлено употребление глаголов обикна и обиквам" (Л. А н д р е й ч и н. Има ли глагол заобиквам в нашия език?, стр. 269).

³⁷ На это обстоятельство обращает внимание Л. И. Ройзензон (Указ. соч., стр. 434).

По-видимому, не выделяются эти глаголы и особой частотностью своего употребления. Из всех них только запокатеря се приведен в словаре с пометой "редкое" (РСБКЕ). Трудно сказать, впрочем, насколько обоснована такая помета именно при этом глаголе. Едва ли многие другие глаголы (например, запристъпя, запрелистя, занахълтам, завъзкача се и др.), приведенные в словарях без такой пометы, употребляются чаще, чем запокатеря се. Лишь некоторые из анализируемых здесь глаголов употребляются, вероятно, чаще других (например, завтека се, заизвия, заизвия се, не говоря уже о започна), но это объясняется не их семантическими особенностями, связанными с присоединением за- к соответствующим основам совершенного вида, а просто более частой встречаемостью самой ситуации в языке, в которой они могут быть употреблены. Более основательным было бы сравнение употребительности каждого из рассматриваемых глаголов (с двумя и более приставками) с глаголами совершенного вида, которые образованы присоединением начинательной за- к основам несовершенного вида с тем же корнем, например, запрелистя и запрелиствам сов.в., завъзкача се и завъзкачвам се сов.в., заподкня и заподкням сов.в. и т.д., но для такого сравнения необходима обширная выборка материала и богатая коллекция примеров, которой мы не располагаем. Кроме того, и такое сравнение было бы показательным при условии полного семантического тождества данных пар глаголов. Это же относится и к возможному сопоставлению употребительности рассматриваемых глаголов и конструкций почна (започна) + соответствующий глагол несовершенного вида без приставки за-, например: заздрависам и почна (започна) да здрависвам, заразмахам и почна (започна) да размахвам и т.д.

Отметив, что употребление глаголов типа заизвия, занахълтам (в примерах, приведенных в РСБКЕ; см. их выше) трудно объяснить, П. Петков высказывает следующее предположение: "эти формы оправданы только тогда, когда начинательное значение (приставки за-, Г.В.) поблекло" ("избледняло е")³⁸. Такое предположение не совсем ясно, так как неясно, что значит здесь слово "оправданы": если в смысле "допустимы в литературном языке", то это идет в разрез с нормативными установками РСБКЕ и БТР, не лимитирующих, как мы видели, за двумя-тремя исключениями, употребление глаголов данного типа с явно начинательной за- в литературном языке, и с практикой таких писателей, как И. Вазов, Й. Йовков, Пенчо Славейков и др.; если "оправданы" = "имеют семантическое основание", то возникает вопрос, почему такое основание ограничивается теми только глаголами, в которых начинательное значение приставки за- поблекло (или — совсем

³⁸ П. П е т к о в. Указ. соч., стр. 325.

стерлось, утрачено?) и в которых за-, следовательно, имеет какое-то иное значение (и назначение)? Ведь и присоединение за- в начинательном значении имеет совершенно определенное семантическое основание – придать новому глаголу оттенок начинательности.

Признание "оправданным" употребление только тех из глаголов типа заизвия, в которых начинательное значение за- поблекло (или утрачено), по существу, видимо, призвано подтвердить общее правило о несоединимости приставки за- в этом значении с основами совершенного вида: раз приставка за- выступает не в начинательном значении, то она соединяется с основами совершенного вида, а полученные новые глаголы, естественно, не будут исключением из интересующего нас правила. Думается, однако, что предложенное П.Петковым объяснение оставляет в стороне те глаголы рассматриваемого здесь типа, в которых за- имеет несомненное начинательное значение и которые функционируют в языке, сколь бы редко они не употреблялись. Отметим в этой связи, что есть даже такие глаголы, в которых начинательная за- соединяется с основами совершенного вида, уже выражающими начало действия³⁹.

Что касается образования (способа деривации) рассмотренных в настоящей статье глаголов, то мы, как и большинство занимавшихся ими языковедов, придерживаемся той точки зрения, согласно которой глаголы типа заизвия образованы путем прямой вторичной префиксации глаголов, имеющих одну (или более) приставку: за + извия. Недавно С.Иванчев предложил иное объяснение, согласно которому начинательные глаголы такого типа, как и дистрибутивные типа изпозатварям, возникают в порядке устранения первоначальной видовой дефективности глаголов совершенного вида типа заизвивам, изпозатварям, образованных обычным путем, т.е. префиксацией имперфективных производя-

³⁹ Таковы започна и заобикна, в которых за-, как указывает Л.Андрейчин, используется тавтологически. С данной особенностью семантики производящей основы почка се 'начать карабкаться' Л.И.Ройзензон связывает даже само образование двухприставочного глагола започка се 'то же': поскольку почка се уже обладает начинательным значением, то при образовании нового глагола с помощью за- "могло произойти смешение форм совершенного и несовершенного вида" (Л.И. Р о й з е н з о н. Указ.соч., стр.434). К таким глаголам следует, видимо, добавить и запримигам 'заморгать, начать моргать', в котором начинательная приставка за- соединяется с примигам сов.в., имеющим то же лексическое значение (ср.словарные толкования этого значения: РСБКЕ – "почвам изведнаж да мигам или мигам от време на време"; БРТ – "почвам изведнаж да мигам").

щих основ (за + извивам и под.). Поскольку по чисто формальным причинам дальнейшая имперфективация, по мнению С.Иванчева, невозможна (ввиду наличия суффикса имперфективации -ва- в заизвивам, заизпозатварям и под.), то заизвивам, изпозатварям и под.стали восприниматься и как глаголы несовершенного вида. Имперфективное значение в таких глаголах возобладало, и вместо первоначального перфективных заизвивам, изпозатварям стали употребляться глаголы типа заизвия, изпозатворя. Иными словами, видообразование таких глаголов "стало осуществляться в направлении обратном привычному (от совершенного вида к несовершенному), т.е. к несовершенному виду начал образовываться совершенный вид, что с точки зрения славянского видообразования есть нечто совсем непривычное"⁴⁰. Не вдаваясь здесь в подробный анализ предложенной С.Иванчевым оригинальной концепции образования рассматриваемых глаголов, отметим только, что она действительно противоречит утвердившемуся в славянской аспектологии представлению о путях видообразования и потому нуждается в серьезном дополнительном обосновании. На это обращает внимание и сам С.Иванчев. Он пишет, что все приведенные им соображения относительно образования дистрибутивных глаголов в болгарском языке "имеют в значительной степени абстрактно-теоретический характер, они нуждаются в подкреплении конкретным языковым материалом, собранным в памятниках разных эпох развития болгарского языка"⁴¹.

⁴⁰ С.И в а н ч е в. Проблеми на аспектуалността в славянските езици, стр.213. – Данная цитата относится к дистрибутивным глаголам, но такую же схему образования С.Иванчев предлагает и для начинательных глаголов (стр.214). Об этом см. также: С.И в а н ч е в. Българските дистрибутивни глаголи във видово отношение, стр. 108–109.

⁴¹ С. И в а н ч е в. Проблеми на аспектуалността в славянските езици, стр.215; О н ж е. Българските дистрибутивни глаголи във видово отношение, стр.110.

ВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА С СЕ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И СФЕРА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЕЕ ФОРМ В БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Глаголы с се страдательного значения составляют одну из основных групп в обширном массиве глаголов болгарского языка, характеризующихся наличием при них элемента се. Известно, что, помимо этой группы, существует и вторая большая группа – глаголы с се возвратно-среднего значения. Обе группы, объединяясь общим формальным признаком наличия элемента се, противопоставляются в языке глаголам без этого элемента. Противопоставление глаголов с се глаголам без се в лингвистической литературе квалифицируется как залоговое противопоставление глаголов.

Вопрос о временной парадигме глагола с се страдательного значения входит, таким образом, в большую и многоплановую проблему залога в болгарском языке и шире – в славянских языках вообще. Исследование временной парадигмы глагола с се страдательного значения представляет интерес не только само по себе как выявление закономерностей одной из областей языка. Такое исследование важно для решения сложных вопросов, затрагивающих целый ряд смежных языковых явлений. Не случайно проблематике временной парадигмы глагола с се страдательного значения было уделено серьезное внимание в работе Л.Андрейчина "Залог в болгарской глагольной системе"¹, послужившей основой для широкой дискуссии на страницах болгарских журналов.

Как известно, глаголы болгарского литературного языка имеют развитую парадигму форм, связанных с категориями времени и наклонения. Соответствующая парадигма теоретически должна быть и у глагола с се страдательного значения. Л.Андрейчин в указанной работе приводит временную парадигму глагола с се страдательного значения в изъявительном наклонении, отмечая, что у такого глагола "сохраняется полностью возможность образовывать все глагольные формы отдельных времен, как у действительного залога"².

¹ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. "Български език", 1956, № 2; см. также: Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдателно спрежение. "Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан". София, 1955.

² Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. "Български език", 1956, № 2, стр.116; О н ж е. Глаголните

Вместе с тем, Л.Андрейчин, приводя парадигму глаголов с се страдательного значения, отмечает ограниченность употребления форм прошедших времен по сравнению с широким употреблением формы настоящего времени. Эту ограниченность Л.Андрейчин связывает с функционированием в болгарском языке сочетаний глагола съм со страдательным причастием на -н (-т).

В книге "Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке"³ мы попытались уточнить высказанное Л.Андрейчиным общее положение об ограниченности употребления форм прошедших времен глаголов с се страдательного значения. Это уточнение побуждает и к иной трактовке роли построений со страдательным причастием на -н (-т).

2. По нашему мнению, возможности употребления отдельных временных форм глаголов с се страдательного значения обусловлены, прежде всего, сферой функционирования таких глаголов, которая в свою очередь связана со спецификой залогового значения, свойственного этой группе глаголов с се.

В наиболее общем виде грамматическое значение страдательных глаголов с се может быть определено как отстранение реального производителя действия от самого действия. В предложениях с такими глаголами на первый план выдвигается действие, а вопрос о лице, с которым это действие связано, оставляется в стороне. По грамматическому значению и по принципиальной модели своего образования такие предложения объединяются с безличными. Существо модели образования таких предложений состоит в том, что в предложении с глаголом действительного залога производится замена глагола без се на глагол с се и опускается существительное-подлежащее, обозначающее реального производителя действия. Например: а) Той продава хляба двойно – Хлябът се продава двойно; б) Той говореше за класова борба – Говореше се за класова борба. При этой принципиальной общности модели в образовании предложений со страдательным оборотом имеется особенность, состоящая в том, что в них глагол с се согласуется с существительным, обозначающим объект действия (в исходном предложении это существительное является прямым дополнением, а в предложении со страдательным оборотом – подлежащим). Эта особенность, однако, не является существенной. Она не может затемнить близости, которая имеется между предложениями, содержащими глагол с се страдательного значения, и предложениями безличными.

времена в българското страдателно спрежение. "Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан", стр. 73.

³ М. Г. Р о ж н о в с к а я. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., 1970.

Грамматическое значение интересующих нас глаголов с се страдательного значения предопределяет круг языковых ситуаций, в которых выступают эти глаголы. Наиболее наглядно этот круг обрисовывается материалом употребления глаголов с се безличного значения, так как здесь, ввиду отсутствия при глаголах формального подлежащего, грамматическая идея отстранения деятеля проявляется очень четко. Исходя из этого полезно рассмотреть построения, включающие глаголы с се страдательного значения, на фоне аналогичных построений с глаголами безличного значения.

Типичной сферой употребления глаголов с се безличного значения являются различные конструкции с так называемым "да-изречением". В этих случаях действие не связано с его конкретным осуществлением в реальной действительности, а является лишь возможным, желаемым, лишь называется. В соответствии с этим, "да-изречения" с глаголами с се безличного значения очень часто встречаются в конструкциях с модальными глаголами, в первую очередь с такими, как трябва, може: Дядо Захари се сети, че според обичая трябва да се бяга от тук преди изгрев слънце... (Е.П.); Понякога трябваше да се обикаля покрай самите зидове на затвора... (Велк.); Но трябваше да се яде, а бедно и безплодно беше селцето им (Даск.); Не можеше всякога да се върви, ей тъй, направо през просото, дето се казва (Велк.); Огнянова удиви смелостта на хаджият: така можеше да се говори пред българин само (Ваз.); Раните му са оздравели, но повече не може да му се помогне (Е.П.).

В конструкциях с модальными глаголами столь же обычно употребление и глаголов с се страдательного значения: Това не бива да се забравя, господа, ако искаме да бъдем реалисти (Калч.); Изборите бяха минали, сега трябваше да се засили марксистическата просвета, да се обърне внимание на гимнастическите дружества... (Калч.); Трябва всичко от нишката да се подреди, да се изтъче, че и да се ушие (Карасл.); Хергелджиите наистина носеха дълги по три-четири метра камшици, но с тях много нещо не можеше да се направи (Йовк.); После можеше да се преплува морето, отколкото да се изброди, без пътища и пътеки, незнайното царство на Синапа (Л.Стоян.); Само че и трудът на земеделеца може да се направи по-лек, по-чист и по-приятен (Карасл.).

Другим характерным случаем употребления "да-изречений" с глаголами с се безличного значения являются конструкции с безлично-предикативными словами, такими, как безумно, леко, мъчно, опасно и многими другими. Например: Беше безумно да се мисли за възпротивление, или за пробиване навалищата, която наводняваше околността (Ваз.); Както казва латинската пословица – сладко е да се умре за родината... (Л.Стоян.); Няма вече хубост за нея, няма драгост, но

такава била волята божия, а срещу бога, мислеше си Севда, грехота е да се излезе (Карасл.).

В подобных построениях выступают и глаголы с се страдательного значения. В качестве примеров можно привести такие предложения, как: А да се връзва по-голям капитал в такива материали сега не е добре (Карасл.); ... последната отбранителна позиция на Мехмед Синап. Мъчно беше тя да се превземе (Л.Стоян.); Това обикновено се вижда след женитбата, когато вече е късно да се поправи (Карасл.).

Еще один случай использования "да-изречений" с глаголами с се безличного значения представляют собой повелительные конструкции: – Щом артилерията открие силен огън, да се премине в атака (Веж.).

Аналогичным образом в повелительных конструкциях широко употребляются глаголы с се страдательного значения. Например: – Да се разработи до най-малката подробност план за превземането на пощата и телеграфа! (Калч.); – Да се повика свидетеля Иван Стоянов Иванов (Е.П.); – Да се извика незабавно една батарея! (Веж.).

Синтаксическими построениями, содержащими "да-изречение" являются также конструкции со значением цели. Примером подобного употребления глаголов с се безличного значения может служить предложение: Обаче не е направено необходимото, за да се ликвидира отсъствията в началото и в края на семестрите (Раб.дело).

Точно так же употребляются и глаголы с се страдательного значения. Например: За да се дигне камъка, трябваша най-малко четирима души... (Йовк.); Трябваше да се бърза, за да се вземе балканът... (Л.Стоян.); Той виждаше, че такава мобилизация се прави за война, а не за да се плашат гарги (Карасл.).

В языке имеется целый ряд других конструкций, содержащих "да-изречение", в которых употребляется глагол с се и безличного и страдательного значения. Останавливаться на всех этих конструкциях не имеет смысла, так как функционирование рассматриваемых глаголов в составе "да-изречения" достаточно наглядно демонстрирует уже приведенный языковой материал.

Наряду с употреблением в составе "да-изречения", в языке широко распространено самостоятельное употребление глаголов с се как безличного, так и страдательного значения.

Благодаря специфике своего значения, рассматриваемые глаголы используются для обозначения действия обычного, повторяющегося и, таким образом, не связанного с каким-то конкретным производителем действия. Подобное употребление глаголов с се безличного значения можно продемонстрировать на примерах: Влезе? Та тъй влазя ли се,

бе синко (Ваз.); - Даскале, от тая болест не се умира (Е.П.); На тези години вече се пълнее (Карасл.); - Бре байовци, на къде се отива за ада? (Е.П.).

Такое же употребление глаголов с се страдательного значения представлено в следующих предложениях: - Не ща, не ща, няма да го отсека, таквоз дърво отсича ли се? (Йовк.); Тя я гледаше отдалеч с весел поглед, както се гледа мъчлив и верен съучастник... (Е.Стан.); Земеделците свикаха конгрес на "цвеклопроизводителите" и с тояги и дюджокания дадоха урок на лисиците как се правят конгреси (Калч.).

Глаголы с се безличного значения употребляются и для обозначения конкретного, единичного действия в тех случаях, когда лицо, с которым это действие связано, не привлекает внимание говорящего или неизвестно ему: На вратата се тропа, каза тя (Ваз.); Хаджи Смион, като видя, че се говори за политика, взема сериозен тон и пресече бай Мича... (Ваз.); Отпред се стреля, отзад се стреля, къде са своите, къде чуждите, не може да се разбере (Веж.).

В тех же целях используются и глаголы с се страдательного значения. Например: - Пишете, господине, че министър-председателят на България е смъртно ранен и че след два дни се очаква погребението му (Калч.); - Всяка стъпка на отделна личност се наблюдава (Л.Стоян.); То е или избягало, или унищожено. Поставено във от законите, то се изстребва... (Л.Стоян.).

3. Мы охарактеризовали возможности употребления в болгарском языке глаголов с се страдательного значения. Эти возможности необходимо учитывать при рассмотрении вопроса об употребительности отдельных временных форм рассматриваемых глаголов, так как с различием случаев функционирования этих глаголов связано различие в употребительности временных форм.

Как было показано, обширной областью функционирования глаголов с се страдательного значения являются "да-изречения". Здесь использование временных форм предельно ограничено, и это ограничение носит сугубо грамматический характер. Как известно, за исключением некоторых случаев, "да-изречение" содержит глагол в форме настоящего времени, независимо от временной формы глагола конструкции, с которой "да-изречение" связано. В соответствии с этой нормой грамматики, глагол с се страдательного значения предстает в "да-изречениях" только в форме настоящего времени, что можно было наблюдать и на приводившихся выше примерах.

Вместе с тем, при самостоятельном употреблении глаголов с се страдательного значения существует возможность использования, наряду с формой настоящего времени, и других временных форм, хотя возможность эта для разного типа высказываний не одинакова.

Специфично употребление временных форм глагола с се страдательного значения в предложениях, обозначающих действия обычные, повторяющиеся. Здесь имеются свои ограничения. Особенность значения таких предложений обуславливает использование в них форм настоящего времени. Это так называемое "абсолютное настоящее". Такое употребление глагола с се страдательного значения можно наблюдать в предложениях: - С цепеници и нагайки не се прави съюз между селяни и работници (Калч.); Патроните им бяха преброени, а с голи ръце огън не се пипа (Л.Стоян.); А, видиш ли, женитбата е сериозно нещо - веднаж се дробя, а цял живот се сърба (Карасл.); Пари се печелят, ама земя мъчно се печели (Йовк.); Всяка грешка, драги, се плаща скъпо в живота (Л.Стоян.); - Нали пред съда се казва истината? (Карасл.); - Какви ти гости! Гостенско цяла седмица прави ли се? (Карасл.).

В предложениях такого типа закономерна и форма прошедшего несовершенного, которое, как известно, является своего рода аналогией настоящего времени в прошедшем. Как и настоящее время, прошедшее несовершенное может обозначать действия обычные, повторяющиеся, однако имевшие место в прошлом. Например: По-рано беше лесно-всичко в къщи се изпридаше и натъкаваше, а което не достигаше, се допълняше от чеиза на майката (Карасл.); ...кумовството в селото се предаваше по наследство и се тачеше много строго (Карасл.); В ония години, когато лекарите се броеха на пръсти и бяха недостъпни като божества фелдшерите са били видни личности... (Карасл.) - Едно време какво беше! ... И какви песни се пееха! (Карасл.).

Другие временные формы в предложениях подобного типа в исследованном материале не представлены.

Иное положение наблюдается в предложениях, где описываются какие-то конкретные, единичные события действительности. Здесь систематически используются почти все формы временной парадигмы болгарского языка:

н а с т о я щ е в р е м я : Нашето разузнаване е влязло в дигрите на хора от военната лига, също тъй се забелязва и брожение сред военните! (Калч.); И тия говорят за фасул! Кое то в всяка къща се казва по сто пъти на ден... (Л.Стоян.); ... стягат се коне и мулета, леят се куршуми, коват се и точат ножове. И всички бързат при Синапа... (Л.Стоян.); "Понеже редят в страната ми е компрометиран, държавните закони не се зачитат и се пренебрегват..." (Л.Стоян.); "... тези проклети разбойници, като рушители на държавната и мирната рая, се предават безусловно на изстребване и затриване от лицето на земята" (Л.Стоян.); Тук идеха клиенти, за да видят как се изпълняват поръчките им... (Карасл.);

прошедшее совершенное: Коего беше нужно да се покаже пред чуждите люде, за да се пази чест и почит, показа се (Тал.); Чу се тихо подсвирване. Съвсем тихичко се повтори мотив от някаква мелодия (Е.Стан.); Възникналите въпроси се оказаха много упорити в своята неясност и затова се избра комисия (Е.П.; - Ти ставаш главен. Получи се писмо (Л.Стоян.); За празника това беше истински удар; той продължи, докато се дойде яденето и се допиха чашите (Л.Стоян.); След като се даде това успокоително предупреждение на домочадията, престъпи се до работа (Ваз.); Вместо брашно мнозина мелеха жълъд, но и той се обра, после тръгнаха да съберат шикалки и борови шушулки (Л.Стоян.); Още преди Петров ден се раздаде и последното зърно и хората залитаха като сенки... (Л.Стоян.); И така - продължаваше телялинът, - [...] написа се настоящата височайша бюрултия от страна на румелийския диван и ви се изпраща... (Л.Стоян.);

прошедшее несовершенное: Дебела дъбова врата, надупчена от червеите, която се заключваше с дървено сюрме и с грамаден ключ, водеше направо в стаята (Е.Стан.); Тук се готвеше, тук семейството и се хранеше, зиме се месеше и хлябът... (Тал.); Чувствувахе се самотен, притеснен от погледите, които се отправяха към него... (Калч.); Донесъл го бе хаджията преди време чак от Виена и се пазеше в къщата като някакво украшение... (Тал.); Джукните се отваряха само за няколко часа (Е.Стан.); В големите и очи се долавяше нещо замислено, твърдо, дори мрачно... (Е.Стан.); Тя срещна острия му, втрещен поглед, в който се четеше укор, недоверие и страх (Е.Стан.); Окръжният съд заседаваше в пьлен състав. Гледаше се делото на Митре Мариин... (Е.П.); Всяка събота вечер от осем часа в квартирата на околийския началник Киселов се играеше покер (Веж.); Излизането на полковете на изходните позиции се провеждаше още по-лошо (Веж.);

будущее время: В полицията заявяват, че ще се определи парична награда за главата му (Л.Стоян.); ... тя нареждаше кое ще се занесе в града, кое ще се продаде (Йовк.); Утре никакъв добитък няма да се изкарва навън. Всички волове и крави, всички коне и овцете ще се закарат на пазаря в града (Йовк.); Хората идваха от всички страни. Знамсха че тук ще се реши голямата грижа за хляба (Л.Стоян.); До нова година всичко ще мине и ще се забрави (Карасл.);

будущее в прошедшем: Всичко това щеше да се избегне, ако бяха си вървели право по пътя и бяха минали чрез Сърнено (Йовк.).

Временными формами, которые составляют исключение среди всех остальных, являются формы прошедшего неопределенного и прошедшего

предварительного. В исследованном нами обширном материале произведений художественной литературы примеров употребления этих форм от глаголов с се страдательного значения не встретилось.

Описанная картина функционирования различных временных форм глаголов с се страдательного значения позволяет, как нам кажется, делать следующие выводы.

Первым выводом является то, что, видимо, нет оснований говорить об ограниченности употребления форм прошедших времен у глаголов с се страдательного значения. Если отвлечься от специфического употребления глаголов с се страдательного значения в различного рода конструкциях с "да-изречением", допускающим лишь форму настоящего времени, и ограничиться только самостоятельным употреблением этих глаголов, то оказывается, что формы прошедших времен столь же закономерны, как и форма настоящего времени. Бросающееся в глаза при недифференцированном исследовании материала преобладание формы настоящего времени объясняется значительным количеством грамматических построений, требующих этой формы, а не ограниченностью употребления форм прошедших времен в языковых ситуациях, где они в принципе возможны. Наибольшие возможности для употребления различных временных форм глагола с се страдательного значения имеются, как было показано, при обозначении конкретного, единичного действия. На подобном материале особенно ясно можно видеть, что относительная частота употребления этих форм такая же, какая свойственна соответствующим временным формам от других глаголов языка.

Второй вывод состоит в том, что при рассмотрении глаголов с се страдательного значения не следует говорить о формах всех прошедших времен в целом, так как в употребительности их нет единства. С одной стороны, имеются формы, которые употребляются совершенно регулярно - это прошедшее совершенное (аорист) и прошедшее несовершенное (имперфект). С другой стороны, существуют формы, которые практически не употребляются - это прошедшее неопределенное (перфект) и прошедшее предварительное (плюсквамперфект).

4. Описанный характер употребления временных форм глаголов с се страдательного значения выявляет определенный грамматический принцип: в языке наблюдается функционирование простых временных форм этих глаголов, в то время как сложные временные формы, образуемые с помощью глаголов съм и причастной формы на -л, не используются.

Область сложных форм является, по нашему мнению, той сферой, где функционирование глагола с се страдательного значения оказывается связанным с другим языковым явлением, а именно с употреблением сочетаний глагола съм со страдательным причастием на -н (-т).

Известно, что в болгарском языке среди сочетаний глагола съм со страдательным причастием на -н (-т) можно видеть два типа: одни

сочетания ярко обнаруживают свой качественный, адъективный характер и представляют собой конструкцию предикативного определения, например: Галунка се върна в къщи и понадигна капака на сандъка, за да види дали е заключен (Йовк.); в других же сочетаниях адъективность проявляется менее ярко и они служат для характеристики действия, например: Когато ракията беше разпределена в чашките, Иван Тодоров се приведе малко напред като от някоя трибуна (Караст.). Относительно второго типа сочетаний в грамматической литературе высказывались различные мнения. Н.Костов считал эти сочетания синтаксическими единицами, указывая на ряд факторов, свидетельствующих о том, что в них "страдательное причастие в значительной степени предстает как предикативное определение"⁴. А Теодоров-Балан, напротив, квалифицировал их как морфологические единицы, как формы особого "страдательного спряжения"⁵.

Л.Андрейчин усматривает у сочетаний "сьм + причастие на -н (-т)", характеризующих действие, и свойства, которые позволяют говорить об их синтаксическом характере⁶, и свойства, дающие возможность квалифицировать их как морфологические единицы, склоняясь в своих более поздних трудах к трактовке этих сочетаний как морфологических форм "причастно-страдательного спряжения"⁷. Такая трактовка ведет к признанию существования в болгарском языке двух равнозначных языковых единиц: глагола с се страдательного значения и формы "сьм + причастие на -н (-т)". Таким образом, пишет Л.Андрейчин, перед исследователями болгарского языка стоит задача изучения "вопросов употребления двух видов форм для выражения страдательно-безличного залога в различных временах..."⁸. Ставя эту задачу перед грамматистами, Л.Андрейчин высказывает мнение, что ограниченное употребление глаголов с се в прошедших временах является следствием преобладания в этих временах причастно-страдательных форм.

⁴ Н. К о с т о в. Болгарска граматика. София, 1939, стр.179.

⁵ А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Нова българска граматика. София, 1940, стр.183-194; О н ж е. Състояние на българската граматика. София, 1947, стр. 133-134; О н ж е. Нова българска граматика за всякого. Свезка III. София, 1958, стр.326-328.

⁶ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика. София, 1944, стр.188.

⁷ Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдательно спрежение. "Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан", стр.69-75; О н ж е. Залогът в българската глаголна система. "Български език", 1956, № 2, стр. 106-120.

⁸ Там же, стр. 119.

Как было показано нами выше, меньшее количество случаев употребления форм простых прошедших времен по сравнению с формой настоящего времени у глаголов с се страдательного значения находит свое объяснение при учете свойств самих глаголов с се и не вызывает необходимости искать влияния какого-то внешнего фактора. Что касается сложных форм, то тут имеется тесная взаимосвязь между глаголами с се страдательного значения и сочетаниями глагола сьм со страдательным причастием на -н (-т). Но эта взаимосвязь заключается, по нашему мнению, не в соперничестве глагола с се страдательного значения и сочетания "сьм + причастие на -н (-т)", ведущем к меньшей употребительности глагола с се.

С нашей точки зрения, широкое употребление в болгарском языке конструкций "сьм + причастие на -н (-т)" для выражения действия объясняется отсутствием у глаголов с се страдательного значения сложных форм прошедшего времени. Между отсутствием сложных временных форм в парадигме глаголов с се страдательного значения и существованием конструкции "сьм + причастие на -н (-т)", выражающей действие, имеется, на наш взгляд, несомненная связь. Эта связь проявляется в том, что конструкция "сьм + причастие на -н (-т)" со значением действия выступает в большинстве случаев там, где по законам функционирования болгарской глагольной системы употребляются сложные формы прошедшего времени.

Если обратиться к конструкциям "сьм + причастие на -н (-т)", выражающим действие, в которых глагол сьм стоит в форме настоящего времени, можно видеть, что функционирование этих конструкций близко к функционированию прошедшего неопределенного времени. Не случайно в языке наблюдается чередование в употреблении анализируемых конструкций и форм прошедшего неопределенного времени, как это имеет место в следующем примере: "Вижте! Още от България той не се е погрижил да ви снабди с дрехи, макар че е имал тая възможност. Не се е погрижил да вземе и други необходими работи, като баки, канчета, лъжици и още много важни дроболии. Тук в склада все пак има достатъчно дрехи, за да се раздадат на най-окесаните, но и те не са раздадени. Пренебрегвал е истинския готвач и е сложил в кухнята свои хора. Тая възмутителна история с нафталиновата сол е направена пак нарочно, за да предизвика недоволство, макар той отлично да знае, че един чувал сол струва много по-малко, отколкото яденето, което вие хвърляте (Веж.)."

Конструкция "сьм + причастие на -н (-т)", выражающая действие, в которой глагол сьм стоит в форме простого прошедшего времени, в своем употреблении перекликается с употреблением прошедшего предварительного времени. Близость функции рассматриваемой конструкции "сьм + причастие на -н (-т)" с функцией плюсквамперфекта особен-

но наглядно проявляется в тех случаях, когда эта конструкция употребляется в одном ряду с формами плюсквамперфекта: Чичо Митуш се залови за работа, трионът заскрибуца. Не се мина много и чичо Митуш беше пак под дървото. Около покрива на чардака беше светнало-дървото там беше окастрено. По земята, покрита и без това с окапал цвят, бяха нападали съчки и листа. Галунка дойде да премете (Йовк.)⁹.

Б. Предлагаемая трактовка отношений между временной парадигмой глагола с се страдательного значения и сочетаниями "съм + причастие на -н (-т)" оспаривается Е. Георгиевой. Прежде всего, по ее мнению, парадигма глагола с се страдательного значения не имеет указанной выше специфики в сфере сложных временных форм. Е. Георгиева считает, что в болгарском языке "часто и регулярно употребляются именно сложные пассивные формы спряжения глаголов с элементом се (Те-зи книги толкова много са се чели; Това се е чело, чело ... и т.д.)"¹⁰.

Как уже отмечалось выше, в исследованном нами материале художественной литературы не встретилось ни одного примера, подобного приводимым Е. Георгиевой. Обращает на себя внимание и то, что в высказывании Е. Георгиевой не содержится указания на источник, из которого извлечены приводимые предложения со сложной формой прошедшего времени от глагола с се страдательного значения. Характер даваемых предложений (наличие в них одного и того же глагола; почти полное отсутствие второстепенных членов) позволяет также считать, что они не взяты из реального языкового текста, а сконструированы как отвечающие языковым нормам. Таким образом, примеры Е. Георгиевой демонстрируют скорее не реальную употребительность предложений со сложной формой прошедшего времени от глаголов с се страдательного значения, а лишь допустимость в языке подобных предложений.

Е. Георгиева разделяет мнение тех ученых, которые считают, что в болгарском языке сочетания "съм + причастие на -н (-т)" в случаях их использования для обозначения не качества, а действия, представляют собой морфологические формы, образующие свой временную парадигму помимо временной парадигмы глагола с се страдательного значения. Остановившись на вопросе о неравномерном употреблении временных форм в указанных двух парадигмах, Е. Георгиева высказывает мысль, что "причина этого явления кроется не в дефективности отдельных спряжений, а в различии языковых сфер, в которых они функ-

⁹ Подробно о месте в языке конструкций "съм + причастие на -н (-т)" см.: М. Г. Рожновская. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке.

¹⁰ Е. Георгиева. Новый вклад в болгаристику. "Советское славяноведение". 1971, № 3, стр. 102.

ционируют"¹¹. Сферой употребления глаголов с се страдательного значения является, по заключению Е. Георгиевой, разговорная речь или текст, который в большой степени воспроизводит ее особенности, прежде всего художественная литература. В языке же подчеркнутым книжном употребляются сочетания глагола съм со страдательным причастием.

В связи с этим небезинтересно проследить употребление временных форм глагола с се страдательного значения в материале прессы, являющейся, как известно, характерной областью функционирования так называемого книжного языка.

С целью выяснения вопроса об употребительности различных временных форм глагола с се страдательного значения нами было изучено несколько периодических изданий последних лет - газеты "Работническо дело", "Труд", "Литературен фронт", "Народна младеж", "Народен спорт", "Димитровско знаме".

Само собой разумеется, что в языке газет широко представлено употребление формы настоящего времени глагола с се страдательного значения в различного рода конструкциях с "д а - и з р е ч е н и е м". Например:

Когато даден въпрос трябва да се реши на по-високо равнище, той се предоставя на вниманието на ОК на БКП (Нар. младеж); От новите материали още по-релефно може да се проследи изграждането на ми-рогледа на А. Антонов-Малчика... (Нар. младеж.); Това може да се усети дори само от първия куплет на поемата (Лит. фронт); Но тук предстои още много да се направи (Лит. фронт); Въпреки това, очевидно бяха големият му талант, възможностите му, които има още и още да се реализират (Нар. спорт); Не бива да се отминава без внимание обстоятелството, че през април 1876 г. именно в Пловдивско са най-силните революционни изблици на народното негодувание срещу османските потисници (Лит. фронт); Но тук е необходимо да се изтъкне и нещо друго особено важно... (Лит. фронт); Трудно е да се предаде с думи пицната гама от цветове, в които е потънал столичният град (Нар. младеж); Оттук нататък всичко се свеждаше до режисьорската похватност и интелигентност, за да се реализира едно вече по начало обеднено произведение (Лит. фронт); - Да се арестуват бегачите с червените колелета! (Нар. спорт); Нали важното е да се спечели всеки млад човек? (Нар. младеж); Движението за научно и техническо творчество на младежта дава възможност съвсем рано да се откриват тези заложби (Лит. фронт).

Однако нас интересуют в первую очередь не эти случаи, а самостоятельное употребление глаголов с се страдательного значения. Обра-

¹¹ Е. Георгиева. Указ соч., стр. 103.

щиясь к такому употреблению, следует отметить, прежде всего, систематическое употребление формы настоящего времени:

Наред с обективните трудности се допускат и немалко вътрешни организационни слабости (Раб.дело); Заради високите си хранителни и лечебни качества те се търсят много както на вътрешния, така и на международния пазар (Раб.дело); Този разказ се допълва от уникални музейни експонати – бронзови фигури, монети... (Раб.дело); Въщност тази колонистка акция не е изолирана инициатива, а се организира и вдъхновява от влиятелни политически кръгове (Раб.дело); Защото при досега допускните слабости се пилеят много сили в време (Нар.младеж); Ордена се дава на градския комитет във връзка с 30 години от основаването му... (Нар.младеж); В момента се строи великолепен мост над нея до острова в източния край на Пловдив, а и островът се укрепва с подпорна стена (Нар.младеж); За съжаление не особено благополучно се изпълнява плана на С М "Родина" в Благоевградски и Пазарджишки окръзи (Нар.спорт); Важното е, че творчеството на един от най-видните ни съвременни поети се разглежда с разбиране, с любов, но и с висока възискателност (Лит.фронт); Още повече това важи за произведенията, които сега се създават за онова време (Лит.фронт); Винаги се реагира на сигналите на здравните органи и съобразно с техните изисквания се извършват проверки, вземат се решителни мерки (Димитр.знаме).

Употребление форм прости прошедших времен от глаголов с се страдателного значения тоже является в языке газет совершенно закономерным. Функционирование формы а о р и с т а можно продемонстрировать на следующих примерах:

Напоследък в нашия печат и в другите средства за масова информация и комуникация с пълно основание се поведе разговор за някои обезпокоителни прояви на част от младежта по отношението на нашата действителност (Лит.фронт); С тази телефонна централа в окръга се постави началото на серия АТЦ от типа КРС-203, които до края на юбилейната година ще се увеличат на пет (Труд); В съревнованието между катерачите първите места се заеха от Ив.Попов с 21 точки, В.Михайлов (9) и Д.Стефанов (6) (Труд); В Лондон се играха три отложени срещи от футболното първенство на Англия (Труд); На основата на това решение от ОК на БКП се разработиха "Основни насоки за организацията и провеждането на учебната 1974-1975 година в партията, ДКМС и профсъюзите" (Нар. младеж); В следобедните часове улиците и площадите на Берлин се огласиха от песни и музика (Нар.младеж); Анализите на отложената позиция на осмата партия показаха, че обективно пешката в повече у Карпов не води до победа. Това се доказа и на доиграването... (Нар.спорт); Видни културни дейци, учени, общественици, писатели и артисти от целия свят се

събраха във Варшава [...] Срещата се организира във връзка с подготовката на световния конгрес за мир... (Труд); Коренно се преустрои и българската статистика (Труд); Възпитаници на детско-юношеските школи на домакините поднесоха цветя на гостите, по радиуредбата се чува хубави слова за другарството и спортменството (Нар.спорт); Борбата в "А" РФГ е в разгара си, превъртяха се седем кръга, предстои да се играе и осмият (Нар. спорт); Черните разположиха удобно фигурите си [...]. Размениха се дамите, които в тази закрыта позиция не можеха да проявят особена активност (Нар.спорт); На открити партийни събрания се разгледаха въпросите за ролята на семейството при възпитанието на подрастващото поколение, за психологията на труда (Димитр.знаме); В доклада [...] се разкритикуваха недостатъците, допускани от отделни другари (Димитр.знаме); Особено се подчерта необходимостта от още по-задълбочена съвместна работа с първичната партийна организация за достойно посрещане на X конгрес на БКП (Димитр.знаме); Ако в селото се построи хубаво читалище, ако винаги навреме се прибира реколтата [...] скромна заслуга за това имат и двамата братя, комунистите, борците Пешо и Фримо (Димитр.знаме); Взе се решение да се организират и провеждат открити партийни събрания, като се използват бележити дати и се подканят да присъствуват всички трудещи се (Димитр.знаме); Започна по-редовно да събира нейните членове, подготви двама добри работници и ги предложи за членове на партията, прие се и един комсомолец (Димитр.знаме).

Тот факт, что функционирование формы аориста от глаголов с се страдателного значения является для языка газет нормой, хорошо демонстрируют многочисленные случаи аориста от тех глаголов, которые относятся в языке газет к наиболее употребительным, например, от глагола проведа се: Вече се проведеха първите събрания с беседа по международното положение (Димитр.знаме); Зонална среща за обмяна на опит по социалистическото съревнование се проведе в Шумен по инициатива на ЦКПС на работниците от административните учреждения и обществените организации (Труд); Двудневен семинар с председателките на комисиите по проблемите на работещите жени към профкомитетите и председателките на общинските съвети на жените от Варненски окръг се проведе в курортния комплекс "Златните пясъци" (Труд); В Дюселдорф, ГФР, се проведе съвещание на представителите на комунистическите партии от западноевропейските страни (Нар.младеж); В столичния район "Васил Левски" се проведе обществен преглед по противопожарната охрана, в който участваха над 500 обекта (Труд).

Столь же закономерной для языка газет является и форма и м – п е р ф е к т а от глаголов с се страдателного значения. Примеры этой формы широко представлены в исследованом материале:

Вчера те се опитаха с помощта на огнестрелно оръжие да разпръснат митинг в Лондондери, където се издигаха кандидати за местните избори (Труд); Те се облягаха на случайни мнения или се опираха на някоя специалност заради внушителното ѝ заглавие. А най-често се повлияваха от решението на другите (Лит. фронт); Спомням си и едно предаване на Московската телевизия [...]. В залата, откъдето то се излъчваше, бяха дошли артисти, видни учени (Труд); Над колоните се четяха лозунги "Да дадем повече продукция, с по-добро качество, при по-малки разходи" (Труд); Някъде в края на втората обиколка състезателите гонеха с такава бързина, че лицата им почти не се различаваха (Нар. спорт); На партийни събрания се разглеждаха и приемаха планове за работата на организацията... (Димитр. знаме); Навсякъде думата България се свързва най-напред с името на нашия незабравим вожд и учител Георги Димитров, когото дълбоко уважават в Чили (Труд); Тръгнах нагатак - на зелените площадки се чуваха команди под звуците на музика (Нар. спорт); И сега виждам пред себе си решителните лица на работниците от медодобивния завод във Вентанас, на работниците от завода за домакински електроуреди "Ферилоса", в които се четеше твърда готовност да защитават своята народна власт и нови завоевания (Труд); Повечето от състезанията се уреждаха в провинцията (Нар. спорт).

Глаголы с се страдателного значения выступают в языке прессы и в форме б у д у щ е г о в р е м е н и. Употребление этой формы можно показать на такие примерах, как:

Тази година десетдневката на съветската книга и грамофонна плоча ще се проведе от 1 до 10 ноември (Раб. дело); Получените резултати показват, че авиацията все по-широко ще се използва в селското стопанство и в бъдеще (Раб. дело); ... заедно с което подчерта, че всячески ще се насърчават частният сектор и чуждите капиталовложения (Раб. дело); Първата партия от него ще се играе на 16 септември в Колонната зала на Дома на съюзите (Раб. дело); Всичко това ще помогне да се преодолее модата на техническото образование, която ще се замести от здрав и траен интерес у младежи, показали действителни заложби в средните училища (Лит. фронт); Между тях ще се разпределят златните медали и на отделните уреди (Нар. спорт); По разработки на "Туристпроект" през идната година ще се преустрои основно хотел-ресторант "България" чрез една зима градина... (Нар. младеж); Храната ще се приготвя от три модерни кухни в хижите на заводите "Н. Киров", "Жити" и "Девети септември" (Труд); В нея ще се изпитват моделите на плавателните съдове и техните гребни винтове, за да може да се създават съвременни типове кораби с високи експлоатационни качества (Труд); Всичко, което ще се произвежда тук, е ново, непознато (Труд); Той ще се изгради по проекти на

"Пътпроект" с участието на "Енергопроект" и специалисти от Висшия инженерно-строителен институт (Труд); В голяма част от предприятията още не са определени дори изделията и технологиите, за които ще се изработват инженерните проекти (Труд); За всеки нов обект съдим по неговата ефективност, по това, какво ще даде той на страната, за колко време ще се изплати, какво място ще заеме в нашата икономика (Труд); В продължение на час и половина към трибуната с партийните и държавните ръководители на страната ни ще се отправят приветствия и ще идват приветствия (Труд).

В материалe прессы нам встретились и случаи употребления формы перфекта от глаголов с се страдателного значения. Однако, если все перечисленные выше простые временные формы от глаголов с се страдателного значения представлены в исследованном материале многочисленными примерами, то форма перфекта встретилась в этом материале лишь два раза. Она содержится в следующих предложениях: След изтичане на определения срок за участие в олимпийския турнир в Монреал през 1976 г. в седалището на ФИФА в Цюрих са се получили заявки от 92 страни (Нар. спорт); Те споделиха как се е посрещнало откритото писмо в тези предприятия и, нещо повече, разказаха за конкретните стъпки, които предприемат техните колективи... (Труд).

Из приведенного материала употребления в языке прессы различных временных форм глаголов с се страдателного значения можно видеть, что эти глаголы являются для языка прессы совершенно закономерными. Надо отметить, что они встречаются здесь даже чаще, чем это имеет место в языке художественной литературы, так как событиям действительности дается в языке прессы нередко самая общая характеристика без указания на конкретные лица или предметы, которыми описываемые действия были осуществлены.

Таким образом, изучение языка прессы не дает оснований для заключения, что здесь отсутствует систематическое употребление глаголов с се страдателного значения. Мнение, что функции глаголов с се выполняются сочетаниями "сѣм + причастие на -н (-т)", высказывалось, видимо, с одной стороны, из-за отсутствия систематического обследования языкового материала, а с другой - из-за более широкого, по сравнению с языком художественной литературы, употребления таких сочетаний в некоторых сферах болгарского языка.

Вопрос о сочетаниях "сѣм + причастие на -н (-т)" является самостоятельным большим вопросом, требующим специального детального рассмотрения. В рамках данной статьи можно отметить лишь то, что при анализе употребления этих сочетаний в болгарской прессе необходимо помнить и о совершенно очевидном влиянии здесь языковых штампов других языков.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Что касается состава временных форм, присущих глаголам с се страдательного значения в языке прессы, то он в значительной мере подобен тому, какой наблюдается в языке художественной литературы. В языке прессы широкое употребление свойственно только простым временным формам, и, таким образом, только эти формы практически называются представленными в составе парадигмы.

Упомянутые выше отдельные случаи употребления в языке прессы формы перфекта, не свойственной языку художественной литературы, возможно объясняются снижением в языке прессы стилистических требований. Может быть, здесь играет роль имеющаяся между языком прессы и языком художественной литературы разница в области употребления "с_ьм + причастие -н (-т)", а именно менее четкая закрепленность за ними в языке прессы функции сложных прошедших времен. Это создает почву для появления соответствующих форм от глаголов с се страдательного значения, которые по своему временному значению совершенно четки.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ваз.	- И.Вазов	Л.Стоян.	- Л.Стоянов
Веж.	- П.Вежинов	Тал.	- Д.Талев
Велк.	- Кр.Велков	Димитр.знаме	- Димитровско знаме
Даск.	- С.Даскалов	Лит.фронт	- Литературен фронт
Е.П.	- Елин Пелин	Нар.младеж	- Народна младеж
Йовк.	- Й.Йовков	Нар.спорт	- Народен спорт
Калч.	- К.Калчев	Раб.дело	- Работническо дело
Карасл.	- Г.Караславов	Труд	- Труд
Е.Стан.	- Ем.Станев		

Широкие многовековые контакты греческого и болгарского языков на севере Балканского полуострова, двуязычие массы болгарского населения в южных частях современной Болгарии и в Эгейской Македонии привели к сильной интерференции двух языковых систем на всех уровнях, к массовым лексическим заимствованиям. Анализируя теперь этот значительный слой заимствованной лексики, мы имеем возможность установить некоторые особенности бытовавшего здесь двуязычия и моделировать заимствование как лингвистический процесс. Полученные выводы лишь в редких случаях могут быть проверены привлечением экстралингвистических данных. Так в настоящей небольшой работе строятся предположения, подсказанные анализом исключительно языковых фактов, и потому достаточно уязвимые. В рамках собственно лингвистического исследования, однако, подтверждением определенной гипотезы можно считать, например, возможность интерпретации или систематизации достаточно большого языкового материала, превышающего по своему объему введенный в обиход раньше. Добавим, что помимо возможности, не огрубляя фактов, классифицировать значительный языковой материал, предлагаемый здесь принцип удобен (и во многих случаях совершенно необходим) при этимологизации греческих заимствований в болгарском¹, что мы и попытаемся ниже продемонстрировать.

Выдвигаемое здесь предположение состоит в следующем: внедрение греческих (глагольных) лексем в заимствующий болгарский язык сопровождалось появлением массы синонимов к заимствованиям, созданием развернутых синонимических рядов. Помимо частичного совпадения значений, члены такого рода синонимических рядов объединяются также общностью реализованной словообразовательной модели, то есть относительной устойчивостью морфологической структуры синонимов. Наблюдаемая относительная взаимозависимость обозначающего и обозначаемого, морфемного состава слова и его значения, как и самая вспышка синонимической языковой деятельности, связаны, по нашему мнению, с процессами морфологической и лексической адаптации заимствований.

¹ Мы ограничиваемся рассмотрением глаголов - заимствований, которые, как известно, восходят к новогреческим словоформам с аористными (сигматическими) основами.

Необходимо не упускать из вида, что греко-болгарская интерференция, составляющая предмет нашего исследования, основывалась на двуязычии болгарского населения, при котором лексемы заимствовались из речи в речь. По мере того, как речевое произведение (в нашем случае — глагольная лексема) вследствие многократных воспроизведений становилось фактом заимствующего языка, усвоение и адаптация его морфологической структуры происходили одновременно с усвоением и адаптацией комплекса его значений. Оба процесса сопровождались присущими речевой деятельности искажениями, а в нашем особом случае заимствований в условиях бытового народного двуязычия следует учитывать и значительное недопонимание, недоразличение болгароязычным населением усваиваемых из греческого единиц. Следы такого рода недопонимания и недоразличения мы и обнаруживаем в анализируемых ниже явлениях.

Морфологическая структура греческой глагольной лексемы усваивалась путем разложения и, главное, переразложения основы на корень и аффиксы². Одновременно имело место и разложение комплекса лексических значений основы на частные значения, на семы (настоящее относится лишь к основам, сохраняющим в болгарском языке свою многозначность). В процессе адаптации новая для заимствующего языка лексема включалась в синонимические ряды, число которых зависело, с одной стороны, от объема присущего ей значения, то есть от количества выделенных частных значений, а с другой стороны, и от ее морфемного состава, как это будет показано ниже.

Образование синонимических рядов к заимствованиям в связи с адаптацией их морфологической структуры явилось, по-видимому, следствием неосознанного стремления воспроизвести заимствование, подменив его корень другим, уже известным. Данный процесс народного этимологизирования представлялся бы достаточно тривиальным, если бы не обнаруживалось при этом очевидное стремление сохранить морфемный состав морфологически адаптированного или адаптируемого заимствования. Все эти процессы в настоящее время сильно затемнены, прежде всего, в результате утраты большей части заимствований, постоянно вытесняемых на периферию языка. Устойчивость словообразовательной модели в целом синонимическом ряду, однако, прослеживается довольно ясно.

Устойчивость словообразовательной модели синонимов констатируется нами не только в случаях идентичности префиксов или суф-

² А также посредством присоединения необходимых собственно болгарских флексий непосредственно к греческим аористным (сигматическим) основам, так что иноязычные словоизменительные морфемы заменяются местными.

фиксов нескольких лексем (с общим частным значением), но также и в случаях, когда глаголы целого ряда имеют возвратную форму, что обычно считается с константностью того или иного аффикса.

Среди глаголов, объединяемых нами в синонимические ряды, обнаруживаются, таким образом, с одной стороны, заимствования, с другой стороны, новообразования с местными корнями, воспроизводящие словообразовательную модель заимствования, но также, наконец, и глаголы, синонимизированные на основании чисто формальных признаков. Таковы новообразования с бессмысленными корнями, воспроизводящие звуковой облик одного из членов ряда и реализующие общую для целого ряда словообразовательную модель, а также глаголы, синонимизированные посредством резкого, семантически немотивированного сдвига значения на основе идентификации реализованной в них словообразовательной модели с общей моделью некоторого ряда. Если в первом случае мы имеем дело с новообразованиями на болгарской почве³, то во втором случае речь идет о заимствованиях, о синонимизации в рамках заимствующего языка двух глаголов, греческие источники которых синонимами не являются.

В устанавливаемых синонимических рядах объединяются как полные, так и частичные синонимы. Нам важно выделение одного константного для целого ряда глаголов значения и некоторой сопутствующей ему формы, вернее, словообразовательной модели. Самые же члены синонимического ряда, взятые вне него, могут быть многозначны, и весь круг передаваемых ими значений, как и факт вхождения их в другие синонимические ряды, мы постоянно принимаем во внимание и вводим в описание.

Сводя воедино факты разных диалектов, мы в настоящей работе устанавливаем синонимические ряды на уровне болгарского языка как диасистемы, делая допущение, что отмечаемые по диалектам факты есть отражение общего процесса.

Для демонстрации методов построения и анализа синонимических рядов опишем подробно ряд глаголов-синонимов со значением 'сбарям'⁴. Признаки этого ряда следующие: переходные глаголы со значением 'сбарям' содержат префикс с- и суффикс -ас-; соотносимые с ними

³ Мы вполне отдаем себе отчет в том, что наше определение корня как "бессмысленного" нередко вызвано лишь недостаточностью наших знаний в области диалектной лексики.

⁴ В настоящей работе даются толкования болгарских и греческих глаголов по-болгарски, как они даны в использованных нами диалектных словарях список их см. на стр. 24-26. Константные значения описанных синонимических рядов переведены на русский язык в комментарии к обобщающей табл. 4, см. стр. 332.

возвратные формы (со значением направленности действия на субъект 'сбоярям се') образуются регулярно, так что в словоизменительном ряду 'сбоярям' - 'сбоярям се' недостающая вторая форма может быть легко восстановлена. Помимо словоформ с префиксом с-, встречаются словоформы без префикса, причем в тех случаях, когда выделение префикса есть результат переразложения, соответствующая словоформа без префикса содержит мнимый, неэтимологизируемый корень. Ниже приводится этот синонимический ряд целиком. Два его варианта располагаются в колонках по вертикали, переходный глагол и соответствующий возвратный - в одной строке, а словоформы с префиксом и без префикса - в гнездах по вертикали:

Т а б л и ц а 1

'сбоярям'

'сбоярям се'

(с-)(а/ъ)бор'асвам Бтв ⁵	(1)	
с- тропол'асвам	(2)	
с- трупул'асвам Ттв		с- трупул'асвам се Ттв
путур'асвам БрП	(3)	
		(с-) потур'асвам се Ихт
с- грмол'асвам Ттв	(4)	с- грмол'асвам се Ттв
с- громол'асвам		с- громол'асвам се Прщ
(с-/з-) грумул'асвам Крс		з- грумул'асвам съ Крс
		з- груал'асва са Рд:Кор
		з- громойаса съ ТрП
с- гръмол'асвам		с- гръмол'асвам се
ор'асвам СмП	(5)	ур'асвам са Ихт
(с-)ур'асвам Ихт		(с-) ор'асувам се Смк
(с-)рупал'асвам	(6)	
	(7)	лумбурд'асвам се
	(8)	бутур'асвам се

(1) В переходном глаголе сабор'асвам (Бтв - БД, 1), сбоярясвам (БТР) 'сбоярям' следует видеть тот же корень, что и в словоформах сабур'асвам (Стрдж - БД, 1) 'спогаждам, помирявам' и соответствующем возвратном глаголе сабур'асвам са (Ттв - СбНУ, XXXI, 337; Рд: См, Ар, Ас, Мн, Дев - БД, 5) 'въздържам се в яда си', (а также и в сбур'асоъм съ (Тр - БД, 4) и сабор'асвам съ (ТрП - БД, 6) 'досещам се, сбоярявам се'. По нашему мнению, переходный глагол с(а/ъ)бор'асвам, вторично образованный от деноминатива с(а/ъ)б(о/у)р'асвам се 'въздържам се в яда си' к сабор, сабур 'терпение, спокойствие' < тур. *صابور* 'терпение', включен в описываемый

⁵ Список сокращений см. в конце статьи.

синонимический ряд на основе только внешнего сходства данной словоформы с другими членами ряда, а именно - в результате переосмысления анлаута как приставки с- и наличия суффикса -'ас-, постоянно в данном ряду. Сближение глаголов с(а/ъ)бор'асвам прх, и сбоярям прх следует считать народной этимологией, поскольку иное развитие с(а/ъ)бор'асвам прх., - например, как отглагольного образования на -'ас- к сбоярям прх. - фонетически немотивировано, так как невозможно развитие ударного [а] > [о], [у].

(2) Глагольный дублет на -'ас- к болг. с-трополя прх. - с-тропол'асвам прх. (НГ, V; БТР), струпул'асвам (Ттв - СбНУ, XXXI, 343) соотносится с возвратным глаголом струпул'асвам са (Ттв - СбНУ, XXXI, 343), и в обоих глагольных лексемах реализована общая для целого ряда словообразовательная модель: префикс с- + суффикс -'ас-.

(3) Возвратный глагол (с-)потур'асвам се (Ихт - БД, 3), дублет к отмеченному в том же говоре спотура се, спотурна се 'залитна да падна', мы считаем приставочным образованием на том основании, что в значении 'сбоярям' отмечается бесприставочный глагол птур'асвам (БрП - БД, 5).

(4) Довольно широко распространены глаголы с болгарскими корнями громол'-, гръмол'-, грмол' - и т.д. с-громол'асвам прх. (НГ, V; БТР), (с-/з-)грумул'асвам прх. (НГ, V; Крс - БД, 5), сгръмол'асвам прх. (НГ, V); с-громол'асвам се (БТР; Прщ - СбНУ, X, 55), з-грумул'асвам съ (Крс - БД, 5), з-груал'асва са (Рд: Кор - БД, 5) и з-громойаса съ (ТрП - БД, 6); а также без префикса: грмол'асвам прх. (Ттв - СбНУ, XXXI, 254) и грмол'асвам са (там же).

(5) Среди других рабочих понятий, которыми мы здесь пользуемся, часто упоминается переразложение заимствованных из греческого глагольных (сигматических) основ, более подробно описанное нами в другой работе⁶. Переразложение констатируется в случаях, когда анлаут или ауслат заимствованной основы переосмысляются на болгарской почве в аффиксы и получают статус морфем. Морфологическая структура заимствованной основы, где префикс-корень-суффикс являются морфемами только на синхронном срезе болгарского языка, поскольку в соответствующем греческом глаголе подобное членение невозможно, нередко предопределяет морфемный состав членов всего синонимического ряда. Так н.-греч. аористная основа⁷ σφραῖσ- (к н.-греч.

⁶ Т.Б. Менская я. Переразложение заимствованных основ. "Советское славяноведение", 1974, № 4.

⁷ Под аористной или сигматической основой греческих глаголов мы подразумеваем не основу аориста, а основу, служащую для образования ряда временных форм, в том числе и форм будущего времени, фактически это сигматическая основа аориста без приращения.

бврiаџо 'събарям' и сврiаџоmа медиалн. 'събарям се'), содержащаяся в переходном глаголе сур'асвам (Ихт - БД, 3) и возвратном дор'асува се (Смк - БД, 3), подверглась переразложению на болгарской почве с выделением новых аффиксов, доказательством чего может служить наличие, помимо префиксированной основы с-(о/у)р'ас-, корневой основы в глаголах: ор'асвам прх. (СмП - БД, 4) и ур'асам са (Ихт - БД, 3), орл'асувам се (Смк - БД, 3) с энететическим л. В словоизменительном ряду с-(о/у)р'асвам прх. - с-(о/у)р(л)'асвам се сохраняются лексико-грамматические значения греческих парадигматических форм сврiаџо - сврiаџоmа или сврiаџо - сврiаџоmа.

В описанный синонимический ряд можно включить также переходный глагол с-)рупалясвам (НГ, V) и возвратные глаголы бутур'асвам се и лумбурд'асвам се (НГ, III).

Рассматриваемая в настоящей работе глагольная лексика выделяется из общего словарного фонда болгарского языка как бытовая, повседневная лексика сниженного стиля, эмоционально ярко окрашенная, экспрессивная. Можно думать, что она распространена достаточно равномерно на всей территории болгарских говоров. Внутри данного лексического слоя в силу его широкой употребительности в экспрессивно окрашенной речи обнаруживается постоянная тенденция к образованию новых синонимов, призванных заменить утратившие свою экспрессивность слова. Мы учитываем возможность такого объяснения развитой синонимии в кругу рассматриваемых здесь лексем; для нас, однако, важнее факт постоянства морфологического состава объединенных в синонимические ряды лексем, воспроизводящих, по-видимому, морфологический состав соответствующих заимствований.

Правомочность объяснения развитой синонимии как результата лексической и морфологической адаптации заимствований можно подтвердить анализом тех случаев, когда к заимствованной лексеме образовано несколько синонимических рядов. В этих случаях заимствование сохраняет широкое или, хотя бы, более широкое, чем другие члены, семантическое поле, а синонимические ряды располагаются лучеобразно вокруг заимствования, воспроизводя каждый одно его частное значение. Так в рассмотренном синонимическом ряду, помимо с-(а/ъ)бор'асвам (о нем см. выше на стр. 6), относительно многозначен глагол с заимствованной из греческого основой с-(о/у)р'ас-, являющийся членом двух рядов синонимов со значением 'събарям' - 'събарям се' и 'загубвам, забутвам' - 'изгубвам се' (см. табл. 2 строка 7). В свою очередь многозначный член этого второго ряда синонимов кателесвам прх. и с-)кат(ê/e)л(ê/e)свам са (см. табл. 2, строка 4) восходит к н.-греч. аор. основе καταλύω или κατελύω (к н.-греч. καταλύω '... събарям; ...'). В связи с чем можно предположить, что здесь, как и в некоторых других слу-

чаях⁸, происходило взаимодействие семантики заимствований, в результате которого семантические поля нескольких заимствований частично совмещались.

Упомянутый выше ряд глаголов-синонимов со значением 'загубвам, забутвам' прх. 'изгубвам се', то есть представленных двумя - возвратной и невозвратной - формами, характеризуются наличием приставки с- и суффикса -'ас-, причем рядом с приставочными обнаруживаются бесприставочные глаголы:

Т а б л и ц а 2

'загубвам, забутвам'

'изгубвам се'

девл'асувам Смк	(1)	девл'асувам се Смк
потом'асвам потъм'асвам Клф с- потом'асвам СмП	(2)	потом'асвам се с- потом'асвам се Дпн
су(-)тун'асвѣм Крс	(3)	
кателесвам Рд	(4)	кателесвам са Рд с- кателесвам са Рд: Кор
(со-)тор'асвам СмП (съ-)тур'асоѣм Тр	(5)	(со-)тор'асвам са СмП
с- мул'асѣом Тр	(6)	
	(7)	ур'асам се Ихт

(1) С болгарским глагольным корнем находим девл'асувам прх. девл'асувам се (Смк - БД, 3),

(2) Наряду с приставочным с-потом'асвам (НГ, V; СмП - БД, 4) и да се спотум'асаш повелит. 2ед. (Дпн - СбНУ, IX, 214), обнаруживается бесприставочный глагол потом'асвам прх., потом'асвам се (НГ, IV) и потъм'асвам прх. (Клф - РР, XII, 74).

(3) Глагол сутун'асвѣм (Крс - БД, 5) 'скривам нечто; омагьосвам' принадлежит, по-видимому, описываемому ряду синонимов. Представленный здесь именной (?) корень {ср. сутунѣ ж. 'дьявольска работа, магия'}, очевидно, тот же, что и в переходном глаголе са-

⁸ В начало работы намеренно вынесены простейшие примеры для иллюстрации выдвигаемых предположений относительно процессов адаптации заимствований и применяемых методов анализа. Затем будет введен более сложный лексический материал, требующий развернутых комментариев, которые существенно затемняют общую предлагаемую схему описания.

туносвам (Ттв - СсНУ, XXXI, 338), сутуносва (Ттв - СбНУ, XXXI, 141) 'с хитрост и измама правя някого да направи нещо', однако, принадлежность ряду глаголов-синонимов со значением 'загубвам, забутвам' предполагает переразложение этой основы с выделением префикса. Кроме того словоформа сутун'асвѣм содержит общий для всего ряда суффикс -'ас-, нехарактерный для болгарских переходных глаголов⁹.

(4) Глаголы катѣлѣсвам (Рд: СснР - БД, 2) 'изгубвам нещо; убивам' как и кателисвам (МГ- ДопНГ) 'изкоренявам, кюптисвам' и вторично образованные от них катѣлѣсвам са (Рд: См, Ас, Мн, Дев, Пт, Дв, Сц - БД, 2) и приставочный с-кателѣсвам са (Рд: Кор - БД, 5) содержат аор. основу катаλѣσ = или кателѣσ = (к н.-греч. переходному глаголу καταλѣω 'разлагаю; западам, спираю; премахваю, унищожавам, отнемам')¹⁰. Эта заимствованная сигматическая основа трансформирована посредством замены ауслата #ѣб- (или #ис-) суффиксом -'ас-, общим для описываемого синонимического ряда.

(5) Выделение корня в лексемах сотор'асвам прх., сотор'асвам са (Смп - БД, 4) и сѣтур'асоѣм (Тр - БД, 4) достаточно сложно; представляется, однако, вероятным, что, помимо суффикса -'ас-, здесь наличествует постоянный для данного ряда префикс с- в форме со-/сѣ-.

(6) Лексема с-мул'асоѣм (Тр - БД, 4) 'разяждам дрехи (за молец); скривам нещо' (ср. смол'асвам (НГ, v; БТР) 'изяждам (за молец)')¹ представляет собой пример семантически немотивированного сдвига значения на основе внешнего сходства лексемы с другими членами синонимического ряда, в данном случае - на основе выделения в с-мул'асоѣм префикса с- и суффикса -'ас-,

Приведем ряд глаголов-синонимов со значением 'отпадаю от преумора, преуморяю се', где количество членов невелико:

⁹ В болгарском языке продуктивна модель словообразования отменных непереходных глаголов на -'ас-.

¹⁰ М. Филипова-Байрова (см. М. Ф и л и п о в а - Б а й р о в а. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969, стр. 103) указывает на этот н.-греч. глагол как на общий источник заимствования приведенных переходных глаголов, а также и распространенных непереходных глаголов катал'асвам, катайасвам и т.д.; возвратные и приставочный глаголы автором не приводятся. Нам, однако, представляется, что непереходные болгарские глаголы с заимствованной основой катайас- и др. восходят к н.-греч. непереходному глаголу (ката)λѣω, причем употребительна также страдательная форма (ката)λѣομαι и т.д., см. ниже, стр. 15.

(1б) пре-курасвам < (1а)* (ката/кате)-курасвам
(2) при-лънгасвам
(3а)* (ката/кате)-васвам > (3б) катЕ-в'асвам ¹¹
(4) (ката/катЕ)-л'асвам ¹²

(1а-1б) некоторые факты свидетельствуют о том, что в условиях греко-болгарского двуязычия морфологическая адаптация греческих глаголов имела вид не только переразложения, в общих чертах описанного выше, но также частичного или полного калькирования, при котором морфемное членение основ в процессе заимствования не нарушалось. Мы предполагаем, что в результате частичного калькирования греческого приставочного глагола появилась, например, словоформа пре-курасвам (Стрдж - БД, 1) 'преуморяю се, премаляю от работа'. Эта словоформа содержит корень κουράσ- - аор. основа к н.-греч. κουράσω 'изморяю, отегчаю' (> корасвам (Стрдж - БД, 1) 'удряю')¹³. Однако грамматическое (непереходность) и лексическое значения лексемы прекурасвам указывают скорее, на приставочный медиальный глагол (пара/ката)-κουρά-σονται 'преуморяю се' как на источник заимствования. Если это предположение верно, то болг. приставка пре- калькирует греческую приставку пара- или ката-¹⁴.

(2) В качестве синонима пре-курасвам отмечается глагол при-лънгасвам (Елн - БД, 2) 'изморяю се до смърт', содержащий ту же приставку с характерной для балканских говоров редукцией безударного гласного е > и. Заметим, что неясного происхождения корень -лънгас- содержит также омофоничный ауслат #ас-, как, впрочем, и другой член данного синонимического ряда * (ката/кате)-васвам.

(3а-3б) Гипотетическая форма * (ката-кате)-васвам восстанавливается нами в качестве промежуточного звена между н.-греч. аор. основой (ката/кате)-βάσ- к н.-греч. καταβαίνω, κατεβαίνω 'слизаю, падам'¹⁵ и морфологически адаптированного заимствованием катев'ас-

¹¹ катЕв'асвам зд. вместо катев'асвам, кативясвам.

¹² (ката/катЕ)л'асвам зд. вм. катал'асвам, кътъл'асѣм, катал'асвам и т.д., см. ниже стр. 328, пункт (4).

¹³ Этимологию для корасвам см. М. Ф и л и п о в а - Б а й р о в а, Указ. соч., стр. 110.

¹⁴ У нас нет, однако, достаточных оснований полностью отрицать возможность прямого развития н.-греч. пара- > болг. пре-.

¹⁵ Этимологию см. М. Ф и л и п о в а - Б а й р о в а, Указ. соч., стр. 103

вам, кативясвам, где ауслуат #ас- заменен болгарским суффиксом переходных глаголов -'ас-. В табл.3 словоформа катЕ-в'асвам вм. катев'асвам (Ттв-СбНУ, XXXI, 283) и кативясвам (МГ-Доп.НГ) 'отпадам от преумора'.

(4) Словоформа (ката/катЕ)-л'асвам включена в табл.3 вм. глаголов: катал'асвам (Доп. НГ: БТР), катал'асвам (Стрдж - БД, 1), кътъл'асвъм (СтС - БД, 3; Тр - БД, 4; ЗЛЕ - ЕЛ, 1960, 139; ЕНК - БД, 5), катай'асвам (ТрП - БД, 6), кател'асвам (МГ - Доп.НГ), катыл'асвам (НГ, 11; СМП - БД, 4; БТР). В этих болгарских глаголах содержится, по нашему мнению, аор.основа (ката-/кате-)λύσ- к н.-греч. (ката)-λύω 'обессиливать; валиться, падать с ног'¹⁶ ср. МЛЕГ-4412 - λύω 11) ср.-греч., н.греч. и демот. (о теле или о частях тела) 'ослабевать, становиться бессильным и т.д.'; || также в страд. в значении 'становиться слабым, бессильным'; также демот. в выражении λύω τα γόνατα и λύονται τα γόνατα 'подкашиваются колени'. Болгарский суффикс переходных глаголов -'ас-, заменивший исход н.-греч. аор. основы служит формантом грамматического значения н.-греч. (ката)-λύω непрх. или (ката)λύομαι.

Таким образом в ряду глаголов-синонимов за значением 'отпадам от преумора, преуморявам се' отмечается не только относительная стабильность морфемного состава глаголов [ср. наличие болг. приставки пре-/при-; суффикса -'ас-; греческой приставки ката-/кате-, а также омофоничность ауслуата соответствующих заимствованных основ], но и сложное взаимодействие семантики самих заимствований [ср. синонимизацию на болгарской почве н.греч. καταβαίνω, кате-βαίνω 'слизам, падам' и (ката)λύω непрх., καταλυομαι], сопровождаемое трансформацией их формы ср. подстановку болг. суффикса -'ас- в ауслуат основ (ката/кате)-βάσ- и (ката/кате)-λύс-. С другой стороны, самая форма глагола (наличие, в частности, суффикса -'ас-) предопределяет развитие его семантики. Так глаголы с заимствованной и адаптированной основой катал'ас-, как, впрочем, и *катев'ас- > кативес-, обнаруживаются в другом ряду глаголов-синонимов со значением 'замрзвам, изстивам'.

Многие члены этого ряда глаголов реализуют продуктивную модель болгарского отыменного словообразования на -'ас-, причем производный глагол имеет значение 'приобретать качества того, что названо мотивирующим существительным'. Таковы глаголы дървин'асвъм (КрС - БД, 5); кур'асвъм (КрС - БД, 5) 'добивам кора; изстивам силно'; кукъл'асвъм (КрС - БД, 5) 'ставам на кокал; изстивам' и кокал'есвам са (Рд: Дб - БД, 2); а также чикуресувум (Ккш - БД, 3) 'вль-

¹⁶ Ср. выше (стр. 326 и сноски 2) кател'есвам прх., кател'есвам са и др.

вявам се от студ, замрзвам' < *чикур'асвам к чикор'пън'; с глагольными корнями находим кучин'асвъм (СтС - БД, 3; Тр - БД, 4; БтП - БД, 5) и приставочный с-коч'ан'асвам се (НГ, V); с именными корнями и неясной словообразовательной моделью ветерясам (Рэл - СбНУ, XLVIII, 431), карчин'асвам (Рд: Бат - БД, 5) и кърчин'асоъм (Тр - Бд, 4), а также с неясным корнем в-кукурд'асам (Кпр - РР, XII, 13). В этом ряду находим также заимствование пап'есвам (Рд: Слв, Вв, Кт, Тик - БД, 2) 'вледенявам се; простужавам се' < аор.осн. -παγιάσ-, как в н.-греч. приставочном глаголе ξε-παγιάσω (МЛЕГ) 'ощущать чрезвычайный холод из-за замерзших конечностей'. В значении 'замрзвам' отмечается глагол с заимствованной из греческого основой кати-в'есвам (Рд: Рк - БД, 5) < *катив'асвам, поскольку маловероятно прямое развитие н.-греч. катевас- кативес-, и каталясувам се (Рэл - СбНУ, XLVIII, 462) 'втвърдявам се (от студ)'. Думается, что определяющим в синонимизации пап'есвам (а также дървин'асвъм, кур'асвъм, кукъл'асвъм и др.), с одной стороны, и кат'ев'есвам < *катев'асвам, каталясувам се, с другой, была частичная омонимность данных словоформ, поддержанная, очевидно, и принципиальной возможностью соответствующих семантических сдвигов.

Приведем ряд глаголов-синонимов со значением 'изгладнявам много, припадам от глад', общий морфологический показатель членов этого ряда - наличие суффикса -'ас-:

(1) глагол ганясвам (ДбЧп - Доп.НГ) 'изгладнявам много, умирам, катилясвам от глад за нещо' содержит заимствованную аор. основу γανιάσ- к н.-греч. γανιάσω 'зеленясвам; обложвам се, изсъхвам (за езикът); ожаднявам много'¹⁷. Значение других глаголов с этой основой: ганясвам '(за кучка) опложда се' (цитировано по указ. книге М.Филиповой-Байровой); гън'асъм (СчГм - БД, 6) 'мухлясъм' - прямо не выводится из греческого источника заимствования. Да и самый сдвиг значения: н.-греч. γανιάσω 'ожаднявам много' > болг. ганясвам 'изгладнявам много' предполагает смешение на болгарской почве двух значений;

(2) кътъл'асвъм (КрС - БД, 5) 'припадам за вода и ядене'. Этот глагол, содержащий заимствованную и адаптированную посредством болгарского суффикса -'ас- основу, является членом и других синонимических рядов, описанных выше, см. стр.12, 14-16.

(3) глагол * планд'асвам, восстанавливаемый по пландясал прич. (ВрК - РР, XIII, 191) 'неудержимо гладен, петимен' содержит адаптированную посредством суффикса -'ас- заимствованную аор. основу

¹⁷ Этимологию см.: М.Ф и л и п о в а - Б а й р о в а. Указ.соч., стр.81.

πλαυτάζ- к н.-греч. πλαυτάζω 'чувствую сильно притеснение, пукаю се' > болг. пльндаксам (Стрдж - БД, 1) 'припадаю, прилошава ми от задух, от жажда'¹⁸. Помимо морфологических изменений - замены ауслаута болгарским суффиксом - член описываемого синонимического ряда планд'асвам, пландясал обнаруживает, таким образом, значительный семантический сдвиг по сравнению с греческим глаголом, как, впрочем, и другое заимствование с этой основой планд'есвам < *планд'асвам (Бтв - БД, 1) 'побужаю, слободясам';

(4) триг'асвам (Крс - БД, 5) 'охлаждаю' - глагол содержит адаптированную посредством болгарского суффикса -'ас- аор.основу τρυγίσο- к н.-греч. τρυγίσο 'хватаю вином камък' | > болг. триг'асвам, терг'асвам тирг'асвам (НГ, V; сев.-вост.Болгария; ЕНК - БД, 5) 'хватаю вином камък'. В качестве члена описываемого синонимического ряда глагол триг'асвам обнаруживает значительный семантический сдвиг;

(5) неясного происхождения лексема цив'асвам (ДбС - БД, 2) 'глажду, изтезавам се' так же содержит общий для рассматриваемого синонимического ряда морфологический показатель -'ас-;

(6) частичным синонимом приведенных глаголов является, возможно, и глагол петим'асвам (ТрП - БД, 6) 'сильно мечтаю за никакъв вид храна', который содержит адаптированную посредством болгарского суффикса -'ас- аор.основу πετιμήσο к н.-греч. πετιμήσο.

Переходя к описанию ряда глаголов-синонимов со значением 'сильно ожадняю, припадаю, умираю за вода', укажем на совмещение в некоторых глаголах данного значения со значением 'изгладняю много, припадаю за храна', отмеченное выше для глаголов (1) ганясвам и н.-греч. γανιάζω, (2) кътъл'асвъм, (3) *планд'асвам, пльндаксам. Общим морфологическим показателем глаголов со значением 'ожадняю много' также является суффикс -'ас-;

(1) принимая во внимание специфические условия двуязычия, можно ввести в качестве полноправного члена данного ряда н.-греч. глагол γανιάζω 'зеленясам; обложам се, изсъхам (за езикът), ожадняю много', ср. выше стр.329, (1);

(2) кътъл'асувъм (ЕНК - БД, 5) 'капвам от умора; за сън, за вода', кътъл'асвъм (Крс - БД, 5) 'припадаю за вода или ядене', кати'асвам (СМП - БД, 4) 'преуморен съм, припадаю от умора и жажда' - глагол, входящий в состав всех описанных выше синонимических рядов, см. стр.326, 328-329;

(3) с именным (болгарским) корнем находим в значении 'сильно преждняю' жаб'асвам (Ихт - БД, 3; Бтв - БД, 1; ТрП - БД, 6), жб'асвъм (ЕЛН - БД, 2; Тр - БД, 4; ВТ - СбНУ, XIV, 220; Крс - БД,

5; БрП - БД, 5), жб'асвам (ЧшПл - БД, 1; Вт - СбНУ, XIV, 220), жеб'асвъм (ЕНК - БД, 5);

(4) в значении 'умираю за вода' находим отыменное образование на -'ас- к болг. крячен, крячан и т.д. - крячен'асвам (Врц - СбНУ, XIV, 203), причем чрезвычайно распространенный глагол крячен'асвам, крячен'асвам и т.д. в других случаях отмечен в значении 'простужаю се, измръзваю, разболяю се поради простуда'. Можно в связи с этим констатировать для лексемы крячен'асвам 'умираю за вода' немотивированный сдвиг значения (и включение в рассматриваемый синонимический ряд) в результате частичного формального совпадения (наличие суффикса -'ас-) с другими членами ряда, хотя возможно, что расширение значения крячен'асвам (крячен'асвам, крячен'асвам и т.д.) явилось следствием синонимизации этого глагола с болг. ката/кате)л'асвам 'припадаю от умора, припадаю за храна, за вода' но также и каталясвам се 'втверждаю се (от студ)' - см. выше стр.16.

Подытоживая проведенный выше анализ, мы можем сказать, что предлагаемое описание процессов лексической адаптации одного заимствования катал'асвам непрх.; кател'есвам прх. (с-) кател'есвам са путем выявления (шести) синонимических рядов, образованных к данному заимствованию, потребовало привлечения достаточно большого лексического материала. Результаты анализа обобщены в табл.4, причем, поскольку для синонимических рядов, описанных в табл. 1 и 2, была констатирована регулярность словоизменения их членов по парадигме переходный глагол без се-непереходный глагол на се, здесь приводятся лишь возвратные (непереходные) глаголы, за счет чего снимается несоответствие грамматических значений глаголов первого-второго и всех остальных рядов, то есть в табл.4. представлены непереходные глаголы-синонимы к болгарским глаголам с заимствованной основой ката)л'ас -> каталис -> катал'ас -:

(слева приводятся все введенные в описание синонимических рядов глаголы; самые синонимические ряды расположены в первых шести колонках; кроме того в таблице отражены другие значения введенных в описание глаголов; в колонках таким образом регистрируются следующие значения глаголов: (1) 'събарям се' - 'сваливаться'; (2) 'изгубвам се' - 'исчезать, пропадать'; (3) 'преуморяю се' - 'переутомляться'; (4) 'припадаю от жажда' - 'падать в обморок, терять сознание от жажды'; (5) 'припадаю от глад' - 'падать в обморок, терять сознание от голода'; (6) 'измръзваю, настиваю; простужаю се' - 'замерзать, простужаться'; (7) 'въздържам се в яда си' - 'сдерживать свой гнев, злость, досаду'; (8) 'досещам се, съобразявам се' - 'догадываться'; (9) 'зеленясам' - 'покрываться зеленью' (о сосуде); (10) 'мухлясам' - 'покрываться плесенью'; (11) 'опложда се' - зд. 'шениться'; (12) 'жадувам за нещо' - 'жаждать чего-

¹⁸ Этимологию для пльндаксам см.: М.Ф и Липова - Байрова. Указ.соч., стр.143.

Таблица 4

	1	2	3	4	5	6	8	9	10	11	12	13	14	
* (с-) Абор'асвам се	+	—						+	+					
с- трОпОл'асвам се	+	—												
с- пОтур'асвам се	+	—												
с- грОмОл'асвам се	+	—												
* (с-) рупал'асвам се	+	—												
лумбурд'асвам се	+	—												
бутур'асвам се	+	—												
(с-) Ор'асвам се	+	—	+	—										
девл'асувам се		+	—											
с- потом'асвам се		+	—											
* (су-) тун'асвѣм съ		+	—											
(со-) тОр'асвам са		+	—											
* (с-) мул'асоѣм съ		+	—											
(с-) катѣлѣсвам са	(+)	+	—											
(ката/катЕ-) л'асвам			+	+	+	+								
катЕ-в'асвам			+	+	+	+								
к(Ар/ра)чин'асвам			+	+	+	+								
палѣсвам			+	+	+	+								
дървин'асвѣм			+	+	+	+								
кур'асвѣм			+	+	+	+								
* чикур'асвам			+	+	+	+								
кучин'асвам			+	+	+	+								
ветерясам			+	+	+	+								
вкукурд'асам			+	+	+	+								
ганясвам			(+)	+	+	+		+	+	+				
планд'асвам			+	+	+	+							+	
(плѣндаксвам)			+	+	+	+							+	
триг'асвам			+	+	+	+							+	
цив'асвам			+	+	+	+							+	
петим'асвам			+	+	+	+							+	
Ж(а/Е)б'асвам			+	+	+	+							+	

нибудь'; (13) 'прилошава ми от задух' - 'мне становится плохо, дурно от духоты'; (14) 'побуявам, слободясвам' - 'буйствовать отничего неделанья, от безделья'; знаком (+) отмечено в отдельных случаях значение соответствующего заимствованию греческого глагола.

Табл.4 достаточно наглядно демонстрирует следующие факты: 1. разграничение семантических полей заимствований, восходящих к одному греческому глаголу *καταλύω, καταλύομαι* (аор. основа *κατα/катЕ)-λύο-*: (с-)катѣлѣсвам са (1-2) и ката/катЕ)-л'асвам (3-4-5-6). Это разграничение поддержано также и морфологическими различиями: в первом случае непереходность выражена посредством возвратной час-

тицы, во втором - суффиксом *-'ас-*. По-видимому, н.-греч. глагол *καταλύω, καταλύομαι* (в виде аор. основы) был заимствован дважды в двух разных значениях: первое заимствование восходит к н.-греч. *καταλύω* прх., а трансформация аор. основы *καταλίσ-*, [кстати сохранившейся только в переходном глаголе *καταλίσвам* - см. выше стр.12] > *катал'ас-* была обусловлена, очевидно, позднейшим смещением на болгарской почве *καταλίσвам* прх. и *катал'асвам* непрх. Второе заимствование (*ката/катЕ)-л'асвам* непрх. восходит, по нашему мнению, к н.-греч. *(κατα)λύω* непрх., *(κατα)λύομαι*, соответствующая аор. основа была переоформлена посредством болг. суффикса непереходных глаголов *-'ас-*. Значение болг. *(ката/катЕ)-л'асвам*, а также, по-видимому, и его форма (имеется в виду наличие префикса *(ката/катЕ)-*) сложились в результате смешения данного заимствования с другим - *катЕ-в'асвам*;

2. как это видно и в табл.4, выстраиваемые нами синонимические ряды недвусмысленно подчинены семантике заимствований, в том смысле, что заимствования характеризуются более широким кругом значений, чем возникавшие вокруг них синонимы (все новообразования, например, за исключением *к(Ар/ра)чин'асвам* однозначны). Заметим, что проанализированный лексический материал был строго ограничен или собственно греческими заимствованиями, или новообразованиями, появлявшимися лишь в более поздний (относительно этих заимствований) период, после утверждения болгарских способов словообразования с заимствованными из греческого сигматическими суффиксами. Моделируемые процессы синонимизации заимствований с болгарскими (и греческими) глаголами могли быть основаны на анализе семантических полей этих заимствований и способствовали усвоению выделявшихся частных значений. Одновременно происходило, вероятно, обратное влияние некоторых членов новых синонимических рядов на адаптируемые заимствования и, соответственно, расширение круга их значений.

Эти процессы лексической адаптации представляются нам неразрывно связанными с процессами морфологической адаптации, такими как переразложение, калькирование, подмена ауслота заимствованной основы болгарскими суффиксами, морфологизация грамматических значений заимствований посредством болгарских формантов, в том числе и возвратной частицы *се*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

		Источники			
БД	- Българска диалектология, I-V, София, 1962-1971	Ихт - БД, 3	- М.Сл. Младенов. Лексиката на Ихтиманският говор. - БД, Проучвания и материали, кн.3, София, 1965.	СМП - БД, 4	- Ив.Кънчев. Говорът на с.Смолянско, Пирдопско. - БД, Проучвания и материали, т.4, София, 1968.
БрП - БД, 5	- В.Денчев. Посособени думи и изрази в говора на с.Бракиница, Поповско.- БД, Проучвания и материали, т.5, София, 1970.	Ккш - БД, 3	- Д.Н.Сакъов. Принос към кукушкия говор. - БД, Проучвания и материали, т.3, София, 1965.	Стрдж - БД, 1	- Г.Горов. Странджанският говор. - БД, Проучвания и материали, т.1, София, 1962.
Бтв - БД, 1	- С.Илчев. Към ботевградската лексика. - БД, Проучвания и материали, т.1, София, 1962.	КрС - БД, 5	- Н.Ковачев. Речник на говора на с.Кръвеник, Севлиево. - БД, Проучвания и материали, т.5, София, 1970.	СтС-БД, 3	- Н.Ив.Колев. Посособени думи в говора с.Страхилово, Свищовско. - БД, Проучвания и материали, т.3, София, 1965.
БТР	- Български тълковен речник. Съст. Л.Андрейчин, Л.Георгиев, Ст.Илчев, Н.Костов, Ив.Леков, Ст.Стойков, Цв.Тодоров, Софил, 1955.	НГ	- Н.Гергов. Речник на българския език с тълкувание речите на български и на руски, ч. I-V, Пловдив.	Тр - БД, 4	- Ст.Ковачев. Троянският говор. - БД, Проучвания и материали, т.4, София, 1968.
ДБС - БД, 2	- Л.Гълъбов. Говорът на село Доброславци, Софийско. - БД, Проучвания и материали, т.2, София.	Рд - БД, 2	- Т.Стойчев. Родопски речник. - БД, Проучвания и материали, т.2, София, 1965.	ТрП - БД, 6	- Д.Евстатиева. Лексиката на говора в с.Тръстеник, Плевенско. - БД, Проучвания и материали, т.6, София, 1971.
Доп.НГ	- Т.Панчев. Допълнение на българския речник от Н.Гергов. Пловдив, 1908.	Рд - БД, 5	- Т.Стойчев. Родопски речник. - БД, Проучвания и материали, т.5, София, 1970.	ЧшПл - БД, 1	- С.Попгеоргиев. Из лексиката на с.Чешнегирово, Пловдивско, - БД, Проучвания и материали, т.1, София, 1962.
ЕЛ	- Език и литература	РР	- Родна реч.	МЛЕГ	Λημητρακος, Μεγάλεξιμόν της ελληνικής γλώσσας, т. 1-9, Αθηναί, 1955
Елн - БД, 2	- К.Мечев. Посособени думи и изрази в еленския говор. - БД, Проучвания и материали, т.2, София, 1965.	СОНУ	- Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.	Вв	- Виев, р-н Смоляна
Енк - БД, 5	- П.Китипов. Речник на говор в с.Енина, Казанлъшко. - БД, Проучвания и материали, т.5, София, 1970.	Смк - БД, 3	- И.К.Шапкарев, Л.Близнев. Речник на самоковския градски говор. - БД, Проучвания и материали, т.3, София, 1965.	ВрК	- с.Веригово, р-н Карлово
				Врц	- Враца
				ВТ	- Велико Търново
				Дб	- с.Добралък, р-н Асеновграда
				ДбС	- с.Доброславци, р-н София
				ДбЧ	- с.Добралък, р-н Чепеларе
				Дв	- с.Давидково, р-н Арды
				Дев	- р-н Левина
				Длн	- Душища, Станке Димитров
				Елн	- Елена
				ЕлК	- с.Енина, р-н Казанлъка
				ЭлЕ	- с.Златарица, р-н Елены
				Ихт	- Ихтиман
				Ккш	- Кукуш
				Клф	- Калофер
				Кор	- с.Корово, р-н Велинграда
				Кпр	- Копривштица
				КрС	- с.Кръвеник, р-н Севлиево
				Кт	- с.Кутела, р-н Смоляна
				Мн	- р-н Мадана
				МГ	- Малко Търново
				Прц	- с.Перуштица, р-н Пловдива
				Пт	- с.Петково, р-н Арды
				Рд	- Родопы
				Рзл	- Разлог
				Рк	- с.Ракитово, р-н Велинграда
				Слв	- с.Славейно, р-н Смоляна
				См	- р-н Смоляна
				Смк	- Самоков
				СмнР	- р-н Смиляна: Смилян, Могилница, Кошнища, Арда
				СМП	- с.Смолянско, р-н Пирдопа
				Стрлж	- Странджа
				СтС	- с.Страхилово, р-н Свиштова
				Ст	- с.Стърница, р-н Арды
				СчГм	- с.Съчанли, р-н Гюмюрджини
				Тик	- с.Тикале, р-н Смоляна
				Тр	- Троян
				ТрП	- с.Тръстеник, р-н Плевена
				Ттв	- Тетевен
				ЧшПл	- с.Чешногирово, р-н Пловдива
				Ар	- р-н Арды
				Ас	- р-н Асеновграда
				БрП	- с.Бракиница, р-н Попово
				Бтв	- Ботевград
				Населенные пункты и районы	

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.	3
О.Г. Ревзина. Основные черты структуры грамматической категории рода.	4
А.В. Бондарко. К интерпретации одушевленности-неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка).	25
М.И. Ермакова. Сопоставительное описание систем согласовательных классов и морфологическая классификация существительных в современном серболоужицком языке	40
Л.И. Масленикова. Некоторые вопросы классификации именных парадигм (на материале польского говора, сформировавшегося в условиях двуязычия).	
С.М. Толстая. Морфонологические типы субстантивных парадигм в польском языке	85
Г.Н. Нешименко. О регуляторах комбинаторики деривационных морфем (на материале чешского литературного языка).	114
Н.И. Толстой. К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прилагательных	148
Т.В. Цивьян. Морфо-синтаксические функции новогреческого артикля в аспекте грамматики балканского языкового союза.	167
К.И. Логачев. О морфемном статусе некоторых "слов" и "словоформ" в новогреческом языке	203
Вяч.Вс.Иванов. К типологии инфинитива в балканских языках	216
Т.В. Попова. Морфонологическая характеристика глагольного словоизменения в юго-восточном болгарском говоре.	231
Г.К. Венедиктов. Об одном редком явлении в системе глагольного вида в болгарском литературном языке	283
М.Г. Рожновская. Временная парадигма глаголов с <u>се</u> страдательного значения	302
Т.Б. Менская. Некоторые аспекты лексической и морфологической адаптации греческих глагольных заимствований в болгарском языке	319

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор издательства Т.М. Скрилова. Художественный редактор Т.П. Поленова
Технический редактор Г.В. Лазарева

Подписано к печати 20/У-76 г. Усл. печ. л 21. Уч.-изд.л. 23
формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Тираж 1650 экз. Тип. зак. 1363
Цена 1 р. 68 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсоосенский пер., 21
1-я типография издательства "Наука", 199034. Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

№ 587.

◆ СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ◆